

Б. Г. ГАФУРОВ

ТАДЖИКИ

ДРЕВНЕЙШАЯ, ДРЕВНЯЯ
И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

Издание второе

ДУШАНБЕ
«ИРФОН»
1989

ПРЕДИСЛОВИЕ

Таджикский народ входит в великое содружество социалистических наций, образующих Союз Советских Социалистических Республик. Вместе со своим старшим братом, русским народом, вместе со всеми другими братскими народами таджикский народ под руководством КПСС уверенной поступью идет к коммунизму.

Уже в отдаленные времена народы СССР связывали тесные узы дружбы и сотрудничества, их сплачивала совместная борьба против угнетателей и завоевателей. Это в полной мере относится к узбекам, таджикам, туркменам, киргизам, казахам, каракалпакам и другим народам среднеазиатских республик.

Исследование истории таджикского народа помогает понять истоки традиционных связей среднеазиатских народов. Особенно тесно связаны таджики и узбеки — народы, сложившиеся на общей этнической основе. Культурные сокровища таджикского народа были достоянием узбеков, равно как достижения узбекской культуры широко усваивались таджиками; характер материальной культуры, обычаи, народное искусство — все это родственно, порой неразличимо. Древнейшая, древняя, а во многом и средневековая история этих народов очень близка, а нередко и идентична, причем развивалась она на одной и той же территории. Тем не менее сложились два народа, ставшие теперь таджикской и узбекской социалистическими нациями.

Вот почему изучение истории таджиков, их самобытного вклада в общую сокровищницу человеческой культуры нераз-

ривно связано с изучением истории всех народов Средней Азии, с выявлением того, что их объединяло. На основе подобного изучения могут и должны быть раскрыты глубокие исторические корни братского сотрудничества среднеазиатских народов.

Разумеется, история таджиков, как и всех среднеазиатских народов, связана с историей многих народов зарубежного Востока, прежде всего Индии, Пакистана, Афганистана, Ирана, арабских стран и ряда других. Мы, советские историки, высоко ценим исторически сложившиеся связи между народами Средней Азии и зарубежного Востока, объединяющие их в борьбе за мир и социальный прогресс.

В трудах буржуазных ученых прошлое народов Востока, в том числе таджиков, предстает как бесконечная вереница войн и дворцовых переворотов, перемежающаяся рассказами о царях, правителях, военачальниках; эпизодически в ткань повествования вводятся факты истории культуры. Историческая закономерность при этом или вообще отвергается или трактуется с идеалистических позиций.

Весь огромный материал по истории Средней Азии показывает тщетность усилий ряда буржуазных историков-эмигрантов представить историю среднеазиатских народов как лишенную классовых противоречий и классовой борьбы, рассматривать ее лишь как арену столкновений различных этнических образований и рас. Выдвигаются спекулятивные «теории» о преобладании тех или иных «чистых» рас, причем расы, вопреки всем данным науки, отождествляются с теми или иными народами. При этом игнорируется, что узбеки и таджики относятся к одному и тому же расовому типу — памиро-ферганскому. Попытки объяснить с расовых позиций историю Средней Азии (как, впрочем, и других стран) вредны и с научной точки зрения абсолютно несостоятельны.

Истинно научная трактовка явлений социальной, экономической, политической и культурной жизни разных народов возможна лишь в свете марксистско-ленинского учения об истории общества. Механизм общественного развития был гениально вскрыт К. Марксом: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей опреде-

ляет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке»¹. Исходя из определяющей роли базиса, этой сложной совокупности производственных отношений на том или ином этапе исторического развития, марксистско-ленинская наука раскрывает также законы взаимодействия базиса и надстройки, активную роль надстройки и соответствующих ей определенных форм общественного сознания, духовной и материальной культуры. Лучшие духовные и материальные культурные ценности, созданные за тысячелетия общественно-исторической практики человечества, плоды материальной, научной и художественной деятельности человечества, передовые знания, прогрессивные теории и формы творческого мышления, т. е. культурное наследие в самом широком общесоциологическом значении этого понятия остаются мощным средством коренного преобразования современного общества. Вот почему, обращаясь к практическому изучению и переосмыслению богатейшего исторического прошлого народов, мы как бы черпаем все новые и новые духовные силы в интересах подлинного социального прогресса и формирования гармоничной коммунистической личности.

Как известно, в качестве движущей силы исторического развития антагонистического общества выступает классовая борьба. Народные волнения и восстания то и дело сотрясали среднеазиатское общество. К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов»². Для историков исключительно важно указание В. И. Ленина, что в «кажущемся лабиринте и хаосе» марксизм дал руководящую нить, позволяющую выявить закономерность, эта нить — теория классовой борьбы³. Именно с этих позиций ведет изучение прошлого таджикского народа и других народов Средней Азии советская историческая наука.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 6—7.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 424.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 58.

Уже в 20-е годы появилось немало исследований по отдельным вопросам культурной и политической истории Средней Азии. Именно тогда были созданы очерки великого отечественного востоковеда В. В. Бартольда по истории таджиков, киргизов, туркмен, его обобщающая «История культурной жизни Туркестана», замечательные исторические и историко-литературоведческие труды основоположника таджикской советской литературы С. Айни, исследования А. А. Семенова и М. С. Андреева.

В 30-е годы марксистская методология в исторических исследованиях становится ведущей. Начинается пересмотр накопленного ранее наукой материала с позиций исторического материализма (здесь особенно значительную роль сыграл А. Ю. Якубовский), выявляются новые источники, на территории Таджикистана разворачивается работа первых археологических экспедиций.

Послевоенные годы принесли лавинообразное увеличение количества исторических источников самого разнообразного характера: древних архивов, средневековых актов, нумизматических, археологических, палеоантропологических, лингвистических и других материалов. Это позволило значительно углубить характер исследований, полнее проследить важнейшие закономерности исторического процесса. Наряду с изучением отдельных вопросов и проблем истории перешли к созданию монографических и сводных трудов.

В 1947 г. автором была издана обобщающая «История таджикского народа в кратком изложении». Вначале она была опубликована на таджикском языке (в 1947 г.), а затем трижды (последний раз в 1955 г.) издавалась на русском языке, причем каждый раз вносились некоторые уточнения и дополнения. Хронологические рамки этой работы — с древнейших времен до 1917 г., в ней на основе марксистского анализа дается сжатое изложение исторического развития таджикского народа. В создании и редактировании коллективной трехтомной (в пяти книгах) «Истории таджикского народа» (М., 1963—1965), изданной Академией наук Таджикской ССР, автору довелось принимать непосредственное участие. В последующие годы автор продолжал работу над проблемами истории и культуры таджикского народа, был накоплен обильный материал, требующий систематизации, анализа и обобщения.

В предлагаемом вниманию читателя труде «Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история» охвачен период со времени появления на территории Средней Азии первых человеческих общин и до рубежа нового времени (середина XVIII в.).

Книга состоит из пяти разделов. Первый раздел посвящен характеристике первобытнообщинного строя на территории

Средней Азии. Во втором разделе освещается жизнь различных племен и народностей — предков таджиков — в эпоху развития рабовладельческих отношений. В третьем разделе рассматриваются исторические судьбы Средней Азии в период возникновения феодальных отношений. Затем следует четвертый раздел — «Средняя Азия в период развития и утверждения феодального строя» и, наконец, пятый, посвященный периоду развитого феодализма в Средней Азии. К книге прилагается краткая историографическая справка, список цитированных источников и литературы, указатели. Литература и источники в сносках приведены сокращенно, они раскрыты в списке цитированных источников и литературы в конце книги.

Автор безусловно не стремился к энциклопедическому освещению всех без исключения проблем истории таджикского народа. Замысел состоял в том, чтобы соединить историческую канву с исследованием важнейших, наиболее сложных и нередко дискуссионных проблем. Изложение истории и культуры таджикского народа ведется на фоне истории и культуры всех населявших Среднюю Азию народов как интегральной части общей истории (и культуры) среднеазиатских народов.

В изучении древнейшей, древней и раннесредневековой истории таджиков многое находится еще в процессе становления, а приток новых материалов исключительно велик. Здесь часто невозможно окончательное решение вопроса, и поэтому наряду с прагматическим изложением фактов в книге рассматриваются гипотезы советских и зарубежных коллег, формулируются наблюдения и точка зрения автора. Естественно, это потребовало подробного изложения; приведены ссылки на источники и соответствующие исторические, археологические, нумизматические, лингвистические, эпиграфические, литературоведческие публикации и исследования.

В четвертом и пятом разделах книги, где излагается материал, уже достаточно полно освещенный в литературе, мы старались по мере возможности избежать повторения уже сделанного предшественниками. Так, это касается глав по средневековью, политическая и отчасти культурная история которого достаточно детально разработана трудами нескольких поколений русских и советских востоковедов (прежде всего, конечно, В. В. Бартольда, А. Ю. Якубовского, А. А. Семенова, Е. Э. Бертельса, П. П. Иванова и др.). Поэтому и ссылочный аппарат носит здесь иной, более суммарный характер.

Отметим некоторые проблемы, анализирующиеся в книге: уровень развития культуры и экономики Средней Азии в эпоху бронзового века и связи с племенами Индостана, Ирана и других стран; арийская проблема и этно-лингвистический субстрат древних племен и народов Средней Азии, Северного Индостана, Афганистана, Ирана и евразийских степей; возникновение и

развитие классового общества; происхождение и эволюция зоорастризма, среднеазиатско-иранско-индийско-эллинстический культурный синтез; происхождение, проблемы хронологии и культуры кушан. Специальная глава посвящена социально-экономическому строю древней Средней Азии, где наряду с историкографическим освещением этой сложнейшей проблемы дается анализ всех имеющихся материалов, часть из которых привлекается в этой связи впервые.

Детальнейшим образом исследуются история и культура раннесредневекового Тохаристана и Согда; устанавливается, что возникновение и развитие феодальных отношений привело к прогрессивным изменениям в жизни общества: росту производительных сил и необычайному взлету художественной культуры. Бесспорно, что в кушанскую, раннесредневековую и последующие эпохи Средняя Азия являлась одним из важнейших культурных центров Востока.

В главах, посвященных утверждению и развитию феодальных отношений, внимание сосредоточено на том новом, что советская наука на протяжении последних двух десятилетий внесла в эту область. Имеется в виду прежде всего исследование развития производительных сил и производственных отношений, экономической жизни в ее закономерностях и конкретных проявлениях.

Основной упор в книге сделан на выявление специфики каждого периода, на прослеживание динамики отдельных социально-экономических институтов. Автором использованы данные тех дисциплин и источников (главным образом актовых и нумизматических; в их разработке и марксистской интерпретации особенно велики заслуги О. Д. Чехович и Е. А. Давидович), которые раньше мало или совсем не привлекались как для воссоздания общен исторической картины, так и для характеристики развития общества средневековой Средней Азии. Средневековая культура таджикского народа освещается сжато, но во всех ее аспектах: литература, наука, искусство, архитектура, материальная культура. Приводятся некоторые факты из культурной жизни других народов Средней Азии.

В книге уделяется внимание этногенетическим процессам. Автор стремился сконцентрировать и проанализировать все известные современной науке данные письменных источников, лингвистики, палеоантропологии и антропологии, этнографии, литературоведения для выявления путей сложения таджикского народа. Специальный параграф посвящен также сложению узбекского народа — здесь, как, впрочем, и в других разделах книги, широко использовались результаты исследований узбекских коллег, убедительно показавших древние истоки узбекского этногенеза, высокий уровень и самобытность культуры узбекского народа.

В монографии в определенной степени расширена существовавшая в нашей научной литературе, в том числе в трудах самого автора, трактовка последствий включения Средней Азии в состав Ахеменидской державы, греко-македонской империи, Арабского халифата. Известны две трактовки: первая — собственное буржуазной науке безудержное восхваление завоевателей и прямое или косвенное принижение уровня культуры народов Средней Азии; вторая — освещение, распространенное в советской литературе, где акцент справедливо делается на свободолюбивой борьбе племен и народов Средней Азии против завоевателей и показе самобытности и высокого уровня местной среднеазиатской культуры. Но борьба с буржуазными концепциями и противопоставление им марксистской трактовки проводились лишь в одной части проблемы, главным образом в отношении политических событий. При этом социально-экономические последствия исследовались недостаточно, оставались в тени или освещались часто исключительно в негативном плане. Автор пытается дополнить соответствующую группу вопросов материалами об экономических и историко-культурных связях и взаимовлияниях народов, о культурном синтезе.

Именно посредством развития производства и культуры, обмена достижениями, знаниями, практическим опытом развивалось человечество. Совместная борьба народов, в процессе которой складывались дружба и братство, противостояла разрушительным деяниям полчищ, возглавляемых такими завоевателями, как Александр Македонский, Чингиз-хан, Тимур и др. Сотрудничество в борьбе за социальный прогресс, мирные торгово-экономические связи способствовали развитию культурного синтеза. Упомянем эллинистическое искусство, искусство Гандхары, соединившее в себе все лучшее, что создали в те времена Индия, Средняя Азия, Парфия и Греция; арабоязычную литературу с ее международным энциклопедизмом. Взаимное обогащение культур, тесные контакты приводили к выработке общих культурных ценностей, но в то же время сохранялись местные традиции, своеобразные черты и особенности культуры народов, в том числе населения древнего и средневекового Таджикистана и народов Средней Азии в целом — создателей замечательных и высокоразвитых культур.

К книге прилагаются исторические карты, заимствованные из «Истории таджикского народа» (т. I—II. М., 1963—1964). Иллюстрации любезно предоставлены Государственным Эрмитажем, Институтом искусствознания Узбекской ССР, Институтом истории им. А. Дониша Академии наук Таджикской ССР, Британским музеем, Французской археологической миссией в Афганистане и другими советскими и зарубежными научными учреждениями и отдельными учеными.

Работа была завершена в 1970 г., поэтому в ней в основном использованы те источники и исследования, которые были доступны автору до конца 1969 — начала 1970 г.; более поздние — использованы частично, в процессе корректуры.

Автор искренне благодарен всем, кто помогал советами, замечаниями, дополнениями, критикой, особенно А. Е. Бертельсу, И. С. Брагинскому, Э. А. Грантовскому, Е. А. Давидович, А. М. Мирзоеву, И. М. Оранскому, В. А. Ранову, В. А. Ромодину и, конечно, редактору этой книги Б. А. Литвинскому.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ПЕРВОБЫТНО- ОБЩИНСКИЙ СТРОЙ И ЕГО РАЗЛОЖЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

ПЕРВОБЫТНЫЕ ОБЩИНЫ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

1. ПАЛЕОЛИТ. ДОРОДОВОЙ СТРОЙ. ВОЗНИКНОВЕНИЕ РОДОВОЙ ОБЩИНЫ

Памятники нижнего палеолита

Очень трудно сказать, когда появились первые люди на территории Средней Азии, так как самые древние следы их жизни могли не сохраниться. Некоторые ученые полагают, что Средняя Азия могла входить в зону очеловечивания обезьяны¹, и хотя это мнение не может считаться общепринятым, тем не менее нельзя исключить возможность находок на этой территории самых древних остатков жизни человека.

В 1953 г. А. П. Окладников на р. Он-Арча вблизи р. Нарына в Киргизии в галечной стене древней среднеплейстоценовой террасы нашел массивную, обработанную человеком гальку, один край которой представляет собой длинное, слегка дугообразное выпуклое лезвие, оформленное широкими сколами. Подобные инструменты известны в археологической литературе как галечные орудия — чопперы². Это была первая находка такого рода в Средней Азии. В течение последующих лет в различных местах Средней Азии было выявлено 10 отдельных пунктов с находками этого рода³. Такие галечные орудия хорошо известны во многих частях Старого Света и характеризуют древнейшую из известных человеческих культур — галечную культуру⁴.

Типологический анализ показывает, что галечные орудия Средней Азии находят близкие аналогии в так называемой соанской палеолитической культуре Индии⁵. Это говорит об общности исторических путей этих стран в эпоху нижнего палеоли-

¹ Нестурх М. Ф., 1964.

² Окладников А. П., 1966 б, стр. 19.

³ Ранов В. А., 1966.

⁴ См., например, Movius H. L., 1944; Leakey L. S. B., 1951 и др.

⁵ Ранов В. А., 1964 а.

та. Геологические данные показывают, что носители галечной культуры жили в эпоху первого межледникового и следующего за ним рисского оледенения, т. е. в эпоху среднего плейстоцена, более чем 200 тыс. лет назад. В это время существовали такие животные, как древние формы слонов, ископаемая лошадь, ранняя форма мамонта, длиннорогий бизон, различные виды носорогов. Судя по всему, население в то время было очень редким.

Орудия другого типа — ручные рубила, очень характерные для нижнего палеолита Европы, встречены лишь на западе страны — в Туркмении.

Памятники среднего палеолита

Наиболее богато представлен в Средней Азии следующий этап жизни первобытного человека — средний палеолит. Это время расцвета мустьерской культуры, время существования неандертальцев, из которых на рубеже среднего и верхнего палеолита формируются люди современного типа.

Производительные силы общества начали изменяться быстрее, чем в эпоху нижнего палеолита: скорее совершенствовалась техника изготовления орудий, менялась их форма, разнообразнее становились функции. Люди научились не только поддерживать, но и добывать огонь. Новейшие статистические методы позволяют выявить в различных районах, в том числе и в Средней Азии, ряд локальных культур среднего каменного века, которые, может быть, отражают существование каких-то крупных общественных объединений.

Мустьерские пещеры и открытые поселения обнаружены во многих местах Средней Азии, как в равнинной ее части, так и в горах.

В Туркмении — это находки на Красноводском полуострове и в Центральном Копетдаге, в Узбекистане — пещерные стоянки под Ташкентом и Самаркандом. В Таджикистане — многочисленные открытые стоянки в Западной Фергане, в районе Ура-Тюбе, в Гиссарской и Вахшской долинах, в районе Дангары. В последние годы следы мустьерской культуры найдены и в Северной Киргизии.

Широкую известность как в СССР, так и за границей получил грот Тешик-Таш⁶. Он расположен недалеко от г. Термеза в долине р. Тургандарьи в горах Байсун-Тау. В гроте прослежено пять культурных слоев, оставленных неандертальцами, несколько раз возвращавшимися на старое место. Здесь найдено почти 3 тыс. каменных изделий, из которых 339 представляют собой законченные орудия. Среди них наиболее распростра-

⁶ Окладников А. П., 1949.

нены два вида — остроконечный каменный клинок и овальное скребло. Остроконечник преимущественно служил в качестве режущего орудия для обработки дерева, шкур или как нож. Других орудий очень мало. Главной охотничьей добычей тешикташцев был сибирский горный козел, широко распространенный в горах Средней Азии. Охотились также на оленя, медведя, леопарда и на более мелких зверей.

Событием мирового значения явилась находка останков мустьерского человека — мальчика 8—9 лет. Несмотря на то, что со времени этого открытия прошло более трех десятилетий, археологам пока не удалось найти другой череп неандертальского человека, хотя сейчас в нашей стране известны десятки мустьерских стоянок. Вокруг останков костяка (череп ребенка и некоторые кости его скелета) лежали рога горного козла, образующие круг, что говорит о том, что здесь, возможно, имело место преднамеренное захоронение.

Коллекция каменных орудий из Тешик-Таша сейчас дополняется другими пещерными памятниками, из которых следует отметить недавно раскопанный грот Обирахмат, расположенный в 100 км от Ташкента. Материалы раскопок этого интересного памятника детально еще не опубликованы. Здесь собрана коллекция, включающая свыше 30 тыс. изделий мустьерского времени.

Значительные материалы получены в долине р. Сырдарья, между Ленинабадом и Наукатом в Кайраккумах. В этом районе орудия двух этапов мустьерского времени связаны с останками древних террас Сырдарьи. Они собраны в гальке, снесенной с этих останцов. Среди них, как и в Тешик-Таше, преобладают остроконечники и скребла, но здесь они сделаны не из хрупкого кремнистого известняка, а из плотного и твердого порфирита.

Все эти памятники принадлежат к так называемой леваллуа-мустьерской культуре и находят анологии в мустьерских памятниках Ближнего Востока⁷.

В Южном Таджикистане, однако, встречено несколько мустьерских памятников совершенно иного характера, приближающихся к культурам Индии и других стран, расположенных к югу и востоку от Таджикистана. Наиболее крупное местонахождение этого типа — Кара-Бура в Вахшской долине (недалеко от пос. Джилкуль) — исследовано В. А. Рановым. Оно связано с серией невысоких песчаных останцов, перекрытых сверху двухметровой толщей галечника. Именно в этих галечниках и найдены мустьерские изделия. Они интересны тем, что наряду с обычными мустьерскими орудиями и нуклеусами-ядрищами здесь встречены своеобразные изделия из галек — подлинные галечные орудия — чопперы и чоппинги, обнаруживающие боль-

⁷ Окладников А. П., 1966 б, стр. 48—49.

шое сходство с подобными изделиями поздних этапов соанской культуры Индии.

Таким образом, начиная с мустьерского времени в культурах каменного века Средней Азии можно заметить сходство двух больших палеолитических областей — Передней и Восточной Азии. Эта близость культур прослеживается и позже — в эпоху неолита⁸. Возраст основных памятников мустьерского времени в Средней Азии в свете новейших данных — 50—40 тыс. лет⁹.

Памятники верхнего палеолита

Примерно 40—35 тыс. лет назад происходит становление человека современного типа — *Homo sapiens*.

К этому периоду относится резкое улучшение каменного инвентаря. На смену трем-четырем основным формам мустьерского времени приходит разнообразный набор каменных инструментов.

С совершенствованием орудий резко уменьшаются их размеры, обогащаются и способы охоты.

В верхнем палеолите уже формируются племена; именно этот период характеризуется зрелым материнским родом, который представлял собой экзогамную группу людей, связанных узами родства и общностью происхождения по материнской линии.

Верхний палеолит в Средней Азии изучен мало. Очевидно, в противоположность мустьерскому времени, не во всех районах Средней Азии природные условия были благоприятными для жизни верхнепалеолитических людей.

Наиболее важным верхнепалеолитическим памятником является Самаркандская стоянка, расположенная на территории самого города. Среди тысяч изделий, полученных из трех культурных слоев, выделяются разнообразные инструменты: скребки, резцы, скребла, выемчатые орудия, рубящие орудия и т. д. В 1964 г. здесь найдена челюсть верхнепалеолитического человека. Руководитель раскопок Д. Н. Лев предполагал, что люди на Самаркандской стоянке жили в жилищах, сделанных из глины и камыша. Основную охотничью добычу составляли лошадь, осел, зубр, верблюд, сайгак, дикий баран, благородный олень¹⁰.

Другой памятник верхнего палеолита расположен в небольшой долине Туркестанского хребта, недалеко от кишлака Чорку, в местности, известной под названием Ходжа-Гор¹¹. Он

⁸ Ранов В. А., 1965 б.

⁹ Окладников А. П., 1966 б, стр. 45—46; также: Иванов И. К., 1965.

¹⁰ Лев Д. Н., 1965.

¹¹ Окладников А. П., 1964, стр. 170.

принадлежит к концу верхнего палеолита; люди жили здесь, вероятно, 15—12 тыс. лет назад, уже в современную геологическую эпоху. Культурный слой здесь не сохранился — кремневые орудия переотложены селевым потоком¹², но памятник интересен прежде всего очень богатым набором кремневых орудий, значительно отличающихся по своим формам и технике обработки от орудий Самаркандской стоянки.

Привлекая и другие материалы, можно сказать, что и в эпоху верхнего палеолита в Средней Азии продолжают существовать две технические традиции. Одна, связанная с восточно-азиатским и сибирским палеолитом (Самаркандская стоянка), и другая — с переднеазиатским (Ходжа-Гор).

Характеристика палеолитического общества

На основании археологических материалов мы проследили эволюцию производительных сил среднеазиатского общества эпохи палеолита. Проблема же социальной эволюции этого общества чрезвычайно сложна. Даже основные закономерности его развития не получили окончательного разрешения в трудах социологов, предлагаемые схемы являются предметом острых дискуссий и споров¹³. Вопрос об особенностях развития общества эпохи палеолита именно в Средней Азии вообще еще не ставился.

Сказать, что львиную долю времени человеческое общество пребывало на стадии каменного века — будет общей фразой. Приведем не раз употреблявшееся сравнение. Условно примем, что вся жизнь человеческого общества до Великой Октябрьской социалистической революции продолжалась всего лишь год. Тогда превращение обезьяны в человека произошло в самом начале января, палеолит продолжался до 25 декабря, а вся история среднеазиатского классового общества свободно «уместится» в последние полчаса перед новым годом!

В нижнем палеолите социальная организация была очень примитивной. Коллективы древнейших, еще собственно формировавшихся, людей Ф. Энгельс назвал стадами¹⁴. В. И. Ленин последовательно перечислял «первобытное стадо» и «первобытную коммуны»¹⁵.

Период первобытного стада являлся временем становления человеческого общества, когда создавались самые его основы.

¹² Несмеянов С. А., Ранов В. А., 1964.

¹³ См., например: Семенов Ю. И., 1966; Семенов Ю. И., 1968; Тер-Акопян Н. Б., 1968; Бутинов Н. А., 1968; Кабо В. Р., 1968 (в этих работах — подробная библиография и историография проблемы).

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 138.

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 232.

В конце среднего и в верхнем палеолите появляется уже родовая организация общества — первобытные коммуны с фратриально-родовой системой. Это был материнский родовой строй, при котором роль женщины была очень высока¹⁶. Семейные отношения осуществлялись в рамках группового брака.

Производство было коллективным, но сочеталось с очень низким уровнем производительных сил. «Этот первобытный тип кооперативного или коллективного производства был, разумеется, результатом слабости отдельной личности, а не обобществления средств производства»¹⁷. Производительные силы не оставались на одном месте, они медленно совершенствовались. Прогресс в развитии производительных сил и общественной организации привел к усложнению форм человеческой культуры. Следует отметить овладение способами добывания огня, строительство примитивных жилищ, развитие охоты на крупных животных и связанную с этим оседлость — все эти крупные сдвиги характеризуют прогрессивное развитие человеческого общества. Как показывает захоронение мальчика в Тешик-Таше, появились зачатки культа мертвых, первое зарождение религии.

2. МЕЗОЛИТ И НЕОЛИТ

Общую продолжительность мезолита и неолита определяют обычно в 10—15 тыс. лет, однако в разных местах она различна. На основании имеющихся археологических данных можно сделать вывод, что в этот период в Средней Азии было уже довольно многочисленное население, жившее в условиях матриархально-родового строя. Орудия производства становятся лучше и совершеннее. Широкое распространение получают приемы, ранее совершенно не известные: шлифование, сверление, пиление. Возникают и новые отрасли хозяйства: гончарное производство, первобытное мотыжное земледелие и первобытное скотоводство. В различных областях Средней Азии в соответствии с природными условиями образовывались поселения охотников-рыболовов, охотников-скотоводов или первобытных земледельцев.

Мезолитические памятники

Мезолитические памятники наиболее подробно исследованы в Прикаспии, где А. П. Окладниковым раскопана интересная пещера Джебел¹⁸. В последнее время эти данные дополняются

¹⁶ В советской историографии существует иная точка зрения (см. Кабо В. Р., 1968, стр. 258—265).

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 404.

¹⁸ Окладников А. П., 1956.

исследованиями другой пещеры — Дам-Дам-Чашма¹⁹. В многочисленных культурных слоях этих пещер и других памятников Прикаспия сохранились десятки и сотни мелких кремневых орудий, среди которых особенно интересны орудия геометрических форм: сегменты, треугольники, трапеции. Археологические данные свидетельствуют, что в мезолите и сменившем его раннем неолите наряду с охотой развивалось рыболовство, а также собирательство. По своему характеру прикаспийские памятники близки к одновременным культурам Передней Азии²⁰.

Совершенно иными являются памятники, найденные В. А. Рановым на Памире. Здесь в исключительных условиях высокогорья, на абсолютной высоте от 3,5 тыс. до 9,5 тыс. м над уровнем моря открыты самые высокогорные стоянки в мире, где люди жили 9 тыс. лет назад (стоянки датированы физическими исследованиями угля, взятого из очагов стоянки Ошхона)²¹.

По своему характеру это уже другая культура, резко отличающаяся от западного мезолита. Здесь господствуют грубые инструменты типа галечных скребел. Преобладает палеолитическая техника, а геометрические орудия полностью отсутствуют. Перед нами стоянки охотников, приходивших в летнее время в эти обильные дичью места. На стоянке Ошхона обнаружены четыре культурных горизонта и собраны более 10 тыс. орудий²².

Неолитические памятники

Примерно 9—7 тыс. лет назад началась эпоха новокаменного века.

В Средней Азии довольно определенно прослеживаются три культурно-исторические общности, отличающиеся друг от друга археологическим материалом и условиями существования. В этот период происходят исторические изменения в жизни человеческого общества. От присваивающего характера производства человечество переходит к производящему — охота и собирательство сменяются земледелием и скотоводством. Эту смену иногда называют «неолитической революцией». Нечего и говорить, что это название весьма условно.

Вдоль предгорий Копетдага располагались в то время поселения носителей джейтунской культуры — племен, перешедших к земледелию раньше, чем где бы то ни было на территории СССР. Эта племена жили в родовых поселках, в домах, построенных из своеобразных круглых «булок» — кирпичей.

¹⁹ Марков Е. Е., 1966.

²⁰ Окладников А. П., 1966 а.

²¹ Бутомо С. В. и др., 1964.

²² Ранов В. А., 1962 б.

Здесь отмечается наличие скотоводства. Земледельческие орудия представлены прежде всего кремневыми вкладышами примитивных серпов, которые составляют 36,5% всех исследованных орудий (возделываемые культуры — пшеница и ячмень). Кремневый инвентарь сопровождается находками обломков глиняной посуды. Сосуды лепились от руки и иногда расписывались волнистыми или струйчатыми линиями, сетчатым орнаментом. Это древнейшая из известной пока в Средней Азии керамики.

В наиболее полно изученном поселении этой культуры — Джейтуне обнаружено также некоторое количество небольших глиняных фигурок животных и людей, которые, по мнению В. М. Массона, представляют собой родовые фетиши²³. Хронологические рамки существования основных памятников джейтунской культуры — VI тыс. до н. э.

Равнинная часть Средней Азии (особенно Бухарский оазис и Приаралье) была занята племенами, образующими другую общность. Памятники, оставленные этой группой, названы кельтеминарскими. В отличие от предыдущей, это в основном культура охотников и рыболовов. Но на поздних этапах своего развития кельтеминарцы, по-видимому, уже приручили скот и освоили начатки земледелия. Общепринятой датой существования этой общности являются IV—III тысячелетия до н. э.

Таким образом, в эту эпоху отмечается неравномерное развитие культур каменного века. Наиболее выпукло жизнь кельтеминарских племен рисуют раскопки Джанбас-калы 4, где вскрыты остатки огромного овального наземного жилища каркасной конструкции из дерева и камыша, служившего родовой общине в 100, а то и больше человек. Еще более крупное жилище подобной конструкции найдено на стоянке Коват 7.

Кельтеминарская культура характеризуется мелким кремневым инвентарем и развитой вкладышевой техникой. Кремень добывался в горах Султануиздаг, где обнаружены каменоломня и кремнеобрабатывающая мастерская (Бурлы 3), относящаяся к кельтеминарскому времени. На поселениях найдено большое число керамики, в том числе орнаментированной²⁴.

Предгорную и горную часть Средней Азии занимала третья племенная общность — гиссарская культура. Это подлинный «горный неолит» — период, характеризующийся специфическими условиями существования в горных долинах. Еще первый исследователь гиссарской культуры — А. П. Окладников отметил крайнее своеобразие каменного инвентаря гиссарской культуры, основным компонентом которого являются галечные орудия

²³ Массон В. М., 1966 г, стр. 88.

²⁴ Толстов С. П., 1948 а, стр. 59—66; Виноградов А. В., 1968; Коробкова Г. Ф., 1969.

дия, представляющие завершающую стадию развития орудий этого типа в Средней Азии. Второй специфической чертой этой культуры является почти полное отсутствие керамики.

А. П. Окладников считал, что носители гиссарской культуры были первыми земледельцами горных областей, хотя наряду с земледелием и скотоводством важную роль в их жизни продолжала играть охота. Новый свет на генезис гиссарской культуры и ее экономическую основу проливают работы в Туткауле (на левом берегу р. Вахш вблизи Нурека), где на очень широкой площади исследуется многослойное и богатое поселение этого времени.

В Туткауле вскрыто четыре культурных горизонта (два мезолитических X—VIII тыс. до н. э. и два, принадлежащих собственно гиссарской культуре). В Гиссарских горизонтах имеются остатки полусферических очагов, сложенных из камня, а также своеобразных «жилых площадок», выложенных, иногда в несколько слоев, из камней. Подобные площадки, вероятнее всего служившие основанием легких каркасных жилищ из дерева, найдены и при раскопках на Ближнем Востоке²⁵.

Среди более чем 40 тыс. изделий каменного века, найденных при раскопках в Туткауле, имеются превосходно сделанные шлифованные топоры, ножи с пришлифованным лезвием, ручные домашние инструменты: проколки, провертки, скребки; очень много орудий, служивших для обработки дерева. Охотничьим оружием были копья и дротики, оснащенные вкладышами — мелкими пластинками, вложенными в паз деревянной или костяной основы и закрепленными смолой или другим вяжущим веществом.

Большое место занимают крупные орудия из галек, характерные для гиссарских памятников. Очень немного костяных орудий.

Найдены и костные останки — первые антропологические находки людей гиссарской культуры.

Возраст гиссарских слоев определяется радиоуглеродной датой 5150 ± 140 лет до н. э., полученной для верхней части горизонта.

Очень трудно установить экономическую основу гиссарской культуры туткаульского этапа. Но судя по археологическим данным, это поселение не охотников и собирателей, а людей, перешедших или только переходящих к производящим формам хозяйства. Наиболее близка экономика древних горцев Туткаула к стадии «зарождающегося земледелия и скотоводства». Ряд признаков говорит о том, что решающая роль принадлежала скотоводству. Среди немногих определимых костей, извлеченных из культурного слоя, — кости домашней овцы и козы.

²⁵ Braidwood R. J., 1967, p. 106—107.

Сейчас мы имеем некоторые основания для установления границы распространения гиссарской культуры — памятники этого типа охватывают долины Таджикской депрессии. Близкие культуры, к сожалению, пока слабо изученные, встречаются и в других районах гор Средней Азии, в частности в Северном Таджикистане, в Фергане, на берегах оз. Иссык-Куль.

Устанавливается и хронологическое деление памятников гиссарской культуры, просуществовавших не менее трех тысяч лет (VI—III тыс. до н. э.). К наиболее ранним памятникам принадлежит Туткаул, средним — Куй-Бульён, поздние памятники представляет Тепе-и Гозиён в Гиссаре²⁶.

Переход от гиссарской культуры к культурам эпохи металла исследован еще слабо.

Древнейшие наскальные рисунки

Большой интерес для исследователей прошлого представляют наскальные изображения, которые дают богатейший материал для понимания мышления древнего человека, его представлений об окружающем мире, его идеологии.

В Средней Азии имеются тысячи рисунков, выбитых на скалах во многих районах. Особенно известны наскальные изображения в Саймалы-Таш в Фергане²⁷ и Лянгар-Кишт на Западном Памире²⁸. В Таджикистане можно отметить многочисленные пункты, где имеются наскальные изображения, — по р. Зеравшан и его притокам²⁹, в Кураминском хребте³⁰ и в ряде других мест. Около 50 таких мест зафиксировано на Памире³¹. Однако большая часть упомянутых наскальных изображений принадлежит уже историческому времени и частично более раннему — скифо-сарматскому. Исследование их представляет увлекательную проблему, над решением которой будет трудиться, вероятно, еще много поколений археологов и искусствоведов.

Но еще интереснее самые древние наскальные изображения, сделанные человеком каменного века. Они встречены всего в нескольких пунктах и отличаются как своими сюжетами, так и манерой исполнения. В отличие от более поздних рисунков, выбитых или вырезанных на поверхности скал или отдельных камней, древние рисунки выполнены краской.

Наиболее известны изображения Зараут-сая (Узбекистан), уже давно получившие мировую известность. Среди них особен-

²⁶ Коробкова Г. Ф., Ранов В. А., 1968.

²⁷ Бернштам А. Н., 1952.

²⁸ Ранов В. А., 1960 а.

²⁹ Дальский А. Н., 1949; Мандельштам А. М., 1956.

³⁰ Ранов В. А., 1960 б.

³¹ Ранов В. А., Гурский А. В., 1960.

но интересна сцена охоты на диких быков, где охотники замаскированы широкими плащами. По последним данным, эти рисунки относятся к неолиту — энеолиту, хотя не исключена принадлежность наиболее древнего пласта и к мезолиту³².

Представляется, что наиболее древними наскальными изображениями Средней Азии могут быть рисунки в гроте Шахты, открытые В. А. Рановым в 1958 г. на Восточном Памире. Здесь, на стене небольшого грота, расположенного на высоте около 4,2 тыс. м над уровнем моря, сохранились рисунки, нанесенные красками двух цветов. Хорошо видны изображения людей, замаскированных под птиц, кабанов и медведей. Животные поражены летящими в них стрелами. Судя по стилистическим данным, рисунки в гроте Шахты старше зараутсайских и могут датироваться ранним неолитом или мезолитом³³.

К более позднему времени — эпохе позднего неолита или бронзы — относятся рисунки, открытые в двух других пунктах среднеазиатских высокогорий — на р. Сарыджас³⁴ и недалеко от грота Шахты в Куртеке-сае³⁵.

3. БРОНЗОВЫЙ ВЕК. ПЕРЕХОД К ОТЦОВСКОМУ РОДУ

Бронзовый век — важная эпоха в истории человечества. В это время происходят существенные изменения как в развитии производительных сил, так и в социальном строе общества: начинается добыча и плавка руд, производство металлических орудий, наблюдается общий прогресс в развитии производительных сил, возникает земледелие с использованием искусственного орошения, почти все племена Средней Азии переходят к производящему хозяйству, появляются крупные поселения; к концу периода развивается имущественное и социальное неравенство, подготовившее переход в последующем периоде к классовому обществу.

Начальный период бронзового века называется энеолитом — медно-каменным веком. Именно в это время начинают постепенно распространяться медные орудия и изделия, хотя имеется еще и множество каменных орудий. На юге Туркмении энеолит охватывает V—III тыс. до н. э., в других областях он продолжался и во II тыс. до н. э. С конца III тыс. до н. э. начинается собственно бронзовый век, который продолжался до IX—VIII вв. до н. э.

³² *Формозов А. А.*, 1966; 1969, стр. 60—78.

³³ *Ранов В. А.*, 1961.

³⁴ *Окладников А. П., Рацек В. И.*, 1954.

³⁵ *Ранов В. А.*, 1964.

В эпоху бронзы племена Средней Азии достигли очень высокого уровня развития материальной и духовной культуры. В то же время они являлись связующим звеном между городскими цивилизациями Переднего и Ближнего Востока и Индостана, с одной стороны, и племенами Поволжья, Казахстана, Сибири, Центральной Азии и Китая, — с другой. Вместе с тем в западной литературе существует явная недооценка значения древнейшей среднеазиатской цивилизации. Даже в таком серьезном труде, как выпущенная ЮНЕСКО «История человечества. Развитие культуры и науки», о южнотуркменистанской культуре эпохи бронзы сказано: «Общий характер ее сравнительно простой, это культура общества, живущего скорее в «завоуди», чем в какой-либо важной стремление прогресса»³⁶. Материалы советских исследователей полностью опровергают эти нигилистические рассуждения. Среднеазиатский вклад в культуру Востока этого периода был очень велик; к тому же именно из Средней Азии пришли в соседние страны — Индию, Афганистан и Иран — племена — носители иранской и индийской речи. Те же из них, что остались в Средней Азии, в некоторой степени отличались и в дальнейшем обособились от ушедших в Иран и Индостан. Последующее развитие среднеазиатской культуры демонстрирует решительное преобладание традиций, восходящих к энеолиту.

Производительные силы

В течение веков все более совершенствовались орудия производства и развивалась техника. Одно из направлений этого развития привело к возникновению плавки металлов. Точными данными о происхождении первобытной металлургии наука не располагает. Первоначально самородные металлы рассматривались как особый род камня и обрабатывались теми же способами, что и обычный камень. Постепенно люди пришли к пониманию того, что некоторым видам камня свойственны особые свойства, в частности ковкость. Позже, когда в остывшем пепле костра человек неоднократно находил кусочки меди, получившейся в результате восстановления в пламени чистой меди из камней — кусков медной руды — возникла идея преднамеренного извлечения меди из руды, т. е. плавки медной руды. Знакомство с гончарным делом — обжигом керамики — сыграло в освоении процесса плавки металлов немаловажную роль. Эти первые шаги в области первобытной металлургии делались с большим трудом и продолжались, как установлено археологами, несколько тысячелетий.

Однако орудия из меди были малоэффективными из-за недо-

³⁶ Hawkes J. and Wolley L., 1963, p. 827.

статочной твердости. Положение резко переменилось с появлением сплава меди и олова (его иногда заменяли свинец, сурьма, мышьяк). Помимо ряда технологических преимуществ этот сплав — бронза — благодаря своей твердости позволил перейти к широкому изготовлению металлических орудий, хотя каменные орудия и оружие не были полностью вытеснены³⁷.

Ф. Энгельс писал: «Самыми важными из них (из металлов, — Б. Г.) были медь и олово, а также выплавляемая из них бронза; бронза давала пригодные орудия и оружие, но не могла вытеснить каменные орудия; это было под силу только железу, а добывать железо еще не умели»³⁸.

В Средней Азии немало месторождений медной руды, которые могли разрабатываться и разрабатывались в бронзовом веке. Так, в Фергане медь получали, в частности, в Наукатском месторождении, в Чаткало-Кураминских горах; в Средней Азии выработки известны также в горах Букан-Тау и т. д. Постепенно расширялся ассортимент руд, используемых для выплавки; первоначально первобытные металлурги выплавляли медь лишь из окисленных руд, позже была освоена несравненно более сложная технология выплавки меди из широко распространенных сульфидных руд. Олово также добывалось в Средней Азии, например в месторождении Карнаб к югу от Зеравшанской долины, а также в других местах³⁹.

Возникшие еще в предшествующую эпоху земледелие и скотоводство превращаются в ведущие отрасли хозяйства. Охота отныне имеет уже лишь вспомогательное значение.

В Южной Туркмении, где много мелких рек и ручьев, земледельцы вначале использовали естественные разливы. Посев производился в сырой ил. Уже с VI тыс. до н. э. (конец неолита) появляются первые ирригационные сооружения — одни из самых древнейших на всем Переднем Востоке. Известен искусственный водоем, вмещавший до 3,5 тыс. куб. м воды. Открыты ирригационные каналы несколько более позднего времени (рубеж IV—III тыс. до н. э.), орошавшие у одного из южнотуркменских поселений примерно 150 га обрабатываемой земли, причем от каналов отходили оросительные арыки. Основными культурами первоначально были двухрядный ячмень, мягкая и карликовая пшеница. В дальнейшем, судя по находкам зерен, кроме ячменя и пшеницы производились посевы ржи, нута и мелкого винограда. Первоначально употреблялись каменные (наборные) серпы, затем, очевидно, вошли в употребление медные и бронзовые. Есть основание предполагать, что в эпоху

³⁷ *Богавевский Б. Л.*, 1936, стр. 390—439; *Литвинский Б. А.*, 1954 6, стр. 13—36; «*A History of Technology*», 1957, p. 572—598.

³⁸ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 21, стр. 161.

³⁹ *Литвинский Б. А.* и др., 1950; 1962, стр. 189—191.

развитой и поздней бронзы для обработки полей употребляли тягловую силу животных. В составе стада мелкий рогатый скот преобладал над крупным рогатым скотом. Было много овец. Использовались лошади и верблюды⁴⁰.

У племен других областей Средней Азии зарождение орошаемого земледелия произошло в более позднее время, но также в бронзовом веке. Имеются бесспорные данные, что во II тыс. до н. э. в Хорезме существовали ирригационные каналы⁴¹; вероятно, были они и в Фергане. В хозяйстве этих областей удельный вес скотоводства был значительно выше, чем в Южной Туркмении.

Наряду с добычей металлов, металлургией, земледелием и скотоводством большого развития достигли различные производства, в частности керамическое, обработка камня и др.

Историко-культурные области Средней Азии

Ход исторического развития в эпоху бронзы был в различных частях Средней Азии неодинаков. Можно выделить две крупные области: 1) юго-западную (Южная Туркмения); 2) северную и восточную (остальные части территории Средней Азии). Культуры этих областей резко отличались друг от друга. Вместе с тем между ними существовали длительные и прочные связи⁴².

В Южной Туркмении развивается оседло-земледельческая культура, которую принято называть по первому изученному памятнику анауской. Раскопки в Анау производились сначала русским краеведом А. В. Комаровым, а затем были продолжены американской экспедицией под руководством Р. Пампелли⁴³. Научное исследование памятников анауской культуры было начато раскопками Намазга-тепе Б. А. Литвинского в 1949—1950 гг.⁴⁴, а затем продолжено Б. А. Куфтиным, предложившим утвердившуюся в литературе схему периодизации этих памятников⁴⁵. Обширный материал по памятникам анауской культуры на всем ее протяжении был получен при многолетних раскопках В. М. Массона и его сотрудников. В. М. Массон исследовал и обобщил материалы по истории анауских племен, впервые введя их в широкий круг проблематики истории Древнего Востока⁴⁶.

⁴⁰ Лисицына Г. Н., 1965; «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы». М.—Л., 1966, стр. 110—113, 164.

⁴¹ Итина М. А., 1968; Андрианов Б. В., 1969, стр. 102—110.

⁴² Ср. ИТН, I, стр. 98—100.

⁴³ «Explorations in Turkestan», 1908.

⁴⁴ Литвинский Б. А., 1952 б.

⁴⁵ Куфтин Б. А., 1954.

⁴⁶ Массон В. М., 1956 а; 1956 б; он же, 1959, 1960, 1964; «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», стр. 76—128, 151—178.

В раннем энеолите поселения состояли из отдельных жилых однокомнатных домов. В развитом энеолите поселения окружаются оборонительными стенами; имеются дома общественного назначения, в каждом из них есть двучастная жаровня. Появляется тенденция к сооружению многокомнатных домов. В позднем энеолите резко возросшие по площади поселения уже состоят из многокомнатных домов, объединенных в кварталы.

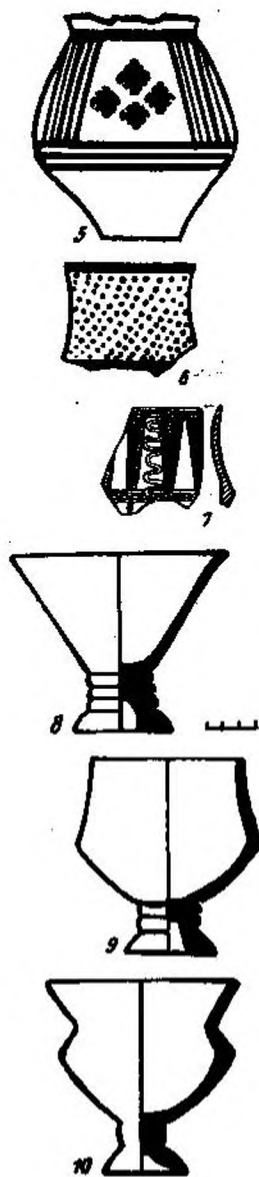
Характерной особенностью культуры Южной Туркмении от эпохи энеолита до конца эпохи бронзы является керамика с цветным орнаментом (так называемая расписная керамика).

В бронзовом веке имелись мелкие и средние поселения (до 10 га площади) и очень крупные — протогородские, типа Намазга-тепе, занимающие площадь до 70 га.

За время существования Намазга-тепе, возникшего еще в энеолите, накопились культурные слои мощностью около 34 м. Основные занятия жителей оставались прежними, но ассортимент сельскохозяйственных культур увеличился. Появились медно-бронзовые сельскохозяйственные орудия. Медные и бронзовые изделия широко вошли в быт населения, хотя применялись и разнообразные каменные орудия и поделки. Поселение, видимо, состояло из крупных жилых массивов, в каждом из которых помещалась большесемейная община. В одном из таких массивов было раскопано 27 помещений (всего их было в нем едва ли менее 50), связанных одно с другим переходами. Помещения были прямоугольными, квадратными, а некоторые — неправильной формы, сложены из крупного прямоугольного кирпича с перевязкой швов. В помещениях имелись очаги нескольких типов, суфы, в дверных проемах стояли подпечные камни, в которых вращались выступы-шпильки полотнищ две-

Расписная (107) и серая (8—10) керамика времен Намазга IV

рей. Стены были тщательно оштукатурены, кое-где алебастром. Судя по некоторым данным, часть помещений имела сводчатое перекрытие. Таким образом, уже в эпоху энеолита и бронзы на юге Средней Азии строительно-архитектурное дело достигло высокого развития.

На новую ступень поднялось и ремесленное производство. Существовали меднолитейные мастерские, которые производили разнообразные изделия: от медных иголок и печаток до кинжалов. Из камня помимо орудий труда и оружия изготовлялись различные украшения, а также вытачивалась прекрасная посуда. Особого мастерства достигли гончары, изготовлявшие посуду разных типов и размеров: от крошечных кувшинчиков и бокалов до больших хумов. Изящная и тонкая столовая посуда покрывалась многоцветной росписью. Широко было развито также текстильное ремесло.

Об идеологии жителей Намазга-тепе можно получить некоторые сведения, изучая орнамент сосудов. Наряду с геометрическими узорами встречаются изображения змей, птиц, барсов, козлов и др. Особенно великолепно реалистическое изображение козла, стоящего между двумя деревьями. Найдены схематизированные и более реалистические глиняные статуэтки человека и животных. Некоторые изображения указывают на наличие пережитков матриархата. К числу культовых изображений могут быть отнесены глиняная модель жилища и глиняные колеса от моделей повозок. Около стен домов и под ними встречаются человеческие захоронения⁴⁷.

Другое поселение протогородского типа — Алтын-тепе, хотя и значительно меньше Намазга-тепе (площадь Алтын-тепе — 26 га), но дало остатки монументаль-

⁴⁷ Литвинский Б. А., 1952 б.

ных сооружений типа древневосточных и другой интересный материал, в том числе статуэтки, некоторые нанесены знаки, напоминающие пиктографические⁴⁸.

Более поздние стадии бронзового века представлены как на Намазга-тепе, так и на других памятниках подгорной полосы Копетдага, а также в Мервском оазисе.

На всем протяжении бронзового века наиболее высокоразвитой и высококультурной областью Средней Азии являлась Южная Туркмения. Она входила «в обширный пояс раннеземледельческих общин, примыкавших к городским цивилизациям Древнего Востока. Племена Средней Азии, Ирана, Белуджистана и Афганистана играли в этом отношении особенно важную роль, находясь посередине между двумя крупнейшими центрами древней цивилизации — Индом и Двуречьем»⁴⁹. При этом, испытывая большое влияние со стороны высокоразвитых городских центров Древнего Востока, а также соседних земледельческих племен Ирана и Афганистана, среднеазиатские (южно-туркменистанские) племена также в свою очередь оказывали на них определенное воздействие.

Трудно переоценить значение непрерывных связей южно-туркменистанских племен с племенами второй области среднеазиатской бронзы, которые принято называть племенами степного круга, так как они составляли неразрывную часть евразийских степных племен. Во второй половине II — начале I тыс. до н. э. в Южную Туркмению проникают большие группы степных племен, пришедших с севера.

В Приаралье экспедициями С. П. Толстова и его сотрудников открыты многочисленные памятники эпохи бронзы. Многие из них относятся к тазабагъябской культуре. Тазабагъябцы жили в прямоугольных полуземлянках. В центре дома находился большой очаг, вдоль стен располагались хозяйственные ямы. Население занималось земледелием, в том числе ирригационным; большую роль играло и скотоводство. Раскопаны захоронения людей того времени. Найдено большое количество керамики, украшенной узорами из вдавленных линий или точек в виде треугольников, ломаных линий и т. д. Эта керамика, как доказала М. А. Итина, имеет значительное сходство с керамикой андроновской культуры Западного Казахстана и срубной культуры Поволжья.

Наряду с тазабагъябской культурой в Приаралье имела распространение и другая — суярганская. Исследователи полагают, что облик этой культуры в значительной степени определялся ее южными связями с племенами анауской культуры.

⁴⁸ Массон В. М., 1967 б.

⁴⁹ Массон В. М., 1964, стр. 5.

В конце эпохи бронзы (конец II тыс. до н. э. или первые века I тыс. до н. э.) для представителей племенной знати в дельте р. Сырдарьи на бугре Тагискен были сооружены огромные мавзолеи из сырцового кирпича и деревянных столбов. Они были круглые снаружи (диаметром до 15 м) и квадратные внутри. Глиняные стены очень массивны. Изнутри они были, вероятно, задрапированы какими-то коврами⁵⁰.

В низовьях Зеравшана располагались в конце III — первой половине II тыс. до н. э. поселения племен, которые археологи назвали заманбабинскими. Заманбабинцы жили в небольших тростниковых жилищах, обмазанных глиной, смешанной с соломой. Они занимались земледелием (с использованием обвалованных участков, заливаемых водой во время разливов), скотоводством (крупный и мелкий рогатый скот, ослы), а также охотой и рыболовством. Среди орудий труда следует отметить каменные мотыги, вкладышевые серпы, пестики. Керамика этой культуры, восходящая к позднекельтеминарской, вместе с тем испытала сильное влияние анауской. Здесь найдены и фрагменты собственно анауской керамики, близкие или идентичные южнотуркменистанским бронзовые и каменные украшения. Не исключена возможность, что здесь в среду потомков кельтеминарцев влилась волна переселенцев из Южной Туркмении. Предлагается и другое вероятное объяснение, которое исходит из культурных (а не этнических) взаимосвязей с областью южных земледельческих племен.

Позже (с середины II тыс. до н. э.) на территории долины Зеравшана распространяются племена степной бронзы⁵¹.

На территории Центрального и Южного Таджикистана самыми ранними из выявленных памятников бронзового века являются отдельные находки медно-бронзовых изделий, в частности медных топоров. Один из них найден в селе Йори (Пенджикентский район), другой — в кишлаке Шар-Шар Куйбышевского района, третий — близ кишлака Аракчин у Варзоба. Все они датируются концом III — началом II тыс. до н. э.⁵²

Для времени развитой бронзы мы располагаем серией памятников как на севере, так и на юге республики.

На правобережье Сырдарьи, восточнее Ленинабада, в пустынном урочище Кайраккум были обнаружены и исследованы десятки поселений эпохи развитой и поздней бронзы. Среди них были и совсем крошечные и значительно более крупные (порядка 10 га), хотя основная часть имела площадь 0,1—3,0 га. Поселения состояли обычно из нескольких жилищ. По-видимому,

⁵⁰ Толстов С. П., 1962, стр. 47—88; Итина М. А., 1962; «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», стр. 233—238.

⁵¹ Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А., 1956; Аскиров А., 1969.

⁵² Литвинский Б. А., 1961.

во многих жилищах был центральный ряд очагов, а длина жилища достигала 20 м при ширине 12—15 м.

Кайраккумцы занимались в основном скотоводством; на поселениях собраны кости овцы (или козы), коровы, лошади. О развитии земледелия косвенно свидетельствует обилие зерно-терок: они служили для растирания зерен и получения муки.

Одним из основных занятий кайраккумцев являлось горное дело и металлургия. На поселениях много бронзолитейных шлаков, найдены половинки двусоставных каменных форм, служивших для отливки бронзовых топоров и кирок.

Кайраккумская керамика похожа на тазабагъябскую, хотя не идентична ей. Для нанесения орнаментальных узоров применялись штампы — с зубцами («гребенчатый») и плоский.

На территории самих Кайраккумов, а также в кишлаке Дахана (Аштский район) обнаружены захоронения людей эпохи бронзы.

Племена Кайраккумов составляли в эпоху бронзы часть большой группы племен степной бронзы, занимавших тогда некоторые районы Ферганской долины. Родственные племена занимали Ташкентский оазис и смыкались на территории Семиречья с андроновскими племенами Южного Казахстана. Эту культуру принято называть кайраккумской. Помимо самих Кайраккумов на территории Северного Таджикистана кайраккумцы жили и в районе Шахристана. Остатки их материальной культуры зафиксированы в верхних слоях пещеры Ак-Танга⁶³.

В Ферганской долине наряду с кайраккумской культурой существовала совсем иная — чустская. Жители поселений чустской культуры были по преимуществу земледельцами. Для них характерна расписная керамика.

На юге Таджикистана найдены следы поселений племен степной бронзы (например, на центральной усадьбе совхоза им. Кирова близ г. Курган-Тюбе). В долинах низовий рек Кизыл-Су, Вахш и Кафирниган, впадающих в р. Пяндж, обнаружены многочисленные могильники эпохи поздней бронзы, середины — второй половины II тыс. до н. э. Оставившее их население пользовалось великолепной керамикой (часть ее изготовлена на гончарном круге), очень напоминающей позднеанускую. Южные и западные связи можно проследить также по бронзовым изделиям этой культуры. Вместе с тем погребальный обряд, в частности форма могил, наличие кремации и др., скорее может указывать на связи с кругом степных культур. По месту расположения могильников для культуры предложено два наименования: «бишкентская» и «вахшская»; их соотношение

⁶³ Литвинский Б. А. и др., 1962; Изложение сделано: Glaesser G., 1965, p. 323—329.

пока не совсем ясно⁵⁴. Вместе с тем на сравнительно небольшом расстоянии, в Сурхандарье, обнаружены поселения с сходной с позднеанауской керамикой. Материал, полученный при раскопках Кучук-тепе (изучено Л. И. Альбаумом) и Сапали-тепе (исследуется А. Аскарковым), свидетельствует, что с конца III — начала II тыс. до н. э. на юге восточной области Средней Азии появились общины, имевшие высокоразвитое хозяйство первобытноземледельческого типа, жившие в укрепленных поселениях, в прекрасно распланированных и выстроенных домах (под полами которых они, кстати, хоронили покойников). Высокого уровня достигли разные ремесла.

По мнению Б. А. Литвинского; в конце III — начале II тыс. до н. э. происходит резкое расширение ойкумены анауских племен, которые заселяют восточные и юго-восточные территории. На новых землях одни из них продолжают вести привычный образ жизни, а другие, — где этого не позволяют экологические условия, — постепенно становятся скотоводами и переходят к полуседлому образу жизни (они-то и оставили могильники Южного Таджикистана). Степняки оказали большое влияние на их обычаи и материальную культуру.

Общественный строй

Проблема общественного строя в эпоху бронзы вызывает бесконечные споры среди специалистов; здесь еще много различных оценок и гипотез.

Привлекают внимание суждения о детально изученной истории племен анауской культуры. По мнению В. М. Массона, появление многокомнатных домов было связано с тем, что в них жили большесемейные общины. Уже на рубеже IV—III тыс. до н. э. происходит превращение большесемейных матриархальных общин в патриархальные семьи. В конечном счете, как указывают классики марксизма-ленинизма, переход от матриархата к патриархату был обусловлен экономическими причинами, особенно развитием скотоводства, которым занимался мужчина. «Весь избыток, который теперь давал промысел, доставался мужчине; женщина участвовала в потреблении его, но не имела доли в собственности. «Дикий», воин и охотник, довольствовался в доме вторым местом после женщины, «более кроткий» пастух, кичась своим богатством, выдвинулся на первое место, а женщину оттеснил на второе... домашняя работа женщины утратила теперь свое значение по сравнению с промышленным трудом мужчины»⁵⁵.

⁵⁴ Литвинский Б. А., 1967 а; Мандельштам А. М., 1968.

⁵⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 162.

В конце эпохи бронзы усиливается имущественная и социальная дифференциация. Воздвигаются громадные гробницы, подобные тагискенским. Развивается протогородская жизнь. Пока трудно ответить с определенностью на этот вопрос, но многие начальные явления этого процесса бесспорны.

4. ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ. АРИЙСКАЯ ПРОБЛЕМА.

Индоиранская общность. Арийцы

Этнические процессы, проходившие на территории Средней Азии в эпоху бронзы, имели очень большое значение как для развития самой Средней Азии в последующие периоды, так и для истории ряда соседних стран на обширных пространствах от Индии до Юго-Восточной Европы.

Трудности в изучении этнической истории Средней Азии в рассматриваемую эпоху определяются прежде всего тем, что письменные источники для нее отсутствуют, а имеющиеся пока археологические материалы не могут быть однозначно истолкованы. Но все же сведения о расселении племен на территории Средней Азии и соседних стран с начала исторического периода и сравнительные историко-лингвистические данные наряду с обобщением постоянно увеличивающегося археологического материала позволяют сделать ряд важных и достаточно определенных выводов в этом направлении.

Уже первые, достоверно датированные письменные источники, содержащие сведения о Средней Азии, свидетельствуют, что в VII—VI вв. до н. э. на всей ее территории обитали племена и народности, принадлежавшие к иранской этнической группе,— согдийцы, бактрийцы, маргианцы, хорезмийцы, парфяне, различные племена саков и др.

В настоящее время в результате археологических раскопок и отдельных находок ученые располагают и текстами на нескольких иранских языках, распространенных в древности и раннем средневековье в Средней Азии и смежных районах. Это языки бактрийский, согдийский, хорезмийский, а также хотаносакский⁵⁶, принадлежащие к восточно-иранским языкам, и язык

⁵⁶ Его памятники найдены в Восточном Туркестане; из современных иранских языков элементы близости к хотанскому обнаруживает один из памирских языков — ваханский; ср. Герценберг Л. Г., 1965, стр. 31 и сл.; Bailey H. W., 1968, p. 157—159.

парфянский, относящийся к западноиранским, но испытавший значительное влияние других, восточноиранских, языков Средней Азии⁵⁷. В одной из областей Средней Азии и примыкающих к ней территорий в первой половине I тыс. до н. э. был распространен диалект, легший в основу языка «Авесты» — собрания священных книг зороастрийской религии.

К иранской группе языков относятся персидский (известный на трех стадиях развития: древнеперсидский, среднеперсидский и новоперсидский), таджикский, курдский, белуджский и иные западноиранские языки; афганский (пашто), осетинский, памирские и ряд других восточноиранских языков и диалектов. Иранские языки близко родственны языкам индийской, или индоарийской⁵⁸, группы, в которую входят, помимо современных, засвидетельствованные древними текстами ведический диалект, санскрит, пали.

Вместе с индоарийскими языками иранские составляют индоиранскую, или арийскую, ветвь индоевропейской семьи языков. К последней принадлежат также языки славянские, германские, кельтские, романские, греческий, армянский и ряд других. Близость этих языков, проявляющаяся в ряде моментов и теперь, но значительно большая в древности, указывает на их генетическое родство.

Раннюю область формирования этой языковой семьи современные ученые помещают в те или иные районы территории между Центральной Европой и Балканами на западе и степными просторами Евразии на востоке. Но при этом идет речь об очень отдаленной по времени эпохе. Позже, уже в период сложения диалектов, являющихся прямыми предшественниками «исторических» индоевропейских языков (таких, как греческий, славянский, германский и др.), говорившие на этих диалектах племена занимали более обширную территорию, но еще находились в контактах друг с другом.

В отличие, однако, от предков других групп «исторических» индоевропейских языков и народов, предшественники индоарийских и иранских языков и племен еще представляли тогда в целом единую группу⁵⁹.

На тесное родство или единство предков иранских и индоарийских племен указывает прежде всего близость их языков. Изучение и сопоставление данных различных иранских и

⁵⁷ О месте парфянского среди иранских языков и о заимствованиях в нем из восточноиранских языков Средней Азии см.: *Henning W. B.*, 1958, S. 92—97.

⁵⁸ Термином «индоарийский» обозначаются соответствующие языки в Индии в отличие от индийских неиндоевропейских языков — дравидийских и мунда.

⁵⁹ Ср.: *Иванов В. В. и Топоров В. Н.*, 1960, стр. 12; *Грантовский Э. А.*, 1970, стр. 346, 350.

индоарийских языков, и прежде всего древних — авестийского и древнеперсидского, с одной стороны, и ведического и санскрита — с другой, ясно свидетельствуют об общности грамматического строя и основного словарного фонда иранских и индоарийских языков в древности.

Действительно, из этих языков можно, например, привести множество одинаковых слов, различающихся лишь некоторыми фонетическими особенностями, а нередко полностью совпадающих. Так, вода обозначалась в древнеиранском языке словом *ап*, в древнеиндийском *ап*; земля, соответственно, — *буми* и *бхуми*; ветер — *вата* и *вата*; тело — *тану* и *тану*; *рука* — *заста* (или *даста*) и *хаста*; слово, голос — *вачах* и *вачас*; имя — *наман* и *наман*; одежда — *вастра* и *вастра*; отец — *питар* и *питар*; брат — *братар* и *бхратар*; в, внутрь — *антар* и *антар*; два — *два* и *два*; четыре — *чатвар* и *чатвар*; пять — *панча* и *паньча*; семь — *хапта* и *сапта*; восемь — *ашта* и *ашта*; десять — *даса* и *даща*; двенадцать — *двадаса* и *два-даща*, сто — *сата* и *щата* и т. д.

Большинство этих слов продолжает существовать, претерпев определенные фонетические изменения, и в современных иранских языках. Так, например, таджикский имеет: *об* — вода, *бод* — ветер, *тан* — тело, *даст* — рука, *ном* — имя, *падар* — отец, *бародар* — брат, *андар* — в, *ду* — два, *чахор* — четыре, *панч* — пять, *хафт* — семь, *сад* — сто и т. д.

Постоянные соответствия наблюдаются также в грамматике, в системе склонения и спряжения. Так, для *тану* (тело) древнеиранский в именительном падеже имел *тануш*, в винительном — *танум*, в инструментальном — *танва* и т. д., в древнеиндийском, соответственно, *тануш*, *танум*, *танва* и т. д. При спряжении глагола *бар* (нести) (совр. таджик. *бурдан*, основа *бар*) в древнеиранском существовали такие формы в настоящем времени — в 1-м лице ед. числа — *барам*, во втором — *барахи*, в третьем — *барати* и т. д.; в древнеиндийском тот же глагол *бхар* соответственно имел: *бхарам*, *бхараси*, *бхарати* и т. д.⁶⁰

Подобные факты непосредственно указывают на происхождение индийских и иранских языков из одного источника, от единого языка, от которого они и унаследовали основы грамматического строя и ядро своей лексики. Можно также указать, что, как отмечают лингвисты, развившиеся в ходе самостоятельного развития новые иранские (как и индоарийские) языки различаются между собой в значительно большей степени, чем древнеиндийский и древнеиранский.

Большое сходство существовало также в религии, мифологических и эпических представлениях древних индийцев и иранцев. Непосредственная близость отмечается и в характере,

⁶⁰ Примеры соответствий между древнеиранским и древнеиндийским изъяты из книги: *Оранский И. М.*, 1960, стр. 44—48.

метрическом строе, специальной лексике ряда отрывков дошедших до нас памятников иранских и индийских народов — «Авесты» и «Вед». Это свидетельствует об общих унаследованных традициях религиозного и эпического творчества и языка.

Сравнение и реконструкция древнеиранской и ведической религий указывают на однотипность религиозных представлений предков древних иранцев и индоариев. Близкими или аналогичными являются также ритуал и обряды, культ огня и священного опьяняющего напитка — иранского *хаума*, индийского *сома*, изготовлявшихся из особых растений путем выжимания сока (от глагола «жать», «выжимать»). Большое значение одинаково придавалось магическому изречению *мантра* (в обоих языках).

Совпадали и многие имена богов и героев, которых чтили древние иранцы и индийцы и которые воспевались в их священной и эпической литературе. Одним из главных богов древних ведических племен и иранцев был Митра. И тем и другим был известен могучий бог ветра и войны — Ваю и другое божество ветра — Вата, бог Хаума — иранцев, Сома — индийцев (олицетворение упомянутого священного напитка). Авестийский герой и царь Йима, сын солнечного героя Вивахванта, соответствует ведическому Йаме, сыну Вивасванта, и т. д.

Общим для предков как индийских, так и иранских племен было понятие «арта» — правда, космический порядок, справедливость. Это понятие определяло многие важные положения религиозных и более широких идеологических представлений вообще. Оно также непосредственно связывалось с верховным божеством, с асурой Варуной в «Ригведе» и Ахура-Маздой (или ахурой Маздой) у иранских племен (индийское *асура* соответствует иранскому *ахура* — «господин», «владыка»).

Во многом повторяются и космологические представления. Так, и в индийских, и в иранских текстах говорится о трех плоскостях космоса — небе, пространстве между небом и землей, земле. Каждая из этих сфер наделялась сходными символами, а также связывалась с одними и теми же богами; первая — с верховными небесными божествами, вторая — с богами ветра, грозы и войны, третья — с рядом божеств, обычно связанных с плодородием и процветанием.

В индийской и иранской религиозной и литературной традициях исследователями выделены многие совпадающие сюжеты мифов и эпических сказаний. Далеко идущие аналогии обнаруживаются и во многих других областях духовной культуры древних иранцев и индоарийцев.

Анализ таджикской мифологии показывает, что в ней сохранились прямые переживания представлений, восходящие ко времени индоиранской общности. Ограничимся одним-двумя примерами. Как пишет М. С. Андреев, миф об Отце-Небе и Ма-

тери-Земле, «двух великих родителей» «Ригведы», сохранился в представлениях таджиков. В Язгулеме, в частности, небо до сих пор называют *дед* — отец, а землю — *мам* — мать. Этому соответствует также разделение времен года на мужские и женские. Осень и зима считаются мужскими так как в это время выпадают осадки, оплодотворяющие землю. Весна и лето считаются женскими, так как природа в это время родит.

Но и в «Ригведе» Земля и Небо выступают как Мать и Отец, как тесно соединенная пара. Следы этих верований сохранились и у древних греков и других народов, так что их можно считать не только индоиранскими, но и индоевропейскими. Цикл верований, связанных с горным козлом, чрезвычайно близок у горных таджиков и у дардских народов⁶¹.

Очень важными являются и другие сходства, говорящие об общем наследии в области экономики и образа жизни, организации общества и социально-политической структуры. Сравнительные данные говорят, что предки индоарийских и иранских племен вели одинаковый образ жизни со сходными формами оседлого или полuosедлого быта, занимались скотоводством и земледелием. Следует заметить, что земледелие было постоянной отраслью хозяйства древних ариев⁶², хотя скотоводство и выдвигалось на первый план, а обладание скотом становилось главным мерилем богатства и процветания. Известны и многие общие древнеиранские и древнеиндийские слова, обозначающие домашних животных и культурные растения, орудия скотоводческого и земледельческого хозяйства и связанные с ними термины (как, например, иранское *гау* и индийское *гау* — бык, корова; *аспа* и *ащва* — лошадь; *уштра* и *уштра* — верблюд; *карши* и *криши* — борозда, пахота; *йава* и *йава* — зерно, хлебный злак и т. д.).

Уже в «арийский период» предкам индийских и иранских племен была хорошо знакома металлургия. Иранские и индийские языки сохранили ряд общих названий металлов — иранское *айах* и индийское *айас* — металл вообще или медь, бронза, позже — железо, иранское *заранья* (или *даранья*) и индийское *хиранья* — золото, *аршата* и *раджата* — серебро и др. Одинаковыми были и многие орудия труда (в том числе изготовлявшиеся из металла) и предметы вооружения (копье, лук и др.), а также обозначавшие их термины. Очень важны данные, свидетельствующие о применении индоиранцами уже в «арийский период» боевой колесницы (иранское *рата*, индийское *ратха*), за

⁶¹ Андреев М. С., 1927, стр. 77—78; Литвинский Б. А., 1964, стр. 147—150. Параллели верованиям об Отце-Небе и Матери-Земле см.: Schroeder L., 1923, S. 582—583; Gonda J., 1960, S. 95, 99; Campbell L. A., 1968, p. 152, 156—157; Огибенин Б. Л., 1968, стр. 13.

⁶² Ср.: Грантовский Э. А., 1967, стр. 346—347, 377—378.

также о широком развитии у этих племен коневодства. Сходными были военная организация племен; характер и метод ведения войны.

Единообразной была и организация общества по семьям, родам и племенам с детальными совпадениями отдельных институтов, обычаев и соответствующей терминологии (ср., например, иранское *вис* и индийское *виш* — род, селение, община и др.). Сравнение иранской и индийской традиции и лексики определенно свидетельствует, что арийские семья и род были давно организованы на патриархальной основе. Одной из важных ячеек организации арийского общества являлась, например, связанная общим родством (по мужской линии) и общим происхождением от одного предка группа, включавшая членов ряда принадлежащих к ней семей и входившая вместе с другими такими группами в более крупные общественные единицы — род (или общину) и племя (или союз общин). У древних иранцев и индийцев члены таких групп, связанные ближайшим родством, обладали аналогичными имущественными, культовыми и прочими правами и обязанностями; существовали общие принципы наследования в пределах этих групп, одинаковые обычаи посвящения их совершеннолетних членов и т. д. В Индии такие группы обычно назывались «готрами» (*готра* из арийского *гаутра*); тот же термин сохранился и в иранской традиции (среднеперсидское *гохр*, *гохр-ак* из древнеиранского *гаутра*)⁶³.

Социальные отношения были уже весьма сложными. Имелись группы неполноправного и зависимого населения.

Полноправное свободное население делилось на три группы: жречество, военную знать и свободных общинников — скотоводов-земледельцев. Данные о социальном делении на эти три группы отражены уже в «Ригведе», а также и в «Авесте», начиная с ее древнейших частей, как и в эпической традиции других иранских племен, в том числе у скифов и осетин. На единое происхождение этого индийского и иранского института указывает и детальное совпадение связанных с данным тройственным делением идеологических представлений. Так, и в индийской, и в иранской традиции каждая из этих социальных групп ассоциируется с одной из плоскостей космоса (жречество — с небесной, военная знать — с пространством между небом и землей, являющимся одновременно сферой бога войны, общинники — с землей и сферой плодородия и процветания), а также с определенным цветом (жречество — с белым, военная знать — с красным и т. д.). С последним обстоятельством, очевидно, связано и название этих социальных групп — индийское *варна*.

⁶³ Периханян А. Г., 1968, стр. 28—53.

и иранское *пиштра* (оба слова имеют буквальное значение «цвет») ⁶⁴.

Представители военной знати в древнеиранской и древнеиндийской традициях описываются как колесничие-воины. На это указывает и обычное авестийское обозначение данной группы — *ратайштар* — колесничий, буквально «стоящий на колеснице»; соответствующее индийское *ратхештха* также встречается в перечислении варн для обозначения этой группы наряду с более обычным *кшатрийа* — кшатрий (также и в иранской традиции в этом значении иногда употреблялось соответствующее *хшатрья*, *хшатра*). Вместе со свидетельствами о широком применении боевой колесницы (*ратха*, иранское *рата*) эти данные позволяют сделать и некоторые общие выводы социально-экономического характера. Само существование боевой колесницы указывает на использование металлических орудий и развитое ремесло, а наличие профессиональных воинов-колесничих свидетельствует о существовании военной знати, которая, хотя бы частично, была свободна от производительного труда и имела, таким образом, нетрудовые источники дохода ⁶⁵. Это также подразумевает наличие и зависимых групп населения.

Во главе арийских племен стояли вожди или «цари», происходившие из среды военной знати. Для их обозначения в иранской и индийской традициях употреблялись различные термины, в том числе образованные от древнеиранского *хшай*, древнеиндийского *кшай* — господствовать, властвовать (к одному из таких древнеиранских слов от *хшай* восходит и слово *шах*, таджикское *шоҳ*). Того же происхождения иранское *хшатра*, индийское *кшатра* — власть, господство, царство.

Институт власти таких вождей, позже царей, как и некоторые другие в системе управления у древнеиндийских и древнеиранских племен равным образом восходят к «арийскому периоду».

О близости и единстве предков различных индоиранских племен свидетельствует и их общее самоназвание — «арья» ⁶⁶. Оно было широко известно как по древнейшим иранским и индийским текстам, так и по другим источникам. От этого же названия происходит и современное «Иран» — от древнеиранского «Арьянам» («[Страна]ариев»); индийское «Арьяварта» («Страна ариев» — Северная Индия или ее часть с центром в междуречье Джамны и Ганга, т. е. один из древнейших арийских цент-

⁶⁴ Dumézil G., 1930, p. 109—130; 1958; Benveniste E., 1932, p. 117—134; 1938, p. 629—650; Грантовский Э. А., 1960; 1970, стр. 158, 208—209, 348 и сл.; Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф., 1969, стр. 164—166.

⁶⁵ Ср.: Грантовский Э. А., 1970, стр. 350.

⁶⁶ О толкованиях первоначального, этимологического значения этого слова, употреблявшегося позже также в общем значении «благородный», «свободный», см.: Thieme P., 1938; Абаев В. И., 1958 а; Mayrhofer M., 1961, S. 179 ff.

ров в Индии), авестийское «Арьянам-вайчах» («Арийский простор») — легендарная родина иранцев; названия ряда иранских племен и племенных групп: мидийское племя аризанты (буквально «племя ариев»), сарматское племя арии, племенной союз аланы (как и самоназвание осетин в их нартовском эпосе — *аллон* — от древнеиранского *арьяна*⁶⁷ и т. д.).

Таким образом, данные индийских и иранских языков, свидетельствующие об их происхождении из одного общего источника, систематические и глубоко идущие сходства в религии и культуре, социальной и политической организации, хозяйстве и образе жизни иранских и индийских племен на заре их письменной истории, их общее самоназвание указывают на общность предков иранских и индийских племен в «арийский период». Индоиранское единство является, следовательно, не только языковым явлением, оно представляло собой реальное историческое целое, существовавшее в определенный период на единой территории. В результате хозяйственного и социального развития в этот период началось распространение арийских племен на другие территории, что привело к их разделению на иранские и индоарийские.

Пути расселения индоиранских племен и среднеазиатские археологические комплексы

Где же обитали индоиранские племена до их разделения, когда и какими путями происходило расселение с соответствующих территорий предков тех или иных иранских и индоарийских племен?

В науке существуют различные мнения по этим вопросам⁶⁸. Но наиболее распространенным является положение, по которому предки различных индоиранских племен жили до своего расселения где-то в областях около Черного моря, а затем в Средней Азии и соседних с ней районах, и с этих территорий одна группа индоариев пришла в Индию, другая — проникла в Переднюю Азию, где около середины II тыс. до н. э. отмечены следы их речи и культуры, а затем иранские племена, предки мидян, персов и др., продвинулись в Западный Иран. Такой точки зрения придерживалось и придерживается большинство историков и иранистов-лингвистов⁶⁹. Подобное мнение полностью преобладает и среди советских археологов; при этом обычно ариями или иранцами считают носителей андроновской или иных степных культур Средней Азии эпохи бронзы (А. Н. Берн-

⁶⁷ Ср.: *Абаев В. И.*, 1958, стр. 47.

⁶⁸ История вопроса о происхождении иранских и арийских племен подробно изложена в книге Э. А. Грантовского (1970, гл. 1, стр. 7—66; ср. подробные библиографические ссылки к некоторым, излагаемым ниже, мнениям).

штам, С. П. Толстов, М. А. Итина, Ю. А. Заднепровский, Е. Е. Кузьмина, А. М. Мандельштам и др.); по другой точке зрения, арийским было и население земледельческого юго-запада Средней Азии и соседних районов Ирана и Афганистана уже с III тыс. до н. э. или с его второй половины (С. П. Толстов, В. М. Мас-сон, И. М. Дьяконов, Ю. В. Ганковский и др.).

Высказывались, однако, и другие мнения. Так, полагают, что иранские племена — предки мидян, персов и других западноиранских народов — попали в Иран не с востока, из Средней Азии, а с севера, через Кавказ (Г. Хюсинг, Ф. Кениг, Р. Гиршман, Э. А. Грантовский). В соответствии с этим считают, что во II тыс. до н. э. иранские племена или их часть жили в Юго-Восточной Европе. И в этом случае обычно считают, что другая часть иранских племен обитала тогда в Средней Азии и соседних на севере районах, а предки индоариев пришли в Индию из Средней Азии.

Выдвигалось, однако, и положение, согласно которому иранские племена, придя через Кавказ в Иран, уже отсюда проникли в Южное Приуралье и другие области Средней Азии (Ф. Альтхайм, К. Йеттмар).

Группу ариев, проникших во II тыс. до н. э. в Переднюю Азию, нередко также «ведут» через Кавказ. Но и при этом чаще считают, что другие арийские племена, предки иранцев и индоариев, обитали вместе в Средней Азии и в соседних районах до того, как началось их расселение отсюда в другие страны, в том числе предков индоарийских племен в Индию⁷⁰. Их приход в Индию относят в этом случае ко второй половине или последним векам II тыс. до н. э., а «Ригведа» датируется многими специалистами временем около XII—X вв. до н. э.⁷¹

Некоторые авторы, исходя из мнения о кавказском пути переднеазиатских ариев, утверждали, что именно они были предками ариев Индии, куда двинулись после того, как были вытеснены из областей Передней Азии около XII в. до н. э.⁷² Одновременно выдвигалось положение, согласно которому археологические материалы свидетельствуют о продвижении предков ведических ариев в Индию через Иран со стороны Передней Азии и Закавказья в последних веках II тыс. до н. э., около XII—X вв. до н. э.

⁶⁹ Ср. в работах В. Гейгера, Эд. Мейера, В. В. Бартольда, Э. Херцфельда, А. Кристенсена, Э. Бенвениста, Дж. Камерона, И. М. Дьяконова, Г. А. Меликишвили, И. М. Оранского, И. Алиева, Р. Фрая и др.

⁷¹ Ср. в указанных работах Т. Барроу, Р. Хаушильда и др. Р. Хаушильд при этом, например, полагает, что предки индоариев до прихода в Индию долгое время жили в Средней Азии и соседних районах Афганистана вместе с предками ряда иранских племен, в том числе «авестийцев».

⁷² См. в ряде работ П. Кречмера, В. Бранденштайна и др.

⁷⁰ Burrow T., 1955, p. 1—34; Hauschild R., 1962; ср. также: Иванов В. В., Топоров В. Н., 1960, стр. 10—22.

Можно, наконец, указать еще и на совершенно иную точку зрения, по которой арийские племена обитали в Индии очень давно, уже в III тыс. до н. э. или даже ранее. Это мнение связано с распространенной ранее (но принимаемой и теперь некоторыми индийскими учеными) датировкой «Ригведы» временем ранее II тыс. до н. э. Между тем этот древний памятник древнеарийской религиозной литературы складывался определенно уже в Индии (примерно в пределах территории Пенджаба и верховьев Джамны и Ганга). С открытием в долине Инда и соседних районах культуры Хараппы — Мохенджо-Даро, существовавшей во второй половине III — первых веках II тыс. до н. э., некоторые ученые продолжали считать, что арии уже жили тогда в Индии и что эта культура была арийской⁷³. Более того, существует даже мнение, что «Ригведа» возникла еще до сложения хараппской культуры⁷⁴.

Таким образом, как мы видели, высказывались самые различные точки зрения о ранних областях обитания арийских племен, о времени и путях их расселения в те или другие страны. Это, однако, не означает, что не существует никаких надежных оснований для решения арийской проблемы. Напротив, накопленные в науке данные и объективные выводы многих исследований позволяют, с одной стороны, отвергнуть как необоснованные некоторые из охарактеризованных выше теорий, а с другой, — признать вполне убедительным ряд других положений. Новые материалы, и в частности полученные за последнее время в результате работ советских археологов в Средней Азии, дают возможность сделать некоторые, более определенные выводы и предположения.

Явно несостоятельным следует признать мнение, по которому арийские племена жили в Индии еще в III тыс. до н. э., и гипотезу об арийской принадлежности населения культуры Хараппы. Непосредственная близость индоарийских языков к иранским, принадлежность арийской группы в целом к индоевропейской семье языков, данные об интенсивных и длительных контактах носителей этих языков и ряд других соображений не позволяют предполагать, что арийские племена появились в Индии ранее, по крайней мере, начала II тыс. до н. э.⁷⁵ А хараппская культура возникла около XXIV—XXIII вв. до н. э. (или в середине III тыс. до н. э.). К тому же, как показывают археологические данные, она возникла на основе развития более ранних

⁷³ См., например, в сб.: «The Vedic Age», 1950, p. 194 sq., 216 sq.

⁷⁴ Sastri K. N., 1956, p. 142.

⁷⁵ Некоторые индоевропейцы, иранисты и индологи, в том числе Т. Барроу и Р. Хаушильд, считают, что предки индоарийских племен жили в Средней Азии рядом с предками иранских еще долгое время после 2000 г. до н. э. Ниже см. о времени, до которого должны были продолжаться непосредственные контакты предков индоариев и иранцев.

местных культур долины Инда и соседних районов, распространенных здесь в первой половине и середине III тыс. до н. э.⁷⁶ Уже поэтому нужно признать, что создатели харапской культуры принадлежали к доарийскому населению Индии.

Вместе с тем, по убедительному мнению ряда современных ученых, носители харапской культуры говорили на языке дравидийской группы или близком к ней. Именно к этой группе принадлежало, по-видимому, доарийское население долины Инда и соседних районов. На это указывает сильное дравидийское влияние на арийские языки Индии, четко прослеживаемое уже для времени «Ригведы», и ряд других данных⁷⁷.

В настоящее время народы, говорящие на языках дравидийской группы, распространены в основном в более южных районах Индии. Но теперь в областях к западу от Инда, на территории современного Пакистана и в соседних районах на юге Афганистана сохранилась дравидоязычная народность брагуи⁷⁸. Еще в предшествующие столетия дравидоязычные группы на этих территориях были более многочисленны. На протяжении многих веков они постепенно ассимилировались индоарийскими и иранскими племенами и народами.

Следует также упомянуть, что, по мнению группы советских ученых, ведущих работы по исследованию письменности харапской культуры с помощью вычислительной техники, полученные результаты позволяют считать, что язык этой письменности не мог быть арийским, но является родственным дравидийским и принадлежит, по-видимому, к этой языковой группе (на ее древней протодравидийской стадии развития)⁷⁹. Подобные работы ведутся и за рубежом, причем исследователи приходят примерно к тем же выводам о принадлежности языка надписей культуры Харалпы⁸⁰.

Таким образом, по различным основаниям можно считать вполне определенным заключение о том, что культура Харалпы не была арийской, а индоарийских племен еще не было в Индии до первых веков II тыс. до н. э.

Вместе с тем неприемлемым является и мнение о том, что индоарийские племена происходят от ариев, данные о языке и культуре которых содержатся в переднеазиатских источниках около середины II тыс. до н. э. Лингвистические и исторические

⁷⁶ Бонгард-Левин Г. М. и Ильин Г. Ф., 1969, стр. 88—92; см. указанную там литературу.

⁷⁷ Bloch J., 1934, p. 321—331; Burrow T., p. 373—378; Воробьев-Десятовский В. С., 1956, стр. 99—110; Етенаи М. В., 1956; Дьяконов И. М., 1967, стр. 108—113; Бонгард-Левин Г. М. и Ильин Г. Ф., 1969, стр. 105—106 и др.

⁷⁸ По мнению лингвистов, выделение из протодравидийского языка той группы, к которой принадлежит современный язык брагуи, относится ко времени не позже IV—III тыс. до н. э. (ср.: Андронов М. С., 1965, стр. 13—14).

⁷⁹ «Предварительное сообщение», 1965; «Proto-Indica», 1968.

⁸⁰ Parpola A., Koskeniemi S., Parpola S., Aalto P., 1969.

доводы, выдвигавшиеся в пользу этого положения, были позже опровергнуты в работах ряда ученых, показавших также, что эти переднеазиатские арии не могли быть предками арийских племен Индии⁸¹. Равным образом и археологические аргументы, якобы свидетельствующие о движении индоарийских племен из Передней Азии и Закавказья около XII—XI вв. до н. э., оказались несостоятельными⁸².

Что же касается теории, по которой предки мидян, персов и других западных иранцев пришли в Иран через Кавказ, то, хотя этой точке зрения и следует в настоящее время целый ряд авторов, ее все же нельзя считать доказанной. Нам кажется более вероятным, что и в Иран, как определено и на ряд других территорий, иранские племена продвинулись из Средней Азии. Можно допустить и оба пути, как непосредственно из Средней Азии, так и через Кавказ⁸³. Но при этом нужно иметь в виду, что районы Юго-Восточной Европы, откуда в этом случае пришли в Иран некоторые западноиранские племена, должны были, очевидно, составлять непосредственное продолжение территорий на востоке, включая Среднюю Азию, занятых иранскими племенами. Допустимо также предположение, что эта группа западноиранских племен, если она действительно продвинулась через Кавказ, перед этим пришла с востока по районам к северу от Каспийского моря⁸⁴, т. е. проделала тот же путь, по которому позже двигались скифы.

Но во всяком случае следует исключить, как явно неверное, мнение о том, что иранские племена появились в Средней Азии, придя с территории Ирана. Аргументы сторонников этого мнения определенно несостоятельны⁸⁵. Реальные данные свидетельствуют о том, что иранские племена широко распространились в Западном Иране в первых веках I тыс. до н. э., а появились здесь не ранее самого конца II или рубежа II—I тыс. до н. э.⁸⁶ А в Средней Азии иранские племена, как об этом свидетельствуют и историко-лингвистические и археологические данные, находились, во всяком случае, уже во второй половине II — начале I тыс. до н. э.

---

⁸¹ *Mayrhofer M.*, 1966.

⁸² *Деопик Д. В. и Мерперт Н. Я.*, 1957; *Sankalia N. D.*, 1963; *Грантовский Э. А.*, 1970, стр. 15, 36, 46 и др.; см. также *Дьяконов И. М.*, 1970.

⁸³ Ср. сходное мнение *Б. А. Литвинского* в кн.: *Литвинский Б. А. и др.*, 1962, стр. 295; *Литвинский Б. А.*, 1967 а, стр. 126—127.

⁸⁴ См., например, мнение *В. Бранденштайна*, согласно которому арийские и иранские племена давно жили на территориях к востоку от Урала и Каспия; движение западноиранских племен, попавших, как он полагает, в Иран через Кавказ, Бранденштайн начинает из областей к северо-востоку от Каспийского моря.

⁸⁵ См. их разбор в книге *Э. А. Грантовского* (1970, стр. 21, 39—41, 52, 166—168).

⁸⁶ См. там же, стр. 304 и сл.

Большая часть современных иранских народов: персы, афганцы, курды, белуджи и др.—обитает на Иранском плато и соседних на западе и востоке территориях. Но еще во II тыс. до н. э. территория Западного Ирана была населена народами, принадлежавшими к иным этническим и языковым группам (эламиты, лубубеи, касситы и др.). В первых веках I тыс. до н. э. в Западном Иране, события в котором в эту эпоху освещены письменными источниками, эти этнические группы постепенно уступали свои позиции иранским племенам, продвигавшимся по территории Ирана и ассимилировавшим старое местное население⁸⁷.

В древности область распространения иранских языков и племен была намного обширнее, чем в средние века и в новое время. Она простиралась от Юго-Восточной Европы до Восточного Туркестана и от Приуралья и Южной Сибири до юга Ирана.

Античными источниками непосредственно засвидетельствовано продвижение групп ираноязычных племен с востока в Юго-Восточную Европу, в области к северу от Кавказа и Черного моря. Это были скифы, пришедшие сюда в IX—VIII вв. до н. э. (после чего на рубеже VIII—VII вв. до н. э. часть скифов прошла через Кавказ в Переднюю Азию), а затем сармато-аланские племена. В число последних входили и предки одного из значительных современных иранских народов — осетин, живущих в настоящее время на Кавказе. До продвижения на запад центром сарматских племен, как об этом свидетельствуют письменные источники и археологические данные, были территории к северу от Каспийского и Аральского морей до Зауралья.

Таким образом, исторически и археологически зафиксировано продвижение иранских племен в Юго-Восточную Европу из областей к востоку от Волги и Урала. Причем в этих областях иранские племена обитали, во всяком случае, ранее начала I тыс. до н. э.

На территорию Восточного Туркестана иранские племена, в том числе предки носителей известного по дошедшим текстам хотано-сакского языка, могли попасть лишь из Средней Азии или соседних районов Казахстана. К III—II вв. до н. э. иранские племена преимущественно, по-видимому, сакской группы занимали значительные территории в Восточном Туркестане. Имеющиеся для указанного времени письменные источники об этих территориях свидетельствуют, что названные племена обитали здесь задолго до III в. до н. э. (рядом с другими индоев-

---

⁸⁷ История этого процесса подробно исследована (с определенными расхождениями в оценке удельного веса ираноязычных племен среди населения Западного Ирана на протяжении указанной эпохи) в монографиях: Дьяконов И. М., 1956; Алиев И., 1960; Грантовский Э. А., 1970.

ролейскими племенами — тохарами), а много позже начинается экспансия на эти территории с северо-востока, со стороны племен тюрко-монгольской группы.

Территорию самой Средней Азии к VII—VI вв. до н. э., как уже говорилось выше, целиком занимали иранские народности — бактрийцы, хорезмийцы, согдийцы, племена сакской группы и др. На основе этих народностей, и прежде всего бактрийцев и согдийцев, в раннем средневековье и сформировался таджикский народ.

К указанному времени иранские земледельческие племена, безусловно, уже давно обосновались на соответствующих территориях и занимали одноименные области: бактрийцы — Бактрию, согдийцы — Согдиану, хорезмийцы — Хорезм, маргианцы — Маргиану, арейцы — Арейу (по течению Герируда, с центром в районе Герата на территории современного Афганистана), парфяне — Парфию (северная часть которой находилась на территории Южной Туркмении, а южная — в прилегающих районах Ирана). Развитие иранских кочевых племен, и в частности сакских, также уходит, как непосредственно свидетельствуют и археологические материалы, в предшествующую VI в. до н. э. эпоху истории Средней Азии.

То, что в Средней Азии иранские племена обитали задолго до VII—VI вв. до н. э., определенно подтверждается данными «Авесты», ранние части которой создавались в Средней Азии в первые века I тыс. до н. э. Здесь же упоминаются среднеазиатские области, а также некоторые примыкающие к ним районы, в том числе Согд, Маргиана, Хорезм, Арейа и др.

«Авеста» сохранила также воспоминание о полулегендарной стране, именуемой Арьянам-вайчах («Арийский простор»), ранней области обитания иранских (или арийских вообще) племен. Ряд ученых (И. Маркварт, Э. Бенвенист, А. Кристенсен, С. П. Толстов и др.) отождествляет эту страну непосредственно с Хорезмом.⁸⁸ Но правильнее, по-видимому, видеть в ней не Хорезм (к тому же фигурирующий в «Авесте» под своим именем), а более обширную территорию Средней Азии и примыкающих к ней на севере областей. Подобное мнение высказывал в свое время известный русский востоковед К. И. Иностранцев, и подобной точки зрения придерживаются в настоящее время некоторые советские ученые.⁸⁹

Накопленные в науке данные об интенсивных связях арийских (вообще, а затем иранских) языков с финно-угорскими свидетельствуют о том, что территория арийских (а затем иранских) племен простиралась на севере до лесной полосы между

⁸⁸ Литературу см. в работах: Смирнов К. Ф., 1964, стр. 191; Грантовский Э. А., 1970, стр. 18.

⁸⁹ Иностранцев К. А., 1911, стр. 316; Смирнов К. Ф., 1964, стр. 191.

Поволжьем и Западной Сибирью, т. е. до территории, где могли осуществляться связи с финно-уграми. Указывают также на еще сохранившиеся до «арийского периода» контакты арийских диалектов и племен с другими индоевропейскими. Это предполагает распространение территории арийских племен на северо-западе до степей Юго-Восточной Европы.

Вместе с тем иранские, или ранее арийские, племена обитали и на степных просторах к северо-востоку и востоку от Средней Азии. Это предположение может быть сделано и на основании сведений о населении этих территорий в более поздний период (с середины I тыс. до н. э.), и по археологическим данным о гораздо более ранней эпохе. В Средней Азии и в соседних на севере районах иранские племена обитали в последних веках II — начале I тыс. до н. э., что, как мы видели, определенно следует и из трактовки материалов письменных источников. Это означает, что иранским племенам принадлежали археологические памятники, распространенные на данных территориях в указанное время. Это памятники культур андроновского круга (или также срубно-андроновского, культуры тазабагъябская, кайраккумская и др.). Но однотипные по археологическим особенностям, а также по антропологическому облику европеоидного населения культуры в середине II — начале I тыс. до н. э. были распространены и далее на востоке, в том числе на территории Восточного Туркестана, где, в частности, были сделаны находки керамики андроновского типа. Позже, в I тыс. до н. э., в этих областях, в том числе в районе Алтая и в Восточном Туркестане, обитали скифо-сакские племена. Кроме того, в Восточном Туркестане найденными здесь текстами I тыс. н. э. засвидетельствованы два близко родственных языка (или диалекта) иной группы, которые называются в науке тохарскими, а их носители — тохарами (или пратохарами).

В более ранний период они занимали, безусловно, более обширные территории, в том числе западнее. О появлении тохар в этих областях в науке существуют различные мнения⁹⁰. Но важно отметить, что лингвистические данные явно свидетельствуют об определенных контактах пратохар с восточноиранскими племенами.

Итак, представляется, что ранней территорией обитания и основным центром распространения иранских племен была Средняя Азия и примыкающие к ней на севере районы. Учитывая близкое родство или единство предшественников иранских и индоарийских племен, следует полагать, что и предки индоариев обитали примерно на тех же территориях до того, как начали свое продвижение в сторону Индии. Все эти положения

⁹⁰ См. о них: ИТН, I, стр. 127—128; Абаев В. И., 1965, стр. 136—139; Грантовский Э. А., 1970, стр. 20, 360.

подтверждаются археологическими данными и, особенно, новыми материалами, полученными в результате раскопок в Средней Азии.

Мы видели, что со времени неолита в Средней Азии выделяются две резко отличающиеся друг от друга хозяйственно-культурные области. На юго-западе, в Южной Туркмении, развивается, достигая наивысшего расцвета в конце III — первых веках II тыс. до н. э., культура земледельцев, примыкающая к сходным по типу культурам Ирана и соседних южных областей. На большей же части Средней Азии бытуют культуры, сходные с распространенными в областях на севере. Именно население этих территорий, и прежде всего степные племена эпохи бронзового века, обычно и связываются с ариями и иранцами.

Выдвигалось и иное мнение, по которому, как говорилось выше, ариями были земледельцы юго-запада Средней Азии, причем еще до конца III тыс. до н. э. Эта теория исходит, в частности, из допущения, что арийскими были как земледельческие племена юго-запада Средней Азии, так и степные племена. Но это означало бы, что различные группы арийских племен жили в совершенно различных экономических и культурных условиях, чему явно противоречат имеющиеся (в том числе и охарактеризованные выше) историко-лингвистические данные об ариях⁹¹. Вместе с тем данные о хозяйственном и социально-культурном облике предков индийских и иранских ариев вполне согласуются с материалами степных, скотоводческо-земледельческих культур эпохи бронзы, но вряд ли могут быть увязаны с данными о земледельцах юга Туркмении⁹².

Необходимо также учитывать, что культуры Южного Туркменистана с эпохи неолита до ранней бронзы входили в круг земледельческих культур, распространенных южнее, в Иране и соседних районах от Передней Азии до Афганистана и Индии. Они обнаруживают большую близость или однотипность в хозяйственно-экономическом и культурном отношении. Имеются и многочисленные археологические свидетельства, указывающие на то, что в ту эпоху, в том числе особенно в период позднего энеолита и ранней бронзы, существовали интенсивные связи между земледельцами Туркменистана и упомянутых южных культур Ирана и соседних областей; отмечались и факты, говорящие о близости духовной культуры; полагают также, что имело место генетическое родство между населением Южной Туркмении и соседних на юге областей Ирана и Афганистана и передвижение населения по этим территориям⁹³.

⁹¹ Грантовский Э. А., 1970, стр. 367.

⁹² Ср. там же; против индоевропейской принадлежности коренного населения юга Туркмении в III—II тыс. до н. э. возражает также А. М. Мандельштам («Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», стр. 255—256).

⁹³ Ср., например: Массон В. М., 1957 а; он же, 1964; Хлопкин И. Н., 1966, стр. 125—128; «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», стр. 167—169.

Таким образом, по общему хозяйственно-культурному облику, вероятно, и этнически земледельцы юга Туркмении эпохи энеолита и ранней бронзы были связаны с населением Ирана, Афганистана и соседних областей. Арийских же племен в то время в этих странах быть еще, очевидно, не могло, а с другой стороны, имеются вполне определенные данные о том, что на их территориях обитало тогда население иной этнической и языковой принадлежности.

Напротив, культуры другой, большей, части Средней Азии однотипны в хозяйственно-экономическом и культурном отношении и обнаруживают постоянные контакты с культурами северных районов, т. е. с территориями, с которыми и по историко-лингвистическим данным были определенно связаны индоиранские племена. Следует также учитывать, что в начале эпохи бронзы еще должны были сохраняться определенные связи предков ариев с индоевропейскими племенами Европы.

Вместе с тем данные археологии о населении степных культур эпохи бронзы в Средней Азии и районах к северу вполне совпадают с тем, что нам известно о предках иранских племен и индийских ариев по сравнительным историческим и лингвистическим материалам. У степных племен эпохи бронзы было широко развито скотоводство, но они были хорошо знакомы и с земледелием; тот же тип хозяйства (скотоводческо-земледельческий с прогрессирующим значением скотоводства и скотом как главным показателем процветания и богатства) был характерен, как мы видели, и для ариев. И индоиранские племена, и степные племена эпохи бронзы были коневодческими, причем разведение лошадей занимало большое место в их скотоводстве. Уровень социального развития степного населения в эту эпоху также был уже достаточно высок. Так, на основании материалов могильников археологи устанавливают, что уже тогда у степных племен существовала патриархальная семья, возникло имущественное и социальное неравенство⁹⁴. Те же черты были свойственны и арийскому обществу. Выше говорилось о весьма высоком развитии металлургии у индоиранских племен уже с арийского периода. Это также прослеживается и по археологическим материалам, относящимся к степным культурам эпохи бронзы⁹⁵.

В этом отношении характерны, например, данные, полученные археологами Таджикистана при раскопках на севере республики (в Кайраккумах), которые непосредственно указывают на широкое местное производство изделий металлургии⁹⁶.

---

⁹⁴ Ср.: «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», стр. 228—230; см. также: Грантовский Э. А., 1970, стр. 359.

⁹⁵ Ср., например: *Stagul G.*, 1969, p. 56—57, 86.

⁹⁶ Литвинский Б. А. и др., 1962, стр. 170—231.

Историко-лингвистические данные, свидетельствующие о том, что предки индийских и иранских ариев еще жили вместе в период весьма широкого развития у них металлургии и использования металлических орудий, могут иметь значение и для датировки времени, до которого продолжалась эпоха совместного обитания предков различных индоиранских племен. Учитывая археологические материалы из Средней Азии и территорий к северу от нее, указанное обстоятельство дает основание считать, что предки индоариев еще жили рядом с предками иранских племен в пределах своей древней родины, по крайней мере, до первых веков II тыс. до н. э. или даже до его середины.

Примерно к тому же времени следует отнести начало движения арийских племен из Средней Азии к югу и по иным основаниям.

Земледельцы юга Туркмении времени энеолита и ранней бронзы, очевидно, не могли быть ариями. Но как и земледельческая культура юго-запада Средней Азии в период своего расцвета, и еще в большей степени, чем она, по тем же и ряду других причин не могут считаться арийскими протогородская и городская культуры Северо-Восточного Ирана (Гиссар III и др.), Южного Афганистана (Мундигак IV), долины Инда с памятниками времени Мохенджо-Даро — Хараппы и т. д.

Однако на всех этих территориях археологически фиксируются значительные исторические изменения во второй четверти II тыс. до н. э. Происходит запустение старых центров, обширных поселений и городов, во многих местах отмечается резкое изменение керамики и замена старой, изготовленной на гончарном круге, лепной и т. д. Эти явления часто связывают с распространением новых племен, как нередко предполагают в таких случаях, продвинувшихся именно из Средней Азии и арийских (или индоевропейских) по этнической принадлежности⁹⁷.

Правда, пока нет прямых археологических свидетельств, указывающих на такое продвижение, хотя оно и представляется возможным. Можно допустить, что указанные изменения были вызваны и внутренними причинами⁹⁸, облегчившими затем проникновение на те же территории арийских племен.

Равным образом весьма распространенное мнение о том, что хараппская культура пала в результате вторжения в долину Инда арийских племен, не представляется обязательным. Имеющиеся материалы делают не менее вероятной и иную трак-

⁹⁷ *Stagul G.*, 1969, p. 56—57, 86.

⁹⁸ О предлагавшихся соответствующих объяснениях по отношению к земледельческой культуре Южной Туркмении ср.: «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», стр. 177; по отношению к городской культуре долины Инда времени Мохенджо-Даро — Хараппы см.: *Бонгард-Левин Г. М.* и *Ильин Г. Ф.*, 1969, стр. 113—115.

товку, по которой арийские племена появились в Индии несколькими веками позднее упадка хараппской культуры в долине Инда⁹⁹.

Но независимо от этих разногласий, то обстоятельство, что на территории Восточного Ирана, Южной Туркмении, Афганистана и Западной Индии упомянутые изменения в истории развивавшихся здесь много ранее культур еще не произошли примерно до XVIII—XVII вв. до н. э.¹⁰⁰, позволяет полагать, что до указанного времени активное продвижение арийских племен на упомянутых территориях еще не началось.

Более определенные данные, свидетельствующие об их расселении, имеются уже для середины и второй половины II тыс. до н. э. Относящиеся к этому времени богатые и разнообразные материалы, полученные в результате работ советских археологов, указывают, что это была эпоха активных племенных передвижений по всей территории Средней Азии. Степные племена вплотную подходят и к границам земледельческой зоны Южной Туркмении, а также проникают, по-видимому, в ее пределы и появляются на поселениях. Теперь имеются данные, непосредственно свидетельствующие о распространении степного населения до границ древних земледельческих оазисов на юге Туркмении,— на их окраинах обнаружены могильники самих степных племен, типичные для более северных районов¹⁰¹.

В тот же период происходит передвижение племен и в сторону Афганистана и Индии. В этом отношении особое значение имеют раскопки могильников в Южном Таджикистане, в долинах рек Кизыл-Су, Вахш и Кафирниган. Материалы этих могильников свидетельствуют, что они оставлены населением, материальная культура которого была близка культуре Намазга VI, а особенности погребального обряда — племенам степного круга. Антропологический облик населения, оставившего могильники, сближает их с населением южных областей — носителями культуры расписной керамики. Происхождение этих племен пока не может считаться установленным, существуют противоречивые попытки установить их генезис и культуру. На

⁹⁹ *Бонгард-Левин Г. М.*, 1962; *Бонгард-Левин Г. М. и Ильин Г. Ф.*, 1969, стр. 125—128 (в этих же работах см. обширную библиографию по соответствующим вопросам); для прихода ариев в Индию предлагаются примерные даты: XIV—XIII вв. до н. э. или более широко — вторая половина II тыс. до н. э.

¹⁰⁰ По наиболее вероятным в настоящее время датировкам, комплекс Намазга V на юге Туркмении относят к рубежу III—II и первой трети II тыс. до н. э. (ср. «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», стр. 151, 169); история одного из основных центров на северо-востоке Ирана этого времени, Гиссара, продолжалась примерно до XIX—XVIII вв. до н. э. (ср. *Dyson R. H.*, 1965, р. 240—242); города хараппской культуры в долине Инда существовали примерно до XVIII—XVII/XVI вв. до н. э. (ср. *Бонгард-Левин Г. М.*, 1962; *Бонгард-Левин Г. М. и Ильин Г. Ф.*, 1969, стр. 94—96, 114, 125—126).

¹⁰¹ «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», стр. 240—243.

основании погребального обряда и ряда особенностей могильников их исследователями было выдвинуто положение о связи данных могильников с арийскими племенами и об отражении здесь погребальной практики и некоторых других обычаев, свойственных и ведическим ариям, а также и восточноиранским племенам¹⁰².

Материалы этих южнотаджикистанских могильников приобретают тем больший интерес, что сходные и по ряду признаков могильники с близкими по конструкции могилами и типами погребального обряда были открыты пакистанскими и итальянскими археологами в области Сват на северо-западе современного Пакистана; первая (наиболее ранняя) группа этих могильников датируется примерно в пределах второй половины II тыс. до н. э.¹⁰³

Итак, с одной стороны, нет никаких оснований считать среднеазиатские племена эпохи энеолита и ранней бронзы индоарийскими, с другой, — очень вероятно, что именно индоарийцами были среднеазиатские (и находившиеся к северо-западу от них) степные племена развитой и поздней бронзы. Нам представляется продуктивной гипотеза, выдвинутая И. М. Дьяконовым, о процессе распространения индоиранских языков в среде земледельческих анауских племен Средней Азии на поздней стадии их развития под влиянием разнообразных контактов со степняками. В процессе этих контактов и образовались этнические общности, известные как индоиранские, и их культура. Эта гипотеза, развиваемая и другими исследователями (например, Б. А. Литвинским), лучше всего объясняет археологические материалы, но имеет ряд слабых сторон. Лишь накопление новых фактов позволит прийти к окончательному решению этой проблемы.

Вместе с тем приведенные данные могут свидетельствовать о передвижении племен в середине или второй половине II тыс. до н. э. из Средней Азии к югу, в том числе в сторону Индии и на ее территорию.

Однако распространение племен из Средней Азии в южном направлении продолжалось и позже — тогда, когда предки индоариев безусловно находились в Индии.

Археологи полагают, что в сложении в Южной Туркмении культурного комплекса, существовавшего в эпоху, следующую за периодом Намазга VI, большую роль сыграли степные племена, распространившиеся здесь или «завоевавшие» эти облас-

¹⁰² Там же, стр. 243—259; *Мандельштам А. М.*, 1968; *Литвинский Б. А.*, 1967 а, стр. 121—127.

¹⁰³ *Литвинский Б. А.*, 1967 а, стр. 122 и сл. (там же обширная библиография). Из новейших публикаций см. особенно: *Dani A. H.*, 1967; *Stagul G.*, 1969.

ти в начале названной эпохи, т. е. около рубежа II и I тыс. до н. э. или в начале I тыс. до н. э.¹⁰⁴

На крайнем востоке Средней Азии, на Памире, также отмечены переселения к югу племен, вышедших из среды степного населения и продвигавшихся сюда прежде всего, по-видимому, из районов Ферганы и соседних областей. Племена такого происхождения появляются на Памире еще в период бронзы, в конце II — начале I тыс. до н. э. С VII в. до н. э. по археологическим материалам Памира можно определенно говорить о племенах скифо-сакской группы. Археологические данные надежно свидетельствуют также об их продвижении к границам Индии¹⁰⁵.

Эти выводы непосредственно подтверждаются материалами письменных источников и историко-лингвистическими данными, независимо от археологических указывающими на то, что уже в VII—VI вв. до н. э. в области к югу от Памира, к границам Индии (частично и в ее пределы) и в районы Восточного Афганистана проникли и расселились здесь иранские племена, принадлежавшие к племенам сакской группы или близко родственные им, в том числе, очевидно, предки современных афганцев и мунджанцев¹⁰⁶.

Приход этих племен восточноиранской группы с севера, с территории Средней Азии, не вызывает сомнений.

Итак, мы видели, что и археологические материалы, и историко-лингвистические данные указывают на расселение различных арийских групп (в более ранний период преимущественно индоарийских, затем — иранских) из Средней Азии на юг, к Индии, Афганистану и, очевидно, в сторону Ирана.

Все это еще раз подтверждает, что Средняя Азия с примыкающими районами была основным центром распространения индоиранских племен и древней (хотя и не первоначальной) областью их обитания. Те из иранских племен, которые остались в Средней Азии, явились предками основного населения Средней Азии с начала исторической эпохи до раннего средневековья.

Впоследствии на базе восточноиранских народностей Средней Азии, прежде всего бактрийцев, согдийцев и в меньшей степени иных этнических компонентов, сложился таджикский народ.

¹⁰⁴ Кузьмина Е. Е., 1964.

¹⁰⁵ Литвинский Б. А., 1960 а; 1969.

¹⁰⁶ Грантовский Э. А., 1963 а, Литвинский Б. А., 1967 а, стр. 127—

**ВОСТОЧНОИРАНСКИЕ ПЛЕМЕНА СРЕДНЕЙ АЗИИ
НА ЗАРЕ РАННЕКЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА
(IX — СЕРЕДИНА VI в. до н. э.)**

**1. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
РАННЕЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА**

Металлургия железа

Картину общественной жизни в Средней Азии в конце II — начале I тыс. до н. э. позволяют восстановить археологические материалы в сопоставлении с некоторыми лингвистическими данными, а также древние письменные источники (относящиеся к более позднему времени).

В начале I тыс. до н. э. в Средней Азии научились получать железо из железной руды. Определяя значение железа в человеческой истории, Ф. Энгельс писал: «Человеку стало служить железо, последний и важнейший из всех видов сырья, игравших революционную роль в истории, последний — вплоть до появления картофеля. Железо сделало возможным полеводство на более крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из других известных тогда металлов. Все это не сразу; первое железо бывало часто еще мягче бронзы»¹.

Овладеть металлургическим процессом получения железа человеку помогло знакомство с металлургией бронзы. Выплавка железа производилась в так называемых сыродутных печах, где температура достигала 1300—1400°. Действующие печи подобного типа были обнаружены в 20-х годах XX в. М. С. Андреевым в долине Ванча².

Для первобытного человека превращение бесформенных кусков камня — руды в прочный ковкий материал казалось таинственным и непонятным. Это порождало почтительное отношение к металлургам-кузнецам и суеверный страх перед ними. Подобное отношение сохранялось до недавнего времени у многих

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 163.

² Андреев М. С., 1926, стр. 8—16.

народов. В частности, в некоторых районах Памира кузнецы считались наиболее уважаемыми людьми, а их мастерские почитались как святыни; им поклонялись, в кузнице после сбора урожая совершался обряд жертвоприношений. Наряду с этим в других верованиях кузнецы выступают в качестве представителей дьявола, а на употребление железа накладываются различные запреты, что явилось отражением страха людей перед металлом³.

Распространение железных орудий происходило медленно. Первоначально железо шло главным образом на украшения. Постепенно из него начинают все чаще изготавливать орудия и оружие. Процесс изготовления железных орудий путемковки был значительно более трудоемким, чем отливка бронзовых изделий. Новая техника осваивалась медленно; очевидные преимущества нового металла стали понятны далеко не сразу. В самом начале раннежелезного века в Средней Азии получили распространение бронзово-железные орудия и оружие, например кинжалы, у которых лезвие железное, а рукоять — частично или полностью — бронзовая.

В Средней Азии победа железного века произошла очень рано. Некоторые другие страны, например Китай, отставали в этом отношении от Средней Азии на несколько столетий.

Поселения

Памятники раннежелезного века в Средней Азии выявлены и изучены несравненно хуже, чем памятники каменного и бронзового веков.

В Южной Туркмении продолжали существовать некоторые поселения, жизнь которых началась еще в эпоху энеолита. Так, например, в самом Анау обнаружены слои, относящиеся к раннежелезному веку. Здесь найдены железные изделия, в том числе древнейшие в Средней Азии железные серпы, фрагменты ножа и др.⁴

В юго-западной части Туркмении, там, где располагается Мешхеди-Мисрианское плато, находились укрепленные и неукрепленные поселения с культурой иного облика, чем в Анау. Некоторые из них были очень крупными: например, площадь Изат-Кули достигала 50 га. Дома строились из очень крупного сырцового кирпича, который достигал в длину $\frac{3}{4}$ метра.

Мешхеди-Мисрианская долина орошалась с помощью каналов, забиравших воду из р. Атрек. Земледелие занимало значительное место в жизни обитателей поселений. Об этом свиде-

³ Зарубин И. И., 1926, стр. 126—127.

⁴ Schmidt H., 1908, p. 156—157.

тельствуется не только ирригационная сеть, но и обилие зерно-терок. Не приходится сомневаться в применении металлических серпов; вместе с тем продолжали употребляться каменные наборные серпы, вкладышевые кремневые пластинки от которых найдены.

На поселениях встречены куски железных шлаков. Из бронзы изготавливалось оружие, в том числе наконечники стрел и мечи. Керамика — высококачественная, изготовленная на гончарном круге. Она лишена орнамента⁵.

Наконец, третья (территориально) группа памятников обнаружена в Юго-Восточной Туркмении, в дельте Мургаба, т. е. в позднейшей Маргиане. Крупнейшим поселением здесь являлось Яз-депе в 34 км к северо-западу от Байрам-Али. Поселение состоит из почти прямоугольной цитадели и более широкой части (собственно поселения). В рассматриваемую эпоху (Яз-депе существовало и много позже) общая площадь его равнялась 16 га. В цитадели, на кирпичной платформе восьмиметровой высоты находилось обширное здание, включавшее продолговатые и квадратные помещения. Имелся большой прямоугольный зал. Таким образом, это был целый дворец, резиденция местного правителя.

Основную часть находок на поселении Яз-депе составляет керамика, которая, в отличие от мешхеда-мисрианской, большей частью вылеплена от руки⁶.

Раннежелезный век в Южном Таджикистане и Южном Узбекистане представлен поселениями Кучук-тепе (Сурхандарьинская область), Макони-Мор (Пархарский район, Южный Таджикистан) и некоторыми отдельными находками.

Поселение Кучук-тепе находилось в Музрабадской степи. Оно начало существовать еще в эпоху развитой бронзы и продолжало свою жизнь вплоть до середины I тыс. до н. э. В рассматриваемый период на этом поселении существовало овальное здание (в 1962—1964 гг. было раскопано 17 помещений), выстроенное из продолговатых кирпичей. Здание окружено круглой оборонительной стеной. Здесь найдены литейные формы, бронзовые и каменные изделия, в том числе каменные серпы⁷.

Другое поселение этого времени найдено таджикскими археологами в низовьях Кизыл-Су, в местности Макони-Мор. Здесь нет хорошо сохранившихся помещений, имеются лишь обильные находки керамики, а также некоторых других изделий, относящихся к рассматриваемому времени⁸.

⁵ Массон В. М., 1956 а; Средняя Азия в эпоху камня и бронзы». М.—Л., 1966, стр. 179—182.

⁶ Массон В. М., 1959.

⁷ Альбаум Л. И., 1965, стр. 59—60.

⁸ Раскопки под руководством Б. А. Литвинского (материал не опубликован).

Отдельные изделия и целые комплексы их обнаружены и в других районах республики. Отметим, в частности, поздние комплексы из Кайраккумов; некоторые из погребений на Восточном Памире тоже могут быть отнесены к этому времени⁹.

2. СРЕДНЕАЗИАТСКОЕ ОБЩЕСТВО В РАННЕЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

«Авеста» как исторический источник

Важнейшим историческим источником по древнейшей истории Средней Азии является «Авеста» — собрание религиозных текстов зороастрийцев. В настоящее время, кроме некоторого числа зороастрийцев в Иране, более 100 тыс. их проживает в Индии, последних обычно называют парсами. У них сохранилась не только старая религия, но и старинные религиозные тексты. ✓

В середине XVIII в. француз Анкетиль Дюперрон, проявлявший глубокий интерес к изучению древней религии, совершил путешествие в Индию. У парсийских жрецов он изучил религиозные обряды, научился читать древние религиозные тексты (в той степени, в какой владели ими жрецы), купил несколько рукописей. Вернувшись на родину, он впоследствии издал французский перевод «Авесты» и сопровождающих ее текстов¹⁰. Благодаря его научному подвигу сведения об «Авесте» стали доступными европейской науке. Однако перевод, сделанный Дюперроном, был очень приблизительным. Многие места он понял неверно или не понял совершенно. ✓

Благодаря развитию сравнительного языкознания уже в XIX в. было установлено родство языка «Авесты» с хорошо изученным и известным по многим памятникам древнеиндийских языков ведийским, на котором составлена «Ригведа» и другие древнейшие памятники литературы Индии, и с санскритом. Следует указать также на дешифровку памятников второго известного древнеиранского языка — древнеперсидского, дальнейшую разработку послеавестийской зороастрийской литературы, широкое привлечение данных индоевропейского сравнительного языкознания. Исключительно важным оказалось изучение среднеиранских, в том числе восточноиранских, языков, как мертвых (хорезмийский, согдийский, хотано-сакский и др.), так и живых, особенно памирских. Все это значительно облегчило работу над научным переводом «Авесты»¹¹. Тем не менее до сих

⁹ ИТН, I, стр. 167—168.

¹⁰ *Anquetil du Perron, 1771.*

¹¹ *Оранский И. М., 1960.*

пор перевод «Авесты» связан со значительными трудностями, и самые авторитетные специалисты переводят некоторые ответственные места «Авесты» по-разному¹².

Долгое время «Авеста», как и другие индийские и иранские религиозные и эпические памятники, сохранялась в обеспечивающей большую точность (за исключением определенных изменений в произношении) устной передаче. Этот способ передачи и чтения имел преимущественное значение еще долго и после письменной фиксации «Авесты» — в исполнении культа, обучении и пр., а также и в сохранении традиционного текста.

До создания современного авестийского алфавита (т. е. алфавита, которым написаны дошедшие рукописи «Авесты») существовали авестийские тексты, записанные арамейским безгласным шрифтом, который широко употреблялся в Иране и Средней Азии с VI—V вв. до н. э. По среднеперсидской зороастрийской традиции, которая, однако, не обладала достоверными сведениями по многим вопросам ранней истории зороастризма, свод книг «Авесты» существовал уже при Ахеменидах и был уничтожен при вторжении Александра Македонского, а позже аршакидский царь Валахш (т. е. Вологес; обычно его отождествляют с Вологесом I, правившим в I в. н. э.) приказал собрать то, что оставалось из авестийских текстов и что передавалось устно жрецами¹³. Современные ученые не считают обоснованным сообщение об ахеменидской «Авесте», а некоторые сомневаются и в существовании аршакидского текста «Авесты». Но письменная «Авеста», очевидно, уже существовала во второй половине парфянского периода и определенно — к началу сасанидской эпохи. Основываясь на некоторых данных парфянских документов из Нисы, И. М. Дьяконов и В. А. Лившиц предполагают, что в Восточной Парфии в I в. до н. э. уже существовал письменный текст «Авесты», по крайней мере ее отдельных частей¹⁴.

Позже «Авеста» была записана специально созданным для этой цели алфавитом. Он был выработан на основе развитого пехлевийского курсива (т. е. шрифта среднеперсидских зороастрийских книг), представляющего собой развитие одного из видов письма, которые возникли на базе арамейской письмен-

---

¹² В этом отношении поучительно, в частности, сопоставление толкований «Авесты», принадлежащих Х. Нюбергу и Э. Херцфельду; во многих вопросах они придерживаются полярно противоположных взглядов (*Nyberg H. S.*, 1938; *Herzfeld E.*, 1947. Poleмический разбор их взглядов см.: *Hening W. B.*, 1951).

¹³ Затем, согласно той же традиции, рассеянные авестийские тексты были собраны воедино при Ардашире I и Шапуре I (*Widengren G.*, 1966, S. 246—247).

¹⁴ Дьяконов И. М., Лившиц В. А., 1966, стр. 153—157.

ности. Но авестийский алфавит имеет значительно большее (более чем в 2 раза) число букв, в том числе 14 для обозначения гласных. Сделанная детализованным авестийским алфавитом запись текста, по-видимому, весьма точно и скрупулезно воспроизводит традиционное произношение передатчиков «Авесты» времени возникновения данного алфавита; вместе с тем эта передача, правда с рядом особенностей (в значительной части зависящих, однако, и от древних диалектных особенностей), в целом вполне четко отражает облик древнеиранского языка, на котором говорили во время возникновения авестийских текстов. Авестийский алфавит был создан, очевидно, в VI в., скорее всего при Хосрове I (531—579)¹⁵. К этой, произведенной в поздне-сасанидское время, записи и восходят дошедшие тексты «Авесты», ранние сохранившиеся рукописи ее книг относятся к концу XIII и XIV вв., но и они идут до одного прототипа.

Запись «Авесты» ее современным алфавитом была сделана в основном на базе устной традиции. Само название «Авеста» происходит от среднеперсидского слова *arastāk*, позже *arastāy*— «основа» (или, по иным толкованиям, «установление», «предписание», «восхваление» и др.)¹⁶, относившегося именно к произносимому тексту «Авесты»¹⁷. Приложения к нему именовались «зэнд», или «занд» (среднеперсидское *zand* — «знание», «учение»), — так ранее, по-видимому, обозначался и письменный текст «Авесты» (в фиксации старым алфавитом, а первоначально, возможно, и в новой записи), а также, вероятно, другие добавления и комментарии к канону на авестийском языке. Но затем название «зэнд» стало преимущественно прилагаться к составленному при Сасанидах среднеперсидскому переводу и комментарий «Авесты» (все ранние рукописи «Авесты» имеют

---

¹⁵ По иной точке зрения, отраженной в работах Г. Юнкера и некоторых других ученых, авестийский алфавит сформировался уже в IV в. Но как показал еще в прошлом столетии выдающийся русский иранист акад. К. Залеман, а затем В. Хеннинг, Г. Моргенштерне, Г. Бэйли, создание авестийского алфавита произошло не ранее VI в. (*Henning W. B.*, 1958, S. 52; см. также: *Перихаян А. Г.*, 1966, стр. 108—109; там же см. более подробные указания на литературу).

¹⁶ *Henning W. B.*, 1946, p. 725; ИТН, I, стр. 175; о других толкованиях см.: *Брагинский И. С.*, 1956, стр. 192.

¹⁷ Широкая практика устной передачи священных текстов зороастрийцами явилась причиной того, что вплоть до раннего средневековья современники-незороастрийцы часто считали, что у последователей зороастризма вообще не было священных книг. Этим, очевидно, объясняется и то обстоятельство, что со времени арабского завоевания в странах ислама зороастрийцы, в отличие от христиан и иудеев, не считались «людьми Книги» (т. е. священного Писания), что, в частности, отражалось и на юридическом положении зороастрийцев в мусульманском мире. На значение устной традиции и передачи, в том числе в сохранении священного канона «Авесты», непосредственно указывают и свидетельства зороастрийской литературы (*Widengren G.*, 1965, S. 245—259).

подстрочный среднеперсидский перевод). Отсюда идет долго применявшееся в европейской литературе неверное наименование «Авесты» — «Зенд-Авеста» и авестийского языка — «зендским».

На протяжении многих веков своего существования свод «Авесты» неоднократно подвергался кодификации. Источники упоминают о собирании и упорядочении канона «Авесты» при Аршакиде Вологесе I, очевидно, в I в. н. э.; при ранних Сасанидах в III в.; в IV в. при Шапуре II, когда была произведена имевшая большое значение редакция священного канона под руководством Атурпата Михраспандана; и, наконец, после маздакитского движения при Хосрове I в VI в. (когда из «Авесты» были изъяты также некоторые тексты, еще входившие в нее в IV—V вв.).

После этой последней редакции «Авеста» состояла из 21 книги (наска), названия и краткое содержание которых известны по зороастрийскому сочинению IX в. Денкарту (это резюме сделано по среднеперсидскому переводу «Авесты», а не по авестийскому тексту)¹⁸. Дошедшая «Авеста» составляет около 1/4 позднесасанидской. Это прежде всего разделы, наиболее необходимые при богослужении; той же цели в основном соответствует и расположение существующих частей «Авесты», книг «Ясна» и др. Из них лишь «Видевдат» соответствует целиком одной из книг старой «Авесты».

Дошедшая до нас «Авеста» состоит из книг: «Ясна» — «жертва», «моление», свод текстов, сопровождающих основные обрядовые церемонии; «Яшты» («Яшт» — «почитание», «восхваление»), гимны божествам зороастрийского пантеона; «Видевдат» — «закон против дево (демонов)» (более позднее, неточная форма «Вендидад»), предписания о поддержании ритуальной чистоты (содержит также ряд религиозно-юридических положений, фрагменты древних мифов, эпоса и пр.); «Виспрат» — «все владыки» (позднее менее точно «Висперед»), собрание молитв и литургических текстов; кроме того, в «Авесту» входит ряд других разделов меньшего объема и значения¹⁹.

Из 72 глав «Ясны» 17 составляют «Гаты» («Песни») пророка Заратуштры, основателя зороастризма, 7 глав — «Ясна хаптахати» («Ясна Семи глав»), наиболее близкая «Гатам» по языку и времени оформления часть «Авесты». Диалект «Гат», а также «Ясны Семи глав» архаичнее языка остальной, так на-

¹⁸ West E. W., 1892.

¹⁹ Существуют переводы «Авесты» или ее частей на русский и западноевропейские языки: Коссович К., 1861; Бертельс Е. Э., 1924, стр. 3—11; Брагинский И. С., 1956, стр. 35—37, 46, 69—70, 105—116, 182—187 и др.; Бертельс Е. Э., 1960, стр. 53—66, 11; Абаев В. И., 1963, стр. 349—350, 367—370; Darmesteter J., 1892—1893; Wolff F., 1910; Lommel H., 1927; Gershevitch I., 1959; Humbach H., 1959; Duchesne-Guillemin J., 1963 и др.

зываемой «Младшей Авесты» и отличается от него некоторыми особенностями диалектного порядка.

Некоторые исследователи относили авестийский язык к западноиранским (П. Тедеско, А. Мейе), другие считают его скорее восточноиранским (Х. Нюберг и др.). Более вероятны мнения, по которым он занимает особое место среди иранских языков (К. Гоффман) или промежуточное положение между их западной и восточной группами (В. Хеннинг). Ряд частных особенностей авестийского языка, в том числе диалекта «Гат», находят соответствия в восточноиранских языках. В «Младшей Авесте» отражено влияние иранских языков (в том числе западных), распространенных на территориях, где авестийский язык употреблялся как священный.

Вопрос о времени и месте происхождения различных частей «Авесты» продолжает оставаться во многом спорным. Исходя из засвидетельствованной с эпохи Сасанидов зороастрийской традиции о Заратуштре, время его жизни и создание «Гат» относят к концу VII — первой половине VI в. до н. э. Таково мнение тех исследователей, которые считают, что эта традиция основана на вполне надежных данных. Но у других ученых ее достоверность вызывает сомнения; они указывают, что традиция засвидетельствована в поздний период и имеет, вероятно, легендарное происхождение. В настоящее время, во всяком случае, трудно с уверенностью полагаться на надежность этой даты, хотя и не исключено, что Заратуштра действительно жил в конце VII — начале VI в. до н. э.

По вариантам сасанидской и более поздней традиции, Заратуштра происходил из Атропатены (Азербайджана) или из мидийских Раг (средневековый Рей, близ современного Тегерана). Но эти данные теперь признаны определенно недостоверными; правда, и материалы «Младшей Авесты» указывают на раннее существование и господство общины последователей Заратуштры в Рагах; это объясняется, однако, тем обстоятельством, что данная область, расположенная на крайнем северо-востоке Мидии, была первой из ее областей, в которую проникло, распространяясь с востока, учение Заратуштры.

Имелась традиция — и притом очень ранняя, — что Заратуштра жил в Бактрии. Она нашла отражение в труде греческого автора Ктесия (конец V — начало IV в. до н. э.)²⁰. Вслед за этой традицией некоторые ученые (Дж. Мультион и др.) предполагали, что «Гаты» созданы в Бактрии, а также считали, что ее языком в древности и был авестийский (как полагали еще в XIX в. В. Гейгер и некоторые другие ученые). Но иные данные не подтверждают это мнение, а открытые недавно памятники языка Бактрии кушанского времени делают его маловероятным.

²⁰ Пьянков И. В., 1968.

К Северо-Западному Ирану относили деятельность Заратуштры Ж. Дармстетер, В. Джексон и еще некоторые ученые, а позже, в 30—40-х годах XX в., — Э. Херцфельд и другие авторы, считавшие его современником первых Ахеменидов, включая Дария I. Но по общепринятому теперь мнению, «Гаты» составлены во всяком случае до создания государства Ахеменидов и по своему происхождению не имеют отношения к Западному Ирану.

По мнению современных исследователей, исходящих прежде всего из географических данных самой «Авесты», «Гаты» и прилегающие к ним по времени разделы «Авесты» создавались в одной из областей Средней Азии или соседних территорий Северо-Западного Афганистана и Северо-Восточного Ирана. При конкретном решении вопроса высказываются разные мнения. Указывают на области по среднему и нижнему течению Амударьи или на собственно Хорезм (С. П. Толстов и др.); в этом случае обычно ссылаются на принимаемое И. Марквартом, Э. Бенвенистом и другими учеными отождествление упоминаемой в «Авесте» мифической родины иранцев и зороастризма — Арьянам-вайтах, «Арийского простора» — с Хорезмом; на районы между Амударьей и Сырдарьей, т. е. в Согдиане или соседних районах (Х. Ньюберг); у границ со среднеазиатским скифо-сакским миром (В. И. Абаев) и с районами у берегов Аральского моря и низовьев Сырдарьи (Г. Виденгрэн); на Маргиану, Согд и Хорезм (Ж. Дюшен-Гюймен) и т. д.

Широко распространена точка зрения (отраженная в работах В. Хеннинга, К. Барра, И. Гершевича, Р. Ценера и др.), по которой «Гаты» созданы в пределах конфедерации во главе с Хорезмом, существовавшей, как предполагается, накануне ахеменидского завоевания (при этом обычно следуют упомянутой выше традиционной дате Заратуштры) и включавшей также области к югу от Хорезма, причем как на возможную область создания «Гат» особо указывают на Маргиану и Арейу (В. Хеннинг и др.; по иным основаниям рассматривал Маргиану как возможную родину зороастризма акад. В. В. Струве); более же поздние авестийские тексты в значительной части могли быть созданы, по В. Хеннингу, в Систане²¹. Но независимо от того, существовала ли такая конфедерация во главе со Хорезмом (в пользу этого мнения могут свидетельствовать и данные античных авторов), определенных данных об отношении к ней Заратуштры не имеется.

Вместе с тем исследователи, не считающие необходимым следовать «традиционной дате Заратуштры» или вообще отрицающие ее достоверность, обычно относят создание «Гат» к более раннему времени, чем период, непосредственно предшество-

²¹ Henning W. B., 1951, p. 44—45.

Handwritten text in an ancient script, likely Avestan, arranged in approximately 15 horizontal lines. The script is highly stylized and difficult to decipher. On the left side, there is a vertical column of text, possibly a marginal note or a section header, also written in the same script. The overall appearance is that of a fragment of an ancient manuscript.

вавший завоеванию Средней Азии Ахеменидами. Так, И. М. Дьяконов²², исходя из уровня развития общества, обрисованного в «Гатах», считает, что они должны быть составлены ранее VI и до второй половины VII в. до н. э. Эд. Мейер и некоторые другие ученые в свое время считали даже возможным говорить о времени около 1000 г. или начале I тыс. до н. э. Но и автор одной из последних капитальных работ по иранским религиям, Г. Виденгрэн, пишет, что вполне надежно время жизни Заратуштры можно относить лишь к периоду между 1000—600 гг. до н. э. и, во всяком случае, ко времени, значительно более раннему, чем время создания Ахеменидской державы²³.

По мнению ряда ученых (в том числе И. М. Дьяконова, Г. Виденгрена и др.), ранняя «Авеста» еще до середины VI в. до н. э. была воспринята на востоке Мидии, в Рагах, откуда ее учение, хотя и в измененном виде, распространилось в Западном Иране. Другие исследователи относят проникновение идей «Гат» на запад лишь ко времени первых Ахеменидов (при Кире, как считает В. Хинц, при Дарии I — по В. Хеннингу, И. Гершевичу и т. д.).

Таким образом, следует считать, что деятельность Заратуштры и создание «Гат» относятся ко времени не позже конца VII — начала VI в. до н. э., но именно к этому времени или на один-два века ранее — точно сказать мы пока не можем. Что же касается места происхождения «Гат», то хотя сейчас нельзя с полной уверенностью указать на какую-то конкретную область, можно тем не менее утверждать, что она находилась на территории Средней Азии или пограничных с ней районов. Об этом вполне надежно свидетельствуют географический горизонт самой «Авесты» и состав перечисленных в ней стран.

Наиболее подробный список этих стран содержится в первой главе «Видевдата». Здесь среди «лучших из областей и стран», созданных Ахура-Маздой, в частности, называются: Арьянам-вайцах, «Гава, обитель согдийцев», «Моуру [область Мерва] могучая, правоверная», «Бахди [Бактрия] прекрасная, с высоко поднятыми знаменами», «Нисайа, что между Моуру и Бахди», Харойва [область Герата] и другие области до районов у Инда и Харахвати [Арахосии] на юго-востоке, Хайтуманта в долине Хильменда на юге, страны гурганцев и Раг [на северо-востоке Мидии] на западе. Таким образом, географический кругозор составителей этого авестийского текста охватывал почти все основные исторические области Средней Азии, а также примыкающих к ней территорий Афганистана и Северо-Восточного Ирана. Правда, этот текст в дошедшем до нас виде относят к более позднему времени, чем ряд других разделов «Авесты», —

²² Дьяконов И. М., 1956, стр. 390 и сл.

²³ Widengren G., 1965, S. 61.

к периоду, когда зороастризм получил более широкое распространение. Предполагают, что в основе данного отрывка лежал текст, где упоминалось меньшее число стран.

К более древней эпохе относится авестийский «гимн Митре» («Яшт» X, «Михр Яшт»), где также содержится перечисление стран. Этот «Яшт» является одним из лучших образцов авестийской (или древнеиранской) поэтики. Здесь, в частности, дается красочная характеристика стран, «где победоносные военачальники предпринимали многочисленные атаки, где высокие горы с обильными пастбищами служат заботящемуся о скоте, где простираются глубокие озера с вздымающимися волнами, где несутся, вскипая, глубокие широкие реки к Ишкату и Паруту, Герату и Мерву, Согдийской Гаве и Хорезму» (перевод В. А. Лившица)²⁴.

Описываемая в этом отрывке территория и должна рассматриваться как территория, где ранее всего распространялся зороастризм, а в одной из названных здесь стран «можно, по нашему мнению, искать родину первых авестийских текстов. Заметим также, что здесь перечисляются области, соседние или пограничные с Бактрией, а частично, по-видимому, входившие в ее состав в предахеменидский период. Поэтому и Бактрия «с высоко поднятыми знаменами», как она называется в «Видевдате», была, если не первой, то одной из стран, на территории которой очень рано распространился зороастризм.

В текстах «Младшей Авесты» отражено объединение учения Заратуштры, развитого его преемниками (уже составленная на том же диалекте, что «Гаты», «Ясна Семи глав» содержит многие уступки распространенным верованиям), с идеями, обрядами и образами, чуждыми первоначальной проповеди пророка, но представленными в «Младшей Авесте». Ряд гимнов «Авесты» посвящен богам и мифическим персонажам, издревле почитавшимся ариями, но отвергавшимся пророком в «Гатах» (Митра, Хаума и др.). Это было результатом уступок племенным религиям и верованиям, распространенным в пределах больших государств — Ахеменидского, Парфянского и Сасанидского, в период существования которых создавались, оформлялись и редактировались части «Младшей Авесты». Но такие культы, обряды и ритуальные предписания фиктивно освящаются в ней авторитетом Заратуштры при помощи фраз типа: «Так сказал Ахура-Мазда Заратуштре, говоря...» и других редакторских приемов. Без этих вставок ряд отрывков «Младшей Авесты», особенно «Яштов», по своему содержанию (но не языку!) древнее времени составления «Гат».

«Авеста», таким образом, содержит данные не только о зороастризме, но и о некоторых древнеиранских верованиях и пле-

²⁴ О локализации этих областей см.: ИТН, I, стр. 508.

менных культах, иногда восходящих еще к индоевропейской общности. Одновременно «Авеста» является и важнейшим памятником для изучения иранской древности, культуры и быта, социальных и политических институтов, эпоса и т. д. иранских племен Средней Азии и Ирана.

Процесс соединения учения Заратуштры с верованиями других иранских религий во многом совершился уже к середине V в. до н. э.

«Ясну Семи глав» часто датируют VI — началом V в. до н. э., а создание наиболее древних «Яштов» (и, в частности, «Михр Яшта») — первыми десятилетиями V в. до н. э.²⁵ Но при этом обычно исходят из мнения, что «Гаты» составлены в начале или первой половине VI в. до н. э. Но так как возможно, что они созданы ранее, то последующие по времени части «Авесты», «Ясна Семи глав» и ранние «Яшты» могут быть отнесены и к более раннему времени и размещены между точно пока неопределимой датой Заратуштры и серединой V в. до н. э. Составление других младоавестийских текстов продолжалось и позже указанного времени, а некоторые из них оформлялись, по-видимому, даже в первых веках I тыс. н. э.

Как ясно из вышеизложенного, при использовании «Авесты» в качестве исторического источника приходится учитывать наличие в ней многих пластов, отражающих различные исторические периоды и даже эпохи, влияние на дошедший до нас текст воззрений и представлений редакторов и кодификаторов. При этом даже одни и те же отрывки часто представляют сплав разновременных сведений.

Несмотря на все эти ограничения, «Авеста» является важнейшим и во многом единственным источником для выявления древнейшей истории восточных иранцев, т. е. населения Средней Азии, Афганистана и той части Ирана, что примыкает к Средней Азии.

Среднеазиатское общество по «Авесте»

Наиболее полным и систематическим сводом сведений из «Авесты» в плане характеристики общества является труд В. Гейгера «Востокиранская культура в древности»²⁶. За истекшее с 1882 г. время он во многом устарел, но, к сожалению, равноценного по охвату труда, выполненного на современном уровне, еще не появилось. Помимо нового филолого-лингвистического подхода, в таком труде данные «Авесты» могли бы быть рассмотрены сквозь призму археологических открытий.

²⁵ Gershevitch I., 1959.

²⁶ Geiger W., 1882.

Остается надеяться, что наши иранисты и археологи создадут в ближайшие годы этот столь необходимый труд.

Анализируя характер авестийского общества, исследователи отмечали, что оно было четырехступенчатым. В «Яште» X, 115 сказано: «Религиозный глава дома называется *нманья*; религиозный глава рода — *висья*; религиозный глава племени — *зантума*; религиозный владыка страны — *дахьюма*; религиозный верховный глава — *заратуштротэма*»²⁷.

Итак, семья называлась *нмана*. Во главе этой патриархальной семьи стоял домовладыка — *нманопати*, т. е. «хозяин дома», старшая женщина семьи именуется *нманопатни* — «хозяйка дома». Большая роль старшей женщины в семье у таджиков, особенно у припамирских, несмотря на тысячелетнее господство ислама, сохранилась до наших дней. Об этом свидетельствуют этнографические материалы, собранные в разных районах Памира.

Имеется еще одно, правда косвенное, свидетельство высокой роли женщины в древней Средней Азии. Как известно, в древности правители таких среднеазиатских областей, как Уструшана и Согд, носили титул «афшин»²⁸. Детальный историко-этимологический анализ этого термина осуществил В. И. Абаев. Он опроверг старые и действительно неубедительные попытки этимологий и сопоставил этот термин с сохранившимся в осетинском языке словом *äfsin* — «хозяйка»²⁹. Именно так, по мнению В. И. Абаева, должны были называться женщины-предводительницы сакско-массагетских племен. От них он должен был быть заимствован в соседние области Средней Азии, но уже в применении к правителям-мужчинам³⁰. Итак, термин, обозначающий у осетин домоправительницу, в древней Средней Азии постепенно стал применяться к правителям-мужчинам.

В авестийских текстах слово «*нманья*» обозначает члена семьи, но вместе с тем, как доказал И. Гершевич, этот термин обозначал божество — хранителя дома, кто, по старинным русским верованиям, носил название «домового». Имелись также племенные божества — «*висья*» и т. д.³¹ Функции этих божеств частично совпадали с функциями *фравашей* — ангелов-хранителей и душ всего сущего³².

В состав семьи входили и неполноправные члены — *вира*, *вайса* и *париайтар*. *Вира* обычно обозначает «мужчину», «*воина*», но может пониматься и в значении «раб». Так, в «Яште»

²⁷ Gershevitch I., 1959, p. 131, 276, 299.

²⁸ Бартольд В. В., 1964 а, стр. 497.

²⁹ Абаев В. И., 1959, стр. 112—116: О функциях *äfsin* у осетин см.: Косвен М. О., 1961, стр. 8—9.

³⁰ Абаев В. И., 1958, стр. 110—111.

³¹ Gershevitch I., 1959, p. 265.

³² Там же, p. 266; ИТН, I, стр. 140.

Х, 28 говорится о Митре, что он дарует дому, к которому милостив, «стада рогатого скота и толпы вира», т. е., вероятно, рабов. Вообще, когда в «Авесте» идет перечисление или противопоставление, содержащее крупный рогатый скот и вира, последние, очевидно, означают рабов. Вайса и парайтар, судя по некоторым текстам, включались в состав семьи на правах младших членов³³.

Более крупные объединения, чем семья, по отцовской линии назывались «нафа». Эти агнатические группы имели, по-видимому, коллективную собственность на пахотную землю, пастбища и другое имущество, причем входившие в группу лица были связаны солидарностью и порукой. Группы эти были достаточно велики и включали до 100 полноправных мужчин. О роли этих агнатических групп свидетельствует, в частности, жалоба Заратуштры: «Агнаты и союзники отвергли меня, община ко мне немилостива, как немилостивы нечестивые правители стран» («Ясна», 46,1)³⁴.

Род («вис») состоял из нескольких агнатических групп, глава рода назывался «виспати». «Вис» — не только род, но и родовое поселение. Первоначально, очевидно, это поселение состояло из родственных семей. Позже оно постепенно начинает приобретать черты сельской общины³⁵.

С наступлением совершеннолетия (около 15 лет) юноши проходили обряд посвящения в культ и общину. На собрании агнатической группы им вручался священный пояс и рубашка. Этот инициационный акт рассматривался как «второе рождение» человека. Лишь после него юноша становился полноправным членом общины, участвовал в культовых церемониях, мог вступать в обязательственные отношения, в брак и т. д.

Многие важнейшие вопросы решались родовым советом, в состав которого входили главы агнатических групп. Совет решал вопросы внутренней жизни, как производственные, так и общественные, в том числе связанные с отправлением культа и правосудия, а также вопросы взаимоотношений с другими родовыми коллективами³⁶.

Судя по текстам «Авесты», общество того времени характеризовалось далеко зашедшей социальной и имущественной дифференциацией. Выше уже говорилось о рабах. В разных частях «Авесты» встречаются упоминания об отдельных домовладельцах и лицах, обладающих большими стадами. Скот рассматривался как основное богатство; разумеется, богатства знати состояли не только из скота, а из земли и другого имущества.

³³ *Gershevitch I.*, 1959, p. 87, 182; ИТН, I, стр. 141—143.

³⁴ *Периханян А. Г.*, 1968, стр. 34—38.

³⁵ ИТН, I, 1963, стр. 143—146.

³⁶ *Периханян А. Г.*, 1968, стр. 38—39.

В «Авесте» имеется перечень «социально-профессиональных» групп: жрец, воин-колесничий, крестьянин-скотовод и (один раз) ремесленник. Некоторые ученые полагают, что этот перечень восходит еще ко временам индоиранской общности и поэтому не должен приниматься во внимание; другие — и не без основания — считают, что он отражает существовавшую (в эпоху возникновения «Авесты» и позже) историческую реальность и должен учитываться при попытке реконструкции общества «Авесты»³⁷.

Наряду с рядовыми общинниками уже имелись «благородные», «знатные». Один из терминов для обозначения «благородных», «знатных» — «азата» («благороднорожденный»). Часто он является главой вися (рода), а также своей семьи. Подробный анализ этимологии и эволюции значения слова «азата» проведен Г. Бэйли. В среднеперсидском — пехлевийском — языке оно означало «рожденный членом царского дома», «рожденный благородным», «рожденный свободным»³⁸.

Отсюда происходит таджикское слово «озод» — «свободный», «вольный», а также «озода», одно из значений которого — «благородный». Другой термин для обозначения «знатного» в «Авесте» — это «асна»³⁹.

Племя — занту играло, по-видимому, значительно меньшую роль. Вместе с тем некоторые тексты повествуют о советах «лучших людей». Термин для обозначения таких советов — «ханчамана» сохранился в таджикском «анчуман» — «собрание, съезд».

«Область» и «страна», состоящая из нескольких областей, носит в «Авесте» название «дахью». «Содержание этого термина выяснить нелегко», — справедливо замечает И. М. Дьяконов. Нередко, причем в древнейших частях «Авесты», «дахью» — это карликовые «страны», вроде тех, что, по ассирийским источникам, существовали в Мидии, т. е. территориальные объединения, функционировавшие не как государства, а скорее, как крупные родоплеменные образования. Вместе с тем этот термин прилагался и к значительно более крупным территориям. Прав В. А. Лившиц, полагающий, что дахью — «понятие прежде всего территориальное, географическое, нередко указывавшее и на значительную этническую общность, но еще не самая административная единица в составе сложившегося государства».

Во главе «дахью» стоял «дахьюпати». Из других лиц, обладающих властью, следует упомянуть «састар» («правитель»,

³⁷ Herzfeld E., 1947, p. 788 ff.; Дьяконов И. М., 1956, стр. 154; Грантовский Э. А., 1960, стр. 1—2; 10 13; ИТН, I, стр. 150.

³⁸ Bailey H. W., 1959, p. 95—101; 1960, p. 953—955.

³⁹ Gershevitch I., 1959, p. 158.

«повелитель»), который, вероятно, осуществлял власть над каким-то районом из укрепленного пункта⁴⁰.

В «Авесте» имеется еще обозначение для объединения областей «дахьюности» — «власть над областями».

Во главе такого объединения стоял «дахьюпати всех дахью» — «владыка всех областей»; он не был единоличным правителем, ибо имелся «дахьюнам фратэмадато» — «совет первых» объединения областей. По-видимому, власть отдельных «дахьюпати» и даже самого «владыки всех областей» была ограничена или совет контролировал их власть⁴¹.

Анализ «Гат» в социально-экономическом отношении (наиболее важны здесь работы В. И. Абаева и И. М. Дьяконова)⁴² показывает, что они отражают ситуацию, обычную для обществ, находившихся на пороге или в начале создания государства.

Общество «Гат» страдает от разбоя, постоянных хищнических набегов соседей, угона скота. В «Гатах» содержится призыв к мирной жизни, к существованию процветающих поселений под властью «добрых» правителей. Все это требовало больших социальных изменений, процесс которых в то время, несомненно, протекал бурно. Необходимо учесть то обстоятельство, что «в начальный период классового общества ведущее положение в среде господствующего класса всегда занимает родовая знать — вожди, жрецы и т. п., выделившиеся еще в недрах первобытнообщинного строя. Но объединенное государство может создаваться, лишь преодолев родовые традиции и господство родовой олигархии, сильной своими местными, общинными корнями и потому всегда сепаратистской»⁴³.

Итак, социально-общественные отношения в Средней Азии рассматриваемого периода можно охарактеризовать как переходные от первобытнообщинного строя к классовому. Происходило разложение родовой общины и возникновение сельской общины. «Отдельная семья становится хозяйственной единицей общества»⁴⁴, — говорил Ф. Энгельс. В основе сельской общины, в отличие от родовой, лежали уже не родовые, а хозяйственные и территориальные связи. В истории народов Средней Азии сельская община сыграла большую роль, проявив живучесть в течение многих веков. «Восточный деспотизм и господство сменявших друг друга завоевателей-кочевников в течение тысячелетий ничего не могли поделать с этими древними общинами»⁴⁵, — замечает Энгельс в «Анти-Дюринге».

⁴⁰ Nuberg H. S., 1938, S. 57, 304; Дьяконов И. М., 1956, стр. 185—189; ИТН, I, 1963, стр. 146—147.

⁴¹ Gershevitch I., 1959, p. 296—299.

⁴² Абаев В. И., 1956; Дьяконов И. М., 1956, стр. 386—394.

⁴³ Дьяконов И. М., 1956, стр. 392.

⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 164.

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 166.

Постепенно внутри общины росло имущественное неравенство отдельных семейств. Все более развивалось патриархальное рабство. Появились богатые и бедные. Росла роль военачальников, которые становились постоянными должностными лицами. Их власть, однако, ограничивалась советом старейшин и собранием племени. Союзы племен делались необходимостью.

Как подчеркивает Ф. Энгельс, грабительские походы усиливали еще больше роль военачальников и вождей. Война с целью грабежа становится постоянным промыслом. Верховный военачальник и его помощники становились наследственной знатью, «первобытная естественно выросшая демократия» превращалась «в ненавистную аристократию»⁴⁶.

В соответствии с различными условиями производства в пустынно-степной и оазисно-степной полосах образовалось в начале I тыс. до н. э. два типа хозяйств: кочевое, скотоводческое в степях и оседлое, земледельческое в оазисах и речных долинах. Таким образом, уже с древнейших времен сложилась в Средней Азии особенность, о которой писал К. Маркс: «У всех восточных племен можно проследить с самого начала истории общее соотношение между оседлостью одной части их (племен.— Б. Г.) и продолжающимся кочевничеством другой части»⁴⁷.

Проблема древнейших государственных образований

Произведенный анализ социально-экономической ситуации в Средней Азии показывает, что страна находилась в стадии перехода к классовому обществу. Вполне естественно, что в некоторых наиболее высокоразвитых областях Средней Азии возникают первые государственные образования, вероятно, те самые, что в «Авесте» именуются «дахьюсасти».

В исторических источниках мы встречаем лишь скудные и во многом недостоверные намеки относительно этих первых государственных образований.

Одним из таких образований явился «Большой Хорезм». Геродот (III, 117) сообщает: «Есть в Азии равнина, со всех сторон замкнутая хребтом, а хребет имеет пять ущелий. Некогда равнина эта принадлежала хорасмийцам, а лежит она на границах земель самых хорасмиев, гирканцев, парфян, сарангов и таманаев... Из замыкающей равнину горы вытекает большая река Акес. Первоначально река делилась на пять рукавов и орошала земли названных здесь народов». Этот отрывок Геродота вызвал к жизни целую литературу; высказывались разно-

⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 168.

⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 214.

образные, в том числе совершенно фантастические толкования. Действительно, здесь очень много трудностей. В результате такой знаток исторической географии Средней Азии, как В. В. Бартольд, вообще отказывался от конкретного рассмотрения этого сообщения⁴⁸.

Большинство исследователей не относятся к этому столь пессимистически. Во-первых, р. Акес, о которой говорит Геродот, почти все исследователи идентифицируют с р. Теджен. (Неправ, на наш взгляд, С. П. Толстов, который вопреки прямым и косвенным свидетельствам источников стремится поместить р. Акес в районе современного Хорезма⁴⁹). Во-вторых, привлекаются сведения, разбросанные у других античных авторов. Более ранний, чем Геродот, греческий автор — Гекатей из Милета (около 500 г. до н. э.) упоминает хорасмиев, живущих частью на равнине, частью в горах, к востоку от парфян. Ясно, что это не современный Хорезм, а область где-то в районе Герата — Мерва⁵⁰. Учитывая все это, И. Маркварт не только отождествил р. Акес с современным Герирудом — Тедженом, благодаря чему рассказ Геродота становится вполне реальным, но и сопоставил его с древнеиранскими преданиями о царе Афрасиабе, проводшем несколько рек в оз. Хильменд⁵¹. Он высказал предположение о существовании крупного объединения восточноиранских племен — «Большой Хорезм».

Весь географический контекст приводимых выше сообщений свидетельствует, что по крайней мере центр этого объединения помещался не на месте современного Хорезма, а значительно южнее, скорее всего в районе Мерва или Герата.

Другое дело — этнические передвижения, приведшие к образованию такого объединения. Существуют две группы теорий: одни доказывают, что сообщения Гекатея и Геродота свидетельствуют о постепенном передвижении хорезмийцев с севера на юг, другие, напротив, уверяют, что хорезмийцы переместились из Ирана в Приаралье.

И. Маркварт выдвинул теорию о том, что авестийский Арьянам-Вайцах, что означает буквально «Иранский (арийский) простор»⁵², идентичен с этим «Большим Хорезмом». О нем сообщается, что он расположен у р. Датья (по-видимому, Амударья) и там зима длится десять месяцев. Эта теория сейчас принята большинством ученых.

⁴⁸ Бартольд В. В., 1965 а, стр. 25—26, 100—101.

⁴⁹ Толстов С. П., 1948 а, стр. 44—45.

⁵⁰ Об этом см.: Tarn, W. W., 1951, стр. 478—479; Пьянков И. В., 1961, стр. 100.

⁵¹ Marquart J., 1938, S. 9 и сл.

⁵² Marquart J., 1901, S. 155—156; см. также: Benveniste E., 1934, p. 265—274.

Многое для развития современных представлений о «Большом Хорезме» сделали лингвисты, особенно В. Б. Хеннинг. Он, в частности, сопоставил язык «Авесты» с тем, что известно о хорезмийском языке. Суть заключения В. Б. Хеннинга в том, что два главных диалекта «Авесты» не могут быть отнесены ни к западно- ни к восточноиранским, они занимают промежуточную позицию. Это, по его мнению, может быть согласовано с предположением, что «Гаты» — древнейшая часть «Авесты» — были составлены в районе Мерва и Герата, а поздние авестийские тексты — большей частью в Систане. Вот его заключение: «Нельзя пойти так далеко, чтобы сказать, что лингвистические свидетельства, которые доставил хорезмийский материал, доказывают справедливость нашей исторической конструкции, но можно сказать одно: они согласуются с ней»⁵³.

Итак, хотя многие вопросы, связанные с «Большим Хорезмом», все еще остаются неясными, вряд ли сам факт существования такого крупного объединения может сейчас подвергаться сомнению.

Вторым таким государственным образованием явилось Древнебактрийское царство. Древнегреческий автор Ктесий сохранил рассказ о походе ассирийского царя Нина на Бактрию. В нем говорится о многочисленности жителей Бактрии, об обилии в ней крупных городов, о столице этой страны — сильно укрепленных Бактрах, о бактрийском царе Оксиарте, о его сокровищах (Диодор II, 5, 3). В свете современной исторической критики ассирийские походы не достигали Бактрии⁵⁴, поэтому рассказ Ктесия считают простой литературной подделкой — подражанием рассказу Геродота о завоевании Киром Лидии⁵⁵.

Большинство ученых, отвергая конкретное содержание рассказа Ктесия, полагают вместе с тем, что за ним скрываются распространенные в Иране предания. Подтверждение факта существования могущественной Бактрии следует видеть и в сообщении Геродота (I, 153) о том, что на пути ахеменидского царя Кира после покорения Лидии «лежал Вавилон, бактрийский народ, саки и египтяне». Следовательно, Бактрия стояла в одном ряду с такими крупнейшими государствами, как Египет или Вавилон. Уже в Гейгер высказал мнение, что древнейшая Бактрия превосходила по могуществу соседние области и занимала среди них особое место⁵⁶.

Территория этого объединения, по-видимому, была значи-

⁵³ Henning W. B., 1951, p. 44—45.

⁵⁴ Дьяконов И. М., 1956, стр. 169.

⁵⁵ Пьянков И. В., 1966, стр. 9.

⁵⁶ Geiger W., 1881, S. 66—67.

тельно больше собственно Бактрии. Судя по некоторым данным, в состав его входили (может быть, не все время) Маргиана и Согд.

Природные богатства Бактрии были хорошо известны за ее пределы, вплоть до Передней Азии. В частности, очень высоко ценился бадахшанский лазурит.

В земледельческих областях Средней Азии жили, помимо упоминавшихся выше хорезмийцев (вернее, хорасмиев) и бактрийцев, также согдийцы, ферганцы, маргианцы, парфяне. Согд располагался в долине рек Зерафшана и Кашкадарьи, ферганцы проживали в Ферганской долине, маргианцы — в Мервском оазисе, парфяне — к северу от гор Копетдага. В долинах и горах располагались кочевья сакских племен. Саки распались на две большие конфедерации: саки-хаумаварга («саки, чтущие хауму»), или амюргии, — юго-восточная группа сакских племен (исторически связанная с Бактрией и Индией) и саки-тиграхауда («саки с остроконечными шапками»), или ортокарибантии — массагеты, — северо-восточная группа, связанная с Хорезмом⁵⁷.

Зороастризм

Выше уже указывалось, что «Авеста» — сложный сплав разнородных и разновременных элементов. Уже давно исследователи ведут работу по расчленению этих элементов и выявлению древнейших слоев религии иранцев. Особенно продвинулись эти исследования за последние два десятилетия⁵⁸. И. Гершевич предложил вместо одного общего наименования «зороастризм» три: «заратуштрианизм» (религия времени самого Заратуштры, как она отражена в «Гатах»); «заратуштрицизм» (религия, развившаяся в более молодых авестийских текстах); «зороастрианизм» (религиозная доктрина сасанидского времени)⁵⁹.

У иранских племен уже на рубеже II—I тыс. до н. э. существовали определенные верования и представления, вошедшие позже в зороастризм, причем во вполне развитом виде. Многие здесь идет от периода индоиранской общности, кое-что восходит даже к эпохе индоевропейской общности. Следует, в частности, отметить культ Митры. Почитаемые иранцами божества

---

⁵⁷ Вопрос о расселении сакских племен необычайно сложен, в связи с чем в литературе имеется множество различных точек зрения. Мы принимаем одну из них (новейший опыт ее обоснования см.: Грантовский Э. А., 1963; Литвинский Б. А., 1969).

⁵⁸ Duchesne-Guillemin J., 1953; Duchesne-Guillemin J., 1962; Zaehner R. C., 1961; Widengren G., 1965.

⁵⁹ Gershevitch I., 1964.

назывались ахурами. Постепенно появилось представление о верховном божестве Ахуре, которого называли Мазда — «мудрый».

Несмотря на сомнения, высказываемые некоторыми учеными (их мнение приводилось в нашей «Истории таджикского народа»), можно считать установленным, что Заратуштра — реальное историческое лицо. Он составитель «Гат», в которых очень ярко выступает личность проповедника, живого и борющегося человека. Позже, уже в «Младшей Авесте», Заратуштра появляется как мифологический персонаж.

Имя Заратуштра (европейская форма Зороастр) скорее всего означает «верблюжий погонщик»⁶⁰. Он происходил из рода Спитама (отсюда согдийское имя — Спитамана, в греческой передаче — Спитамен). Его отца звали Поурушаспа, мать — Дугдова. Заратуштра принадлежал к жреческому сословию. Он был небогатым человеком, сохранилась его жалоба, что у него мало своего скота и зависимых людей и что ему обещан подарок: 10 кобыл с жеребятами и верблюд. Заратуштра был женат, имел детей.

В «Гатах» Заратуштра утверждает, что получил откровение истинной веры от бога Ахура-Мазды (подобно тому как в Коране говорится об общении и беседах Мухаммада с богом и полученном от него откровении). Начав проповедовать новое учение, Заратуштра не имел успеха и был вынужден бежать, найдя, наконец, покровительство у кавы (князя, царя) Виштаспы, который вместе со своими приближенными принял веру Заратуштры. В «Гатах» назван также ряд других лиц, ближайших сподвижников и родственников Заратуштры.

Проповедь Заратуштры была направлена против родоплеменных вождей (или знати) и старого жречества, практиковавших, в частности, массовые кровавые жертвоприношения. Объективно выступая за более прогрессивные формы хозяйства и призывая к сопротивлению военным столкновениям и хищническим набегам, имевшим главной целью захват скота, Заратуштра призывал к защите оседлых поселений, к установлению сильной власти и мирной жизни на земле. Отвергая родоплеменные культы старых богов, Заратуштра почитал единого бога Ахура-Мазду.

Среди основных черт религиозной системы зороастризма, характерных для различных этапов его развития, можно отметить

---

⁶⁰ Заратуштра — это мидийская форма, которая, слегка изменившись, появилась в сасанидском Иране — Зардушт (отсюда и таджикская форма). Употребляющееся в европейских языках имя Зороастр, по-видимому, восходит через греческое посредничество к реконструируемой древнеперсидской форме Зара-уштра (*Gershevitch l., 1964, p. 28, 38*).

следующие: 1) выступающая уже в начальных формах зороастризма определенная монотеистическая тенденция, выраженная в вере в верховного благого бога Ахура-Мазду (позже Ормазд, Хурмузд); 2) дуализм, часто называемый моральным или этическим, состоящий в противопоставлении двух вечных абстрактных начал Добра и Зла или Правды и Лжи; во главе сил Добра (ассоциируемого с правдой, справедливостью, светом и т. д.) стоит благой бог Ахура-Мазда, во главе сил Зла (и, соответственно, лжи, тьмы и пр.) — злой, или враждебный, дух Ахра-Манью (в авестийском написании Ангро-Майнью, позднее Ахриман); борьба этих двух сил составляет содержание мирового процесса. По имени Ахура-Мазды зороастризм часто называют также маздеизмом⁶¹, а сами его последователи называют себя маздаяснийцами (от маздаясна — «почитающий Мазду»).

У арийских племен очень рано, очевидно уже в индоиранский период, существовало представление о двух типах богов: *дайва* (индийское *дева*, в иранском позже *дев*, *див*) — древние антропоморфные натуралистические боги, боги вообще (индоевропейское *дейво*) и *асура* (в иранском *ахура*, буквально «господин», «владыка») — боги, обладавшие высшей властью, особой властью морального порядка. В древнеиндийской традиции (уже в поздних гимнах «Ригведы») асуры враждебны человеку, еще позднее в Индии это определение применялось лишь к злым духам, а собственно богами остаются лишь девы. В маздеизме имела место обратная трансформация: девы становятся враждебными богами, демонами⁶², в числе демонов-девов «Авеста» называет таких, как Индра (один из наиболее известных и почитаемых богов ведических индийцев), Нахатья (индийское Насатья) и др. Термин «ахура», напротив, концентрирует «божественное» значение.

Среди других богов рано выделился один, который считался богом небесного свода, всезнающим богом. Вместе с эпитетом «мазда» (мудрый) его название — Ахура образует имя верховного бога Ахура-Мазды (мудрый владыка). Эти изменения были непосредственно связаны с переходом к религии, в которой большую роль играли этические моменты. Ахура-Мазда (как и древнеиндийский асура Варуна) непосредственно связан с од-

⁶¹ Некоторые советские авторы называют маздеизмом именно среднеазнатский вариант древнеиранских верований, связанных с зороастризмом. В этих случаях, во избежание путаницы, следует говорить о среднеазнатском маздеизме.

⁶² В Средней Азии до средневековья, как это зафиксировано письменными источниками, а у припамирцев и ягнобцев до современности даже сохранились представления о деве как благом существе не только мужского, но и женского рода.

ним из основных религиозных понятий: *арта* (в «Авесте» *аша*) — правда, справедливый правопорядок, божественная справедливость. В «Гатах» Заратуштры Ахура-Мазда не просто верховный бог: он не только отрицает других богов, но и замечает их.

В области ритуала Заратуштра отвергал посвящавшиеся им кровавые жертвоприношения и возлияния священного напитка хаомы (индийская сома), признавая лишь почитание огня. Огонь рассматривался как выражение или символ божественной справедливости, арты. Культ и храмы огня позже стали одной из основных характерных особенностей зороастризма. Запрещение осуществлявшихся в больших масштабах кровавых жертвоприношений скота находится также в непосредственной связи с социальным содержанием учения Заратуштры.

Одновременно с монотеистической тенденцией, развивавшейся у группы иранских племен в связи с возвышением бога Ахуры, позже Ахура-Мазды, получили распространение также и дуалистические представления. Согласно им, всё в мире — боги, явления природы и общественной жизни, животные и т. д. — относится к доброму или злему началам, к миру правды (*арта*) или к миру лжи (*драуга*, авестийское *друг*, *друдж*), воплощению несправедливости, всего дурного и морально нечистого. Эти воззрения были углублены и обобщены в учении Заратуштры, сочетающем монотеизм в области благого начала с последовательно проведенным дуализмом, сконцентрировавшим все существовавшие ранее дуалистические представления в один общий мировой конфликт, в котором активная роль отведена человеку.

Роль человека в зороастризме определяется концепцией свободного выбора, обоснованной уже в «Гатах» Заратуштры. Человек выбирает между добром и злом, и его действия имеют определяющее значение в ходе мировой борьбы доброго и злого начал. Путь добра указывается истинной верой, принесенной на землю пророком Заратуштрой. И коллективное усилие ее приверженцев (или последователей) должно привести к конечной победе добра. Заратуштра предвещал приход нового мира, который ознаменует триумф сил добра над силами зла. После испытания огнем те, которые избрали добро, окажутся в царстве справедливости, основанном Ахура-Маздой. Окончательная победа добрых сил ожидалась, по учению Заратуштры, в недалеком будущем. Но позже в зороастризме утверждалось, что после рождения Заратуштры и появления его веры, являющейся орудием борьбы со злом, пройдет три тысячи лет до прихода спасителя — Саошьянта (сам этот термин употребляется уже в «Гатах»), рожденного из семени Заратуштры, чудесно сохра-

няемого на дне озера. При нем и должна произойти окончательная победа добра над злом.

Основным долгом человека по содействию доброму началу в борьбе со злом считалось прежде всего не исполнение молитв и обрядов, которым зороастризм, особенно на ранних этапах развития, не придавал решающего значения, а справедливый образ жизни, предписанный истинной верой; «добрая мысль», «доброе слово», «доброе дело» — вот чем человек борется со злом. Как одно из главных средств в борьбе с силами зла рассматривалось увеличение материальных благ (созданных Ахура-Маздой или Святым духом для человека), т. е. занятие скотоводством и земледелием)⁶³.

Уже в «Гатах» имеются наряду с Ахура-Маздой два духа-двойника, один из которых олицетворяет правду, другой — ложь. В разделе «Авесты», известном как «Ясна Семи глав», очень много политеистических мотивов. Здесь почитаются не только Ахура-Мазда и его проявления, но также огонь, вода, ветер, земля и воздух, душа животных и т. д.⁶⁴

Наиболее чтимыми богами авестийского пантеона были бог солнца и света Митра — могущественнейший покровитель сражающихся, дарующий им победу, а также богиня плодородия и вод Ардвисура Анахита, в культе которой сохранились некоторые черты, восходящие еще к эпохе матриархата⁶⁵.

Из обрядов зороастризма наиболее специфическим является погребальный обряд (до сих пор практикующийся парсами в Индии). Труп умершего выставляется на специальном сооружении (дахма) на съедение птицам. Очищенные таким образом от мяса кости сохраняются в специальных сосудах — осеуариях (костехранилищах). Этот обряд, форма которого сама по себе намного старше зороастризма, был непосредственно увязан с его основными положениями и стал единственно возможным для приверженцев зороастризма. Противоположность между жизнью и смертью была одной из основных в системе противоположностей дуалистической концепции зороастризма. Жизнь рассматривалась как благо, дарованное благим началом, смерть как зло, созданное Ахриманом. Поэтому тело правоверного, при жизни являющееся выражением доброго начала, по смерти становится оскверненным, выражением злого начала. Вместе с тем почитание стихий, огня, земли, воды категорически запрещало

⁶³ См. общие очерки: *Duchesne-Guillemin J.*, 1962, p. 71—223; *Widengren G.*, 1965, S. 7—110 (там же подробные библиографические указания).

⁶⁴ *Gershevitch I.*, 1964, p. 12—15.

⁶⁵ *Gershevitch I.*, 1959 (там же указана обширная литература); *Ringbom L.-I.*, 1957 (полезная, хотя и недостаточно полная сводка).

их осквернение. Поэтому, в частности, стало неприемлемым захоронение или, практиковавшееся ранее, сожжение⁶⁶.

Учение Заратуштры вменяло в священную обязанность своим последователям занятие земледелием и скотоводством, расценивая это как подвиг благочестия.

В третьей главе «Видевдата» говорится, что наилучшее, богоугодное место — это такое, «где благочестивый человек воздвигает дом, наделенный огнем и млеком, женой, детьми и стадами, в этом доме тогда благоденствует скот... и собака, жена и ребенок, огонь и всякое житейское добро... Там, где благочестивый человек возделывает побольше хлеба, трав, растений и съедобных плодов, где он орошает сухую почву или осушает почву слишком влажную... в наибольшей мере выращивает крупный и мелкий скот... где крупный и мелкий скот дает наибольший навоз» (фаргард 2—6; перевод И. С. Брагинского).

Здесь содержится прямой призыв развивать оседлое скотоводство и, самое главное, земледельческое хозяйство.

Далее в той же главе так и говорится:

«Тот, кто обрабатывает землю... левой рукой и правой, правой рукой и левой, тот воздает земле прибыль. Это подобно тому, как любящий муж дарует сына или другое благо своей возлюбленной жене, покоящейся на мягком ложе... Так говорит [ему] земля: «О ты, человек, который обрабатываешь меня левой рукой и правой, правой рукой и левой... поистине буду я рожать без усталости, производя всякое пропитание и обильный урожай... Кто сеет хлеб, тот сеет праведность» (фаргард 25—26, 31; перевод И. С. Брагинского).

В «Гатах» огромное внимание обращено также на скотоводство. Обращаясь к Ахура-Мазде, пророк говорит: «Ты тот, кто... создал для нас скот, источник благоденствия» (47, 3). Мы находим здесь множество отрывков, говорящих о скоте, о покровительстве скоту, о защите скота и мирных скотоводов от набегов хищников. «Славословить Ахура-Мазду и давать корм скоту — это мы считаем самым лучшим» (35,7)⁶⁷.

Именно в древнейшей части «Авесты» содержались призывы к земледельческому труду, отражения народных мифов, представлений и т. п. Однако в целом «Авеста» представляет произведение более позднего времени, когда в условиях классового общества учение Заратуштры (зороастризм) было канонизировано, стало государственной религией, обожествлявшей царскую власть и освящавшей господство аристократии и жречества над трудящимися массами.

⁶⁶ Иностранцев К. А., 1909; Ставиский Б. Я., 1952; Herzfeld E., 1947, II, p. 747—748; Humbach H., 1961; Ранопорт Ю. А., 1971.

⁶⁷ Абаев В. И., 1956, стр. 23—56.

Для изучения древней истории предков таджикского народа важны данные этнографии. В дореволюционном быту таджиков, особенно горных, сохранилось еще немало пережитков первобытнообщинных отношений. Таковы, например, большие общие дома в селениях Дарваза и Каратегина. Из множества пережитков почитания огня наиболее распространенными были «дома огня» — места сборов мужского населения кишлака у очага, во время которых проводилось коллективное угощение. Из древних сказаний о богатырях особенно популярными были сказания о Рустаме. Начиная работу, таджик-горец обычно говорил: «Рустам, помоги!». Радуга именуется «луком Рустама». Ряд обычаев свидетельствует о сохранении пережитков матриархата. Много архаических черт сохранялось в керамике, в строительном искусстве.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ПРЕДКИ ТАДЖИКОВ
В ЭПОХУ РАЗВИТИЯ
РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ

СРЕДНЯЯ АЗИЯ В СОСТАВЕ ГОСУДАРСТВА АХЕМЕНИДОВ

1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ VI — НАЧАЛА V В. ДО Н. Э.

Возникновение Ахеменидского государства

Создание первых государственных образований в Иране относится к IX—VII вв. до н. э.¹ В IX—VII вв. многие районы Западного Ирана входили в состав Ассирийской и Урартской держав (Ассирии принадлежали и области, ставшие затем центром Мидийского царства; зависимость от Ассирии около 640 г. до н. э. признали и персидские племена Юго-Западного Ирана, возглавлявшиеся Ахеменидами и подчинявшиеся ранее царям Элама). В VIII—VII вв. значительные территории Северо-Западного Ирана были объединены под властью Манейского царства.

На первых этапах своего распространения по территории Ирана (с конца II — начала I тыс. до н. э.) ираноязычные племена еще не достигли того уровня социально-политического развития, при котором было возможно создание объединений государственного типа. Лишь позже на основе этих племен и ассимилированного ими местного населения в ряде областей Ирана происходит консолидация ираноязычного элемента, в результате развития которой во второй четверти VII в. н. э. возникает Мидийское царство, созданное первоначально на территории района Экбатан (Хамадана) и нескольких соседних областей, а затем включившее в свой состав большинство областей Ирана (в том числе Фарс), территории Манейского и Урартского государств, ряд районов, принадлежавших ранее Ассирии, восточную часть Малой Азии²; на востоке пределы Мидии подошли к границам Средней Азии.

¹ За исключением юго-западных районов Ирана, где еще во второй половине III тыс. до н. э. возникло Эламское государство.

² Лучшим исследованием по истории Мидии является книга И. М. Дьяконова (1956); см. также: Ашев И., 1960. Из зарубежных работ следует отметить: Cameron G., 1936.

В середине VI в. до н. э. на смену Мидийской державе приходит государство Ахеменидов. Создание мировой державы Ахеменидов завершило собой характерные для предшествующей эпохи (IX—VI вв. до н. э.) процессы, выражавшие тенденцию к объединению в составе одного государства различных древневосточных стран и народов (ср. последовательное расширение Ассирийского, Урартского, Мидийского и Нововавилонского государств), что имело определенные экономические и социальные причины.

Основателем Ахеменидской державы явился царь группы персидских племен Кир II, вначале находившийся в вассальной зависимости от Мидии. В результате длительной и трудной борьбы он не только освободился от этой зависимости, но в 550 г. до н. э. полностью разгромил и подчинил себе Мидию. Он принял титул царя Мидии, сохранив и свой старый титул царя Персии³.

Кир II вел многочисленные войны. Первоначально он покорил те владения, которые входили в состав Мидийского царства. Затем в 547 или 546 г. до н. э. была присоединена Лидия — богатейшая страна в Малой Азии, греческие государства Малой Азии⁴.

Завоевания Кира II в Средней Азии

Усиление Ахеменидского государства, резкое увеличение материальных и людских ресурсов — вот результаты первого периода деятельности Кира II. Все это создало предпосылки для реализации его устремлений, направленных на создание огромного государства, включавшего все страны Азии.

После завоевания Лидии, по словам Геродота (I, 153), «на пути Кира лежали Вавилон, бактрийский народ, саки и египтяне, в войне с ними он собирался предводительствовать лично, а против ионян решил послать полководцем другого». Такие планы Кира II были не случайны: он, вероятно, располагал данными о могуществе и военной подготовленности среднеазиатских народов, поэтому он не мог доверить командование войсками в этом походе даже самым приближенным из своих полководцев.

Почти ничего конкретного о том, как протекало завоевание Средней Азии, мы не знаем. Однако оно сопровождалось боль-

³ Дьяконов И. М., 1956, стр. 417—422.

⁴ Детальное исследование истории Ирана в это время см.: Дандамаев М. А., 1963 г. Наиболее подробное изложение политической истории: Olmstead A. F., 1959. Наше понимание социально-экономической истории Ахеменидской державы подробнее освещено в специальных работах (Гафуров Б. Г., 1966, 1971).

шими жестокостями. Как сообщает Геродот (I, 177), «Нижнюю Азию обезлюдил Гарпаг, а верхнюю — сам Кир, покоривший там один народ за другим и не пощадивший ни одного из них». Вавилонский историк III в. до н. э. Беросс также сообщает, что Кир выступил против Вавилонии только после покорения всей Азии. Все это опровергает рассказ Николая Дамасского («История», 75) о том, что после побед Кира II над Мидией к нему явился с изъявлением покорности гирканский сатрап, «а затем сатрапы парфян, саков, бактрийцев и остальных народов приходили друг за другом, стремясь опередить один другого». Все это анахронизм, ибо бактрийцы и саки не входили в состав Мидийского царства, и Киру II еще предстояло их завоевать.

Более того, неверен, очевидно, этот рассказ и в отношении других областей. Гораздо более достоверным выглядит сообщение Трота в изложении Юстина (I, 7, 2): «Государства, которые ранее были данниками мидян, полагая, что с переменой власти изменилось и их положение, отложились от Кира; это стало для Кира причиной и началом многочисленных войн».

Некоторые подробности о завоеваниях Кира II в Средней Азии содержатся у Ктесия (фр. 9/29). Он сообщает, что Кир «воевал с бактрийцами и битва не дала перевеса какой-либо из сторон». Лишь после того, как бактрийцы узнали об укреплении внутривосточного положения Ахеменидского государства, они «добровольно» подчинились Киру.

Особую важность имеют сведения Бехистунской надписи⁵, высеченной по приказу Дария I. Из нее можно извлечь бесспорные данные о составе Ахеменидского государства к моменту воцарения Дария I. При этом следует иметь в виду, что в промежуток между смертью Кира II и воцарением Дария I, т. е. в 530—522 годах до н. э., Ахемениды были заняты завоеваниями в Египте и делами внутри своего государства, а не присоединением новых областей Средней Азии⁶. В первом столбце Бехистунской надписи Дарий I говорит: «Вот те страны, которые достались мне по милости Ахура-Мазды», и перечисляет среди прочих Парфию, Арейу, Хорезм, Бактрию, Согдиану, а также области в Южном Афганистане и Северо-Западном Индостане: Гандхару, Саттагидию, Арахосию, причем между первыми двумя названа «Сака» (имеются в виду, очевидно, саки-хаумаварга). В античных источниках сохранилось известие (Плиний, VI, 23), что Кир разрушил Капису (обычно исследователи локализируют ее в Беграме, вблизи Кабула)⁷.

⁵ Издание надписи см.: *Kent R. G.*, 1953, p. 116—134 (текст и английский перевод); полный русский перевод: *Дандамаев М. А.*, 1963 а, стр. 262—270.

⁶ *Дандамаев М. А.*, 1963 а, стр. 116 и сл.

⁷ *Массон В. М., Ромодин В. А.*, 1964, стр. 58.

Суммируя все имеющиеся в нашем распоряжении весьма скудные данные, можно предположить, что Киру II удалось завоевать Парфию, Бактрию, Хорезм, Согд и какую-то часть саков, скорее всего саков-хаумаварга⁸. Как далеко на северо-восток простирались пределы Ахеменидского государства, практически ничего не известно. Высказывавшиеся ранее соображения, что оно достигало Ферганской долины, основывавшиеся на упоминании в более поздних источниках города Кирополя — Кирэсхаты, якобы построенного Киром, в свете лингвистического анализа оказались в определенной степени поколебленными. Было высказано мнение, что город назывался на самом деле Куру[ш]-ката, где первая часть слова могла быть и племенным названием, а греки переименовали это слово в Кирэсхата⁹.

Кир и Томирис. Разгром ахеменидских войск

В 539 г. до н. э. Кир II сокрушил Вавилон, он собирался завоевать еще Египет. Но положение на северо-восточных границах государства, т. е. в Средней Азии, не позволяло ему начать египетский поход. Он предпринимает новый поход в Среднюю Азию с целью обезопасить свой тыл. Кир II, лично возглавлявший войска в этом походе, собирался разгромить могущественных среднеазиатских кочевников.

Сведения об этом походе сохранились у многих античных авторов, но события излагаются ими по-разному. Одна из версий: Кир, переправившись через Аракс, вторгся в землю массагетов, которыми предводительствовала царица Томирис. По второй версии, в целом не очень отличающейся от первой, Кир воевал со скифами, во главе которых стояла Томирис. Третья версия: Кир сражается с дербиками. Наконец, есть сообщение, что Кир воевал в «равнинах даев»¹⁰.

Развернутый рассказ об этом походе и его результатах имеется у Геродота, Трога — Юстина и у других авторов. Прочитав рассказ Трога — Юстина: «Покорив Азию и подчинив своей власти весь Восток, Кир пошел войной на скифов. У скифов была в то время царица Томирис. Она не испугалась, как это можно было ожидать от женщины, вражеского нашествия. Хотя Томирис могла бы помешать переправе врагов через Окс, она дала им возможность переправиться, считая, что ей легче сра-

⁸ ИТН, I, стр. 190—192.

⁹ *Benveniste E.*, 1935—1943, 1947, p. 163—164. См. также подробный разбор Б. А. Литвинского: ИТН, I, стр. 528. Новейший лингвистический анализ: *Eilers W.*, 1964, S. 180—236 (важен главным образом для ареала); *Абаев В. И.*, 1967, стр. 286—291 (убедительная этимология).

¹⁰ Источниковедческий анализ см.: *Пьянков И. В.*, 1964.

жаться в пределах своего собственного царства, а врагам будет труднее спастись бегством через реку, преграждающую им путь. Кир, переправив войско и углубившись на некоторое расстояние в Скифию, разбил лагерь. На следующий день он притворился испуганным и покинул лагерь, как бы обратившись в бегство. В лагере же он оставил вдоволь вина и всего, что необходимо для устройства пира. Когда об этом сообщили царице, она послала своего сына, еще юношу, с третьей частью своего войска преследовать врагов. Войдя в лагерь Кира, не испытанный в военном деле юноша, словно пришедший на пир, а не на бой, забыл о врагах, позволил непривычным к вину варварам перепиться, и опьянение победило скифов раньше, чем оружие. Ибо, узнав об этом, Кир ночью вернулся, напал на беспомощных [врагов] и перебил [бывших в лагере] скифов вместе с сыном царицы. Потеряв такое войско и, что было для нее еще тяжелее, единственного сына, Томирис не в слезах излила горе о своей потере, а искала утешение в отмщении и на коварство врагов, торжествовавших недавнюю победу, ответила таким же коварством. Она прикинулась, будто не доверяет своим силам после постигшего ее удара и, обратившись в бегство, заманила Кира в ущелье, предварительно устроив в горах засаду; там она уничтожила 200 000 персов вместе с самим царем. Эта победа была еще тем замечательна, что не осталось даже вестника, который сообщил бы персам о таком страшном поражении. Царица приказала бросить отрезанную голову Кира в бурдюк, наполненный человеческой кровью, и такими словами осудила его жестокость: «Насытятся же теперь,— сказала она,— кровью, которой ты всегда жаждал и которой никогда не мог насытиться» (Юстин, I, 8, 1—13).

Рассказ Геродота (I, 205—214) еще подробнее. Из него мы узнаем, что Кир первоначально предлагал через специальных послов Томирис, чтобы она стала его женой. «Но Томирис поняла,— пишет Геродот,— что Кир сватается не к ней, а к царству массагетов, и отвергла предложение» (I, 205). Сына Томирис звали Спаргапис (I, 211), он не был убит, а попав в плен, сам покончил с собой (I, 213). О битве между массагетами и ахеменидскими войсками рассказывается так: «...Сражение это было наиболее жестоким из всех, в каких когда-либо участвовали варвары. Происходило оно, как я слышал, так: вначале оба войска обстреливали друг друга из луков на значительном расстоянии, потом, когда стрелы были истощены, перешли врукопашную и бились копьями и мечами. Войска долго стояли друг против друга и ни одна сторона не обращалась в бегство. Наконец массагеты победили. Большая часть персидского войска пала на месте сражения, сам Кир был убит» (Геродот, I, 214). Страбон (XI, 8, 5) дополняет сообщения весьма существенной подробностью, что во время этой войны кочевые

противники Кира II (он называет их саками) дважды разгромили ахеменидские войска.

Вопрос о конкретном направлении похода Кира II трудно разрешим. Некоторые предполагают, что это Сырдарья, Амударья или Узбой. Последнее, пожалуй, наиболее правдоподобно¹¹.

Разгром Кира массагетами в конце июля — начале августа 530 г. до н. э. — первая точно установленная дата в истории народов Средней Азии¹².

Как пишет М. М. Дьяконов, «Кир был одной из наиболее выдающихся личностей древней истории»¹³. Это безусловно справедливо, ибо в своей деятельности Кир выступил выразителем многих прогрессивных тенденций своего времени. К тому же за его спиной стояли огромные ресурсы обширного Ахеменидского царства, простирающегося от Малой Азии до долины Инда. И тем не менее в борьбе со среднеазиатскими кочевниками он не только потерпел жестокое поражение, но погиб сам. И дело здесь отнюдь не в превратностях капризной военной удачи. Отстаивая свою свободу и независимость, народы мобилизуют все силы в борьбе с врагом. Примеры этого бесчисленны как в истории Средней Азии, так и в мировой истории в целом.

Восстания против Ахеменидов при Дарии I

Победа среднеазиатских кочевников над Кирием II сыграла заметную роль в судьбах Ахеменидского государства. Дело не только в том, что был убит могущественный основатель Ахеменидского государства, но и в том, что его сын и преемник Камбиз вынужден был отсрочить давно планировавшийся поход на Египет¹⁴. Позже Камбиз все же осуществил этот поход. Египет был завоеван, под власть Ахеменидов попала и эта страна.

В 522 г. до н. э. власть в Иране захватывает Дарий I (правил до 486 г.) — представитель боковой линии Ахеменидской династии. Разброд в царском доме, борьба за власть, протекавшие на фоне социально-политического кризиса, привели к тому, что большинство провинций отложилось от Ахеменидского го-

¹¹ *Herrmann A.*, 1914, S. 19; *Пьянков И. В.*, 1964, стр. 126—130; ср. *Струве В. В.*, 1968, стр. 51—66.

¹² Эта дата устанавливается из вавилонских документов: последний документ от имени Кира II датирован 12 августа 530 г. до н. э., первый от имени Камбиза — 31 августа 530 г. до н. э. Следовательно, известие о гибели Кира достигло Вавилона в середине или второй половине этого месяца (*Parker R. and Dubberstein W. H.*, 1956, p. 14; *Дандамаев М. А.*, 1963 а, стр. 117). Встречающаяся иногда другая дата — 529 г. (например *Массон В. М.*, *Ромодин В. А.*, 1964, стр. 57) неверна.

¹³ *Дьяконов М. М.*, 1961, стр. 79.

¹⁴ *Дандамаев М. А.*, 1963 а, стр. 116—117.

Костюмы народов Средней Азии V в. до н. э.

(по ахеменидским рельефам)

1 — сак-тиграхауда, 2 — бактреец, 3 — согдиец, 4 — хорезмиец

Восточнопамирский воин — сак (VII—VI в. до н. э.)
(по материалам могильников)

сударства. В знаменитой Бехистунской надписи, высеченной Дарием I с целью увековечить свои деяния, подробно рассказывается о подавлении этих восстаний.

Среднеазиатские народы также воспользовались этой ситуацией, чтобы сбросить власть Ахеменидов. Восстали Парфия, Маргиана, страна саков (Бехистунская надпись, II, 6—8). Особенно широкий размах приобрело восстание в Маргиане. В Бехистунской надписи (Бехистунская надпись, III, 10—12) Дарий I рассказывает об этом следующим образом: «Говорит Дарий царь: страна Маргиана стала мятежной. Одного человека по имени Фрада, маргианца, они сделали начальником. После этого я послал к персу по имени Дадаршиш, моему рабу, сатрапу в Бактрии [и] сказал ему так: «Иди разбей войско, которое не называет себя моим». Затем Дадаршиш отправился с войском и дал бой маргианцам. Ахура-Мазда оказал мне помощь. Милостью Ахура-Мазды мое войско наголову разбило мятежное войско. В 23-й день месяца ассиадия ими был дан бой». Затем, продолжает Дарий (Бехистунская надпись, III, 19—20), «страна моей стала». Дата, приведенная в надписи, соответствует 10 декабря 522 г. до н. э.¹⁵ и является наряду с датой разгрома Кира массагетами одной из древнейших точно установленных дат в истории СССР.

Ахеменидские войска, которыми командовал бактрийский наместник, не щадили никого. Восстание было буквально потоплено в крови. В соответствии с вавилонской версией и арамейской копией Бехистунской надписи было убито свыше 55 тыс. человек и 6,5 или 7 тыс. человек взято в плен¹⁶. Вождь восставших Фрада вначале спящего, но затем также был захвачен ахеменидскими войсками. Жестоко были подавлены восстания в Парфии и в стране саков.

Дарий I на третьем году своего правления (519/518 г. до н. э.) предпринял специальный поход против саков-тиграхауда (Бехистунская надпись, V, 20—30). Произошло сражение, в котором саки потерпели поражение. Часть их была захвачена в плен. Среди пленных был и вождь саков по имени Скунха. Дарий I назначил другого вождя этих саков¹⁷.

Античный автор Полиен (XII, 12) на основании дошедших до него сакских преданий рассказывает об одном из эпизодов мужественной борьбы саков. Против них направился сам Дарий I во главе огромного войска. Как-то в его лагерь явился сакский конюх Ширак. Он был изуродован, покрыт множеством ран, уши и нос у него были отрезаны. Ширак заявил, что

¹⁵ Исследованию этого восстания посвящена специальная работа В. В. Струве «Восстание в Маргиане при Дарии I» (Струве В. В., 1949).

¹⁶ Струве В. В., 1949, стр. 24.

¹⁷ Струве В. В., 1968; Дандамаев М. А., 1963 г.

так расправились с ним его соплеменники и что он жаждет им отомстить. Он взялся проводить войско персов по известным ему одному тропам, чтобы вывести их внезапно в тыл саков. Через семь дней томительного пути персидские воины оказались в бесплодной пустыне. Они были на краю гибели. Персы догадались об обмане. Ширак, которому они угрожали смертью, гордо ответил: «Я выиграл победу, ибо для отвращения бедствия от саков, моих земляков, переморил персов жаждой и голодом». Персы обезглавили мужественного конюха. Этот поход Дария I, как следует из Полиена, оказался неудачным.

2. СРЕДНЕАЗИАТСКОЕ ОБЩЕСТВО

В V—IV вв. до н. э.

Средняя Азия

в составе Ахеменидской державы

Как показывают первоисточники, значительная часть Средней Азии вошла в состав Ахеменидского государства. По словам одной из персепольских надписей, оно простиралось от «саков, которые за Согдом», до Куша (Эфиопии). Следует признать справедливым мнение, что «саки, которые за Согдом», — это засырдарьинские саки, жившие вдоль верхнего, отчасти среднего, течения этой среднеазиатской реки¹⁸. Хорезм, Согд, Бактрия, Парфия, многие области, населенные кочевниками-саками, — все это входило в состав Ахеменидского государства в период его наибольшего расцвета.

Бактрия до конца существования Ахеменидского государства была в его составе. Она являлась важнейшим центром Ахеменидской державы на Востоке. Большие людские, экономические и военные ресурсы Бактрии и связанных с ней областей определяли ее роль в экономической и политической жизни восточной части государства в целом. Очень велико было значение Бактрии в династийной борьбе за престол «царя царей». Бактрийская знать, по-видимому, проводила сепаратистскую политику, но в некоторые моменты оказывала активную поддержку тем или иным претендентам на царский престол, пытаясь занять наряду с персами руководящее положение во всем государстве¹⁹.

Вся Ахеменидская держава была разделена на военно-податные округа — сатрапии, которые управлялись наместниками, сатрапами. При Дарии I (522—486 гг. до н. э.), согласно сооб-

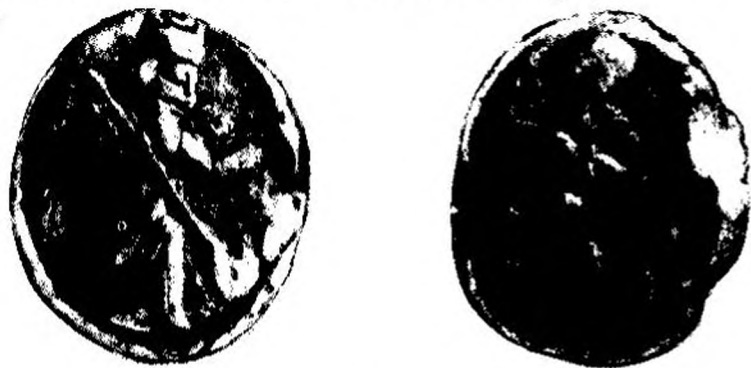
¹⁸ Литвинский Б. А., 1960 б, стр. 91—92.

¹⁹ ИТН, I, стр. 209—211.

щению Геродота (III, 89—94), было 20 сатрапий. Сатрап, непосредственно подчинявшийся царю, назначался почти всегда из числа персов. В его обязанности входило главным образом взимание податей в своей области и содержание войска²⁰. Он имел также право сношений с соседями и мог, с согласия царя, даже организовать в случае необходимости, против них военную экспедицию. Должность сатрапа часто бывала наследственной.

Важнейшую функцию государственного аппарата составлял сбор податей. По налоговой реформе Дария I каждая сатрапия обязана была платить основной годовой налог деньгами. Кроме того, платили налог в виде натуральной подати, т. е. продукцией своего ремесла, горного дела, земледелия и скотоводства. Из строительной надписи в Сузах известно, что среднеазиатские сатрапии поставляли разные породы отделочного камня для постройки ахеменидских царских дворцов (вероятно, и других построек), а также золото. В дополнение к этим налогам и повинностям существовали еще и внутренние пошлины и дорожные сборы. Тяжелым бременем ложилась на население поставка воинов в ахеменидское войско.

Население неизменно страдало от этих поборов, для уплаты которых нередко приходилось закладывать земли у ростовщиков или даже продавать детей в рабство.

Ахеменидская монета дарик

Средняя Азия была поделена на четыре сатрапии. Кочевые племена, жившие вдоль побережья Каспийского моря, входили, по Геродоту, в состав XI сатрапии и платили ежегодно подати в сумме 200 вавилонских серебряных талантов²¹. Хорезм,

²⁰ Как пишет Р. Фрай, сатрапы были чем-то вроде маленьких царей со своим двором и аппаратом управления, напоминающим центральное правительство (*Frye R. N.*, 1963, p. 102).

²¹ Талант — около 30 кг серебра.

Согд и Парфия составляли XVI сатрапию и платили 300 талантов. Бактрия составляла XII сатрапию и платила 360 талантов. Наконец, саки входили в XV сатрапию, которая платила 250 талантов. По тому времени это были огромные суммы.

Одним из средств выкачивания Ахеменьядами дополнительных податей у населения Средней Азии было закрытие шлюзов, в результате чего вода не поступала на поля. За открытие шлюзов население расплачивалось новыми взносами податей. Геродот (III, 117) пишет об этом: «...Когда у них нет воды, они с женами своими отправляются в Персию, становятся у дверей царского замка и рыдают с воплями; царь, видя крайнюю нужду просящих, велит открыть шлюзы, ведущие в их равнину. Когда земля их насытится водою, шлюзы запираются снова; вместе с этим царь велит открыть другие шлюзы на других жителей, испытывающих крайнюю нужду в воде. Я знаю по рассказам, что царь сверх обычной дани взимает большие деньги за открытие шлюзов» (разрядка моя. — Б. Г.).

Локализация этой плотины, расположенной, по Геродоту, на р. Акес, связана с большими трудностями. По мнению большинства исследователей, это р. Теджен — Герируд, реже называется р. Мургаб. Имеются попытки более точной локализации²².

По-видимому, в ахеменидское время крупные ирригационные сооружения находились в руках (или были под контролем) ахеменидской администрации.

Положение трудовых масс Средней Азии в эпоху господства Ахеменидов было очень тяжелым. Свободолюбивые племена и народы постоянно восставали против гнета ахеменидских царей.

По-видимому, уже со второй половины IV в. до н. э. хорезмийцы образовали независимое от Ахеменидов государство. К этому же времени перестают быть подданными Ахеменидов и саки.

Ахеменидское государство было ярко выраженным рабовладельческим военно-аристократическим государством, привилегированные и правящие слои которого состояли из персов и частично из мидян. На местах, в частности в удаленных от центра Ахеменидской державы областях Средней Азии, была велика власть «своей», среднеазиатской администрации: Ахемениды и местная знать совместно угнетали народы среднеазиатских сатрапий.

---

²² Marquart J., 1938, S. 9; Дьяконов И. М., 1956, стр. 357; Массон В. М., 1967 а, стр. 172—175.

**Социально-экономический строй,
культура и религия в Согде, Хорезме и Бактрии
в VI—IV вв. до н. э.**

Общественный строй восточноиранских народностей Средней Азии в период господства династии Ахеменидов, как представляется нам в результате исследования всей совокупности источников, в определенной степени или даже существенно отличается от строя западных иранцев.

В Средней Азии рабский труд не стал основой хозяйства, хотя рабовладельческие отношения были и здесь развиты. В гораздо большей мере сохранились здесь остатки родового строя, и преобладающее значение имели сельские общины. Установление ахеменидского господства сыграло двойственную роль в отношении дальнейшего социально-экономического развития Средней Азии: с одной стороны, оно несколько ускорило развитие рабовладельческих отношений, но с другой, — привело к значительному истощению экономики. Громадные богатства выкачивались из страны в форме дани и поставок материалов, лучшие ремесленники вывозились за пределы страны для участия в дворцовом строительстве ахеменидских царей и т. д.

Археологические данные раскопок городища Афрасиаб (древний Самарканд) и известия античных авторов дают возможность охарактеризовать, правда в самых общих чертах, состояние Согда в тот период²³. Значительную роль в жизни Согда играло земледелие, причем в эту эпоху оно уже было основано на искусственном орошении. Для конца рассматриваемого периода это засвидетельствовано письменными источниками. Страбон (XI, II, 5) пишет о р. Политимет (Зеравшан): «Оросивши эту местность (буквально, напоив страну. — Б. Г.), река входит в пустынную, песчаную страну и там поглощается песками». Очевидно, здесь имелось в виду, что Зеравшан, дав воду многочисленным каналам согдийцев, уходит в пустыню.

Наряду с сельскими поселениями, жители которых занимались земледелием и скотоводством, возникают и городские поселения. Крупнейшим из них являлось то, которое греки называли Мараканда — местное название Самарканда (современный Самарканд). К моменту македонского завоевания город состоял из двух частей: цитадели, окруженной стеной и рвом, и собственно города, протяженность стен которого 70 стадиев, т. е. не менее 12—12,5 км (Квинт Курций, VII, 6, 10). Город «обтекался» некая река — имеется в виду, по-видимому, Сиаб.

По археологическим данным, древний Самарканд (или его ядро) располагался на городище Афрасиаб. В процессе исследования этого городища выявлены следы поселения VI—IV вв.

²³ Тереножкин А. И., 1947, стр. 128; 1950 б, стр. 153, 155—156.

здесь располагалась резиденция правителя области. Что же касается Яз-депе, то оно теряет свое былое значение²⁶.

Значительную роль играло в Северной Парфии городище Елькен-тепе, исследование которого показало наличие мощной фортификационной системы²⁷. По археологическим наблюдениям, уже в это время в Мервском оазисе существовали крупные оросительные каналы, один из которых снабжал водой поселение на Гяур-кале и окружающие поля. Здесь археологами были найдены многочисленная керамика, фигурки и другие изделия, в том числе бронзовые наконечники стрел скифского типа.

В Бактрии основным занятием населения было земледелие. Винт Курций пишет: «Природа Бактрии разнообразна: там виноградная лоза приносит крупные и сладкие плоды; обильные воды орошают жаркую почву; наиболее плодородная земля обрабатывается под хлебные посевы, другая обращена в пастбище крупного скота, но большая часть земли — бесплодная равнина». Плиний сообщает о разведении в Бактрии хлебных злаков, зерна которых по своей величине якобы равны обычным колосьям.

Земледелие было богарным и ирригационным. Так, в V—IV вв. до н. э. из Вахша был выведен канал, примерно соответствующий современному отводу Джуйбара Болдаю. В его зону входило около 50 кв. км земли²⁸.

Раскопки в Балхе показали, что древнейший его слой относится к концу первой половины I тыс. до н. э.²⁹ Интересный материал по культуре Северной Бактрии был получен при раскопках М. М. Дьяконова в низовьях Кафирнигана на городище Кала-и мир (Шаартузский район Таджикской ССР). Здесь, в основании поселения, существовавшего вплоть до революции (тогда оно было местопребыванием кабаднанских беков), удалось обнаружить сильно разрушенный жилой комплекс древнебактрийского времени. Было вскрыто восемь узких помещений, выстроенных из квадратного сырцового кирпича. Внешняя стена здания была толще, чем остальные. Здесь найдено много сосудов такого же типа, как и в древнейшем Самарканде и Мерве. Здесь же обнаружены бронзовые наконечники стрел, относящиеся к VII—V вв. до н. э., и железные изделия (игла, нож). Жители этого поселения, судя по археологическим находкам, занимались ремеслами (гончарным, ткацким, железоделательным, бронзолитейным), а также сельским хозяйством — полив-

²⁶ Пиотровский Б. Б., 1949, стр. 35—41; Массон В. М., 1959.

²⁷ Марущенко А. А., 1959, стр. 54—72.

²⁸ Зеймаль Т. И., 1971, стр. 52.

²⁹ О раскопках в Балхе: Schlumberger D., 1949, p. 173—190; Cardin J. C., 1957, *le Berre M. et Schlumberger D.*, 1964.

ным земледелием и скотоводством³⁰. Другое поселение V—IV вв. до н. э. раскопано Т. И. Зеймаль в Вахшской долине — это холм Болдай-тепе близ г. Курган-Тюбе³¹.

Об уровне развития художественного ремесла в Бактрия можно судить по предметам, входящим в состав так называемого амударьинского клада — собрания большого количества предметов искусства, главным образом из золота, серебра (всего 180 предметов, первоначально было много больше), огромного количества золотых и серебряных монет. Вся эта коллекция была куплена бухарскими купцами у местных жителей где-то в районе Кабадиана в 1877 г., привезена ими в Индию, а затем попала в руки ученых. Подлинная история создания этой коллекции неизвестна³². Художественный гений древних бактрийцев, удивительное мастерство их художников-ювелиров, нашли замечательное воплощение во многих предметах амударьинского клада. Здесь мы видим, например, изготовленные из золота колесницы, в которые впряжены кони, серебряную статуэтку человека, золотые пластинки с человеческими изображениями, передающими все детали одежды и вооружения, золотые браслеты, концы которых оформлены в виде головок козла или змеи, массивную золотую фигурку оленя и многое другое.

А. Каннингэм полагал, что это частное сокровище, принадлежавшее какой-то знатной бактрийской семье. Р. Гиршман высказал гипотезу, что амударьинский клад — часть сокровища знаменитого храма Анахиты в Бактрах, может быть разрушенного во время вторжения войск Александра Македонского или Селевка I. Последняя гипотеза была поддержана Р. Бэрнеттом, предложившим, впрочем, более позднюю дату завершения сложения клада (II в. до н. э.)³³.

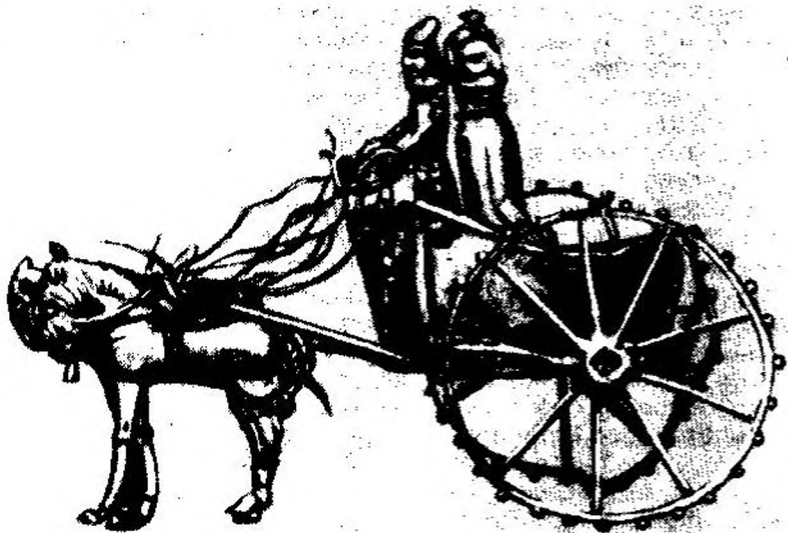
³⁰ Дьяконов М. М., 1954 б.

³¹ Зеймаль Т. И., 1971, стр. 50—52.

³² Полное издание: *Dallon O. M.*, 1964; *Bellinger A. R.*, 1962, p. 51—67. Об обстоятельствах находки см: *Зеймаль Т. И., Зеймаль Е. В.*, 1962. Некоторые западные ученые доказывают, что в нем есть множество привозных предметов. Мы полагаем, что он содержит в основном и бактрийские изделия. Другое дело, что искусство Бактрии и западноиранских областей имело немало общих моментов и перекличка вполне объяснима. Кстати, публикация М. Дальтона, впервые появившаяся в 1905 г., а в несколько переработанном виде в 1926 г., сейчас в своей исследовательской части совершенно устарела. Назрела необходимость в новом исследовании предметов амударьинского клада, в полной мере учитывающем новые открытия в области древнего искусства Ирана и других стран зарубежного Востока, а также Средней Азии. Эта лакуна лишь в незначительной степени заполнена исследованием Р. Д. Бэрнетта (*Barnett R. D.*, 1968).

³³ *Ghirshman R.*, 1964, стр. 88—94; *Barnett R. D.*, 1968, стр. 35—52. Следует отметить, что Р. Бэрнетт опирается в своей датировке, в частности, на идею В. В. Тарна об отсутствии золота в Бактрии. Однако это совершенно не соответствует действительности, ибо месторождения золота на территории Бактрии имеются.

Амударьинский клад. Модель колесницы (золото)

Городские поселения, в том числе крупные, тогда существовали и на территории Северного Таджикистана. Таков был, в частности, город, называвшийся греками Кирополь (в районе современного Ура-Тюбе).

На обширной территории, занятой сакскими племенами, также имеются разнообразные памятники. На Восточном Памире — это погребальные курганы. Захоронение производилось на небольшой глубине и было скорченным. Иногда встречаются парные захоронения. В Семиречье обнаружены огромные курганы с деревянной камерой. В Приаралье, в междуречье Амударьи и Сырдарьи, имелись большие, сложно устроенные гробницы сакской знати. Здесь же обнаружены поселения, с некоторой долей вероятности приписываемые сакам.

Религиозные верования жителей Средней Азии не были единообразными. В оседлых областях распространился зороастризм. Он впитывал в себя разнообразные местные культы. В наших знаниях о реальном содержании религиозных представлений больше лагун, чем сколько-нибудь твердых отправных точек. Некоторые сакские племена, видимо, также стали зороастрийскими, у других господствовали религиозные представ-

Амударьинский клад. Блюдо (серебро)

ления, центральное место в которых занимало связанное с солнцем верховное божество — скорее всего Ахура-Мазда (или Митра)³⁴.

В Ахеменидском государстве был введен так называемый младоавестийский календарь. Он был выработан по подобию египетского солнечного календаря с годом из 12 месяцев по 30 дней и 5 дней добавочных. Употребляемые в нем названия месяцев и дней образованы от имен божеств и мифических персонажей зороастрийского пантеона «Младшей Авесты», как упоминаемых в «Гатах», так и других иранских божеств (в том числе определенно отвергавшихся Заратуштрой). Этот календарь получил широкое распространение у иранских народов. В Средней Азии его употребление в древности и раннем средневековье засвидетельствовано дошедшими текстами для Согды, Хорезма и Парфии. От него же происходит календарь среднеперсидский и восходящий к нему новоперсидский (названия месяцев современного иранского солнечного календаря проис-

³⁴ Литвинский Б. А., 1968 б.

Сакекая бронзовая курильница

ходят от имен божеств «Младшей Авесты»). Названия месяцев этого календаря засвидетельствованы и в некоторых других странах Передней Азии, в частности в Армении³⁵.

У среднеазиатских племен и народностей существовал в это время развитый эпос, отразившийся, в частности, в «Авесте». Сохранились в передаче Ктесия отрывки эпического романа о судьбе сакской царицы Зариней и мидийца Стриангея. Она, когда умер ее первый муж — царь саков, вышла замуж за Мермера — правителя области парфян. Между ним и царем персов началась война. Во время этой войны «некий Стриангей, мидиец, сбросил с лошади сакскую женщину — у саков ведь женщины сражаются как амазонки. Увидев сакскую женщину, прекрасную и в цветущем возрасте, он отпустил ее невредимой». Несколько позже Стриангей сам попадает в плен к мужу сакской красавицы. Он влюблен в нее, она, очевидно, отвечает взаимностью. Но Стриангею грозит смерть, и никакие мольбы Зариней не могут смягчить ее мужа. Тогда она освобождает плен-

³⁵ Дьяконов И. М. и Лившиц В. А., 1966, стр. 153 и сл.

ников, убивает с их помощью мужа и «устанавливает дружбу» со Стриангеем (Ктесий, фрагменты 7(26), 8a(27) и др.).

По мнению ряда ученых, это отголоски сакского эпоса, другие полагают, что он отражает мидийскую традицию. По нашему мнению, предпочтительнее первая точка зрения.

3. СРЕДНЯЯ АЗИЯ И ИРАН В АХЕМЕНИДСКИЙ ПЕРИОД

Ахеменидская держава существовала более 200 лет и, таким образом, оказалась одной из самых прочных из известных мировых империй древности. Держава Ахеменидов сыграла большую роль в истории Востока, и те экономические, политические институты и культурные традиции, которые возникли в ахеменидский период, сохранялись и в более позднее время, в империи Александра Македонского, государствах парфянов, Сасанидов и среднеазиатских народов.

В ахеменидский период произошли большие социальные изменения (развитие земельных отношений, повышение значения рабского труда, активная деятельность торговых домов в Вавилонии и т. д.), были созданы единая государственная денежная система, налоговая система, основанная на учете экономических возможностей стран, входивших в состав империи, административная система с делением государства на сатрапии, границы которых были точно установлены, канцелярия с использованием единой общегосударственной письменности — арамейской. Была создана также государственная почта, усовершенствованы старые караванные дороги и построены новые. Кроме того, было разработано общегосударственное законодательство, наряду с ним продолжали сохранять силу и старые законы различных народов.

Разумеется, историческая действительность была очень сложной. Политика, проводимая ахеменидскими царями, может рассматриваться как относительно положительная лишь в сравнении с более ранними древневосточными монархиями, где деспотизм и гнет были значительно более сильными, чем при Ахеменидах. Но и при них никакой идиллии не было: ожесточенная классовая борьба, восстания завоеванных народов непрерывно сотрясали Ахеменидскую державу.

Ахемениды, в отличие от предшествовавших им других древневосточных царей, в высшей степени терпимо относились к религиям других народов и даже восстанавливали храмы в различных странах (например, в Вавилонии и Иудее). Большой популярностью пользовался основатель государства Кир, которого персы называли своим отцом, вавилоняне — посланником вавилонского бога Мардука, греки — великим государственным деятелем, а евреи — мессией бога Яхве.

При Ахеменидах были созданы благоприятные условия для международной торговли. Страны Ахеменидской державы были доступны для путешественников, ученых и т. д. Многие крупные представители древнегреческой культуры (Гекатей, Геродот, Демокрит и др.) в это время путешествовали по странам Востока и ознакомили греков с культурными достижениями восточных народов.

Все это способствовало расширению культурного горизонта подданных Ахеменидской державы и содействовало интенсивному общению между собой представителей различных народов.

Как известно, у Александра Македонского была идея объединить греков и народы Востока в единое культурное и политическое целое, которую он пытался провести с помощью македонской фаланги, что вызвало ожесточенное сопротивление народов, в частности среднеазиатских, и мирным путем, что дало значительно больший и прочный эффект. Однако следует отметить, что процесс культурного синтеза различных народов начался и интенсивно проходил за 200 лет до завоеваний Александра Македонского, и, таким образом, мероприятия последнего в этом отношении являлись как бы продолжением политики Ахеменидов.

В ахеменидский период в различных странах бок о бок жили и работали представители различных народов. Так, например, на острове Элефантине на границе с Нубией и в городе Мемфис в Египте жили и вступали в сделки египтяне, персы, греки, хорезмийцы, вавилоняне, арамейцы, евреи, финикийцы и т. д. Нередко они перенимали друг у друга различные религиозные представления, поклонялись не только своим, но чужим богам и даже меняли свои собственные имена, принимая чужеземные. В Ниппуре и других городах Вавилонии жили и работали совместно вавилоняне, египтяне, карийцы, лидийцы, мидийцы, евреи, индийцы, саки, бактрийцы, хорезмийцы и т. д. В Сузах, Персеполе и других городах жили сотни и тысячи выходцев из Египта, Вавилонии, Греции и т. д. В эти города постоянно приезжали представители различных народов, начиная от Индии и кончая Египтом. Материальная и духовная культура разных народов амальгамировалась, и в результате постепенно возникла культура Ахеменидской державы, которая в значительной степени явилась синтезом научных знаний, приемов искусства и религиозных верований многих стран. В эту культуру свою лепту вносили многие народы, в том числе, конечно, и народы Средней Азии.

Большую роль в державе Ахеменидов играли бактрийцы, хорезмийцы, согдийцы, парфяне, маргианцы, саки и другие народы Средней Азии.

Народы Средней Азии поставляли большое количество воинов, привычных к военному образу жизни. Например, во время

греко-персидских войн в Марафонской битве наряду с персидской пехотой отличилась сакская конница и заставила отступить центр боевой линии афинян. Саки показали чудеса храбрости также в битвах при Платеях и Фермопилах. Персидский полководец Мардоний в контингент отборных отрядов, с которыми он намеревался покорить Грецию, наряду с персами и мидийцами включил также бактрийцев и саков. Сакские воины входили в состав корабельных экипажей. Мы их видим даже в Египте. А терракоты, изображающие сакских воинов в остроконечных башлыках, встречаются в разных городах Ахеменидской державы, начиная от Египта и кончая Средней Азией.

В вавилонском городе Ниппуре и его окрестностях большими колониями постоянно жили сакские военные поселенцы. Жили они и в других городах Вавилонии. Например, документ времени Дария I из города Сиппара упоминает сака по имени Сакиэта. Представители и других среднеазиатских народов служили в различных странах в армии ахеменидских царей или попадали в эти страны в силу различных обстоятельств. На далеком острове Элефантине жил и владел домом хорезмиец Даргман. Отметим также, что в вавилонских документах времени Дария I упоминаются женщины из Гандхары и Бактрии, которые были проданы как рабыни. Представители Средней Азии бывали также и в Малой Азии.

В свою очередь, в Средней Азии жили и выходцы из западных стран. При Ксерксе в V в. до н. э. в Средней Азии жили эмигранты из греческого города Милета. Они говорили как на местном языке, так и на греческом. При Дарии I в Бактрию были переселены жители города Барка (Северная Африка). Кроме того, в Средней Азии жили представители ахеменидской государственной канцелярии, в частности арамейские писцы.

Хотя важнейшие посты в государственном управлении были сосредоточены в руках персов, Ахемениды охотно допускали на крупные должности и представителей других народов. Выходцы из Средней Азии также нередко занимали крупные должности. В частности, в IV в. до н. э. парфянин Амминасп был правителем Египта.

Иранский народный эпос, который частично известен нам из сохранившегося в фрагментах труда придворного врача Артаксеркса II Ктесия «Персидская история», первоначально создавался в среднеазиатских областях (главным образом у бактрийцев и саков). Позднее этот эпос распространился на запад, в него были внесены изменения и дополнения, и он стал основой иранского национального эпоса. Многие сюжеты этого эпоса вошли и в «Шах-наме» Фирдоуси.

Зороастрийская религия, возникшая в Средней Азии, при Ахеменидах стала распространяться в Иран и далее на запад,

а позже стала и государственной религией иранцев (до захвата Ирана и Средней Азии арабами). Еще в V в. до н. э. в городе Мемфисе в Египте существовал храм иранского бога Митры, а в период Римской империи культ Митры приобрел популярность в разных странах, вплоть до британских островов.

По сообщению вавилонского историка III в. до н. э. Беросса, Артаксеркс II ставил для почитания статуи богини Анахиты в Вавилоне, Сузах, Экбатанах, Персеполе, Бактрах, Дамаске и Сардах.

Из вавилонских клинописных табличек и арамейских папирусов известно, что в ахеменидский период иранские маги появились в Вавилонии и Египте. По-видимому, они выполняли религиозные церемонии в этих странах.

Зороастрийская религия в общих чертах была известна и древнегреческим ученым, которые писали о ней специальные трактаты. Так, например, Аристотель написал сочинение о магии, от которого до нашего времени сохранились только фрагменты. О зороастрийской религии писали Плутарх, Диоген Лаэртский и др. На древнегреческом языке о зороастризме писали также лидийский историк V в. до н. э. Ксанф, вавилонский историк Беросс, философ Филон из Библа и многие другие. Основные положения зороастрийской религии оказали определенное влияние и на философские системы древних греков.

Мастера, работавшие при Ахеменидах, творчески переработали и развили заимствованные у своих предшественников и у соседних народов культурные традиции.

У скифских племен на обширной территории от Сибири до Северного Причерноморья еще до ахеменидского периода выработались специфические приемы искусства изображения животных («скифский звериный стиль»). Произведения этого стиля пользовались большой славой в древности, такие сюжеты использовались некоторыми греческими художниками. Ахеменидское искусство многим обязано «скифскому звериному стилю», который господствовал в то время у населения евразийских степей, в том числе и в Средней Азии (его замечательные произведения найдены в Приаралье, Семиречье, на Памире, в ряде районов Казахстана). Произведения ахеменидского искусства, изделия ахеменидских ремесленников проникали не только в Среднюю Азию, но и дальше в глубь степей, например к савроматам, оказывая в свою очередь воздействие на их культуру и искусство.

У народов Средней Азии и Ирана было также много общего и в одежде, особенно у хорезмийцев, бактрийцев и других среднеазиатских племен, имевших очень похожую одежду, причем одежда саков-тиграхауда отличалась преимущественно остроконечным головным убором. Эта одежда состояла из коротких

полукафтанов с широким ремнем и узких штанов. Представители среднеазиатских народов изображены на Бехистунском, Персепольских и Накширустамских рельефах, которые дают ценные сведения о характерных антропологических и этнографических особенностях этих народов. Из этих же памятников видно, что и персы носили одежду, похожую на одежду среднеазиатских народов.

О культурных и торговых связях ахеменидского Ирана со Средней Азией и областями к северо-востоку от нее, свидетельствуют раскопки алтайских курганов VI—IV вв. до н. э., где в условиях вечной мерзлоты хорошо сохранились предметы из кожи, шерсти и войлока. Большой интерес представляют куски шерстяной ткани и стриженный ворсовой ковер, которые найдены в V Пазырыкском кургане. Эти предметы свидетельствуют о весьма высоком уровне техники ткацкого и коврового дела. Некоторые полагают, что ковер был изготовлен персидскими или мидийскими мастерами, по мнению же других, он среднеазиатского происхождения. По-видимому, такие ковры изготовляли и в Иране, и в Средней Азии, так как приемы, стиль, техника художественного исполнения и сюжеты изображенных на них сцен были общими для многих ираноязычных народов.

Большая близость наблюдается также в различных видах оружия и способах его ношения у народов Средней Азии и Ирана, как это видно по данным археологических раскопок и по изображениям на ахеменидских рельефах. В I тыс. до н. э. в Средней Азии и в евразийских степях выработался тип тяжело-вооруженного всадника с панцирем, набедренниками и шлемом, конской броней из налобников и нагрудников. Позднее этот тип вооружения распространился в Иране и в Передней Азии, где он засвидетельствован уже в конце V в. до н. э.

Наконец, народы Средней Азии внесли большой материальный вклад в создание великолепных памятников ахеменидского искусства. Как сообщает надпись Дария, для строительства дворца в Сузах золото доставлялось из Бактрии, лазурит и сердолик — из Согдианы, бирюза — из Хорезма. Это сообщение, данные античных авторов и археологические раскопки свидетельствуют о высоком развитии горного дела в Средней Азии и его влиянии на развитие горного дела в Иране. Отметим также, что лазурит из Средней Азии использовался в Индии, Вавилонии, Египте.

Таким образом, вхождение Средней Азии в состав Ахеменидской державы сильно расширило географический горизонт и научные знания западных иранцев, греков и других народов. В свою очередь народы Средней Азии заимствовали многие достижения у персов, мидийцев и других народов.

Среднеазиатские области впервые ознакомились с письмен-

Становление и весь период существования государства Ахеменидов характеризуются развертыванием классовой борьбы народных масс против эксплуататорского меньшинства. Создание и расширение государства Ахеменидов сопровождалось, как создание любой империи, завоевательными походами и усмирением восстаний в разных частях империи. Но вместе с тем, как было уже сказано выше, объединение многих стран способствовало развитию цивилизации на Востоке, укреплению взаимных экономических и культурных связей многих народов³⁶.

---

³⁶ Гафуров Б. Г., 1966, 1971.

НАРОДЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ В БОРЬБЕ С ГРЕКО-МАКЕДОНСКИМИ ЗАВОЕВАТЕЛЯМИ

1. ПОХОД АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО НА ВОСТОК

Возвышение Македонии

В царствование Филиппа II (359—336 гг. до н. э.) происходит резкое усиление Македонии, ее консолидация и сплочение, в чем немаловажную роль сыграла успешная борьба с сепаратизмом македонских аристократов. Филипп также реорганизовал армию. В частности, было введено построение пехоты по отдельным единицам — фалангам. Особенно существенна была выработка новых тактических приемов, координированных действий разных родов войск. Филиппу удалось подчинить значительную часть Греции. В 337 г. на Коринфском конгрессе македонская гегемония над Грецией получила юридическое оформление. Тогда же была объявлена война Персии. В 336 г. десяти тысячное войско Филиппа начало борьбу с персами в Малой Азии. Но в это время Филипп погиб — он был убит своим телохранителем.

Власть перешла к его двадцатилетнему сыну Александру, вошедшему в историю под именем Александра Македонского.

Монета с изображением Александра Македонского

Греческие города попытались было вернуть себе полную самостоятельность, но Александр быстро разрушил все иллюзии: он оказался еще более жестоким правителем, чем его отец, и привел своих противников к покорности. Энгельс отметил: «Филлипп и Александр придали эллинскому полуострову политическое единство...»¹.

Александр усиленно готовился к войне с Ахеменидским государством. Как и отец, он много внимания уделял формированию и совершенствованию войска, особенно кавалерии. Но и пехота — знаменитая греко-македонская фаланга, ошетилившаяся копьями и закрытая щитами, словно колючая бронированная черепаха, — представляла грозную атакующую силу. Уязвимым ее местом была малая подвижность. Большую роль в сражениях в Азии играла более подвижная легко вооруженная пехота. Войско имело совершенные метательные машины, продуманную службу связи и снабжения.

Разгром Ахеменидского государства

Благодаря сообщениям из Персии, Александр прекрасно знал о неустойчивом положении Ахеменидского государства².

У Ахеменида Артаксеркса II Мнемона было 150 сыновей. После смерти царя в 359 г.³ до н. э. ему наследовал один из них, известный как Артаксеркс III Ох. Еще до смерти отца из-за коварства Оха погибли его братья; придя к власти, он уничтожил всех своих родственников без различия возраста и пола, войдя в историю как самый кровавый из ахеменидских царей.

Первые годы его правления ознаменовались непрерывными войнами в Малой Азии. Длительными и кровопролитными оказались войны с Египтом, который задолго до этого отложился от Ахеменидов. Хотя они и закончились в 342 г. до н. э. присоединением Нижнего Египта (а также Финикии и Кипра) к Ахеменидской империи, эти войны сильно истощили силы и возможности Ахеменидского государства. Пытаясь установить в государстве хоть какую-то стабильность, Артаксеркс III запретил малоазиатским сатрапам держать наемные войска. Мера была важная, но запоздалая — в 338 г. Артаксеркс III Ох был отравлен своим врачом по приказу имевшего к тому времени большое влияние евнуха Багоя⁴.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 483.

² Детальное изложение см.: *Olmstead A. F.*, 1959, p. 424 ff.

³ Приводится и другая дата — 358 г.

⁴ По мнению Олмстеда, несмотря на свою кровожадность, Артаксеркс III Ох был способным правителем. Однако заключение о том, что, убив его, Багой тем самым разрушил Ахеменидское государство (*Olmstead A. F.*, 1959, p. 48), является, конечно, чисто идеалистическим и далеко от истины.

Разброд в царском семействе оживил надежды греческих противников Ахеменидов. Новый ахеменидский царь Арсес был игрушкой в руках придворных кругов, возглавлявшихся Багоем. Когда Арсес попытался проявить самостоятельность, могущественный евнух приказал отравить и его (Арсес правил менее двух лет); были умерщвлены и его сыновья. Так как предстатели главной линии ахеменидского дома были перебиты, «делатель царей» посадил на престол троюродного брата Арсеса, который вошел в историю под именем Дария III Кодомана. Через некоторое время Багой попытался отравить и своего нового ставленника, но тот сам заставил евнуха выпить чашу с ядом.

Династические распри и дворцовые перевороты сами по себе бесконечно ослабили центральную власть в Ахеменидском государстве и усилили сепаратистские стремления аристократической верхушки в провинциях. Экономическое развитие отдельных областей, включенных в состав Ахеменидской державы, способствовало их стремлению к самостоятельности. Хотя прямые данные о социальной политике Ахеменидов в конце существования династии отсутствуют, создается вполне определенное впечатление об абсолютном засилии знати. Политика социального равновесия, провозглашавшаяся Дарием I, а также, по-видимому, его ближайшими преемниками, впоследствии была отброшена. Социальная база династии необычайно сузилась. Народные массы вели неустанную борьбу против ахеменидского ига; непрерывно вспыхивали восстания.

В такой обстановке началась война между Греко-Македонским и Ахеменидским государствами. Вскоре после начала военных действий греко-македонское войско нанесло ахеменидской армии сокрушительные поражения в битвах на р. Граник (май 334 г. до н. э.) и у города Исс (ноябрь 333 г. до н. э.), Александр Македонский захватил Малую Азию, Сирию, Палестину, Финикию и Египет. Весной 331 г. греко-македонские войска двинулись в центральную часть Ахеменидской империи.

1 октября 331 г. до н. э. произошла битва при Гавгамелах (селение в Северо-Восточной Месопотамии). Вновь ахеменидское войско потерпело полное поражение. Дарий III бежал. Начался победный марш греко-македонских войск в центральной части Ахеменидского государства. Один за другим были захвачены Вавилон, Сузы, Персеполь, Пасаргады. Огромной была военная добыча, доставшаяся победителям.

Война была выиграна. Однако для ее завершения Александру Македонскому было необходимо захватить Дария III. Греко-македонские войска начали преследовать ахеменидского царя, поспешно уходившего на северо-восток.

В это время в среде ахеменидской знати, окружавшей Дария III, зреет заговор против него. Трусость и нерешительность Дария III и отсутствие военных талантов во многом способст-

вовали греко-македонским победам. Он был совершенно не той фигурой, вокруг которой могли бы группироваться антимакедонские силы. В этот момент на передний план выступает родственник ахеменидского царя сатрап Бактрии Бесс (Арриан, III, 21, 5), возглавивший заговор.

В результате военного мятежа Дарий III был арестован, а затем убит. Бесс провозгласил себя царем, приняв тронное имя Артаксеркс, и начал собирать силы для отпора греко-македонских войск.

Борьба на подступах к Средней Азии

В письменных источниках сохранились некоторые сведения о мероприятиях Бесса. Во-первых, он постарался придать законный характер своей власти. Отзвуком действий такого рода является сообщение Диодора (XVII, 74, 1—2) о Бактрии: «Бесс обещал руководить войной, и народ, убедившись, провозгласил его царем». Далее этот источник говорит, что Бесс произвел «набор воинов и приготовил много оружия».

Бесс пытался — весьма успешно — заручиться поддержкой правителей соседних сатрапий, и прежде всего Арейи (область современного Герата), а также кочевых народов. Сформировалась своеобразная «коалиция сатрапий». Однако Бесс не сумел получить поддержку широких слоев населения, этому способствовало, в частности, принятие им титула и имени ахеменидского царя. К тому же ему не хватило времени: с запада неуклонно приближались греко-македонские войска.

Серьезное сопротивление греко-македонским войскам было оказано уже в Арейе. Больше месяца понадобилось Александру Македонскому, чтобы подавить сопротивление. Крупному конному отряду арейцев под руководством Сатибарзана удалось ускользнуть от Александра и двинуться на соединение к Бессу.

Александр Македонский, захватив южные области Афганистана, где также, видимо, имелись сторонники Бесса, через гиндукушские перевалы направился на север. В момент выхода греко-македонских войск на равнину Северного Афганистана в распоряжении Бесса было 7 или 8 тыс. вооруженных бактрийцев и еще небольшие другие контингенты (Арриан, III, 28, 5; Квинт Курций, VII, 4, 20). Правда, чтобы отвлечь часть войск Александра, он послал Сатибарзана с 2 тыс. всадников в Арейю, и там вспыхнуло восстание, на подавление которого Александру пришлось отправить часть вспомогательных войск. Тем не менее силы Александра Македонского и Бесса были слишком неравны. Бесс отступил в северную, заамударьинскую часть Бактрии, т. е. в Среднюю Азию.

В литературе существуют разноречивые оценки характера и последствий действий Бесса. Нам представляется, что эти дей-

ствия, вне зависимости от субъективно-монархистских устремлений самого Бесса, имели объективно прогрессивное значение. Благодаря развернувшейся под руководством Бесса борьбе вступление греко-македонских войск в Среднюю Азию было отсрочено на несколько месяцев, а может быть, и на полгода, так как войска Александра были измотаны. Борьба «коалиции сатрапий» против греко-македонских войск — прелюдия той поистине всенародной борьбы, которая развернулась позже, уже на территории Средней Азии⁵.

2. БОРЬБА СРЕДНЕАЗИАТСКИХ НАРОДОВ ПРОТИВ ГРЕКО-МАКЕДОНСКИХ ВОЙСК

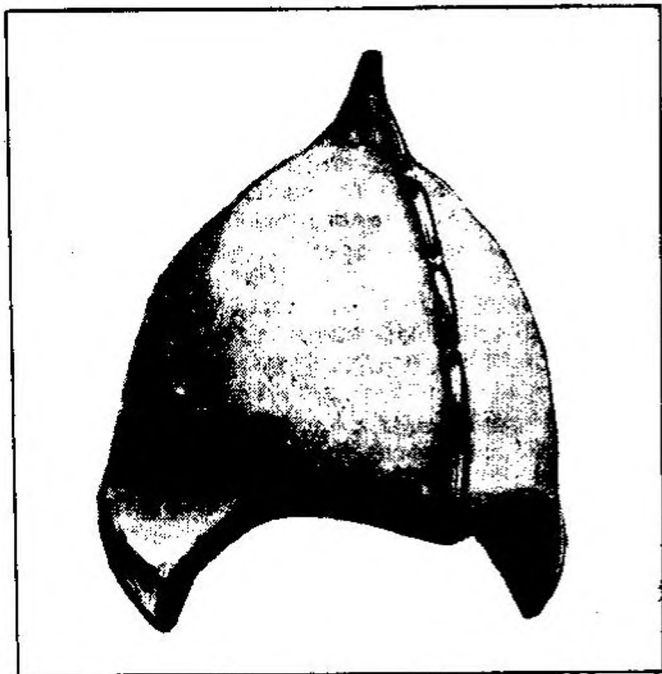
Военные силы и военное искусство среднеазиатских народов

Какими силами располагали народы Средней Азии для отпора Александру Македонскому? Следует отметить, что основной недостаток среднеазиатских оборонительных сил заключался в отсутствии централизованности. Ахеменидские владения к рассматриваемому времени охватывали лишь часть среднеазиатских территорий, но даже они не были прочно объединены; в остальных областях управляли самостоятельные правители и родоплеменные вожди.

Среднеазиатское оружейное дело к IV в. до н. э. достигло высокого уровня развития. Среднеазиатские воины из наступательного оружия широко применяли железные (редко бронзовые) кинжалы и мечи, рукоятки которых были порой богато украшены. Кинжалы носили на правом боку. Кинжал у среднеазиатских народов обозначался термином *карта*, вместе с тем был, очевидно, в употреблении и другой термин — *акинак*. Мечи были очень большие — до 1,2 м длиной. Очень часто в сражении применялись боевые топоры — *сагарис*. Такие одно- и двухлезвийные железные боевые топоры при раскопках могильников найдены на Памире. Геродот (I, 215) и Страбон (XI, 8,6) сообщают, что секиры массагетов были медными. Большое значение имели копья (*аршти*) — длинные, с бронзовыми или железными наконечниками. Геродот (I, 215) прямо называет массагетов «копьеносцами». Значительно скромнее была роль булавы.

В качестве оружия дальнего боя прежде всего применялись лук и стрелы. Уже с середины I тыс. до н. э. в Средней Азии применялся сложно-составной лук так называемого скифского

⁵ ИТН, I, стр. 241—242.

Среднеазиатский бронзовый шлем

типа. Он отличался значительной дальнобойностью и эффективностью. Существовало несколько разновидностей его; для изготовления бактрийского, а также согдийского, парфянского и хорезмийского лука применялся тростник (Геродот, VII, 54, 66). В источниках упоминаются «лучники» и «коянне лучники» саков и массагетов (Геродот, I, 215; Ксенофонт, «Киропедия», V, 3,24; Арриан, III, 8,3). Среднеазиатские воины также умело владели пращей (Арриан, IV, 3,3; Квинт Курций, VII, 6,2 22; Плутарх, «Жизнь Александра, XV, 3).

Воины были защищены оборонительным доспехом. Квинт Курций (IV, 9,3) пишет, что у среднеазиатских степных народов были панцири «из железных пластинок». Среднеазиатские воины, по сообщению Арриана (III, 13,4) в бою были «тщательно закрыты» металлическим панцирем. Употреблялся металлический шлем, а также щиты разной формы и размеров. По Геродоту (I, 215), кони массагетов были защищены нагрудными панцирями. В Средней Азии имелись также боевые колесницы.

Уже в конце бронзового века в Средней Азии зародилось искусство фортификации. Ко времени греко-македонского нашествия она была страной больших, сильно укрепленных городов.

Помимо общегородских укреплений, в крупных городах имелись мощные фортификационные узлы в виде городских цитаделей. Стены имели башни, были снабжены бойницами.

Среднеазиатское войско знало членение по отдельным родам войск; применялось построение по подразделениям, атака иногда велась компактными подразделениями, глубоко эшелонированной массой войск. Вместе с тем был известен и другой тактический прием — стратегическое отступление, когда конное войско то нападало, то уносилось прочь, чтобы вновь, с другого направления, нанести стремительный удар. Вообще, как правило, наступательный бой начинался нападением лавой, когда на полном скаку оборонявшихся засыпали стрелами и копьями, затем после окончательного сближения, переходили в решительную атаку, завершавшуюся рукопашной схваткой и преследованием отступавшего противника. В решающий момент сражения вводился в действие резерв.

Античные источники высоко оценивают боевые достоинства сакского войска, в чем греки удостоверились еще во время греко-персидских войн. Позже в этом пришлось неоднократно убедиться и самому Александру Македонскому — в первый раз в начале битвы при Гавгамелах, когда сакско-бактрийская конница обратила в бегство авангард Александра (Арриан, III, 13).

Исследователи военного дела среднеазиатских народов делают следующие выводы: «1. Вооружение среднеазиатского войска стояло на высоком для своего времени уровне и в некоторых отношениях превосходило даже вооружение греко-македонского войска. 2. Среднеазиатские войска знали и применяли различные тактические приемы в нападении и обороне. 3. Благодаря участию в войнах Ахеменидского государства с греками, в том числе в битвах против войск Александра Македонского (за пределами Средней Азии), руководители среднеазиатского войска были очень хорошо знакомы с оружием и тактическими приемами как ахеменидского, так и греко-македонского войска. 4. Военный потенциал народов Средней Азии в VI—IV вв. до н. э. был очень высок, что явилось важным фактором в их борьбе против иноземных завоевателей»⁶.

Военные действия в среднеазиатском междууречье

Арриан (III, 28, 9—10) следующим образом излагает события. «Бесс, когда ему сообщили, что Александр уже близко, переправился через реку Окс (Амударью.— Б. Г.); суда, на кото-

⁶ Литвинский Б. А., Пьянков И. В., 1966, стр. 51—52; Литвинский Б. А., 1966.

рых они переправились, он сжег и ушел в согдийскую землю, в Навтаку. За ним последовали Спитамен, Оксиарт с согдийскими всадниками и даи с Танаиса». Здесь впервые в источниках появляется герой антимакедонской борьбы Спитамен (на самом деле это грецизированной форма имени, фактически звучавшего как Спитамана)⁷.

Александр за пять дней перебросил армию через Амударью⁸. Здесь разворачивается событие, очень неясно изложенное в источниках⁹. Бесс был низложен своими соратниками — Спитаменом и другими и передан Александру Македонскому. Мотивировки этого неясны. Не исключено, что, будучи на этом этапе бесполезным, так как возглавлять борьбу он уже не мог, Бесс тем не менее не хотел уступать руководство другим, и они, не без колебаний, вынуждены были его устранить¹⁰. На созванном Александром после возвращения в Бактрию совете македонских военачальников и перешедших на его сторону персидских вельмож Бесс был обвинен в убийстве «законного» царя и присвоении царского сана. Александр приказал отрезать Бессу уши и нос, отвезти его в таком виде в Экбатаны и казнить на глазах мидян и персов. Представив казнь Бесса как месть за узурпирование царской власти, он хотел привлечь на свою сторону персидскую аристократию.

После занятия Навтаки Александр двинулся к столице Согда — Мараканде (греческая передача местного названия г. Самарканда)¹¹ и захватил ее. По-видимому, в районе Мараканды он натолкнулся на сопротивление, ибо, по словам Квинта Курция (VII, 6, 10), «оставив в городе гарнизон, Александр опустошает и сжигает ближние села». Затем он выступил на северо-восток. Однако войскам Александра Македонского пришлось продвигаться с большим трудом. Согдийцы, как один, восстали против греко-македонских завоевателей. Когда встал вопрос о свободе и независимости их родной земли, они с исключительным мужеством защищали ее от захватчиков. Эта борьба была яркой страницей в древней истории народов Средней Азии. Одним из первых ее эпизодов было столкновение греческих захватчиков и согдийских племен горной области Уструшана, происшедшее во время похода войск Александра через горы между Маракандой и Кирополем.

⁷ Абаев В. И., 1959, прим. 2 на стр. 114.

⁸ Тревер К. В., 1947, стр. 114.

⁹ Походу Александра Македонского в Среднюю Азию и борьбе среднеазиатских народов против греко-македонского нашествия посвящено много исследований. См. особенно: Григорьев В. В., 1881; Тревер К. В., 1947; ИТН, I, стр. 236—274; Zölling Th., 1875; Schwarz F., 1906.

¹⁰ В. В. Григорьев в работе «Поход Александра Великого в Западный Туркестан» пишет, что низвержение Бесса было связано с его «возмутительно малодушным поведением».

¹¹ Henning W. B., 1958, S. 54.

Отряды фуражиров были направлены в уструшанские города, в том числе в главный из них — Кирэсхату (Кирополь). Жители, возмущенные насильями и поборами, восстали, но под давлением греко-македонских сил вынуждены были отступить в горы и там попытались организовать оборону¹². Борьба шла в труднодоступных скалистых горах. Согдийцы сопротивлялись до последней возможности. Арриан сообщает, что многие из них, не желая попасть в руки врага, лишали себя жизни. С большим трудом Александру удалось подавить сопротивление. В результате этого похода было убито 22 тыс. человек из местного населения. Большие потери понесли и греко-македонские войска. Был тяжело ранен сам Александр Македонский (Арриан, III, 30, 10—11).

После расправы с согдийцами Уструшаны Александр направился к Сырдарье, которая считалась тогда границей между кочевой степью и земледельческими долинами: на правом берегу реки жили саки, а на левом было расположено несколько крупных и мелких городов. Александр остановился на берегу Сырдарьи и расставил по местным городам греко-македонские гарнизоны. Через некоторое время против греков поднялось население семи городов левобережья Сырдарьи. На другом берегу сконцентрировались саки, ожидавшие подходящего момента, чтобы перейти реку и двинуться на помощь восставшим. В это же время вспыхнули восстания в Бактрии и в Согде. Это было началом общего восстания народов Средней Азии против греко-македонских захватчиков.

Александр оказался в затруднительном положении и решил прежде всего укрепить свои позиции на берегу Сырдарьи. В течение двух дней он занял пять прибрежных городов и зверски расправился с их населением. «Всех мужчин перебили — это был приказ Александра; женщин, детей и прочую добычу забрали себе солдаты» (Арриан, IV, 24).

Упорное сопротивление греческой осаде оказало население центра восстания на Сырдарье — города Кирополя. Александр был вынужден лично принять участие в штурме Кирополя. Взяв с собой отряд воинов и пробравшись в город по пересохшему руслу протекавшей через него реки, он открыл ворота и впустил туда свои войска. На улицах города разгорелось кровопролитное сражение, в результате которого было убито 8 тыс. местных жителей. Потери греков были также велики: в этом сражении были ранены сам Александр и некоторые его крупные военачальники.

После ожесточенного штурма был занят последний опорный пункт восставших. Таким образом, восстание против греческих

---

¹² ИТН, I, стр. 253—255.

завоевателей было подавлено. Арриан говорит, что из участвовавшего в нем населения семи городов не осталось ни одного человека — все были перебиты или проданы в рабство.

Восстание 329—327 гг. до н. э.

Борьбу Согда и Бактрии за независимость возглавил местный военачальник Спитамен, одна из замечательных фигур в истории предков таджикского народа. В 329 г. до н. э., собрав значительное войско, к которому присоединились и мирные жители, он занял г. Мараканду. Большая часть гарнизона была перебита, оставшиеся в живых греческие воины заперлись в цитадели в ожидании помощи извне.

Александр, подавив восстание на Сырдарье, отправил на помощь осажденным 3 тыс. пехотинцев и 800 всадников, а сам занялся постройкой города-укрепления Александрии Эсхаты (Александрии Крайняя) на Сырдарье (возможно, между современным Беговатом и Ленинабадом или в районе Ленинабада, включая территорию города)¹³. По словам Квинта Курция (VIII, 6, 25—27), «Александр вернулся к берегам реки Танаис (т. е. Сырдарьи.— Б. Г.) и обвел стенами все пространство, занятое лагерем. Стены имели в длину 60 стадиев (10—11 км.— Б. Г.). Этот город он также велел назвать Александрией. Постройка города была выполнена с такой быстротой, что на семнадцатый день после возведения укреплений были отстроены городские дома... В новом городе поселили пленников». По Арриану (IV, 4, 1), новый город был обведен стеной за 20 дней, Александр «поселил там эллинских наемников, тех из соседей варваров, которые пожелали там поселиться, и тех македонских солдат, которые уже не годились для воинской службы». Юстин (XII, 5, 12) также подтверждает, что строительство (речь, вероятно, идет об основных первоначальных строительных работах) велось 17 дней. Городская стена имела окружность 6000 «пар шагов», т. е. около 9 км.¹⁴ Во вновь основанный город, по Юстину, переселили жителей других городов, а также оста-

¹³ Заключение о местонахождении этого города, основывавшееся на изучении источников и детальном знакомстве с топографией местности, было опубликовано в книге: Б. Г. Гафуров. «История таджикского народа». Изд. III. М., 1955. Высказывалось мнение, что Александрия Эсхата находилась на месте ходженгской цитадели, т. е. в центре г. Ленинабада (Негматов Н. Н., 1956, стр. 33—34).

¹⁴ Согласование свидетельств Квинта Курция и Юстина о размерах Александрии Эсхаты стало возможным после того, как был по-другому истолкован термин, примененный Юстином для обозначения меры длины. Он обозначает не «шаг», как это обычно переводилось в нашей литературе (тогда окружность города получалась равной 4—4,5 км), а «пару шагов» (ИТН, I, стр. 256, 529).

видели здесь тех из войска Александра, кто был склонен к мятежу. Этот город был задуман как укрепленный опорный пункт на северо-восточной границе государства. Действия Александра, в частности устройство укрепленного города, вызвали беспокойство у живших за Сырдарьей саков. «Царь скифов (т. е. саков.— Б. Г.), держава которого простиралась тогда по ту сторону Танаиса, считал, что город, основанный македонцами на берегу реки, является ярмом на его шее»,— писал Квинт Курций (VII, 7, 1). Кочевники-саки обстреливали греков из луков с противоположного берега Сырдарьи. Обстрелом из катапульт Александр заставил их отойти, а потом, быстро переправившись через реку на плотах, атаковал их и вынудил отступить в степь. Однако попытка окончательно разгромить саков чуть не кончилась гибелью греческих войск. Страшная жара, отсутствие воды, бездорожье пустыни при непрерывных атаках воинственных саков, которыми командовал брат их царя (Квинт Курций, VII, 7, 1), создавали для захватчиков невыносимые условия. Пришлось прекратить преследование якобы из-за болезни Александра (Арриан, IV, 4, 8—9).

В то время, когда греко-македонские войска пытались захватить Уструшану и Западную Фергану, пламя восстания распространилось на всю Согдиану и часть Бактрии. Александр Македонский, не осознав масштабов восстания, отправил к Мараканде на помощь осажденному в цитадели гарнизону сравнительно небольшой отряд (около 2500 человек). Когда отряд приблизился к Мараканде, Спитамен снял с цитадели осаду и инсценировал отступление. Греческие войска стали преследовать согдийцев. Выбрав благоприятный момент, Спитамен повернул назад и перешел в наступление. Греки, сообщает Арриан (IV, 5, 8), «бежали на небольшой остров на реке (имеется в виду р. Зеравшан.— Б. Г.). Здесь скифы и всадники Спитамена окружили их и перестреляли»¹⁵.

Как справедливо отмечает известный западногерманский историк Ф. Альтхайм, «Спитамену удалось достичь того, чего до него не смог сделать никто: он уничтожил в сражении часть македонского войска»¹⁶.

Спитамен, поддержанный местным населением, вторично осадил македонский гарнизон в Мараканде. Когда Александр с основными силами прибыл в Мараканду, Спитамен, не вступая в бой, вновь отвел свои войска в степь. Получив хороший урок в сражении с кочевниками-скифами, Александр не стал преследовать Спитамена в степи и удовлетворился тем, что же-

¹⁵ По Ф. Шварцу, битва произошла на правобережье Зеравшана в районе Зияддина (*Schwarz F.*, 1906, S. 62—63), по Б. А. Литвинскому — западнее (ИТН, I, стр. 530).

¹⁶ *Altheim F.*, 1953, S. 68.

стоко наказал мирное население долины Зеравшана: «Он приказал жечь села и убивать всех взрослых» (Квинт Курций, VII, 9, 22). Обреченные на казнь, 30 знатных согдийцев проявили удивившее македонцев самообладание: они шли на смерть с песней (Квинт Курций, VII, 10, 4).

Потери греческого войска были чрезвычайно велики, и Александр лихорадочно готовился к весенней кампании 328 г. до н. э. Зимую в Бактрии, он вел переговоры с вождями саков и хорезмийцами и занимался пополнением рядов своего войска.

Героический народ Согда, несмотря на огромные потери, не думал сдаваться. Спитамен ни на один день не оставлял врага в покое. «Летучими» конными отрядами он нападал на захватчиков и наносил им жестокие удары. Как сообщает Арриан, «многие согдийцы бежали в укрепленные места и не хотели повиноваться поставленному им (Александром.— Б. Г.) над ними сатрапу» (IV, 15, 7). Действительно, разграбленная и разоренная страна согдийцев вновь восставала против захватчиков. С целью подавления восстания Александр, разделив свое 20-тысячное войско на пять отрядов, прошел Согд от края и до края, предавая смерти каждого встречавшегося ему человека. Греческий историк Диодор Сицилийский (XVII) сообщает: «Александр преследует восставших согдийцев и убивает больше 120 000 человек». В результате этой жесточайшей карательной экспедиции страна была настолько опустошена, что Александр поручил одному из своих военачальников «основать города в Согдиане» (Арриан, IV, 16, 3). Вероятно, имелось в виду создание в опустошенных согдийских городах греческих военных поселений, которые могли бы служить опорными пунктами для греко-македонской армии и администрации¹⁷.

В то время как захватчики в Согде проливали потоки крови, а оставленный Александром в Бактрии военачальник принимал всяческие меры для того, чтобы держать страну в повиновении и наказывать мятежников, Спитамен с 600 всадниками прошел в тыл Александра — Бактрию, где с исключительной энергией и храбростью продолжал борьбу с греческими войсками. Осенью 328 г. до н. э. с 3 тыс. всадников Спитамен снова направился к столице Согда. После сражения, в котором обе стороны понесли большие потери, он должен был отступить в степь. Там вожди кочевых племен предательски напали на Спитамена, отрубили ему голову и «отослали ее к Александру, чтобы таким образом отклонить опасность от самих себя», как говорит Арриан (IV, 17, 7).

Гибель Спитамена не означала полной победы иноземных захватчиков и покорения согдийцев. Положение в Согде по-

¹⁷ Сейчас эта точка зрения подтверждена детальным филологическим анализом, проведенным И. В. Пьянковым (*Пьянков И. В.*, 1970 стр. 47—48).

прежнему оставалось опасным для завоевателей. Александр Македонский, легко разбивший силы мировой державы Ахеменидов, был вынужден провести зиму 328/27 г. до н. э. в непокоренном Согде.

Однако уже с осени 328 г. до н. э. Александр, желая превратить местную знать в свою опору в борьбе с восставшим населением Согда, коренным образом изменил политику по отношению к знати и зороастрийскому жречеству. При взятии весной 327 г. до н. э. нескольких горных укреплений, защитой которых руководили местные аристократы Оксиарт, Сисимитр и Хориен, Александр не только пощадил их, но вернул им все их имущество. Он стал награждать деньгами и дарить имущество восставших не только тем представителям местной знати, которые помогали ему, но даже и тем, которые не принимали участия в борьбе Александра с согдийцами. Об изменении отношения Александра к местной знати можно судить по приведенным у Арриана упрекам придворного историка Александра — Каллисфена: «Если, как говорится, в варварской стране надлежит усваивать и варварский образ мыслей, все же я прошу тебя, Александр, помнить об Элладе, ради которой тобою был предпринят этот поход в целях присоединения Азии к Греции».

Александр завязал родственные связи с высшими слоями Согда. Он женился на захваченной в плен дочери Оксиарта Роксане (Рохшанак), а родичей новой жены приблизил к себе. Согдийская знать, убедившись, что Александр ведет борьбу не с ней, а лишь с народом, становится его приспешницей и предает врагу интересы своей страны. Так, Сисимитр помог Александру в докорении сакских племен, предоставив ему значительное войско.

Примером предательства местной знатью интересов своего народа может служить поведение согдийского аристократа Оксиарта. Породнившись с Александром, он делал все, чтобы помочь ему в порабощении своей родины. Весной 325 г. до н. э., когда греческие войска, оставленные в Бактрии, восстали против Александра и овладели крепостью Бактры, Оксиарт, вместо того чтобы воспользоваться удобным случаем для борьбы против завоевателей, известил о происшедшем Александра. Александр, находившийся тогда в Индии, немедленно принял меры к подавлению мятежа и назначил Оксиарта сатрапом провинции Паропамиса (долина Кабула). Когда и здесь вспыхнуло восстание против захватчиков, Оксиарт сам подавил его и жестоко расправился с восставшими.

В силу того, что у завоевателей были централизованные военные силы, а также вследствие измены местной знати героическое восстание согдийского народа было подавлено. Вся территория по правым притокам Амударьи была захвачена македонцами. Согласно легенде, Александр доходил до верховьев Зе-

равшана, что отразилось в названии озера Искандаркуль (т. е. озеро Александра).

Лишь Хорезм в период завоевания Александром Средней Азии сумел сохранить независимость. Арриан рассказывает, что во время зимовки Александра в Бактрах в 329/28 г. до н. э. его посетил хорезмийский царь Фарасман с 1500 всадниками, предлагая союз против колхов и амазонок (IV, 15, 1—6).

Предки таджикского и других народов Средней Азии в течение трех лет защищали независимость родной земли и боролись с завоевателями, создавшими огромную империю. И хотя они были побеждены, тем не менее героическим сопротивлением они нанесли Александру такой тяжелый удар, что военная мощь его войска была сильно ослаблена.

Разгром Ахеменидского государства и подчинение Бактрии, Согды и других среднеазиатских стран греко-македонским завоевателям отнюдь не улучшили тяжелого положения трудящихся масс этих стран. Местная аристократия, нашедшая в лице завоевателей твердую опору, усилила эксплуатацию народа как для личного обогащения, так и в интересах завоевателей. Вот почему в продолжение всего периода владычества македонских захватчиков народы Средней Азии постоянно восставали, стремясь сбросить бремя иноземного гнета.

Распад империи Александра Македонского и результаты македонского завоевания

Сделав столицей своей новой державы Вавилон и сохранив в основном ту же систему управления, что и при Ахеменидах, Александр стремился всеми силами добиться единства государства. Так, с 324 г. до н. э. в войска стали брать наряду с греками персов, бактрийцев, согдийцев и представителей других народностей Средней Азии. 30 тыс. юношей из местной знати были вооружены по македонскому образцу и распределены по отрядам конницы.

С целью создания опорных пунктов греко-македонской колонизации Александром было построено в Согде и Бактрии, по данным античных авторов, 8—12 городов — так называемых Александрий. Упоминаются: Александрия Эсхата, Александрия Арейская (Герат); Александрия на Оксе (предположительно в районе Термеза или Куляба), Ай-Ханум, Александрия Бактрийская (вероятно Бактры), Александрия Маргианская (ныне Байрам-Али). В них было расположено до 20 тыс. пехоты и 3 тыс. всадников.

Однако эти мероприятия Александра Македонского не могли превратить в единое целое его империю, являвшуюся случайным конгломератом племен и народностей. Непрочность ее сказалась сразу после смерти Александра (323 г. до н. э.).

Весть о смерти Александра вызвала восстание эксплуатируемого населения Азии. Античные историки сообщают, что «варвары» сразу после смерти завоевателя разрушили Александрию Маргианскую.

После смерти Александра власть оказалась в руках его фактических преемников — полководцев, именовавшихся диадохами (т. е. наследниками) и элигонами (что означает наследники наследников). Между ними вспыхнула борьба за обладание империей, но ни одному из претендентов не удалось полностью захватить верховную власть. После ожесточенного сражения двух основных группировок диадохов при Ипсе (301 г. до н. э.) в Великой Фригии, одной из самых кровопролитных битв античного мира, империя Александра была поделена на три самостоятельных государства: Македонское, Египетское и Сирийское (Селевкидов). Эти государства называются в истории эллинистическими государствами.

Иные буржуазные историки представляют походы Александра Македонского как прогрессивное явление и не указывают на то, что главной целью походов Александра было распространение власти Греции на Восток, расширение торгового оборота, эксплуатация народов Востока и овладение их богатствами. Все это сопровождалось жестоким истреблением местного населения.

Изучение истории стран, покоренных греко-македонскими войсками, показало, что «греки и македоняне, очутившись на завоеванной территории, принесли туда приемы обращения с покоренным населением, определявшиеся развитием греческого рабовладельческого общества: применение грубой силы, неограниченного принуждения по отношению к этому населению, использование захваченных людей в целях наживы путем продажи их и отправки в другие местности»¹⁸.

Отмечая влияние, оказанное культурой Греции на культуру Востока (оно действительно было очень значительным), многие буржуазные историки часто совершенно замалчивают культурные достижения восточных народов. В действительности же тысячелетняя культура Востока также оказала большое и разностороннее влияние на развитие культуры Греции и других стран Запада.

В так называемой эллинистической культуре, как известно, нашло отражение не «чисто» греческое культурное творчество, а своеобразное переплетение греческой и восточной культур. В развитии эллинистической культуры выдающаяся роль принадлежит народам Средней Азии.

Археологические работы приносят все новые и новые свидетельства вклада народов Востока, в том числе и Средней Азии,

¹⁸ Зельин К. К., Трофимова М. К., 1969, стр. 66.

в развитие материальной культуры эллинистического мира. Некоторые основополагающие принципы эллинистического градостроительства, например гипподамова система городской планировки, восходят к идеям, развивавшимся на Востоке задолго до эпохи эллинизма, и т. д.

Среднеазиатские и иранские религиозные культуры оказали определенное влияние на религиозные воззрения греков и римлян, а затем и на развитие христианства. «В этой области,— пишет В. Тарн,— Восток взял в плен своего завоевателя; и хотя это движение, может быть, не достигло своей вершины до христианской эпохи, оно нарастало в течение всего эллинистического периода»¹⁹. Влияние Востока отразилось и на греческой философии, литературе, искусстве и т. д.

---

¹⁹ Тарн В., 1949, стр. 309.

ГРЕКО-БАКТРИЯ И ПАРФИЯ
В III—II ВВ. ДО Н. Э.

1. СРЕДНЯЯ АЗИЯ В СОСТАВЕ СЕЛЕВКИДСКОГО
ГОСУДАРСТВА

Один из военачальников Александра Македонского Селевк в 312 г. до н. э. окончательно утвердился в Вавилоне в качестве сатрапа. На протяжении последующих девяти лет он постепенно распространил свою власть на запад и на восток, в том числе на Иран и Среднюю Азию. Кое-где он действовал дипломатическим путем, но в Средней Азии он встретил решительное сопротивление, и здесь ему пришлось вести войну. Помпей Трог (Юстин, XV, 4, 11) сообщает, что Селевк I, «увеличив победой над Вавилонией свои силы, завоевал Бактрию». Были захвачены также Парфия и Согд (Аппиан, «Сирия», 55). Однако попытка Селевка I захватить Северную Индию окончилась неудачей.

«История Селевкидов,— писал известный советский историк эллинизма А. Б. Ранович,— представляет для историков чрезвычайные трудности из-за плохого состояния литературных источников»¹. Это в еще большей степени относится к Средней Азии, история которой в составе селевкидских владений, т. е. в конце III — середине II в. до н. э., остается почти неизвестной.

Так как государство Селевка I было чрезвычайно обширно, а дела на Востоке требовали постоянного внимания, он в 293 г. до н. э. назначает соправителем на Востоке своего сына Антиоха. Характерно, что Антиох родился от брака Селевка с Апамой — дочерью Спитамена, так что для Антиоха Средняя Азия в какой-то степени являлась и страной его предков.

Судя по ряду косвенных данных, в Средней Азии в начале III в. до н. э. происходили восстания против селевкидского господства, одновременно в пределы среднеазиатских селевкидских

¹ Ранович А. Б., 1950, стр. 113.

владений вторгались кочевые племена. При этом были разрушены многие оплоты селевкидской власти, в частности основанные еще Александром Македонским Александрия Маргианская и Александрия Эсхата. Эти города затем были восстановлены Селевкидами, а оазис Маргианы был обведен большой стеной длиной около 250 км. Против засырдарьинских кочевников был направлен поход селевкидского полководца Демодама (Плиний, IV, 18, 49). Благодаря целой серии военно-политических и дипломатических мероприятий Антиоху удалось подавить антиселевкидское движение².

Монета Антиоха I

Очень интересные сведения для понимания восточной политики Селевка и позиции его наместника Антиоха дает нумизматический материал³, проанализированный в этом плане Б. А. Литвинским и В. М. Массоном⁴. Будучи соправителем, Антиох предпринимает выпуск монеты по «индийскому» весовому стандарту, причем на монетах этой серии имеются имена самого царя — Селевка I и его сына Антиоха. Возможно, это была какая-то попытка утвердить известную самостоятельность. Во всяком случае после смерти отца, став в 280 г. до н. э. во главе всего государства, Антиох выпуск этих монет прекратил.

Почти двадцатилетнее (280—261 гг. до н. э.) правление Антиоха I ознаменовалось многочисленными войнами на западе; на восток своего государства, в частности на Среднюю Азию, он обращал мало внимания. Тем временем происходил процесс усиления среднеазиатских областей. Здесь налаживалась нормальная жизнь, развивалось сельское хозяйство, ремесло, торговля.

² ИТН, I, стр. 283.

³ *Newell E.*, 1938.

⁴ ИТН, I, стр. 283—286; Массон В. М., Ромодин В. А., 1964, стр. 99—101.

Будучи чрезвычайно удаленной от основных центров владений Селевкидов, Средняя Азия представляла вместе с тем важную часть их государства. Заинтересованностью Селевкидов в Средней Азии как в военно-стратегическом, так и в экономическом отношении можно объяснить тот факт, что Селевкиды основывали новые поселения и города вдоль торговой дороги, ведущей от Селевкии на Тигре до Бактры⁵.

Состав господствующего класса был смешанным. Наряду с греческими наместниками и группировавшейся вокруг них греческой знатью сюда входили и представители местной аристократии. Конечно, селевкидская власть в Средней Азии опиралась на военную силу в лице воинов, находившихся в греческих военных поселениях — катойкиях. Но в эксплуатации населения участвовали и «свои», среднеазиатские представители господствующего класса. Господствующий класс не был единым в своем отношении к Селевкидскому государству; выкачивание среднеазиатских богатств за пределы страны вызывало недовольно тех его групп, которые рассчитывали «урвать» для себя большую долю. Глубокое недовольство охватывало подвергавшееся двойной эксплуатации местное население.

В то же время можно считать справедливым указание на то, что «время вхождения Средней Азии в состав Селевкидского государства было периодом восстановления производительных сил страны, разрушенных греко-македонским нашествием, консолидации бактрийцев, согдийцев, парфян и других народов Средней Азии для борьбы с Селевкидами»⁶.

Внутри Селевкидского государства происходили непрерывные столкновения претендентов на власть; отдельные наместники постоянно мечтали отделиться и получить самостоятельность. Все это создавало (особенно на окраинах) ситуацию, чреватую взрывом.

2. ГРЕКО-БАКТРИЙСКОЕ И ПАРФЯНСКОЕ ГОСУДАРСТВА

Возникновение и ранняя история Парфии и Греко-Бактрии

Во время междоусобной борьбы между двумя братьями (Селевком II и Антиохом Гиераксом) за власть в Селевкидском государстве от них отделились парфяне, во главе которых стоял

⁵ *Frue R. N.*, 1963, p. 140. Лучшей сводкой материалов письменных источников относительно городов, основанных на Востоке Александром Македонским и Селевкидами, является работа: *Tscherikower V.*, 1927. Градо-строительная деятельность Селевкидов, однако, развертывалась в основном в Средней Азии, а на Западе (*Allheim F.*, 1947—1948, S. 265).

⁶ ИТН, I, стр. 289.

грек Андрагор. Как рассказывает античный автор, сообщающий наиболее полные сведения о том, что произошло в это время в Средней Азии, события разворачивались следующим образом: «Тогда же отложился (от Селевкидов.— Б. Г.) и Диодот, правитель тысячи бактрийских городов, и приказал именовать себя царем; следуя этому примеру, от македонян отпали народы всего Востока. В это время жил Арсак, человек неизвестного происхождения, но испытанной доблести. Обычно он занимался разбоем и грабежом. Получив известие, что Селевк (Селевк II.— Б. Г.) потерпел поражение в Азии, он, не боясь более царя, с шайкой разбойников напал на парфян, победил их правителя Андрагора и, убив его, захватил власть над [парфянским] народом» (Юстин, XLI, 1,4—7).

Уже в этом сообщении о начальной истории Греко-Бактрии и Парфии много неясностей, прежде всего хронологического порядка. Когда произошло отделение Греко-Бактрии? Первый исследователь этого вопроса — российский академик Ф. Байер (1738 г.), а вслед за ним многие ученые, детально проанализировав тексты, постоянно обращали внимание на то, что в них, в частности у Юстина, имеются хронологические несоответствия⁷. Вполне вероятно, что события, связанные с Диодотом, имели место несколько раньше, примерно в 256 г. до н. э., тогда как события, связанные с Аршаком, — около 250 г. до н. э.

Еще сложнее более существенный вопрос о характере разыгравшихся событий. В исторической науке существуют две тенденции. Английские ученые Г. Макдональд и В. Тарн полагают, что появление монограммы с начальной буквой имени Диодота на монетах Селевкидов, выпускаемых в Бактрии, свидетельствует о постепенном и медленном росте могущества и независимости этого наместника, который в конце концов стал фактически независимым⁸. Однако, как считает индийский уче-

Монета Диодота

⁷ Разбор мнений см.: *Narain A. K.*, 1962, p. 16.

⁸ *Tarn W. W.*, 1951, p. 72—74.

ный А. Нарайн, обычно такого рода монограммы обозначают или монетный двор или лицо, наблюдающее за выпуском монет. В тех же случаях, когда дело касается демонстрации независимости того или иного наместника, вводится его полное имя⁹. Существуют и другие гипотезы. Пока значение монограмм на греко-бактрийских монетах, строго говоря, не может быть определено¹⁰. Характерно вместе с тем, что имеется целая серия монет селевкидского образца, где место портрета селевкидского царя занимает портрет Диодота. Правда, некоторые историки считают, что это не тот Диодот, о котором идет речь, а его сын, но для этого нет серьезных оснований.

Итак, монетные данные не могут служить основанием для гипотезы Макдональда — Тарна. К тому же эта гипотеза отбрасывает прямое и недвусмысленное сообщение Юстина о том, что Диодот «отложился» от Селевкидского государства, т. е. восстал против центральной государственной власти и основал свое государство.

Наша концепция столь скудно освещенных в источниках событий изложена в «Истории таджикского народа» (1955 г.). Представляется, что в Бактрии селевкидские наместники обладали значительными греческими военными силами. Используя эти силы, опираясь на местную эллинизированную бактрийско-согдийскую знать, также стремившуюся к отделению от Селевкидов, Диодот и возглавил движение, приведшее к отделению Бактрии от Селевкидов. Несомненно, что в этом движении приняли участие народные массы, боровшиеся против двойного гнета и стремившиеся к независимости¹¹.

Трудно сказать, каковы были размеры этого нового государства. У Страбона (XI, 9, 2) имеется рассказ, дополняющий вышеприведенный. Согласно ему, греческие наместники (имеются в виду подчиненные и соратники Диодота) «прежде всего склонили к восстанию Бактриану и всю ближайшую страну». Более конкретными сведениями мы не располагаем. Это могла быть и Согдиана (так думают некоторые исследователи), Арейя и Маргиана (что также вполне вероятно).

Ранняя история Греко-Бактрийского государства тесно переплеталась с историей Парфянского царства. Юстин прямо говорит, что Арсак «опасался» Диодота — царя Бактрии (XI, I, 4, 8). Страбон (XI, 9, 3) приводит версию о том, что Арсак был бактрийцем, который, «чтобы спастись от растущего могущества Диодота и его преемников, поднял восстание в Парфии».

Диодоту I, правившему, вероятно, не очень долго, наследовал его сын Диодот II. Нумизматы никак не могут решить, ка-

⁹ Narain A. K., 1962, p. 15.

¹⁰ Curjel R. et Fussman G., p. 68—70.

¹¹ Иную трактовку см.: Bickerman E., 1966, p. 89 (п. 13), 91—93.

кие монеты с портретом Диодота относятся к чекану Диодота I, а какие — Диодота II¹². С другой стороны, много неясного в том, как возникло Парфянское царство. Античные источники сохранили три различные версии о начальном периоде парфянской истории. По словам Н. Дибвойса, автора лучшего исследования по политической истории Парфии, «(древним.— Б. Г.) грекам самим была совершенно неясна историчность этих сообщений»¹³.

Представляется вероятным, что в середине III в. до н. э. сатрап Парфии пытался отделиться от Селевкидов. В это время отпала от Селевкидов Бактрия. Источники сообщают, что власть в Парфии захватил Арсак. По Страбону (XI, 9, 3; XI, 9, 2), он вел свой род от кочевников дахов (или парнов-дахов); «другие, напротив,—продолжает Страбон,—считают его бактрийцем, который, чтобы спастись от растущего могущества Диодота и его преемников, поднял восстание в Парфии». Юстин же сообщает (XLI, 1, 4, 6), что Арсак — «человек неизвестного происхождения, но испытанной доблести». Он напал на сатрапа Парфии, победил его и «захватил власть над парфянским народом». Наконец, третью (и весьма детальную) версию мы находим у Арриана («Парфика», фр. 1). Два брата, Аршак и Тиридат, были оскорблены селевкидским сатрапом. Они, взяв себе в помощь пять сообщников, убили обидчика и склонили народ к восстанию.

Мы можем присоединиться к мнению Н. Дибвойса¹⁴, без появления дополнительных источников определить, какая из этих версий правильная, невозможно¹⁵.

«Вначале Арсак был бессилён, непрерывно воюя с теми, у которых он отнял землю...» (Страбон, XI, 9, 2). Вскоре Арсак погиб. Последующие парфянские цари в источниках часто называются не собственными именами, а «арсаками» («аршаками»), а сама династия — «Арсакидской» («Аршакидской»).

Место основателя династии занял его брат Тиридат¹⁶. «Служа короткое время Арсак (т. е. Тиридат I.— Б. Г.) завладел и

---

¹² Curjel R. et Fussman C., 1965, p. 73—75; Lahiri A. N., 1965, p. 110—114, 265.

¹³ Debevoise N. C., 1938, p. 9—10.

¹⁴ Ibid, p. 10.

¹⁵ Над вопросами возникновения и ранней истории Парфии работали и продолжают работать многие историки у нас и за рубежом (А. Г. Бокщанин, Г. А. Кошеленко, М. Е. Массон, И. Вольский, Ж. ле Риде и др.), однако ни хронология, ни содержание происшедших в середине III в. до н. э. событий еще окончательно не разъяснены.

¹⁶ Таким образом, мы не принимаем вывод И. Вольского (Wolski J., 1947, p. 222) и следующего ему Г. А. Кошеленко (Кошеленко Г. А., 1968, стр. 64—65) о легендарности Тиридата. Данные ирсийского архива (Дьяконов И. М. и Лившиц В. А., 1960 а, стр. 20—21) свидетельствуют в пользу существования Тиридата.

Гирканским царством. Став, таким образом, владыкой над двумя государствами, Арсак собрал огромное войско, опасаясь как Селевка, так и Диодота, царя Бактрийского» (Юстин, XLI, 4, 8).

Существенно вместе с тем, что два вновь образовавшихся государства находились в состоянии серьезного конфликта. По-видимому, первоначально каждое из них претендовало на гегемонию в Средней Азии. Парфянские правители опасались первоначально Диодота I не меньше, чем Селевкидов. Однако со смертью Диодота I положение меняется. По-видимому, экспансионистские устремления Селевкидов, угрожавшие обоим обретшим независимость среднеазиатским государствам, сыграли решающую роль в изменении взаимоотношений между Парфией и Греко-Бактрией. После смерти Диодота I сын его — Диодот II заключает мирный договор с Парфией (Юстин, XLI, 4, 8—9). Дело в том, что селевкидский царь Селевк II бросил свои войска на восток, пытаясь вновь присоединить среднеазиатские области. Но оказалось, что «орешек не по зубам»: обезопасившие свой тыл парфяне сумели отразить Селевкидов. Вначале, правда, Тиридату I пришлось отступить к аспакакам — кочевникам, жившим на севере от Парфии, но затем он вернулся и разгромил Селевка II.

Выше мы говорили о внешнеполитических целях парфяно-греко-бактрийского союза. Возможно, при заключении этого союза Диодот II пытался укрепить и свои внутривосточные позиции: положение внутри его царства отнюдь не было идиллическим.

Все большую роль приобретал противник Диодота II — Евтидем, по происхождению малоазиатский грек, захвативший власть в результате переворота. Высказывались мнения, что он был братом Диодота, но это маловероятно. Более вероятной является догадка, что он еще до переворота занимал высокое положение в Греко-Бактрийском государстве, но какое именно — неизвестно. Некоторые считают, что первоначально он был сатрапом Согдианы, другие — Арейи и Маргианы. Однако все это делается без каких-либо серьезных оснований.

Полибий (XI, 34, 2—3) вкладывает в уста самого Евтидема такие слова: «Не я первый восстал против царя; напротив, я достиг владычества над Бактрианой тем, что истребил потомство нескольких других изменников». Отсюда следует лишь, что Евтидем уничтожил потомков Диодота I, т. е., очевидно, самого Диодота II и его детей, а также, возможно, умертвил и потомков сподвижников Диодота I.

В. Тарн верит, что переворот Евтидема пользовался «народной поддержкой потому, что союз (Диодота II.— Б. Г.) с Парфией не мог быть популярным у бактрийских греков» и потому, что одновременно Евтидем действовал в интересах Селев-

кидов¹⁷. В. Тарн при этом исходит из предположения, что Евтидем был женат на дочери селевкидской принцессы и потому считал себя связанным родственными узами с Селевкидами. Однако все это лишь беспочвенные догадки.

Очень мало известно о фактической стороне дальнейших событий правления Евтидема. Можно догадываться, что он, уничтожив Диодота II, уже тем самым обострил отношения с Парфией. Не исключено, что это обострение могло вылиться и в вооруженный конфликт. Как станет ясным из последующего изложения, при Евтидеме Греко-Бактрийское государство уже включало на западе Аррею, Маргиану и, возможно, еще две области — Аспион и Туриву. Таким образом, его среднеазиатские владения были весьма обширны. Ядром их оставалась Бактрия, в их состав входили также Согд и, может быть, некоторые прилегающие районы.

Борьба с селевкидской экспансией

Затем сообщения источников переносят нас в последнее десятилетие III в. до н. э. К этому времени Парфия превратилась в могущественную державу. Тиридат расширил пределы Парфянского царства, присоединив к нему ряд территорий в Иране, отстроил ряд крепостей, увеличил армию. Но примерно в 211 г. он умер, процарствовав 37 лет. Трон занял его сын Артабан I.

В эти годы вновь укрепилось положение Селевкидов. Селевкидский царь Антиох III попытался восстановить власть над всеми прежними селевкидскими владениями на Востоке, тем более что опытного и искушенного в ратных делах Тиридата уже не было в живых. По преувеличенному, очевидно, сообщению Юстина (XLI, 5, 7), с огромным войском — 100 тыс. пехоты и 20 тыс. всадников — Антиох III продвигался вперед¹⁸. Парфяне мужественно сопротивлялись, но вынуждены были уступить превосходящим силам противника. Они потеряли часть своих территорий, и им пришлось заключить договор о союзе с Селевкидами¹⁹.

Путь к пределам Греко-Бактрийского царства был открыт. О ходе дальнейших событий сообщает Полибий. Передовые конные отряды (10 тыс. всадников), входившие в состав войска Евтидема, были выдвинуты им к р. Аррей (Герируд). Их задача

¹⁷ Tarn W. W., 1951, p. 74.

¹⁸ М. Е. Массон ввел в литературу ошибочное представление, что это громадное войско принадлежало Артабану I (Массон М. Е., 1955 б, стр. 11). На самом деле эта цифра приводится для армии Антиоха III.

¹⁹ Подробное изложение этих событий см.: Debevoise N. C., 1938, p. 14—18.

состояла в том, чтобы воспрепятствовать переправе селевкидских войск через реку. Переправа охранялась днем, а на ночевку конница располагалась вдали от Арея, оставляя, по-видимому, лишь сторожевые посты. Узнав об этом, Антиох III за ночь скрытно подвел свои войска к реке и на рассвете переправил через нее большую часть войска. Получив донесение разведчиков, бактрийская конница ринулась к реке. Антиох III лично возглавил свои войска. Бактрийская конница нанесла последовательные удары тремя эшелонами, и в результате с обеих сторон было много убитых. Источник отмечает эффективность атак бактрийской конницы. Когда ринулись в атаку второй и третий бактрийские отряды, селевкидские войска, пишет Полибий, «начали подаваться под жестоким натиском врагов». Но Антиох III ввел в бой резервы, а основная часть бактрийского войска находилась на значительном удалении. В результате селевкидские войска одержали победу, и лишь меньшая часть бактрийской конницы, преследуемая врагом, достигла основных сил, которыми предводительствовал сам Евтидем. Он был вынужден отойти к Зариаспе — Бактрам и укрыться за мощными стенами крепости (Полибий, X, 49, 1—15).

В сохранившемся тексте Полибия имеется большой пропуск. Затем описываются завершающие события осады Бактр. Между противниками велись длительные переговоры. Свои предложения о мире Евтидем, в частности, аргументировал следующим образом: «На границе... стоят огромные полчища кочевников, угрожающие нам обоим, и если только варвары перейдут границу, то страна, наверное, будет завоевана ими». Как следует из текста Полибия, и селевкидский царь, видя безрезультатность осады, мечтал о взаимоприемлемом решении. Долго длились переговоры. Для завершения их Евтидем направил в лагерь Антиоха III своего сына Деметрия. «Царь (Антиох III.— Б. Г.) принял его ласково и нашел, что юноша и по наружному виду и по прекрасному обращению достоин царского сана, поэтому, во-первых, обещал ему руку одной из дочерей своих, во-вторых, согласился удержать за отцом его царское звание. Прочие условия вошли в письменный договор, и клятвенный союз был заключен. Снабдивши войска обильными припасами и взявши с собой слонов Евтидема, Антиох снялся со стоянки» (Полибий, XI, 34, 1—11). Более конкретно об условиях договора ничего не известно. Ясно лишь одно: сделав подарки Антиоху III, передав ему, в частности, боевых слонов, Евтидем сохранил, во всяком случае, фактическую самостоятельность Греко-Бактрии. Это стало возможным лишь благодаря мужеству и сплоченности защитников Бактр, волю к победе которых не смогла сломить длительная осада.

Не может не привлечь внимания одна деталь рассказа Полибия. В качестве ударной силы войска Евтидема выступает

бактрийская конница — те 10 тыс. бактрийских всадников, которые приняли на себя первый удар селевкидского войска и во встречном бою чуть было не нанесли ему поражение. По мнению В. Тарна, многочисленность бактрийской конницы объясняется тем, что в результате каких-то внутривосточных мероприятий Евтидема бактрийская аристократия была привлечена к управлению государством²⁰. Действительно, невозможно представить поручение столь ответственного задания бактрийской коннице и, главное, понять характер ее действий в боевых условиях, если не признать, что бактрийская аристократия была кровно заинтересована в отражении селевкидской угрозы²¹.

Сняв осаду Бактр, Антиох III продвинулся на юг, пересек Гиндукуш и вторгся в Индию, «где возобновил дружественный союз с царем индийцев Софагасеном» (так Полибий (XI, 34, 11) передает имя Субхаганасены — одного из царей династии Маурьев). Индийский поход Антиоха III был связан с попыткой, оказавшейся в целом неудачной, захватить часть территории в то время уже ослабленного государства Маурьев. Вместе с тем он показал греко-бактрийским правителям возможное направление их собственной будущей экспансии.

Расцвет Греко-Бактрийского царства

Расширение пределов Греко-Бактрийского царства в направлении Индии было осуществлено сыном Евтидема Деметрием. Юстин (XLI, 6, 4) называет Деметрия «царем индов». Страбон (XI, 11, 1) говорит о завоеваниях Деметрия и другого царя — Менандра в Индии. В дорожнике Исидора Харакского упоминается город Деметрия в Арахозии.

Монеты с именем Деметрия очень различны по типу. Царь на этих монетах изображается то с диадемой, то в шлеме, имеющем вид головы слона. Лицо царя на монетах различное. На одних монетах — греческая надпись, на других — греческая и индийская (письмом кхарошти). На монетах с двуязычными надписями вокруг портрета царя на лицевой стороне написано: «Царя Деметрия непобедимого»²². Исходя из различий на монетах некоторые исследователи предполагают существование двух царей с именем «Деметрий», другие — категорически это отрицают. Этот вопрос пока не может быть решен окончательно. Во всяком случае Деметрий (или какой-то из двух царей с

²⁰ Tarn W., 1950, p. 124—125, 410.

²¹ Ср. попытку поставить под сомнение это положение (Толстов С. П., 1940, стр. 199).

²² Об этом см.: Bivar A. D., 1951, p. 22—39; Массон В. М., 1961, стр. 40—41; Curjel R. et Fussman C., 1965, p. 75—76.

этим именем) значительно расширил пределы Греко-Бактрии на юге. Появление двуязычных надписей и шлема в виде головы слона можно объяснить лишь тем, что в состав его государства вошли какие-то территории древней Гандхары (теперешнего Северо-Западного Пакистана).

На основании индийской традиции, индийский ученый А. Н. Лахири приходит к заключению, что Деметрий вторгся в Индию при слабом правителе Брихандратха (Brihandratha) из династии Маурья, причем произошло это около 185 г. до н. э. Вслед за Р. Уэтхэйдом А. Н. Лахири полагает, что это было не прочное завоевание, а длительная военная экспедиция — набег, в процессе которого греко-бактрийские отряды глубоко вторглись на территорию государства Маурья. Это произвело глубокое впечатление на Востоке, отчего и появился приведенный у Юстина применительно к Деметрию эпитет «царь индов». «Непосредственный результат этой экспедиции был невелик, она лишь проложила дорогу более поздним греческим (греко-бактрийским.— Б. Г.) вторжениям и оккупации территории Северо-Западной Индии». По мнению А. Н. Лахири, достигнув Паталипутры и разбив войско Брихандратха, Деметрий вскоре вернулся в Бактрию — его ожидала борьба с Евкратидом Великим²³. Этот трезвый и основанный почти во всем на фактах анализ Лахири представляется убедительным.

Когда Деметрий осуществлял свои завоевания в Индии, на сцене греко-бактрийской истории появляется другая крупная фигура — Евкратид. Об этом повествует Юстин: «Почти в одно и то же время стали царями Митридат в Парфии, а Евкратид в Бактрии. Оба великие мужи. Но судьба, более благосклонная к парфянам, довела их под водительством этого правителя до вершины могущества. Бактрийцы же, ведя непрерывно то одну, то другую войну, потеряли не только царство, но и свободу; измученные войнами с согдианами, арахотами, драंगाми, арями и индами, они в конце концов, как бы обескровленные, были покорены более слабыми парфянами. И все же Евкратид вел эти многочисленные войны с величайшей храбростью; так, уже ослабленный ими, когда ему пришлось выдерживать осаду со стороны царя индов Деметрия, он посредством постоянных вылазок с тремястами воинов победил шестьдесят тысяч врагов. Вернув себе свободу после пятимесячной осады, он подчинил себе Индию» (XLI, 6, 1—5).

Страбон (XV, 1, 3) со ссылкой на «Парфянскую историю» Аполлодора пишет, что греко-бактрийские цари «покорили даже большую, чем македоняне, часть Индии... Другие же писатели утверждают, что ему были «подвластны 9 племен и 5000 городов». Страбон (XI, 9, 2) сообщает, что парфяне «захватили

²³ Lahiri Q. N., 1957, p. 40—49.

также часть Бактрии, оттеснив скифов и еще раньше Евкратиды и его сторонников». Перечисляя бактрийские города, Страбон (XI, 11, 2) указывает город Евкратидея, «названный так по имени бывшего ее правителя», и далее вместе с тем говорит, что «сатрапии Аспион и Туриву парфяне отняли у Евкратиды».

Таковы данные письменных источников. Имеется, кроме того, много монет Евкратиды. Найдены в значительном числе они и в Средней Азии. Так, в Кашкадарьинской области, близ Китаба, был найден клад греко-бактрийских монет около 100 экземпляров. Главную массу составляли монеты чекана Евкратиды. Известны находки монет Евкратиды и на территории Таджикистана, например около пос. Пяндж, в Кулябском районе и др.

Монеты правителей Греко-Бактрии

Следует отметить монеты, на лицевой стороне которых изображен портрет Евкратиды и написано: «Царя великого Евкратиды», а на оборотной стороне два портрета в профиль: женский портрет (с диадемой) и на его фоне — мужской (без диадемы) и надпись «Гелиокла и Лаодики». Так как эти имена стоят в родительном падеже, появилось много различных и противоречивых объяснений, согласно которым надпись в целом надо читать: «Царя великого Евкратиды [дети] Гелиокла и Лаодики», «Царя великого Евкратиды родители Гелиокла и Лаодики» или на оборотной стороне изображены сын Евкратиды и его жена — принцесса (поэтому она в венце и т. д.). Сейчас большинство ученых признают, что здесь изображены родители Евкратиды, в частности его мать — принцесса, чем он хотел подчеркнуть «законность» своих действий и занятие трона²⁴. Думается, что следует принять именно это объяснение и отказаться от малообоснованной концепции В. Тарна, уже подвергавшейся критическому разбору в советской литературе.

Исходя из приведенных выше данных письменных источни-

²⁴ Григорьев В. В., 1867 а, стр. 343; Narain A. K., 1962, p. 55—56.

ков и монет можно наметить следующую гипотетическую схему событий правления Евкратида Великого²⁵.

В то время как Деметрий был в Индии, на территории Бактрии поднял восстание один из представителей греческой знати Евкратид, мать которого, Лаодика, имела царское происхождение. Это произошло почти одновременно со вступлением на парфянский престол Митридата I, т. е. около 171 г. до н. э. Захват власти Евкратиду облегчило то, что в это время основные контингенты греко-бактрийских войск были уведены Деметрием в Индию. Захватив власть, он принял титул «Сотер» («Спаситель»), подразумевая под этим, что он «спас» Бактрию от Деметрия. Весть о захвате власти должна была достигнуть Демет-

рия, и он, вероятно, направил значительные силы для усмирения мятежников. Численный перевес был на стороне Деметрия. Небольшая армия Евкратида была осаждена, и его положение казалось безвыходным, ибо у осаждавших было около 60 тыс. воинов, у него же — значительно меньше. Непрерывно нападая на противников, совершая вылазки с 300 воинов, проявив при этом величайшую храбрость и, о чем источник не сообщает, по-видимому, благодаря разброду в стане врага, Евкратид сумел разгромить превосходящие силы Деметрия. Утвердившись на троне, он принял титул «Царя великого Евкратида» и выпустил серию монет, на которых были изображены его родители. Производился массовый выпуск монет с именем Евкратида, они получили широкое распространение в Бактрии и, вероятно, были в обращении после смерти Евкратида. Подражания им выпускались и позже, уже после крушения Греко-Бактрийского царства.

Закрепив свою власть в Бактрии, Евкратид начал завоевание индийских владений Деметрия, причем даже расширил их пределы. Считалось, что он владеет 1000 городами.

²⁵ Наше понимание этих событий близко к схеме А. К. Нарайна, хотя и отличается в отдельных моментах, и не имеет ничего общего с концепцией В. Тарна.

Не все было безоблачно в карьере Евкратиды. Две западные провинции Греко-Бактрийского царства были им потеряны — они перешли в руки могущественного парфянского царя Митридата I, как, впрочем, еще и какие-то пограничные территории²⁶.

Завершив завоевание североиндийских территорий, Евкратид направился в Бактрию. Как пишет Юстин (XLI, 6, 5), «во время обратного похода Евкратид был убит в пути сыном, которого перед тем сделал своим соправителем. Сын этот даже не старался скрыть отцеубийство, как будто он убил не отца, а врага. Он проехал на колеснице по отцовской крови и приказал бросить труп без погребения». Трагические события конца правления Евкратиды произошли около 155 г. до н. э.²⁷

Современник и соперник Евкратиды парфянский царь Митридат I (171—138/7 гг. до н. э.) добился больших успехов в расширении пределов своего царства. В упорной борьбе с местными правителями и Селевкидами он занял Западный Иран, включил в пределы Парфии Мидию и Месопотамию. Парфия постепенно превращается в одно из самых могущественных государств мира.

Иным было положение в Греко-Бактрии. С середины II в. до н. э. начинается упадок ее политического могущества. Большое государство, занимавшее обширные области в Средней Азии, Афганистане и Индии, распадается. Отдельные правители — потомки Диодота, Евтидема и Евкратиды, а также могущественные аристократы, не принадлежащие к этим царским семьям, захватывают власть и чеканят от своего имени монету. Очевидно, в Бактрии и Согде во второй половине II в. до н. э. правителем был Антимак, принявший титул «Теос» («Бог»). Из индо-греческих царей наибольшую роль сыграл Менандр, который захватил индийские владения, по-видимому, сразу же после гибели Евкратиды²⁸. Согласно буддийской традиции, он был чрезвычайно мудрым царем, его мероприятия способствовали процветанию государства. Полагают, что сообщения буддийских источников о принятии им буддизма могут соответствовать действительности.

Уже в конце III в. до н. э., во времена Евтидема, конфедерации кочевых племен создавали реальную угрозу северным владениям Греко-Бактрии. Во второй половине II в. до н. э. кочевой мир северной части Средней Азии представлял собой волнуемое море, волны которого то и дело набегали на греко-

²⁶ Сообщение Оросия (V, 4, 16) о завоеваниях Митридата I не обязательно относится к Индии (*Debevoise N. C.*, 1938, p. 56—57).

²⁷ По мнению Нарайна, у Евкратиды было два сына: Платон и Гелиокл (не путать с Гелиоклом — отцом Евкратиды!). Отцеубийцей он называет Платона (*Narain A. K.*, 1962, p. 71—72).

²⁸ *Narain A. K.*, 1962, p. 76—77.

бактрийские берега, захлестывая и затопляя побережье. Перед надвигавшейся бурей трепетали и победители Селевкидов — парфянские цари, наследники могущественного Митридата I.

3. ВНУТРЕННИЙ СТРОЙ, ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА СРЕДНЕЙ АЗИИ В III—II ВВ. ДО Н. Э.

Греко-Бактрийское царство

Чрезвычайная бедность исторических источников не дает возможности подробно охарактеризовать государственное устройство и общественный строй Греко-Бактрии. При наиболее сильных правителях государство обладало некоторой степенью централизации, по-видимому, во многом копируя Селевкидское государство. Плутарх приводит анекдот о Селевке, будто он не раз говорил: «Если бы большинство знало, как много труда нужно хотя бы только на то, чтобы писать и читать столько писем, диадемы валялись бы на земле и их не подняли бы». Как пишет советский историк эллинизма А. Б. Ранович, «по тем данным, какие можно извлечь из надписей, видно, что правительство Селевкидов вело обширную переписку, составляя указы и распоряжения по самым разнообразным делам, назначая судей и арбитров по мелким тяжбам городов, организуя колонии, вступая в дипломатическую переписку с другими государствами и поддерживая постоянную связь с собственными городами, с городами Греции, с храмами и общегреческими святынями»²⁹. Государственный аппарат Греко-Бактрийского царства, вероятно, не был столь развитым, разветвленным и централизованным, как у Селевкидов. Во главе государства стоял царь. Иногда сын царя являлся его соправителем. Государство было разбито на сатрапии.

Из «Милинда-Панха»³⁰ мы узнаем о наличии в царстве Менандра, т. е. в индийской части Греко-Бактрии, шести приближенных вельмож: верховного начальника войска, первого министра, главного судьи, начальника казны, носителя парадного зонтика и носителя парадного меча. Кроме того, там упоминается и «владыка селения» («Милинда-Панха», IV, 1, 36). Как справедливо отметила К. В. Тревер, «анализ всех этих терминов и сопоставление указаний «Милинда-Панха» с данными других источников могли бы, но только в известной мере, осветить социальный облик государства Менандра. Для Бактрии и

²⁹ Ранович А. Б., 1950, стр. 140.

³⁰ «Милинда-Панха» — сочинение, написанное во II в. н. э. на языке пали в форме диалога на философские темы между греко-индийским царем Менандром (инд. Милинда) и индийским ученым Нагасеной.

Капитель коринфского стиля. Ай-Ханум

других связанных с нею областей источники подобных сведений не дают»³¹.

Большую роль играло войско, которое набиралось как из греков, так и из местного населения, в частности бактрийцев. Бактрийцы поставляли в армию контингенты конного войска. Царь, вероятно, имел личную гвардию. Боевые слоны увеличивали ударную силу армии.

Имеются некоторые данные о военной организации Греко-Бактрийского царства. Основную роль в войсках играли конница и пехота. Дошедшие до нас памятники искусства и письменные источники говорят о том, что в войсках Бактрии имелись отряды боевых слонов, на спинах которых помещались вооруженные бойцы. Слонов пускали в бой, по-видимому, в самый разгар сражения.

Юстин (XLI, 4, 5) называл Диодота «правителем тысячи бактрийских городов». Страбон (XV, 1, 3) сообщает, что Евкратиду были подвластны 1000 городов. Эти авторы, очевидно, имели в виду не только собственно Бактрию, а максимальную территорию Греко-Бактрийского царства, включая Северную Индию, но и при этом цифра «тысяча» — гипербола. Вместе с тем

³¹ Тревер К. В., 1940, стр. 19. Попытка В. Тарна найти в тексте этого источника указание на царский совет, состоящий из 500 человек (*Tarn W.*, 1950, p. 267, 418), вызвала решительные и, по-видимому, обоснованные возражения А. К. Нарайна (*Narain A. K.*, 1962, p. 167—168).

нужно иметь в виду, что почвой для этого преувеличения было широкое развитие городов и городской жизни в Бактрии.

Бактрийские (как и согдийские) города по происхождению следует разделить на три группы. В первую следует включить старые города, возникшие еще в доахеменидское и в ахеменидское время. К ним относятся, в частности, столица и крупнейший город Бактрии — Бактры; город, существовавший в низовьях Кафирнигана (теперь городище Кала-и мир); столица Согда Мараканда и др. Вторые возникли в эпоху греко-македонского завоевания или Селевкидов. В третьей группе — города, возникновение которых относится непосредственно к эпохе Греко-Бактрийского царства. Среди городов второй и третьей групп были города, основанные Александром Македонским (например, Александрия Эсхата) или последующими греческими правителями (например, в Бактрии город Евкратидея), а также города, возникшие без вмешательства царской власти.

О внутреннем строе городской жизни собственно бактрийских (и согдийских) городов мы пока знаем очень мало. Однако последующие эпиграфические открытия, возможно, покажут, что здесь имели место некоторые явления, характерные для парфянских и селевкидских городов, в частности какие-то формы городского самоуправления.

Описание одного из больших городов греко-бактрийского или несколько более позднего периода приводится в «Милинда-Панха».

Там содержатся сведения, на основании которых можно сделать вывод, что была широко развита ремесленная промышленность. Так, в городе, описываемом в «Милинда-Панха», имелись мастера, которые изготовляли изделия из золота, серебра, свинца, олова, меди, бронзы и железа, гончары, кожевники, мастера по изготовлению палаток, гребенщики, прядильщики, трепальщики хлопка, корзинщики, мастера по выделке луков, каменщики, промыватели золота, повара, банщики, мясники, торговцы вином, цветами и т. п. «Милинда-Панха» отмечает, что среди местного населения было немало торговцев сукном и различным продовольствием³². Все это дает основание полагать, что как ремесла, так и торговля в основном были сосредоточены в руках местного населения.

Столица Бактрии считалась опорой греко-бактрийских царей. Здесь они собирали силы для нападения на соседние страны, особенно Индию.

Местоположение столицы — города Бактры — не вызывает никаких сомнений; она располагалась в двух десятках километров от современного афганистанского города Мазари-Шери-

---

³² «The Questions of King Milinda», 1890, 1894.

фа. Но там, где существовали древние Бактры, жизнь продолжалась, хоть и с перерывами, все среднековье, когда здесь был очень крупный город Балх. Поэтому древние слои перекрыты более поздними, что бесконечно осложняет археологические исследования. Ядром Бактр греко-бактрийского времени было современное городище Бала-Хисар («высокая крепость»), в плане — овальное и имеющее площадь 120 га. Французским исследователям Д. Шлюмберже и М. Лаберру удалось выявить конструкцию стен древнего Балха. Мощь этих стен поразительна: можно полагать, что их основание имело толщину до 31 м! Стены были снабжены несколькими рядами стреловидных бойниц. Исследователи считают не исключенным, что именно эти укрепления помогли защитникам Бактр выдержать осаду огромной армии Антиоха III. Бактры в эпоху Греко-Бактрии, по-видимому, не ограничивались территорией Бала-Хисара³³.

Эллинистическая скульптура.
Ай-Ханум

В 1964—1965 гг. французские археологи начали раскопки на городище Ай-Ханум. Оно расположено в Афганистане, прямо на берегу Пянджа, там, где в него впадает Кокчадарья. Громадное городище имеет вид треугольника, двухкилометровое основание которого примыкает к Пянджу. Другая сторона (1,5 км) ограничена Кокчадарьей. Примыкающая к Пянджу северозападная часть городища более низкая, юго-восточная же значительно более возвышенная. Раскопки городища Ай-Ханум привели к важным результатам. Здесь вскрыты части крупных сооружений, характерной чертой которых является самое широкое применение эллинистических планировочных схем и строительных деталей. Сооружения возводились из камня, сырцового и жженого кирпича. Каменные колонны и пилястры, каменные детали перекрытия сочетались со стенами из сырцового кирпича. Детали каменной архитектуры выполнены в коринфском ордере и точно соответствуют эллинистическим стан-

³³ Le Berre M. et Schlumberger D., 1964.

дартам. Здесь найдены эллинистические скульптуры, керамика, украшения и т. д., а также греческие погребения, греческие эпитафии. Весь материал, в том числе монетные находки, свидетельствует, что Ай-Ханум — греко-бактрыйский город III—II вв. до н. э., в котором элементы греко-эллинистической культуры, как и собственно греческий элемент в составе населения, играли исключительно большую роль³⁴. Мы еще не знаем названия этого одного из крупнейших греческих городов: может быть, эта одна из Александрий или же Антиохий, может быть это Евкратидея. Ясно лишь одно: этот город безусловно существовал в селевкидское и греко-бактрыйское время, являясь одним из важных центров Греко-Бактрыйского царства.

Очень интересно, что на противоположном, советском, берегу Пянджа, на территории Пархарского района, археологи обнаружили и раскапывают другой важный памятник конца греко-бактрыйского времени — Саксан-Охур. Он находится в 7 км к северу от современного районного центра Пархар. Общая площадь городища достигала 5 га. При раскопках здесь выявлены ремесленный квартал с печами для обжига керамики и терракот и дворцово-храмовый комплекс. Композиционным центром этого комплекса является большой квадратный двор (27,7×27,7 м). Он был окружен с трех сторон обходным коридором. В одной стороне двора — глубокий четырехколонный айван. В глубине айвана — проход, ведущий в обходный коридор. В боковых крыльях айвана — небольшие помещения. Сдвинутый по отношению к оси айвана, но все же против него, находился большой прямоугольный зал, кровлю которого поддерживали две колонны. К этому залу примыкало прямоугольное вытянутое помещение с жертвенником. Зал и это помещение были обведены коридором, соединявшимся с основным обходным коридором.

Вдоль западного отрезка обходного коридора располагалось восемь помещений, образующих три обособленные ячейки. Особенно интересна северная, в составе которой было квадратное помещение с пилястрами и колоннами. Здесь были найдены самые богатые вещи, в том числе золотой трилистник.

Стены здания массивные; узкие помещения перекрыты сводами, большие (квадратные и прямоугольные) — кровлей на колоннах. Пороги наиболее парадных помещений сделаны из сложнопрофилированных каменных плит. Айван был украшен высокими каменными колоннами, сложные базы которых стояли на двухступенчатых каменных постаментах. Особенно эффектны были капители, выполненные в коринфском ордере.

Двухколонный зал за айваном вместе с примыкавшим к не-

---

³⁴ См. первые информации: *Schlumberger D.*, 1965—1966; *Bernard P.* 1967 а, 1967, 1968 а, 1968, 1969.

му помещением с алтарем огня являлся, по-видимому, культовым центром комплекса, упоминавшаяся выше трехчастная ячейка — приемным залом и дворцовой часовней.

Возведение комплекса датируется II в. до н. э.³⁵

На территории Таджикистана в греко-бактрийское время было еще много других городских поселений. Таково, например, городище Кей-Кабад-шах вблизи нынешнего райцентра Кабодиён. В плане оно прямоугольное (285×315 м), массивная стена с выступающими прямоугольными башнями окружает его со всех сторон. Стена сделана из пахсы и сырцового кирпича и венчалась зубцами. Внутри города раскопано несколько квадратных и прямоугольных помещений, стены которых покрыты белой штукатуркой. Кей-Кабад-шах не имел цитадели.

Неподалеку от этого поселения существовало другое — внутри того же райцентра, на месте современного городища Кала-и мир. Здесь при раскопках были обнаружены меднолитейная мастерская, большое количество бытовых предметов и монеты³⁶.

Особое место среди археологических памятников Южного Таджикистана занимает Кухна-кала (к югу от Колхозабада). Она несколько меньше Кей-Кабад-шаха и состоит из двух частей: основной, прямоугольной, и другой, неправильной формы, к ней примыкающей. Городище расположено в стратегически очень удобном месте — на обрыве террасы Вахша. Внутри стен шла сплошная застройка, представлявшая сочетание связанных друг с другом коридорообразных помещений с разными по размерам прямоугольными и квадратными помещениями.

Кухна-кала, как показали раскопки, не была достроена. Может быть, она возводилась в конце существования Греко-Бактрийского царства, и штурм, начатый кочевниками, не позволил завершить ее возведение.

Кухна-кала, как и Кей-Кабад-шах, позволяют восстановить древнебактрийскую фортификацию. Часто посаженные прямоугольные башни представляли мощные боевые сооружения. Специальные выступы — пилястры покрывали их поверхность, как и поверхность стен. Ряды бойниц содержали как настоящие бойницы, так и ложные. Вход был укреплен специальными обратными сооружениями или высокой башней³⁷.

Как известно, Самарканд и Согд жестоко пострадали от греко-македонского завоевания. Тем не менее и здесь жизнь постепенно восстанавливалась и получила дальнейшее развитие. В частности, значительные успехи были достигнуты в керамическом производстве. Вообще ремесло достигло в этот период значительного подъема. Наряду с продукцией местных ре-

³⁵ Литвинский Б. А. и Мухитдинов Х., 1969.

³⁶ Дьяконов М. М., 1953, стр. 272 и сл.; 1956, стр. 57—66.

³⁷ Литвинский Б. А., 1956 а; Кузьмина Е. Е. и Певзнер С. Б., 1956.

месленников на рынки попадала продукция ремесленников-эллинов. Происходило взаимообогащение культур, что способствовало дальнейшему подъему уровня и качества местного ремесла, в свою очередь оказывавшего значительное воздействие на ремесло всего эллинистического Востока. Все эти процессы заметны, в частности, в керамическом производстве и в строительном деле.

В сельском хозяйстве также были достигнуты важные результаты. Античные авторы сообщают много сведений о благоприятных природных условиях Бактрии. Здесь сеяли зерновые (причем считалось, что зерна были необычайной величины), в частности рис, имелись сады и виноградники, было развито скотоводство. Несомненно, и в Бактрии и в Согде существовала разветвленная сеть ирригационных каналов.

Выше, при рассмотрении политической истории, мы не раз ссылались на монеты. Наиболее полным и систематическим обзором греко-бактрийских монет в настоящее время (1970 г.) является «Корпус индо-греческих монет», составленный индийским ученым А. Н. Лахири³⁸, который, впрочем, не использовал собраний советских музеев и советские публикации по этой теме. Греко-бактрийские цари чеканили монеты из золота, серебра и меди, кроме того имелись монеты из сплава меди и никеля. До нас дошло много серебряных греко-бактрийских монет.

На их лицевой стороне обычно изображался портрет царя, на оборотной — божества (Аполлон, Артемида, Афина, Деметра, Диоскуры, Геката, Гелиос, Геракл, Зевс, Ника, Посейдон). Эти эллинистические божества, как пишет А. Н. Лахири, «иногда изображались с чертами, характерными для их восточных соответствий — двойников».

На ранних греко-бактрийских монетах надпись включала лишь царский титул и имя царя. Евкратид был первым, кто ввел на монетах эпитет *μεγας* («великий»), а Антимах стал называть себя *θεος* («бог»). При Евкратиде впервые появляются двуязычные надписи на монетах. Греческая легенда, обычно находившаяся на оборотной стороне, переносится на лицевую сторону, а на оборотной появляется буквальный пракритский перевод, выполненный письменностью кхарошти. В некоторых случаях, впрочем, надписи не совпадали. На медных монетах двух поздних индо-греческих правителей употреблялась другая индийская письменность — брахми³⁹.

Вопрос о весовом стандарте греко-бактрийских монет достаточно сложен. Часть греко-бактрийских монет укладывается в весовую схему, исходной для которой была греческая — атти-

³⁸ Lahiri A. N., 1965, p. 27.

³⁹ Lahiri A. N., 1965, p. 38—42, 256—262.

ческая с весом золотой единицы 132 грана, т. е. 8,2 г. Именно таков вес золотых монет-статеров Диодота I и II, Евтидема I и Евкратида. Однако греко-бактрийские монеты не всегда и не во всем следовали аттическому весовому стандарту, применялись и другие весовые системы. Их происхождение и экономический эффект от их применения являются предметом дискуссий⁴⁰.

Обилие греко-бактрийских монет непреложно свидетельствует о развитом товарном обращении. Судя по последним археологическим находкам, широко велась международная торговля, в частности с эллинистическим миром. Наряду с этим монеты использовались и для внутренней торговли. Это засвидетельствовано и письменными источниками. Иностранцы наблюдатели отмечали, что бактрийцы «искусны в торговле». В Бактрах имелся очень большой базар⁴¹.

Сведения о духовной культуре отличаются предельной отрывочностью. Однако и они свидетельствуют о том, что Греко-Бактрия являлась одним из культурных центров тогдашнего мира. На территории Бактрии существовала высокоразвитая местная самобытная культура, уходящая в глубь веков. Чрезвычайно плодотворен был контакт бактрийской цивилизации с богатейшей культурой Индии, а также с культурой эллинов и эллинистического Востока.

Исключительно высокого развития достигло греко-бактрийское искусство. Лучший его знаток — К. В. Тревер писала про монеты греко-бактрийских царей: «...Портретные изображения царей на греко-бактрийских монетах отличаются величайшим мастерством. Штемпеля для них резали крупные художники, сумевшие с изумительной силой передать в миниатюрном изображении реалистический портрет, не только отражающий индивидуальные черты лица, но и освещающий какую-то деталью характерные особенности той или иной личности». По ее мнению, в городах Бактрии должны были быть статуи замечательного греческого скульптора Лисиппа — автора широко распространенных скульптурных портретов Александра Македонского. Его творения отличались большим реализмом. Эллинистическая скульптура III в. до н. э. развивалась под воздействием Лисиппа и его школы, то же самое возможно отнести и к Бактрии. Во всяком случае, на Ай-Ханум уже сделаны находки эллинистических скульптур. Что же касается монет, продолжает К. В. Тревер, «возможно, что среди медальеров были и греки, но, принимая во внимание, что греко-бактрийские монеты своей совсем особой свежестью передачи портретных черт, умением передать и мысль, и нежность, и силу, и упрямство отличаются

⁴⁰ Ibid., p. 13—18.

⁴¹ Бичурин, II, стр. 152.

от греческих монет своего времени,— не исключена возможность, что штемпеля резал местный мастер, или грек или бактриец, взявший все лучшее от Лисиппа»⁴².

Мы знаем также о замечательных произведениях бактрийской торевтики. Стены помещений украшались росписями, каменными и металлическими рельефами и т. д.

Как уже указывалось, для этого периода характерны широкие культурные связи Бактрии с эллинистическим миром и Индией, что сказалось и на религиозных верованиях. Именно тогда в Среднюю Азию проник буддизм.

Это не означает, что зороастризм утратил свои позиции. В центр Бактрии — город Бактры, где зороастризм получил широкое признание, со всех сторон стекались многочисленные паломники. Здесь находились главный храм огня, храм богини Ардвисуры Анахиты, в котором стояло ее изваяние с золотой короной на голове и в одежде из 30 бобровых шкур, а также храмы других богов. По-видимому, зороастрийским было святилище комплекса Саксан-Охура.

Несомненно, в Бактрии были и греческие храмы, так как имелось значительное греческое население, а правители Греко-Бактрийского государства сами были греками. Одним из доказательств этого служат изображения греческих богов, выбивавшиеся на оборотной стороне монет (перечень их мы привели выше). Культовые греческие сооружения открыты при раскопках Ай-Ханум.

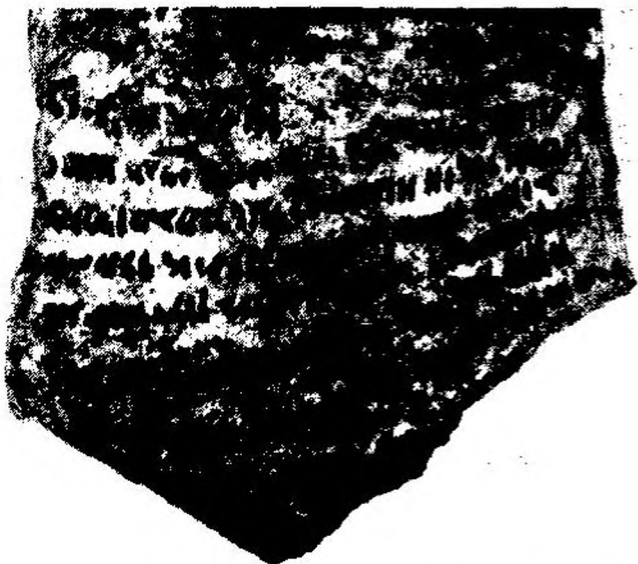
Итак, в Греко-Бактрии существовали различные религии. Из «Милинда-Панха» (1,3) мы знаем о веротерпимости в индийском городе Шакала. Там «крики приветствия обращались на улицах к проповеднику любой религии». Возможно, таким было положение и в самой Бактрии. Вместе с тем нет никаких оснований сомневаться в том, что основная часть местного бактрийского населения по-прежнему исповедовала зороастризм. Возможно, его влиянию подверглось и греческое население.

Парфянское царство

В отличие от Греко-Бактрии о внутреннем устройстве Парфянского государства, особенно если не ограничиваться хронологическими пределами этой главы, а учитывать и более поздние материалы, известно намного больше. Сохранились некоторые сведения у античных авторов, очень многое дают эпиграфические памятники и др. Особое значение имеет находка в одном из крупных центров Парфянского царства — Нисе (близ Ашхабада) громадного архива письменных документов.

⁴² Тревер К. В., 1940, стр. 40—41.

Парфянский остракон. Нисийский архив. I в. до н. э.

В Парфянском государстве власть царя была в какой-то степени ограничена наличием двух советов — совета родовой знати и совета жрецов-магов. В совет родовой знати наряду с представителями правящего дома Аршакидов входили, по-видимому, представители шести знатных родов. Царь избирался совместно двумя советами из представителей правящей династии с учетом завещания покойного царя.

В государство входили небольшие зависимые царства (например, Гиркания или Сакастан), правители которых иногда даже чеканили свою монету (Элам, Персида), и сатрапии (они были сравнительно невелики) во главе с сатрапами (хшахрап или нахвадар). Сатрапии делились на гипархии, а те — на статмы. Более высокое положение, чем сатрапы, занимали марзпаны, которым подчинялись группы сатрапий⁴³.

Ценные материалы для уяснения механизма местной администрации, функционировавшей в Северо-Восточной Парфии, были получены И. М. Дьяконовым и В. А. Лившицем при расшифровке и исследовании архива из Старой Нисы. На местах существовал разветвленный административный аппарат. Первичной административной единицей был диз — укрепленное селение (в таджикском языке это слово имеет значение «кре-

⁴³ Периханян А. Г., 1956, стр. 50—51; Дьяконов М. М., 1961, стр. 194—197.

пость»), во главе которого стоял его начальник — дизпат. Дизпаты подчинялись сатрапу. В 20-е годы II в. до н. э. здесь управлял сатрап Кофезат. Известны по имени главный начальник конницы Тиридат, несколько «казначеев», «всадник Сасан». В сборе податей и хранении продуктов участвовала целая армия чиновников. Так, в сборе поступлений вина в царские хранилища — мадустаны участвовали чиновники, носившие титулы: «доставщик вина», «накладывающий печать», «писец», «счетовод», «кравчий». В привилегированное сословие входили и «маги», упоминается жрец Спосак — атуршпат («господин огня») ⁴⁴. Задачей местной бюрократии прежде всего было максимально выжимать всевозможные налоги и повинности из народа и держать его в повиновении.

На значительной части плодородных земель Южной Туркмении, как свидетельствуют документы нисийского архива, имелись «имения», которые состояли из «виноградников». Земли делились на несколько категорий, с них собирали соответствующие натуральные сборы в пользу царя. Специальный сбор (частично натурой, частично деньгами) собирался на поддержание огня — своего рода церковная десятина.

В центре — в крепости Михрдаткирт (теперь городище Старая Ниса) находились огромные царские винохранилища. Здесь доставленное вино сливалось в крупные хумы и на него писался приходный документ. В качестве материала для письма использовались фрагменты сосудов. Это была этикетка, на которой делались пометки («скишнее», «перелито в другой сосуд» и т. д.). В документах указывалось количество вина, название виноградника и имения, имя и звание доставщика, дата, сорт вина и т. д. Такие подробные документы составлялись на протяжении 70 лет. Кроме того, имеются сводные записи, списки, а также требования на выдачу вина ⁴⁵.

До недавнего времени были изучены лишь города Западной Парфии, их градостроительство и культура. Из найденных там документов было известно, что города, во всяком случае крупные, имели органы самоуправления, к городу приписывалась сельскохозяйственная округа, порой города чеканили свою монету.

Благодаря раскопкам советских археологов впервые стали известны города и селения Северо-Восточной Парфии. В частности, были произведены многолетние раскопки на двух рядом расположенных городищах Ниса в селении Багир (близ Ашхабада). Городище Старая Ниса оказалось царским заповедником,

⁴⁴ Дьяконов И. М. и Лившиц В. А., 1960 а, стр. 22—23; 1966, стр. 141—143, 146.

⁴⁵ Дьяконов И. М. и Лившиц В. А., 1960 б, стр. 16—20; 1966, стр. 134—136.

городище Новая Ниса — остатком собственно парфянского города.

Крепость Старая Ниса включала царские дворцы (в том числе и их хозяйственные службы), культовые здания, места пребывания гвардии и вельмож. Крепость имела форму пятиугольника и была опоясана мощной стеной, толщина которой внизу достигала 9 м. В южном углу находилась башня-великан, верхняя площадка которой представляла квадрат размером 35×35 м. Это был целый форт — один из основных узлов обороны крепости. Стены и башни были сложены из пахсы и сырцового кирпича. Предполагают, что в крепость можно было попасть по длинному узкому наклонному подъему (пандусу), идущему вдоль стен.

Центральное место внутри крепости занимал громадный квадратный зал площадью 400 кв. м. В центре его стояли четыре мощные колонны из жженого кирпича, ствол каждой из них являлся как бы пучком из четырех полуколонн. По периметру стен шли полуколонны. Второй ярус стен был также украшен пристенными полуколоннами, в промежутках между ними, в нишах, стояли крупные (больше человеческого роста) глиняные статуи. Стены второго яруса были покрыты ярко-красной штукатуркой и цветными орнаментальными росписями, применялась и позолота. Пол был алебастровый, потолок деревянный со световым отверстием в центре — единственным источником освещения. Мощь устремленных ввысь центральных колонн, величественность скульптуры и строгой архитектурно-декоративной отделки, величественность не могли не поражать всякого, кто посещал это сооружение. Среди специалистов-архитекторов и археологов идет дискуссия о функциях этого громадного сооружения. Некоторые предполагают, что громадный зал — это аудиенц-зал парфянских царей, другие защищают более правдоподобную точку зрения, что квадратный зал — памятник храмовой архитектуры, гигантский храм огня, который был воздвигнут в честь обожествленных предков.

Помимо храмового комплекса в Михрдаткирте было множество других построек, в частности винных складов с емкостью свыше полумиллиона литров вина и царская сокровищница — замкнутое квадратное сооружение (60×60 м).

В одном из помещений было обнаружено множество изделий из слоновой кости, главным образом ритонов — сосудов для питья вина, напоминающих рога. У верхнего края ритонов имеется бордюр с рельефными изображениями дионисийских сцен, божеств и т. д. Ниже части многих ритонов оформлены в виде скульптур. Найдены также скульптуры из обожженной глины (в том числе позолоченные), бронзовые, мраморные, серебряные. Таковы, например, серебряная позолоченная фигурка парфянской богини, серебряная фигурка божка Эрота с золотыми

браслетами и др. Парфянские памятники Нисы, по удачному выражению Г. А. Кошеленко, «характеризуются органическим слиянием двух основных «начал»: местного, идущего из глубины культурных традиций ираноязычных народов Ближнего Востока и Средней Азии, и эллинского»⁴⁶.

Особое место среди находок на Старой Нисе занимают уже упоминавшиеся многочисленные парфянские документы, в значительной части налогового характера, написанные на глиняных черепках — остраконах.

На втором городище — Новая Ниса — были раскопаны остатки храма и погребальных камер⁴⁷.

Нисийский архив позволил гораздо глубже понять не только административно-налоговую систему, но и духовную культуру Северо-Восточной Парфии. Сами документы написаны арамейским письмом. Напомним, что оно было принято уже в ахеменидских канцеляриях. Занимаясь дешифровкой этих документов, М. М. Дьяконов, И. М. Дьяконов и В. А. Лившиц с самого начала столкнулись с тем, что часть слов оказалась арамейскими, другая — парфянскими, причем одни и те же понятия обозначались то арамейскими, то парфянскими словами. Синтаксис документов — парфянский, а не арамейский, парфянские слова имеют не арамейские грамматические показатели, а парфянские. Все это привело исследователей к заключению, что арамейские слова были в то время просто своего рода шифрами (гетерограммами); они уже не читались по-арамейски, а, видя ту или иную группу знаков, писец произносил соответствующее парфянское слово. Освоить такую письменность было нелегко. Ученики долго упражнялись, прежде чем им доверяли писать документы. Найденные учебные упражнения, выполненные также на черепках (другой материал — кожа — был слишком дорог, чтобы использовать его при учебе).

В религиозном отношении Парфянское царство представляло пеструю картину. Кроме местного культа солнечного божества Митры и культа основателя династии Аршака здесь были распространены также греческие культы, зороастризм, иудаизм и позже христианство. Ведущее место занимал зороастризм.

В документах из Нисы отмечено 200 имен; любое из них могло принадлежать ортодоксальному зороастрийцу, много чисто зороастрийских. Зороастрийским был и календарь.

Уже упоминалось о жреце Спосаке, который носил титул «господин огня», и о рядовых магах. В документах фигурируют безымянные храмы, а также храм Фраата и храм Нанайи. Возможно, существовали храмовые хозяйства. Синкретизм пар-

⁴⁶ Кошеленко Г. А., 1966, стр. 40.

⁴⁷ Публикацию парфянских памятников Южной Туркмении см.: «Труды ЮТАКЭ»; Массон М. Е. и Пугаченкова Г. А., 1959, стр. 22—117.

фянской религии проявлялся во включении в парфянский пантеон чужеземных божеств. Так, в частности, Нанайя — это древнее месопотамское лунное божество, известное со времен Шумера. Затем оно распространилось в Ассирию, позже проникло, с одной стороны, в Иран, с другой — в Армению, Сирию, Египет и даже в Грецию. На Западе отмечается ее слияние с другими божествами, в частности с греческой Артемидой. Нанайя (Анахита) позже отмечена в кушанском и согдийском пантеоне. Название этого божества перешло в шугнанский язык, где «нан» обозначает «мать», «матушка».

В связи с документами из Нисы вновь возник вопрос о парфянском календаре. Начальным пунктом в нем являлся год, соответствующий 247 г. до н. э. В нисийских документах даты приводятся по зороастрийскому (младоавестийскому) календарю. Он, как известно, начал применяться в Иране со второй половины V в. до н. э. и был создан по образцу египетского солнечного. Год делился на 365 дней, было 12 месяцев (по 30 дней) плюс пять дополнительных дней. Название лней и месяцев в нем — это парфянские формы названий зороастрийских божеств⁴⁸.

Иранские средневековые хронисты всячески замалчивали весь многовековой период Парфянского царства, тенденциозно изображая его как темное время узурпаторской власти.

В народе, однако, в своеобразной форме сохранилась память об этом периоде: слово «пахлавон» приобрело нарицательное значение богатыря, а выражения «пехлевийское сказание», «пехлевийская песня» — смысл сказочного повествования, древней песни. Вся литература на среднеперсидском языке периода III—VII вв. н. э. также приобрела наименование пехлевийской.

История Парфянского царства, насчитывавшая всего 500 лет, во второй половине его существования разворачивается преимущественно на территории Ирана и Месопотамии и частично выходит за рамки истории предков народов Средней Азии.

Другие области Средней Азии

Одна из важнейших земледельческих областей Средней Азии — Фергана, исходя из описаний конца II в. до н. э., имела высокоразвитую экономику и в предшествующий период, синхронный греко-бактрийскому времени. Правда, мы можем говорить об этом, лишь проецируя сообщения конца II в. до н. э.,

⁴⁸ О документах из Нисы см.: Дьяконов И. М., Дьяконов М. М., Лившиц В. А., 1951, и цитировавшиеся выше работы И. М. Дьяконова и В. А. Лившица. Общую характеристику парфянской религии по письменным источникам см.: Unvala G. M., 1925. Относительно культа Нанайи на Востоке см.: Ingholt H., 1954, я. 12—14.

Городище Кой-Крылган-кала, IV в. до н. э. — IV в. н. э.

памятники же III—II вв. до н. э. практически пока еще в Ферганае не выявлены.

Спорным является вопрос о вхождении Ферганы в состав Греко-Бактрийского царства. На основании одного замечания, сохранившегося у Страбона (XI, 11, 1), многие исследователи утверждают, что Фергана была частью Греко-Бактрии. Однако доводы в пользу этого весьма уязвимы⁴⁹.

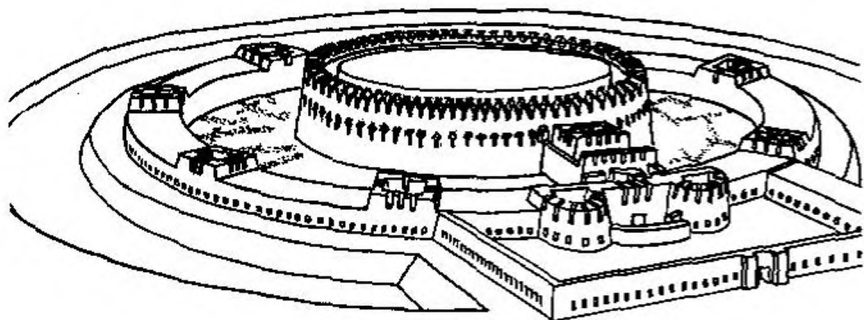
В Ферганае найдены монеты Евтидема, Деметрия и подражание чекану Гелиокла. Разумеется, эти монеты, как и греко-бактрийская монета, найденная в парфянской Нисе, могли попасть туда в результате торговли.

Хорезм, наименее пострадавший от иноземных завоеваний, представлял во II—I вв. до н. э. сильное, независимое государство. Письменные источники об этом не сообщают, но о том с бесспорностью свидетельствуют открытые Хорезмской экспедицией памятники. Остановимся на некоторых из них.

Джанбас-кала представляет правильный прямоугольник, обнесенный мощными двойными стенами. Въезд, на оборону которого обращалось особое внимание, устроен коленами в пять поворотов и дополнительно оснащен бойницами во внутренних

⁴⁹ По этому поводу, помимо неоднократно цитировавшихся работ В. Тарна, А. К. Нарайна, см. также: Бартольд В. В., 1964 б; Altheim F., 1947—1948, S. 315—317.

Городище Кой-Крылган-кала (реконструкция)

стенах. В связи с отсутствием башен бойницы по углам расположены по веерной системе, а в стенах имеются полукруглые ниши с тремя бойницами, что позволяло вести обстрел вдоль стен. Для лучшего обстрела неприятеля бойницы были сильно заглублены, и вниз от них шли наклонные борозды. Благодаря этому стены производят впечатление покрытых полуколоннами.

Огромное количество бойниц в крепостных стенах заставляет предположить, что к участию в обороне привлекалось, видимо, все население. Вообще, вся система фортификации свидетельствует о едином плане обороны оазиса от набегов кочевников.

Характерно деление города на две части. Главная улица, разбивавшая город на две части, со стороны, противоположной воротам, замыкалась «домом огня» — средоточием общественного культа неугасимого огня. По обе стороны главной улицы были расположены дома-массивы — жилые помещения, состоявшие из большого количества комнат примерно одинакового размера⁵⁰.

Одним из интереснейших сооружений Хорезма является Кой-Крылган-кала. В отличие от обычных — квадратных и прямоугольных — сооружений Кой-Крылган-кала имеет вид отдель-

⁵⁰ Толстов С. П., 1948 а, стр. 88—98.

но стоящей башни цилиндра диаметром 42 м, окруженной круглой стеной (диаметр внешнего кольца 87,5 м) с башнями. Центральное цилиндрическое сооружение было двухэтажным. Оно дважды перепланировалось. Кольцевой двор постепенно застраивался.

При раскопках были обнаружены разнообразные материалы, в том числе большое количество хумов, служивших для хранения воды и припасов. На стенках баклаг — высокохудожественные рельефы (изображения грифонов, всадников, женщин и т. д.). Огромное число статуэток — глиняных и алебастровых — воспроизводит божества хорезмийского пантеона; имеются и бытовые изображения. Некоторые статуэтки исключительно реалистичны. Обнаружено несколько надписей, относящихся к III—II вв. до н. э., написанных арамейским письмом. На одном из них имеется имя, в основе которого слово «аспа» («конь»); имя, по-видимому, обозначает «всадник».

На Кой-Крылган-кале обнаружены фрагменты десятка оссуариев — костехранилищ и погребальной маски. В окрестностях найдено большое количество оссуариев — глиняных квадратных ящичков, увенчанных скульптурным изображением человека (иногда в натуральную величину)⁵¹.

По мнению исследователей Кой-Крылган-калы, «центральное здание строилось как погребальное и, скорее всего, было связано с обрядом трупосожжения. Этот своеобразный «дом мертвых» был сожжен вместе с трупом знатного лица — князя, а может быть, и хорезмийского царя. Пепел умершего и, возможно, сопровождавших его в загробный мир людей был извлечен из пожарища и помещен в оссуарий. Затем комплекс стал центром заупокойного культа, превратившись в крупный храм и вместе с тем в центр астрального культа и астрономических наблюдений»⁵².

Эти заключения интересны и спорны, но несомненно, что Кой-Крылган-кала является выдающимся памятником культуры Средней Азии.

Кочевые и полуседлые племена занимали обширный степной пояс, предгорья и зоны альпийских лугов. В Приаралье, в междуречье Амударьи и Сырдарьи, они находились под влиянием хорезмийской культуры. Именно здесь они переходили к оседлости; знать кочевников имела укрепленные поселения. Кочевые сакские племена заселяли районы правобережья Сырдарьи и в ее среднем течении, южноказахские степи, Северную Киргизию, периферию Ферганской долины и частично ее внутренние области, Восточный Памир. Они были теснейшим

⁵¹ Рапопорт Ю. А., 1971, стр. 64—66.

⁵² Толстов С. П., 1862, стр. 117—135. См. также: «Кой-Крылган-кала», 1967.

образом связаны в экономическом, политическом и культурном отношениях с районами прочной оседлости; вместе с тем они, одновременно являлись частью огромного моря кочевых племен, простиравшегося от Монголии до южнорусских степей.

* * *

Мы знаем лишь слабо намеченные контуры истории Средней Азии III—II вв. до н. э. И дело не только в том, что политические события этого времени выступают словно отдельные кадры ныне исчезнувшей кинематографической ленты, причем последовательность этих кадров для нас чаще всего неясна, — причинная обусловленность тех или иных явлений, как правило, совершенно неизвестна. Политическая история Греко-Бактрии продолжает оставаться темной и непонятной. Ровно 100 лет назад русский востоковед В. В. Григорьев, критически рассмотрев разнообразные попытки «рассортировать» имена греко-бактрийских правителей, известных по монетам, горестно заметил: «Комбинациями, таким образом стряпаемыми, историческое знание не продвигается ни на шаг»⁵³. За истекшие 100 лет количество греко-бактрийских монет значительно возросло. Появились иные, куда более смелые, чем у нумизматов первой половины XIX в., реконструкции греко-бактрийской истории. Смелость этих попыток, особенно В. В. Тарна, основывается не на каких-либо твердо установленных фактах, а на произвольно конструируемых матримониальных союзах и соображениях о родстве тех или иных персонажей на основании сравнения их портретов, на расширительном толковании источников и т. д. Предельный субъективизм привел В. В. Тарна к созданию совершенно неадекватной картины греко-бактрийской истории. Мы отнюдь не собираемся целиком отрицать значение труда выдающегося английского историка: в нем есть масса ценных наблюдений и материалов. Мы хотим подчеркнуть лишь одно: существуют пределы, перейдя которые, историк рискует превратиться в романиста. И это случилось с В. В. Тарном.

Вместе с тем экономическая и культурная характеристика Греко-Бактрии благодаря работам археологов и нумизматов сейчас обрела достаточно конкретные и определенные очертания.

Следует остановиться еще на одном вопросе. В западной литературе безмерно преувеличивается роль и значение греко-эллинистической культуры в развитии Средней Азии. Некоторые ученые утверждают, что все социально-экономическое развитие Средней Азии после греко-македонского завоевания обязано гре-

---

⁵³ Григорьев В. В., 1867 г., стр. 774—775.

ческому влиянию, что города, в частности укрепленные, возникли лишь после прихода греков и т. д.

В работах советских ученых, в частности в ранее изданных трудах автора, эта концепция была подвергнута резкой критике. Внутренняя обусловленность глубинных социально-экономических процессов — вот то главное, что определяло развитие среднеазиатского общества. Археологические открытия позволили одновременно также выявить черты глубоко самобытной культуры бактрийцев, хорезмийцев, согдийцев и других народов Средней Азии.

Однако в этой справедливой критике несостоятельных буржуазных концепций некоторые впадали в другую крайность, не показывая в достаточной степени важности и плодотворности социально-экономических и культурных контактов между греко-эллинистическим миром и Средней Азией, отрицая наличие на ее территории крупных греческих поселений.

Греки пришли в Среднюю Азию как завоеватели, но они оставались в ней отнюдь не только в составе воинских отрядов. Греческое население Средней Азии, Афганистана и Северной Индии включало в себя ремесленников и торговцев, актеров и скульпторов, врачей и музыкантов. Развитие рабовладельческого строя получило новый импульс в связи с тесными контактами с эллинистическим миром; города не могли не испытать воздействия городского строя основанных в Средней Азии и соседних областях греческих городов.

Еще более значительным было воздействие на местную культуру — духовную и материальную. Ограничимся одним примером: греческая письменность продолжала оставаться ведущим типом письменности в Бактрии на протяжении тысячелетия после похода Александра Македонского. В каменной архитектуре, в скульптуре, в ювелирном искусстве и т. д. — всюду прослеживается взаимодействие эллинистической и местной культур; плоды этого синтеза продолжали эволюционировать и в последующие столетия. Однако, в противовес утверждениям многих западных исследователей, в этом синтезе среднеазиатская культура выступала в качестве равноправного и даже ведущего компонента. Язык греческих поселенцев, окруженных местным населением, постепенно смешивался с языком коренного населения страны. Их культура также приобретала синкретический характер. Международные обмен товарами, перемещение групп населения в процессе торговли, войн и переселений приводили к широкому проникновению на Запад лучших достижений среднеазиатской духовной и материальной культуры. Поэтому так называемая эллинистическая культура является созданием гения многих народов: эллинов, местного населения стран Ближнего и Среднего Востока, а также народов Средней Азии и Индии.

И еще одно. В. В. Тарн рассматривал Греко-Бактрию как

существенную часть эллинистического мира, как одно из эллинистических государств⁵⁴. Критикуя это положение, А. К. Нарайн называет всю историю Греко-Бактрии историей «индо-греков» и говорит: «Их история — часть истории Индии, а не эллинистических государств; они пришли, они увидели, но Индия [их] завоевала»⁵⁵.

Обе точки зрения далеки от истины. Конечно же, историю Греко-Бактрии нельзя рассматривать вне селевкидского фона. Разумеется, вторая половина истории Греко-Бактрии связана с Индией. Но истоки истории Греко-Бактрийского царства лежат в Средней Азии, здесь оно возникло, здесь (и в Афганистане) оно набрало силы. Именно комбинация бактрийских и греческих элементов создала те могучие силы, которые смогли завоевать Северную Индию. Следовательно, Греко-Бактрия — это прежде всего Средняя Азия и Афганистан, а также Индия и эллинистический мир.

---

⁵⁴ Tarn W. W., 1950, p. XIX—XX.

⁵⁵ Narain A. K., 1962, p. 10—11.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ В КУШАНСКОЕ ВРЕМЯ

1. ПАРФИЯ, ГРЕКО-БАКТРИЯ И КОЧЕВНИКИ.
РАННЯЯ ИСТОРИЯ ЮЭЧЖЕЙ

Кочевники и Парфия

В 138/7 г. на парфянский трон вступил Фраат II. Он был еще подростком, и государством вначале управляла его мать. Безопасность страны требовала пребывания царя на Востоке. Но внезапно все изменилось: на парфию вновь напали Селевкиды. Селевкидским войскам сопутствовал успех, и они захватили основную часть западных территорий Парфии, включая Вавилонию. Торжество Селевкидов, впрочем, было недолгим. Беспощадно обираемые и угнетаемые жители городов восстали и атаковали селевкидские гарнизоны. Фраат II одержал полную победу над противником, селевкидский царь погиб (или покончил жизнь самоубийством), а его дочь Фраат II взял в свой гарем. Это была последняя попытка Селевкидов вернуть когда-то принадлежавшие им восточные владения. Парфянские отряды вновь вошли в Вавилонию и начали подготовку к походу на Сирию¹.

Вслед за этими значительными успехами наступают тревожные для парфянских правителей годы. Наиболее полно повествует о них Юстин (XLII, 1, 1—3): «... В это время мятеж в среде скифов (так Юстин называет кочевые среднеазиатские сакские племена.— Б. Г.) заставил его (Фраата II.— Б. Г.) вернуться для защиты собственного государства. Дело в том, что скифы были призваны за плату на помощь парфянам против Антиоха, царя Сирии, но явились, когда война была уже закончена. Их ложно обвинили в том, что они опоздали со своей помощью, не уплатили им условленной дани. Скифы, недовольные тем, что напрасно совершили такой далекий поход, потребовали, чтобы им или уплатили за их труды или отправили против другого врага. Оскорбленные высокомерным отказом, скифы

¹ Debevoise N. C., 1938, p. 27—37.

стали опустошать парфянские пределы. Поэтому Фраат выступил против них в поход...».

Военные действия (в 130 г. до н. э.) разворачивались следующим образом (Юстин, XLII, 1, 4—5): «... Фраат повел с собой на войну греческое войско, которое попало в плен после войны с Антиохом и с которым он до сих пор обращался высокомерно и жестоко... Поэтому, когда греки увидели, что боевая линия парфян дрогнула, они перешли на сторону врагов и осуществили долгожданную месть за свой плен, уничтожив в кровавой сече и парфянское войско и самого Фраата».

Царем стал дядя прежнего царя Артабан II. «Скифы» же разграбили Парфию и вернулись в свои кочевья (Юстин, XLII, 2, 1). Гордая Парфия вынуждена была платить им дань (Иоанн Антиохийский, фр. 66). Но Артабан II попытался освободиться от этой зависимости. Он выступил на войну с одним из племен — Юстин называет их тохарами, — был ранен в руку и вскоре умер.

Это произошло около 123 г. до н. э. Парфянский престол занял сын Артабана Митридат II, прозванный Великим. Только при нем парфянам удалось приостановить продвижение сакских племен и даже отвоевать у них (может быть, не все) захваченные территории. Юстин сообщает (XLII, 1, 5): «Несколько раз вел он и со скифами удачные войны и явился мстителем за обиды, причиненные его предкам». Во время правления Митридата II (123—87 гг. до н. э.) Парфия достигает невиданного ранее могущества.

Проблема происхождения юэчжей

Совсем иначе разворачивались события в Греко-Бактрии. Чтобы понять их, а также общую ситуацию в Средней Азии, надо обратиться к событиям, разыгравшимся к северо-востоку от территории Средней Азии и нашедшим отражение в древних китайских источниках. Соседями живших на территории Монголии хуннов был народ юэчжи. Уже во второй половине III в. до н. э. юэчжи достигли большого могущества, и правитель хуннов должен был отдать им в заложники своего сына². Но затем ситуация изменилась. Хуннский шаньюй Маодунь (или Модэ), создавший четкую военно-административную систему хуннского общества, превратил этот кочевой народ в грозную силу. Маодунь дважды совершает походы в Китай, ханьские императоры трепещут перед ним. В 176 г. до н. э. один из хуннских полководцев нанес поражение юэчжам³. Сын Маодуня шаньюй

² Бичурин, I, стр. 46—47.

³ Там же, стр. 54—55.

Лаошан в 174 г. до н. э. разгромил юэчжей, убил их правителя, а из его черепа сделал чашу для питья. Разгромленные юэджи оточевали на запад, в Восточный Туркестан и Среднюю Азию⁴. Однако проживавший здесь народ, известный китайцам под именем «усуни», сам находился в какой-то степени в зависимости от хуннов. Подстрекаемые, очевидно, ими усунни вступили в борьбу с юэджами и потерпели поражение. Затем юэджи разгромили племена сэ, которые двинулись на юг и, пройдя «висячий мост» (горные проходы в Юго-Восточном Памире), проникли в Гибинь (северо-западная часть Индостана). Усилившиеся усунни в свою очередь разгромили юэчжей, что заставило их также начать передвижение, но в сторону Дахя — Бактрии⁵.

Как пишет западноевропейский исследователь Г. Халоун, «трудно точно датировать оба отрезка странствований юэчжей». Правдоподобным является предположение японского ученого И. Кувабары, что юэджи переселились на север Средней Азии между 172—161 гг. до н. э. и прошли на юг, в область Амударьи, между 139—129 гг. до н. э.⁶ При этом в области современного Самарканда они были между 133—129 гг. до н. э.⁷

Пришедшие в Среднюю Азию юэджи носили название да-юэджи («великие [большие] юэджи»). Поселившиеся же в Восточном Туркестане носили название «малые юэджи».

Совсем иначе излагают события античные источники. Многого они просто не знают, ибо события глубинной Азии оставались им неизвестными. Страбон (XI, 8,2) пишет: «Из этих кочевников в особенности получили известность те, которые отняли у греков Бактриану, именно асии, пасианы, тохары и сакраулы, которые переселились из области на другом берегу Яксарта рядом с областями савков и согдианов, занятой саками». В прологе к XLII книге Помпея Трога содержится такая фраза: «Асии — цари тохаров и гибель сарауков»; в книге XLI — другая фраза, где, в частности, говорится: «...Бактрию и Согдиану захватили скифские племена сарауков и асианов».

Вот, собственно, и все. Никакие юэджи здесь не упоминаются. И вместе с тем совершенно ясно, что и китайские и западные источники повествуют об одних и тех же событиях, приведших к разгрому Греко-Бактрии.

⁴ Бичурин, II, стр. 147—151.

⁵ Там же, стр. 151, 190—191; De Groot, 1926, стр. 15, 123. История хуннов и их взаимоотношения с соседями подробно освещены во многих работах, см., например: McGovern W. M., 1939, p. 116—129; Бернштам А. Н., 1951, стр. 57—71; Гумилев Л. Н., 1960 б, стр. 63—94. Усуньская «вендетта» против юэчжей, по мнению некоторых современных историков, является вымыслом, внесенным в китайскую летопись и лишенным какого-либо исторического основания (Pullejblank E. G., 1970, p. 158—159).

⁶ Обзор исследований японских ученых см.: Haloun G., 1937, S. 246—249.

⁷ Рерих Ю. Н., 1963, стр. 120.

Попытки «примирить» эти две группы источников, сопоставляя упоминаемые в них народы и племена друг с другом и с другими этническими (и географическими) среднеазиатскими наименованиями, делаются с середины XVIII в.— вот уже два столетия. И вместе с тем до каких-либо окончательных решений еще далеко.

Уже давно было высказано предположение, что в тексте Страбона переписчики произвели искажение и что первоначально было не «...асни, пасианы...», а «асни, или асианы», что вполне графически объяснимо. Тогда здесь просто две формы названия одного и того же народа. Что же касается народа, который упоминается у Страбона как «сакараулы», то он безусловно идентичен «сараукам» Помпея Трога. Сопоставляя эти два названия, многие лингвисты, привлекая и другие упоминания, думают, что правильное название было «сакарауки», происходящее от реконструированного ими слова «сакаравака» («быстродвигающиеся саки») ⁸.

Итак, подведем итог вышесказанному:

Страбон	Помпеем Трог
Асни	Асни
Пасианы (аснаны)	Асианы
Тохары	Тохары
Сакараулы (=сакарауки)	Сарауки (=сакарауки)

Обратимся к китайским источникам. В них фигурируют усунь, сэ и да-юзэжи. Этноним «усунь» в среднекитайском должен был звучать как *Uosuan, а в древнекитайском как *O-sw ь. Нередко высказывалось мнение о том, что усунь — это китайское обозначение аснев; так, в частности, это мнение в весьма категорической форме отстаивал А. Н. Бернштам ⁹. Помимо звукового сходства здесь имеется и определенный параллелизм в источниках: по китайским источникам усунь разгромили юэчжей, по Помпею Трогу — асни — цари тохаров уничтожили сакарауков.

Однако все обстоит не так просто. Глубокий знаток источников И. Маркварт резко отвергал возможность такой идентификации ¹⁰. Г. Халон справедливо указал, что, по китайским источникам, усунь продолжали оставаться в Семиречье и на Тянь-Шане и нет никаких указаний на их передвижение на юг

⁸ Об этом см.: Литвинский Б. А., 1960 б, стр. 92—93 (там же и литература вопроса). Но предложено и много других объяснений. В частности, Э. А. Грантовским в его выступлении на Международной конференции по кушанской проблеме в Душанбе (1968 г.) предложена этимология «белые (светлые) саки».

⁹ Бернштам А. Н., 1947 а, стр. 43.

¹⁰ Marquart I., 1901, S. 204, Anm. 5.

Средней Азии, тогда как асии античных авторов явно передвинулись на юг. Поэтому он считает уравнивание усунь = асии «проблематичным»¹¹. Следует добавить, что, по заключению виднейшего современного зарубежного знатока китайской исторической лингвистики Э. Пуллейблэнка уравнивание усунь = асии (или асианы) невозможно и с историко-лингвистической точки зрения¹². Итак, часто встречающиеся в литературе, в том числе и специальной, утверждения, что усунь идентичны с асиями — асианами, — просто догадка, не имеющая серьезного обоснования.

Что же касается сэ, то это имя в эпоху, о которой идет речь, должно было звучать как «сэк». Сейчас общепризнанно, что это саки древнеперсидских и античных источников.

Обратимся к главному действующему лицу этой исторической драмы — к юэчжам. Относительно того, как произносилось это имя китайцами в древности, между синологами нет согласия. Раньше считали, что когда-то их имя произносилось как *ngiŋt-tsie* или *ngiwât-tia*, которое отражало иностранное для китайцев имя вроде *got-ti*, *gut-ti*, *geti* и т. д.¹³ Сейчас Пуллейблэнк доказывает, что такое осмысление было бы справедливо для более позднего времени, а в эпоху, когда юэчжи попали в поле зрения китайских источников, их китайское название должно было отражать имя вроде *Ywati*¹⁴.

Все эти лингвистические тонкости имеют очень большое значение. В зависимости от того, как звучало в древности название «юэчжи», их сопоставляют с тем или иным народом, известным из античных источников.

С первой половины XIX в. существует гипотеза, согласно которой юэчжи — это массагеты. Среди советских ученых эту гипотезу разрабатывал С. П. Толстов.

Он исходил из того, что догадка О. Франке о том, что часть массагетов откочевала из Средней Азии на северо-восток, — бесспорный факт, хотя на самом деле она ничем не доказана. Название «массагеты» он расшифровал как «великие геты», и, так как в то время считалось установленным, что «большие юэчжи» должно было произноситься в древности «большие гвати» (или «гати»), С. П. Толстов утверждал, что юэчжи — это и есть массагеты¹⁵. Эта концепция построена на ошибочных или недоказанных положениях, а другие возможности и объяснения С. П. Толстов с излишней поспешностью объявлял «предвзятыми псевдонаучными конструкциями».

¹¹ Haloun G., 1937, S. 252—254.

¹² Pulleyblank E. G., 1966 а, р. 29.

¹³ Maenchen-Helfen O., 1945, р. 77.

¹⁴ Pulleyblank E. G., 1966 а, р. 17—18.

¹⁵ Толстов С. П., 1948 а, стр. 242—245.

В «Истории таджикского народа» подробно освещены построения сторонников уравнения юэчжи=массагеты, причем одновременно отмечается, что в среде советских ученых имеются его противники, в частности И. И. Умняков¹⁶. Отметим, кстати, что вопрос о правильной этимологии слова «массагеты» не решен до сих пор.

В свое время И. Маркварт, а сейчас Э. Пуллейблэнк считают вероятным, что в древнем звучании юэчжей (Ywati) отразилось название племен ятиев, которое Птолемей (VI, 12) располагает рядом с тохарами¹⁷.

Что же касается тохаров, их имя иногда сопоставляют с названием страны Давань. В древности оно должно было звучать в китайском как *dà-iwan*. Такое звучание могло отражать местное название *Taxwag (тохары)¹⁸. В исторической литературе прочно утвердилось мнение, что Давань — это Фергана. Никаких оснований для пересмотра этого нет, старые и новейшие попытки «передвинуть» Давань (на Памир, в Восточный Туркестан) представляются совершенно неубедительными.

С другой стороны, у авторов IV и более поздних веков слово «юэчжи» неизменно переводилось как «тохары»¹⁹, что еще более утверждает в мысли о связи тохаров и юэчжей.

В последнее время вновь усиливается тенденция связывать юэчжей (и тохаров) с теми группами населения Восточного Туркестана, от средневековых потомков которых остались рукописи, написанные на двух языках (или диалектах), которые условно названы «тохарскими». Эти языки не имеют ничего общего ни с индийскими, ни с иранскими языками, хотя и являются индоевропейскими. Из советских исследователей к этой точке зрения, в частности, склоняются Ю. Н. Перих и В. В. Иванов²⁰.

Японский ученый К. Еноки попытался отметить сложности следующим образом. Он исходил из того, что античные и китайские источники освещают не одни и те же события, а два последовательных этапа завоевания Бактрии — о более раннем рассказывают античные источники, о более позднем — китайские. В таком случае нет необходимости в идентификации юэчжей с каким-либо из перечисленных в античных источниках народов. Что же касается юэчжей, К. Еноки вслед за Г. Халоуном предлагает считать их скифами. Он полагает, что носители пазырыкской культуры входили в состав юэчжийской державы. «Согласно моей идее,— пишет К. Еноки,— юэчжи третьего

¹⁶ Умняков И. И., 1940, 1946.

¹⁷ Marquart J., 1901, S. 206; Pulleyblank E. G., 1966 a, p. 22.

¹⁸ Pulleyblank E. G., 1966 a, p. 22.

¹⁹ Перих Ю. Н., 1963, стр. 122.

²⁰ Там же, стр. 122—125; Иванов В. В., 1967.

века до н. э. были очень похожи по их территории и могуществу на тюрок шестого-седьмого веков, а так называемая миграция юэчжей была не миграцией группы народа с одного места на другое, но оттягиванием восточных и северных пределов юэчжийской державы»²¹. Следует отметить, что лингвистическая сторона уравнения юэчжи = скифы сейчас раскритикована Э. Пуллейбленком; чрезвычайно уязвимыми являются и другие стороны этой гипотезы.

В целом юэчжийская проблема получила мощный импульс в результате лингвистических исследований ученых разных стран, в том числе советских, за последние полстолетия. Произошло значительное накопление материала. Появилось множество противоречащих друг другу гипотез и теорий. Объединить все эти сообщения, факты, наблюдения в единую картину пока не удается. По-видимому, создание такой синтетической картины — дело будущего.

Рассматривая все сделанное в этой области, необходимо отметить также прогрессирующее значение, которое приобретают в решении этой проблемы археологические материалы.

Представлению о роли китайско-хуннско-юэчжийских взаимоотношений в событиях, связанных с концом Греко-Бактрии, С. П. Толстов противопоставил свою концепцию: «...В целом завоевание Бактрии «варварами» рисуется как движение племен, прежде всего Приаралья, в южном направлении против их традиционных врагов»²². На наш взгляд, именно события на далеких от Средней Азии территориях действительно привели к вторжению в северные среднеазиатские области больших масс кочевников — юэчжей, что вовлекло в движение еще большие массы среднеазиатских кочевых племен и народов. Началась своеобразная цепная реакция. Однако она смогла протекать со столь значительной интенсивностью лишь потому, что, продолжая это сравнение, в «котле» была достигнута «критическая масса».

Штурм Греко-Бактрии

В 206 г. до н. э., за несколько десятилетий до того, как юэчжи вторглись в Среднюю Азию, полчища кочевников уже стояли у границ Греко-Бактрийского царства. Дальнейшее ослабление этого царства привело, очевидно, к постоянной утрате им северных территорий. В связи с передвижениями, вызванными приходом юэчжей, начался более решительный натиск на Греко-Бактрию. Как реально протекал этот процесс, мы не знаем.

²¹ Еноки К., 1959, р. 227—232.

²² Толстов С. П., 1948 а, стр. 245.

Одно из возможных решений (у которого, так же как и у других, немало уязвимых мест) состоит в следующем. Вытесненные юэчжами саки двинулись через Восточный Туркестан и Памир горными проходами в Северо-Восточную Индию²³. Сидевшие на средней Сырдарье сакарауки захватили Согдиану, а оттуда прошли в Мервский оазис и двинулись на юг — в Сакастан (совр. Систан) и Северо-Западный Индостан. На юг, в Бактрию, передвинулись также большие группировки племен с окраин Ферганы (тохары?) и из Семиречья, а также крыло другой волны кочевников, пришедших из Приаралья.

Китайский посол Чжан-Цянь в 128 г. до н. э. мог уже отметить, что юэчжи покорили Дахя — Бактрию; однако тогда ставка юэчжйского предводителя находилась еще к северу от Аму-дарьи²⁴. По-видимому, на первых порах правители областей Бактрии признали вассальную зависимость от юэчжей; позже, в связи с передвижением юэчжйских войск на юг, была установлена юэчжйская администрация.

Очевидно, прав А. К. Нарайн, который писал, что Греко-Бактрийское царство было атаковано по различным операционным линиям различными народами и в различное время²⁵. В результате Греко-Бактрия пала. В конце II — первой половине I в. до н. э. были захвачены и ликвидированы последние владения греко-бактрийских правителей.

Таким образом, в отличие от Парфии, кочевнический штурм привел к полному крушению Греко-Бактрийского царства.

2. СРЕДНЯЯ АЗИЯ ВО II—I ВВ. ДО Н. Э.

Бактрия и Согд

Захват юэчжами Бактрии привел к ее дальнейшему раздроблению и децентрализации. Первоначально в каждом городе с окружающей местностью были свои правители, оставшиеся от греко-бактрийского времени. Китайские источники сообщают, что в зависимости от правителя юэчжей находилось пять владений. После переселения в Дахя — Бактрию «дом юэчжи... разделился на пять княжеских домов»²⁶. Этот текст наводит на мысль, что территориальное разделение соответствовало, как это было очень часто у кочевников, приходивших и позднее в Среднюю Азию, родоплеменному принципу.

Правители этих владений носили титул, который китайцы

²³ Литвинский Б. А., 1960 а, стр. 8—11.

²⁴ Бичурин, II, стр. 151—152.

²⁵ Narain A. K., 1962, p. 138.

²⁶ Бичурин, II, стр. 184, 227.

передавали словом «хи-хэу» (древнее звучание η hear-goh). Почти несомненно, что это тот самый титул, который позднее на кушанских монетах появляется в форме *yavuga*, а затем попадает к тюркам в форме «ябгу». Как показал Г. Бэйли, этот титул этимологизируется из иранского и должен был означать «вождь»²⁷.

Реальная сетка событий, протекавших во II—I вв. до н. э., практически неизвестна. Единственные данные, которыми мы располагаем, получены при изучении нумизматических и археологических материалов.

Вероятно, уже после крушения Греко-Бактрийского царства на территории Бактрии продолжали обращаться мелкие монеты — оболы с именем греко-бактрийского царя Евкратиды. Монетные находки, сделанные в Южном Таджикистане, показывают, что эти монеты чеканились и при юэчжах — в конце II—I вв. до н. э. При этом они воспроизводят монеты самого Евкратиды с незначительным искажением надписей. Предполагается, что было выпущено несколько серий подобных монет (они найдены в Гиссаре и в Кабадиане)²⁸.

Чрезвычайно важны и другие монеты, чеканенные по образцу одного из последних греко-бактрийских правителей — Гелиокла. Некоторые из них очень близки к монетам Гелиокла, на других появляется отсутствовавшее на монетах Гелиокла изображение коня. Монеты с конем являются более поздними и, вероятно, свидетельствуют о каких-то политических изменениях, может быть о стремлении к консолидации власти в I в. до н. э. Эти монеты найдены в Сурхандарьинской и Гиссарской долинах²⁹, а совсем недавно — в Пархарском районе Таджикистана.

В Согде также продолжали чеканиться монеты, подражавшие греко-бактрийским. Однако в качестве образца были взяты тетрадрахмы Евтидема. Часть этих монет, наиболее близкая к исходному образцу, могла чеканиться (и обращаться) в эпоху, хронологически совпадающую со второй половиной времени существования Греко-Бактрийского царства, когда Согд, возможно, уже освободился из-под власти Греко-Бактрии. Другие, далеко отошедшие от оригинала, могли чеканиться уже после крушения Греко-Бактрии. Эти монеты, по-видимому, связаны с Бухарским оазисом³⁰.

Кроме того, в Согде (и частично в Бактрии) обращались и другие монеты. Очень интересны монеты, на оборотной стороне которых изображен лучник; в греческой надписи — имя селевкидского царя Антиоха, но на лицевой стороне изображен

²⁷ Об этом см.: Литвинский Б. А., 1967 б, стр. 36.

²⁸ Мандельштам А. М., 1966 в.

²⁹ Массон В. М., 1957 б.

³⁰ Массон В. М., 1954.

не он, а местный правитель. Такие монеты найдены в Тал-и Барзу под Самаркандом и в Пенджикенте.

Очень много монет с именем Гиркода, частью с греческими, частью с согдийскими надписями. Р. Гиршман на некоторых монетах предлагает следующее чтение греческой надписи: «[Монета] Гиркода [сына] Ардетра, сакараука». В согдийской легенде он читает имя Артадр (или Аратадр) и «сакараг»³¹. На основании своего чтения этих легенд Р. Гиршман утверждает, что именно сакарауки захватили Согд и осели в нем, причем их могущество возросло благодаря ресурсам этой богатой области. Однако само чтение вызывает серьезные сомнения.

В низовьях Кафирнигана (Бешкентская долина) и в местности Бабышов (на правом берегу Амударьи, между станциями Ташрабат и Мукры) исследованы крупные могильники кочевников. Они расположены на некотором расстоянии от оседло-земледельческих оазисов, в полупустынных оазисах, но вблизи водных источников. Могильники вынесены за пределы ирригационно-орошаемых земель. Таким образом, они как бы занимают командное положение над оазисами. С другой стороны, могильники расположены между переправами, ведущими через Амударью. Все это соответствует представлениям о больших массах населения, перешедших к полукочевому образу жизни при переселении в районы Северной Бактрии.

Раскопанные в долине Кафирнигана могильники дали обильные вещественные находки: предметы вооружения (наконечники стрел, кинжалы и т. д.), украшения, в том числе золотые, керамика и т. д.³² Многие являются несомненно заимствованным или полученным у местного оседлого населения, например типичная бактрийская керамика и др. Это показывает, что процессы культурного взаимодействия с оседлым населением привели к быстрому и широкому вхождению многих элементов бактрийской культуры в быт кочевых завоевателей. Раскопки показали и то, что по своему антропологическому типу пришельцы были очень близки населению северных областей Средней Азии: сакам и усуням Семиречья и Приаралья, причем заметно насаивание монголоидных антропологических черт³³. Однако не исключено, что это памятники не пришельцев, а кочевого населения Бактрии (гипотеза Б. А. Литвинского).

Могильники пришлого кочевого населения были также изучены в Согде. Это, в частности, Куюзазарский и Лявандакский

³¹ Ghirshman R., 1946, p. 111—115; Массон В. М., 1955, стр. 42—43; ИТН, I, 1963, стр. 346—347. О сложности чтения согдийских легенд на монетах этого времени см.: Henning W. B., 1958, S. 26.

³² Мандельштам А. М., 1966 а; 1966 б.

³³ Кияткина Т. К., 1965, стр. 6—8.

могильники³⁴. Их историко-культурное значение очень близко к значению могильников Бактрии. И здесь, в Согде, пришельцы усвоили культуру местного оседлого населения.

Древнеферганское государство Давань

В китайских источниках II—I вв. до н. э. подробно описывается обширная, богатая и густонаселенная страна Давань. Абсолютное большинство исследователей, русских и иностранных, помещают Давань в Фергану. Сложность состоит в том, как объяснить появление названия «Давань», совершенно не похожего на слово «Фергана». Вообще слово «Давань» встречается до III в. н. э. Затем появляется наименование «Бохань» и «Полона» (V в. н. э.), причем указывается, что они соответствуют древней Давани. Полона — это, безусловно, китайская транскрипция слова Фергана³⁵. Что же касается Давани, то здесь, как указывалось, предложено объяснение, что так китайцы называли страну, название которой было связано с тохарами (*Taxwar).

По сведениям, полученным в Китае в конце II в. до н. э., население Ферганы составляло 300 тыс. человек. Однако переписи тогда не проводилось и методы приближенных оценок также не были выработаны. Следовательно, эта цифра — просто впечатление путешественника, а не результат точной информации. В Давани имелось много городов и крупных поселений (источники называют цифру 70). Главным городом был Эрши.

Как сообщается, «жители имеют впалые глаза и густые бороды; искусны в торговле... Уважают женщин. Что скажет жена, муж не смеет не выполнить»³⁶.

Давань описывается как страна высокоразвитого сельского хозяйства. Здесь имелись большие виноградники. Изготавливалось вино, хранившееся по несколько десятков лет. Высеивалась люцерна («трава му-су»).

Особенно славились ферганские кони. Среди них известны аргамачи, которые составляли предмет вождения аристократии соседних стран. Китайцы особенно мечтали о тех ферганских конях, которые «потели кровью»³⁷. Они считали их небесными конями, на которых можно доскакать до «страны бессмертия». Особенно жаждал получить потокровных коней ханьский император Ву-ди, маниакально искавший способов стать

³⁴ Обельченко О. В., 1956; 1961.

³⁵ Р'о-ю-па восходит в китайской традиции к источникам, датированным 436—437 гг. (Pelliot P., 1934, p. 41).

³⁶ Бичурин, II, стр. 161—162, 188.

³⁷ Там же, стр. 161—162, 186—188.

бессмертным. Эти ферганские кони стали объектом поклонения и почитания в Китае. Дело дошло до того, что поэты стали посвящать им оды. Однако этим коням требовалось не восхищение, а лечение: то, что воспринималось как признак божественности, — их потоковривость — на самом деле было результатом проедания кожи паразитами.

Китайские императоры пытались покорить Давань. Народу Давани пришлось выдержать тяжелую многолетнюю войну с захватчиками. В 104 г. до н. э. в Давань было отправлено китайское войско, состоявшее из 60 тыс. конницы, а в качестве вспомогательных сил было добавлено, как пишет китайский источник, «несколько десятков тысяч молодых воинов из Китая». Не добившись успеха, жалкие остатки китайской армии вернулись назад. Затем был совершен второй поход, в который направилось шестидесятитысячное войско в сопровождении вспомогательных частей. Ферганцы под руководством своего царя Мугуа храбро сражались с захватчиками. И хотя в этой борьбе они понесли большие потери и погиб в результате измены сам Мугуа, захватчики в конечном итоге вынуждены были уйти. Преемственность политики, которую проводил Мугуа, была обеспечена тем, что на престол был возведен его младший брат³⁸.

Итак, народ Ферганы, поддержанный соседними среднеазиатскими народами, сумел противостоять ханьской экспансии и отстоять свою независимость.

Северные области и народы

Одним из народов, который в тяжелый час пришел на помощь ферганцам, были кангюйцы, жители Кангюя (древнее звучание khâ ŋkiâh). Источники сообщают о Кангюе довольно подробные сведения. С одной стороны, Кангюй граничил с Даванью, т. е. Ферганой. По-видимому, это была его юго-восточная граница. На юге Кангюй граничил с юэцжами. На северо-западе владения Кангюя простирались до Яньцай, т. е. приаральских сармато-аланских племен, которые находились в зависимости от Кангюя³⁹.

Кто же были эти кангюйцы? Где находился центр их обширных владений? Точка зрения С. П. Толстова о тождестве Кангюя и Хорезма⁴⁰, получившая довольно широкое распространение в нашей историографии, долго считалась вполне приемлемой. Однако тщательное изучение источников и ознакомление

³⁸ Бичурин, II, стр. 163; I, стр. 162—167; 1963 б, стр. 350—351.

³⁹ Бичурин, I, стр. 150, 165, 186, 229.

⁴⁰ Толстов С. П., 1948 а, стр. 20—26.

с результатами новейших исследований приводит к заключению, что его точке зрения противоречит множество фактов.

Летовки кангюйцев располагались, скорее всего, вдоль Сырдарьи, а резиденция правителей Кангюя помещалась в районе Ташкента. Таким образом, ядро Кангюя располагалось на средней Сырдарье. Отсюда ясно, почему кангюйцы могли прийти на помощь ферганцам в их борьбе с китайцами. Хорезм же находился на далекой периферии владений, оказавшихся под влиянием Кангюя.

Этническая принадлежность кангюйцев вызывает споры ученых. Существует точка зрения, что они тюрки. Другие доказывают, что кангюйцы принадлежат к числу носителей тохарских языков. Вероятнее, однако, что они были ираноязычным народом, потомками и наследниками сырдарьинских саков.

Источники называют кангюйцев «кочевым народом». Сообщается также о том, что по обычаям Кангюя «совершенно сходство с Яньдай». Но у Яньдай «народ живет внутри глиняных стен». Действительно, на территории, входившей в Кангюй, было очень много поселений⁴¹.

Как явствует из письменных источников, Кангюй был могущественным государственным объединением. В период максимального расцвета, в I в. до н. э., он имел 120 тыс. войска. Кангюй проводил самостоятельную внешнюю политику и оказывал помощь своим соседям в их борьбе против иноземных захватчиков. В мирное время он ясно демонстрировал представителям ханьского двора, сколь мало считается с ним. С отчаянием они доносили: «Кангюй...горд, дерзок»⁴².

Дальнейшая история Кангюя мало известна. Еще в 270 г. н. э. он направлял посольства за рубежи Средней Азии. Позже его могущество окончательно падает и он входит в состав Эфталитского государства.

Археологические исследования средней Сырдарьи установили, что там имеется множество могильников и поселений. Среди последних первоначально было исследовано (Г. В. Григорьевым) поселение Каунчи около Янги-Юля. Рядом с ним находится Джунский могильник. Специалисты-археологи называют культуру средней Сырдарьи последних веков до н. э.— первых веков н. э. каунчинско-джунской. Основной ареал ее потом расширился, доходя до Карамазарских гор и Самарканда. Эта культура и есть культура Кангюя. По своему происхождению она безусловно местная. Среди верований кангюйцев на основании археологических данных выявляется верование в Фарн — божество, входившее в зороастрийский пантеон. Это божество

⁴¹ Литвинский Б. А., 1968.

⁴² Бичурин, II, стр. 184—185.

являлось охранителем и покровителем правителей, а вместе с тем дома, семьи, здоровья. Оно олицетворялось, в частности, в образе барана. Именно поэтому жители Кангюя делали ручки своих сосудов зооморфными — в виде барана (пережитки этих представлений сохранились у таджиков до наших дней)⁴³.

Усунь (древнее звучание *O-swæn) — большое кочевое образование на северо-востоке Средней Азии и в Восточном Туркестане. Согласно легенде, усунь первоначально якобы жили в Монголии, затем переселились на запад. Правитель усуней назывался куньмо (кун-баг — «князь над племенами»). Усуни, рассказывает легенда, жили в Монголии, и куньмо Нань-доу-ми управлял ими. Позже усунь подверглись нападению юэчжей. Нань-доу-ми был убит. Усуни откочевали к хуннам, надеясь найти у них защиту (другой вариант — хунны сами убили усуньского предводителя). У убитого куньмо остался новорожденный сын. Однажды опекун новорожденного «запеленал младенца и оставил его в траве, а сам ушел в поисках пищи. А когда он вернулся, то увидел, что волчица кормит его своей грудью, а ворон парит над ним, держа в клюве мясо. [Опекун] счел его духом и, взяв на руки, унес к хунну. [Хуннский] шаньюй полюбил и воспитал его. А когда куньмо достиг зрелости, он вернул ему народ его отца и послал возглавлять войско». Окрепнув, он в конце концов напал на переселившихся на запад юэчжей и, мстя за смерть своего отца, разгромил их⁴⁴.

«Усуни не занимаются ни земледелием, ни садоводством, а со скотом перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде», — сообщает источник. В I в. до н. э. китайцы полагали, что количество усуней превышает 600 тыс. Это было одно из сильнейших среднеазиатских владений, перед которым заискивал Китай.

Большую роль играли представители знати. Об их богатстве дает представление факт, что у них имелись громадные стада скота, одних лошадей — по 4—5 тыс. голов. Взрослые сыновья правителя имели свои уделы, и при решении государственных дел куньмо не был единовластным.

Возведение на престол нового куньмо осуществляли «старейшины»⁴⁵.

Последние сведения об усунях содержатся в отчете посланника Дун Дина, посетившего их столицу «Город Красной долины» в 435 г. В то время усунь подвергались сильному натиску

⁴³ Григорьев Г. В., 1948; Тереножкин А. И., 1950 б, стр. 158—160; Литвинский Б. А., 1968.

⁴⁴ Бичурин, II, стр. 155—156. Разбор вариантов легенды о происхождении усуней см.: Зуев Ю. А., 1960, стр. 121—124; Pulleyblank E. G., 1970, p. 154—160.

⁴⁵ Бичурин, II, стр. 190—198.

со стороны аваров, а затем окончательно потеряли свою политическую независимость⁴⁶.

На Тянь-Шане и в Семиречье раскопано множество усуньских могильников⁴⁷. Полученный при этих раскопках материал позволил во многом уточнить и яснее представить историю и культуру усуней. Отметим лишь, что сведения письменных источников о приходе усуней с востока не следует понимать слишком буквально. По-видимому, в Среднюю Азию переселилось относительно небольшое племя. Основная же часть племенного союза, известного в истории под названием «усуни», представляет дальнейшую трансформацию местного сакского населения.

Усуни занимались, разумеется, не только скотоводством. Им было известно ремесло и земледелие. Можно считать, что усунь, как и саки, занимали значительные территории Восточного Туркестана.

Парфия. Победа Парфии над Римом

Могущество Парфии необычайно усилилось при Митридатe II. После его смерти (88/7 г. до н. э.) Парфия вначале терпела неудачи. В это время Рим проводит чрезвычайно агрессивную политику на Востоке. В качестве границы между Парфией и Римом обе стороны признали р. Евфрат. Однако агрессивные действия римлян неизбежно приводили их к столкновению с парфянами, которые также отнюдь не отличались миролюбием. Первые стычки произошли в 65 г. до н. э., и римляне одержали в них полную победу.

В 54 г. до н. э. Рим начал подготовку к большому походу против Парфии. Римскими войсками командовал известный полководец Красс, который, однако, совершенно не знал театра военных действий и не был знаком с парфянской тактикой. Основное парфянское войско во главе с царем Ородом II (ок. 58—39 гг. до н. э.) вторглось в Армению, где парфяне ожидали появления войск Красса. Но Красс двинулся по равнине на Месопотамию. Он не учел при этом, что парфянская конница именно на равнине наиболее опасна. Римское войско переправилось через Евфрат и, завладеваемое парфянами, совершило трех-четырёхдневный переход в глубину пустынной местности. Парфянский полководец Сурена прекрасно подготовился к встрече. Помимо обычных конных отрядов в его распоряжении была тысяча катафрактариев — закованных в броню всадников. Он заранее запас громадное количество стрел.

⁴⁶ Зуев Ю. А., 1960, стр. 121.

⁴⁷ Воеводский М. В., Грязнов М. П., 1938; Бернштам А. Н., 1950, 1952; Кибиров А. К., 1959; Акишев К. А., Кушаев Г. А., 1963.

9 мая 53 г. до н. э. близ города Карры парфяне атаковали вторгшихся римлян. Перед сражением раздался гром парфянских боевых барабанов. Устрашив римлян этими звуками, — пишет Плутарх (Марк Красс, 24), — парфяне вдруг сбросили с доспехов покровы и явились перед ними пламени подобными, сами в шлемах и латах из маргианского ослепительно ярко сверкавшего железа, кони же их в латах медных и железных. Явился и сам Сурена, огромный ростом и красивейший из всех... Парфяне, расположившись рассыпным строем, начали издали со всех сторон пускать стрелы, почти не целясь (римляне стояли так скученно и тесно, что трудно было и умышленно промахнуться) и наносили им тяжелые, сильные удары из своих тугих больших луков, круто сгибая их, дабы придать стреле большую силу. При таких условиях положение римлян становилось уже бедственным...».

Тогда Красс бросил в атаку лучшую часть римского войска, поставив во главе своего сына. Парфяне начали отступать. Когда же, преследуя парфян, римский отряд удалился на большое расстояние, он был окружен парфянами и истреблен.

Ночью римские войска начали поспешное бегство. Но это не спасло их. В конце концов почти все они были перебиты или взяты в плен. Красс погиб. Его отрубленная голова, как военный трофей, была доставлена Ороду II⁴⁸.

Пленные римляне, по некоторым источникам, были поселены в области Мерва. Здесь римские легионеры обзавелись семьями, служили в парфянском войске (Гораций, «Оды», III, 5, 5). Часть из них, по-видимому, пробила на северо-восток, в Семиречье⁴⁹. В одном из нисийских документов зафиксировано поступление вина от начальников тагм, причем названы их (парфянские) имена. «Тагма» — греческое слово, в римское время обозначавшее легион.

И. М. Дьяконов и В. А. Лившиц думают, что в нисийском документе нашло отражение поступление вина от посаженных на землю в Восточной Парфии римских легионов⁵⁰. Эта догадка чрезвычайно остроумна, однако она не является бесспорной — не исключено проникновение в парфянский язык этих терминов в процессе римско-парфянских контактов (а может быть, это результат заимствования прямо из греческого, где этот термин обозначал «строй», «отряд войска»).

При царе Покоре в 40 г. до н. э. парфяне даже захватили Сирию и Палестину, под их влиянием оказалась Малая Азия. Правда, вскоре Рим вернул себе эти области. Однако главное не это: Парфия в I в. до н. э. являлась грозной соперницей Рима, парфянские войска не раз громили римские легионы.

⁴⁸ Подробное изложение см.: Бокщанин А. Г., 1949.

⁴⁹ *Dubs H. N.*, 1957.

⁵⁰ Дьяконов И. М., Лившиц В. А., 1966, стр. 150—151.

3. КУШАНСКОЕ ЦАРСТВО

Начальный период Кушанского царства

Среди монет, распространенных на территории Бактрии и Согда, имеется группа монет, на лицевой стороне которых изображен бюст мужчины с царской повязкой в волосах. На оборотной стороне — царь-всадник, сзади к нему подлетает богиня Ника. На той же стороне надпись из четырех слов греческим письмом. Первое слово — «правлящий», причем здесь применено производное от греческого термина «тиран», который в то время мог означать зависимого (а не верховного) правителя. Затем идет имя этого правителя — Герай (такое чтение традици-

Монета Герая
(лицевая сторона)

онно, но не исключены и другие). Имеется еще одно имя или титул, значение которого пока неясно. Четвертое слово — это передача греческими буквами слова «кушан». Как показал исследовавший эти монеты известный нумизмат А. Н. Зограф, их тип продолжает тип монет Евкратида и может датироваться серединой I в. до н. э.⁵¹

Мы не имеем никаких сведений в письменных источниках о личности чеканившего эти монеты «правлящего Герая», который обозначается как «кушан». Но последнее обозначение проливает свет на принадлежность этого правителя. В китайских исторических хрониках содержится рассказ о том, как юэцжи, переселившись в Дахя — Бактрию, разделились на пять вассальных владений, одно из которых называлось Гуйшуан. «По прошествии с небольшим ста лет гуйшуанский князь Киоцзюкю покорил прочих четырех князей и объявил себя государем под названием Гуйшуанского. Он начал воевать с Аньси, покорил Гаофу, уничтожил Пуду и Гибинь и овладел землями их. Киоцзюкю жил более 80 лет. По смерти его сын Яньгаочжень полу-

⁵¹ Зограф А. Н., 1937.

чил престол и еще покорил Индию, управление которой вручил одному из своих полководцев. С сего времени юэджи сделались сильнейшим и богатейшим домом. Соседние государства называли его гуйшуанским государем, но китайский двор удерживал прежнее ему название Большой Юэджи»⁵².

Гуйшуан (точнее *kiwäi-sian*)⁵³ — это китайская транскрипция термина «кушан», известного по надписям на монетах. Итак, Герай являлся первым правителем из этой кушанской династии вероятно в то время, как эта династия только начала свое возвышение. Он, возможно, был предком (отцом или дедом) упоминающегося в монетах кушанского правителя Кноцзюю.

Кушанские монеты в большом количестве встречены на территории Средней Азии, Афганистана и Индии. Они представляют важнейший источник по истории Кушанского государства. Очень существенны также индийские надписи, в которых фигурируют имена кушанских царей. Кое-какие данные о деятельности кушанских царей сохранились, помимо китайской, также в индийской и тибетской исторической традиции. Все это очень фрагментарно, трудно сопоставимо друг с другом и противоречиво.

Проблема кушанской хронологии

Камнем преткновения остается проблема кушанской хронологии, которую ученые оживленно обсуждают вот уже на протяжении 100 лет. Казалось бы, отправным пунктом должны были служить найденные в Индии и Пакистане надписи с именами кушанских царей. На многих из этих надписей имеются даты, но они не содержат указания, к какой эре они относятся. Не исключено, что хронологические обозначения на надписях исчислены в двух или нескольких эрах. Хорошо известно, что в Индии параллельно существовало несколько эр: эра, начинающаяся с нирваны Будды, эра Викрама — *Vikramāditya Samvat* (57 г. до н. э.), эра Сāка — *Sāka-kāla* (78 г. н. э.) и др. Ученые высказывали догадки, что в древней Индии хронологические исчисления велись и по иноземным эрам: селевкидской⁵⁴, а также парфянской и др. Кроме того, есть предположения, что в кушанское время события могли исчисляться от многих дру-

⁵² Бичурин, II, стр. 227—228. Перевод Э. Шаванна практически идентичен с бичуринским (*Chavannes E.*, 1907, p. 190—192), как и перевод Э. Пуллейбленка (*Pulleblank E. G.*, 1966—1968, p. 1).

⁵³ *Pulleblank E. G.*, 1962, p. 118.

⁵⁴ *Cunningham A.*, 1883; *Sircar D. C.*, 1965, p. 219—235; «The Age of Imperial Unity», 1951, p. 154—158.

гих дат, например от даты вторжения юэчжей в Бактрию, начала правления некоторых правителей и т. д. Сложность состоит еще и в том, что в древней Индии существовала практика не обозначать сотни или тысячи лет, а лишь десятки и единицы.

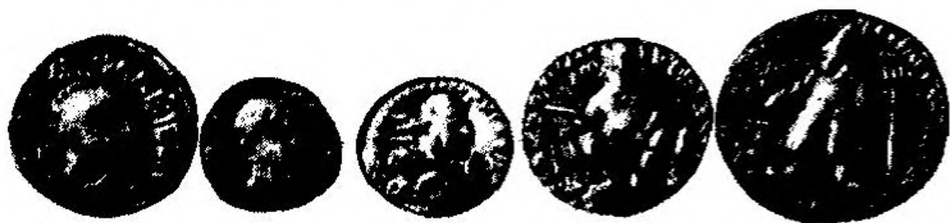
Эру Канишки — самого знаменитого из кушанских царей, английский исследователь Э. Томас в 1874 г. предлагал связывать с селевкидской (312 г. до н. э.), но в надписях, связанных с этой эрой, считать пропущенными число сотен, а именно «три» (сотни). Тогда Канишка должен был бы, учитывая новейшие находки надписей, начинать свое правление в 9 г. до н. э. Крупнейший знаток археологии и нумизматики Индии А. Каннингэм колебался между эрой Викрама, датой по селевкидской эре и др. Д. Фергюссон в 1884 г. выдвинул идею, что время Канишки начинается с эры Сака — 78 г. н. э. Ее принял впоследствии и А. Каннингэм. Эта дата затем получила очень широкое распространение в литературе. Один из самых авторитетных эпиграфистов и исследователей хотано-сакского языка С. Конов, скрупулезно изучивший все источники по этому вопросу, никак не мог прийти к какой-то единой точке зрения. Он в качестве начальной точки правления Канишки называл 128/29, 130, 134, 138 гг. н. э. Привлекая астрономические указания в надписях, он делал попытки уточнить (с помощью специалистов-астрономов) эту дату, но к однозначному выводу не пришел. В конце концов он высказал мнение, что правление Канишки началось около 200 г. н. э. Эти колебания и поиски такого крупного исследователя сами по себе показывают, сколь сложна эта проблема. Наряду с вышеприведенными датами выдвигались и многие другие. В частности, Р. Гиршман предложил 144 г. н. э.⁵⁵

В 1902 г. были опубликованы статьи индийского исследователя Д. Р. Бхандаркара. Анализируя факты истории кушан на фоне индийской истории с привлечением индийских надписей, связанных с кушанами, он сделал звучащие совершенно парадоксально выводы. Суть его аргументации сводилась к следующему. По его мнению (оно отражало тогдашний уровень науки), существовала следующая последовательность правления кушанских царей: Куджула Кадфиз Куджула Кара Кадфиз, Безымянный царь и Вима Кадфиз. Надпись в Панджтаре, датируемая 123 г. неизвестной эры, где фигурирует кушанский правитель, но без имени, Бхандаркар считал связанной с Куджулой Кадфизом. Условно он принимал, что тот начал править на 3 года раньше, т. е. в 120 г. неизвестной эры. Каждого из четырех вышеназванных царей он наделял двадцатилетним

⁵⁵ Прекрасные обзоры см.: *Van Lohutzen-de Leeuw J. E.*, 1949; p. 1—72; *Ghirshman R.*, 1957, p. 690—722; *Rosenfield J. M.*, 1967, p. 253—258; *Narain A. K.*, 1968. Наиболее полный обзор см.: *Зеймаль Е. В.*, 1968 а.

сроком правления, всего получилось 80 лет, и правление Вимы Кадфиза должно было закончиться в 200 г. неизвестной эры. Надписи с именами Канишки, Хувишки, Васудевы, известные в то время, были датированы от 5 до 98 г. неизвестной эры. Исследователь счел, что это та же самая эра, но с пропуском сотен, т. е. правление этой группы царей началось в 205 и окончилось в 298 г. неизвестной эры. В качестве начального пункта этой эры он предлагал принять так называемую сакскую эру (устанавливаемую по другим источникам) — это 78 г. н. э. Простой пересчет давал для 205 г. неизвестной эры (начальная известная тогда надпись) 283 г. н. э. как начало правления Канишки. Бхандаркар пытался доказать также, что именно при таком хронологическом определении кушанская история наиболее четко «вписывается» в рамки истории Индии⁵⁶.

Монеты кушанских царей

Нетрудно заметить слабые места этой гипотезы. Оказался ошибочным тот перечень правителей, из которого исходил Бхандаркар. Совершенно произвольно допущено, что каждый из них правил 20 лет (Куджула Кадфиз, кстати, судя по китайским источникам, мог править значительно больше).

Сейчас произошло значительное накопление материала. В надписях, известных в настоящее время, имеется перерыв с 200 по 299 г. неизвестной эры. В надписи 187 (или 184) г. упоминается Вима Кадфиз⁵⁷. По нумизматическим данным, вслед за Кадфизом царствовал Канишка, однако надписи с именем Канишки начинаются надписью, датированной первым годом (?), затем следует надпись, датированная вторым годом, и т. д. — вплоть до 23 г.; Васишка — 24—28 годы, Хувишка — 28—60 годы; Канишка II — 41 год; Васудева — 64 или 67—98 годы неизвестной эры⁵⁸. Весь вопрос заключается в том, какую имен-

⁵⁶ Bhandar'kar D. R., 1902, p. 269—302, 385—386.

⁵⁷ Впрочем, высказывалось мнение, что отождествление имени в этой надписи с именем царя сомнительно — это не Вима Кадфиз, а какой-то кушанский наместник (Sircar D. C., 1963, p. 139); по Рапсону, это имя местного правителя горной области.

⁵⁸ Marica A., 1958, p. 386—393; Rosenfield I., 1967, 1968 а, p. 264—273; Зеймаль Е. В., 1968 а, стр. 18—23, 32—47 (полный перечень надписей).

но эру имели в виду составители надписей Канишки и последующих царей.

Так, в частности, один из ведущих экспертов по этой проблеме, голландский профессор Лохвизен де Леев, детальнейшим образом исследовав весь имеющийся материал, пришла к заключению, что «при современном уровне знаний следует признать, что первый год эры Канишки должен или совпадать или быть несколькими годами позже, чем 200 год старой эры». Исходя из идеи о «совместимости» эр, в качестве начальной точки она приняла 129 г. до н. э. При этом начало правления Канишки приходится на 78 г. н. э.⁵⁹

К мнению о 78 г. н. э. как начале правления Канишки приходят на основании этих и иных материалов и некоторые другие ученые⁶⁰.

Скрупулезный палеографический анализ, проведенный пакистанским ученым А. Дани⁶¹, позволяет сделать заключение, что «совместимость» эр не противоречит, а подтверждается палеографией надписей. Это очень весомый, хотя также не решающий аргумент — индийская палеография не настолько разработана; чтобы на ее основании можно было бы с уверенностью судить о десятилетиях.

Однако существуют (мы писали об этом выше) и другие системы датировки, относящие начало правления Канишки к 103 г. н. э. (Нарайн), 128/29 г. н. э. (Д. Маршалл), 144 г. н. э. (Р. Гиришман), около 200 г. (последняя точка зрения С. Конова), 235/36 г. (Р. Гёбль), 248 г. (Р. Маджумдар).

Недавно советский исследователь Е. В. Зеймаль выступил с развернутой аргументацией в пользу гипотезы Бхандаркара, согласно которой все даты правления кушанских царей становятся максимально поздними.

⁵⁹ Van Lohuizen-de Leeuw J. E., 1949, p. 63—65, 1—72, 302—387, табл. А. В.

⁶⁰ Sircar D. C., 1960, p. 185—188.

⁶¹ Dani A. H., 1968, p. 1—3.

Помимо надписей, найденных в Индии и Пакистане, он привлек нумизматические данные. Модифицированная Е. В. Зеймалем на основе идеи Бхандаркара схема относительной хронологии выглядит следующим образом (в квадратных скобках — восстановлены цифры сотен, отсутствующие в надписях)⁶².

Имена правителей	Годы по надписям	Годы по н. э.
Куджула Кадфиз	около 100—160	178—238
Вима Кадфиз	> 160—200	238—278
Канишка I	> [2]00—[2]23	278—301
Васишка	[2]24—[2]28	302—306
Хувишка	[2]28—[2]60	306—338
Канишка II	[2]41	319
Васудева	[2]64—[2]98	342—376

Нетрудно видеть, что начальная дата правления Куджулы Кадфиза основывается на дате, принятой Бхандаркаром. Что же касается 160 г., — он совершенно условен и для выбора этой даты, по-видимому, сыграла роль длительность жизни этого правителя, отмеченная письменными источниками.

Единственная отправная точка для установления относительной датировки правления Вимы Кадфиза — упоминание его в надписи 184/187 г., а ранний предел (160 г.) связан с верхней (совершенно условной) границей его предшественника Куджулы Кадфиза. Конец правления Вимы Кадфиза как 200 г. вытекает из допущения, что с 200 г. или 201 г. (т. е. с 278 г. н. э.) начинается правление Канишки I. Последнее опирается лишь на гипотезу Бхандаркара о «совместимости» (после вставленного обозначения сотен) всех этих дат.

Таким образом, хотя модифицированная Е. В. Зеймалем схема Бхандаркара выглядит значительно более логичной и стройной, главная ее слабость — недоказанность посылки о «совместимости» дат (несмотря на палеографические аргументы А. Дани) — не снята⁶³. Столь же спорным остается мнение, что начальный пункт кушанской хронологии — это 78 г. («сакская эра»).

Е. В. Зеймаль выдвинул несколько дополнительных важных аргументов в пользу гипотезы Бхандаркара. Для некоторых персонажей и деталей кушанских монет он усматривает прототипы в римском чекане. В частности, для кушанских монет Хувишки он находит прототипы в римском чекане времени со второй четверти III до первого десятилетия IV в. Так как в кушанском чекане эти особенности могли появиться лишь

⁶² Зеймаль Е. В., 1964, стр. 40—46; 1965, стр. 4—6; 1968 б.

⁶³ Один из ведущих современных эпиграфистов Д. Сиркар (Индия) категорически отрицает возможность того, что в датах надписей по эре Канишки пропущены сотни, как и всю идею «совместимости» эр (Sircar D. C., 1960, p. 249—250; см. также: Mukherjee B. N., 1967, p. 107, 110, 117).

после того, как они были разработаны в римском, соответствующие кушанские монеты Хувишки должны относиться к первой половине IV в. или же к более позднему времени. Именно это Е. В. Зеймаль считает аргументом в пользу 78 г. как начальной даты неизвестной эры, так как тогда Хувишка должен был бы править [(78 + 228) — (78 + 260)] в 306—338 гг. н. э. Вторым нумизматическим аргументом, на который опирается Е. В. Зеймаль, является предложенная В. Г. Лукониным датировка кушано-сасанидских монет (чеканенных по типу монет Васудевы и, следовательно, после него) и, соответственно, крушения кушанской империи — 70—80 гг. IV в. В этом плане привлекаются и истолковываются также иранские, китайские и индийские источники⁶⁴.

Гипотеза Бхандаркара — Зеймаля при всей ее привлекательности остается пока лишь гипотезой. Те же самые нумизматические материалы истолковываются Р. Гёблем как свидетельство в пользу его хронологической схемы, даты которой почти на полстолетия «старше», чем в вышеприведенной⁶⁵.

Хотя история Кушанского государства развевалась на огромной территории, сопрягалась с историей ханьского Китая, сасанидского Ирана, государств Индии, бесспорными синхронизмами мы не располагаем. Приведем один пример.

По китайской исторической хронике 5 января 230 г. в Китай прибыло посольство от Po-t'iao — царя юэчжей. Еще Э. Шаванн признавал это имя вероятной китайской передачей имени Васудевы, но считал невозможным приурочивать именно к тому кушанскому царю Васудеве, который правил позже Канишки и Хувишки.

Следуя Карлгрену, это имя должно было, собственно, звучать *Puā-d'ieu. Обычно начальное китайское *p* передает в иностранных словах звуки *p* или *b*; здесь оно улоблено для передачи звука *v*. П. Пелье искал выход из положения, предлагая принять, что в текст следует внести изменение и читать Виā-d'ieu. Он все же принимал сопоставление с Васудевой, но не без сомнения, с вопросом. Э. Пуллейблэнк считает поправку возможной, он склоняется к мысли, что это все же Васудева, хотя и не утверждает с определенностью, вновь поднимая вопрос, какой именно Васудева, — это имя могло быть распространено в кушанском царском роде и его могли носить несколько лиц⁶⁶.

Для решений этой сложнейшей проблемы исследователи неоднократно привлекали помимо перечисленных выше и дру-

⁶⁴ Зеймаль Е. В., 1968 б; Луконин В. Г., 1967, стр. 16—40.

⁶⁵ См.: Göbl R., 1964, S. 7; 1967.

⁶⁶ Pelliot P., 1934, p. 40; Harmatta J., 1965; Pulleyblank E. G., 1966—1968, p. 121.

гие материалы и наблюдения: совместные находки в кладах или в археологических слоях кушанских и римских монет, данные о местных индийских (и восточно-туркестанских) чеканах, археологические материалы из памятников, где обнаружены кушанские монеты или надписи, произведения искусства, неясные свидетельства индийской и тибетской традиции и т. д. Однако и все это отнюдь не допускает однозначного истолкования.

В 1913 и 1960 гг. в Лондоне проводились симпозиумы по датировке правления Канишки. Детально и глубоко эта проблема обсуждалась на Международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху (Душанбе, 1968). И вновь исследователи не смогли прийти к единой точке зрения.

Представляется, что имеющихся сейчас материалов все еще недостаточно даже для принципиального решения вопроса о предпочтительности той или иной хронологической схемы, можно подобрать доводы и разработать вполне логичные доказательства для любой схемы, в которой начало правления Канишки будет относиться к любому году начиная от второй половины I в. н. э. и до второй половины III в. н. э. В связи с этим свидетельства ряда индийских надписей, китайских и западных источников о тех или иных событиях, имевших место в Кушанском государстве, современные историки относят к правлению то одного, то другого царя, по удачному выражению индийского ученого Б. Н. Пури, «пытаясь поселить их на блуждающих островах кушанской хронологии». Книга самого Б. Н. Пури «India under the Kushanas»⁶⁷, являющаяся полезной сводкой материала, вместе с тем наглядно показывает, что для решения многих вопросов кушанской истории наука пока не располагает объективными критериями.

Территориальные захваты

«Гуйшуанский князь Киоцзюкю» (в древности, по П. Пельо, это имя звучало как K'iaudz 'iaü kiär) китайских источников соответствует кушанскому царю Куджуле Кадфизу монетных легенд (первые две части китайского имени передают — «Кудзула» последняя — «Кадфиз») ⁶⁸. Итак, мы знаем, что он воевал с Аньси, т. е. с Парфией. Далее сообщается, что этот правитель покорил Гаофу (или Каофу), т. е. Кабул. Однако об этом владении мы узнаем, что оно до того было в зависимости от Аньси, и, лишь нанеся поражение Аньси, юэцжи (кушане)

⁶⁷ Puri B. N., 1965.

⁶⁸ Pelliot P., 1934, p. 39. Аналогичную форму дает Б. Карлгрен (см.: Коллов S., 1933, p. 27—28).

захватили Гаофу⁶⁹. (Отсюда можно предположить, что кушане на этом этапе столкнулись не с собственно Парфией, а с полунезависимыми восточнопарфянскими правителями и нанесли им поражение.). Затем был нанесен удар по Пуду, что в древности звучало b'uok-d'at и могло отражать, как считал уже И. Маркварт, этноним пактии (Геродот, IV, 44; VII, 67; Гекатей, фр. 178)⁷⁰.

Наиболее сложен вопрос с Гибинью. В ее локализации мы следуем итальянскому ученому Л. Петечу, который считает, что это северо-западная часть Индостана: область Гандхары и Западного Пенджаба⁷¹.

Таким образом, уже при Куджуле Кадфизе, которого чаще называют Кадфизом I, Кушанское государство значительно расширилось. Оно вышло за пределы Бактрии и стало охватывать многочисленные области и народы.

Кое-какие данные по истории кушан в правление Кадфиза I можно извлечь из монет⁷². Имеется группа монет, на лицевой стороне которых портрет одного из самых поздних греко-бактрийских правителей Гермея и надпись с его именем. На оборотной же стороне — фигура Геракла и надпись. «Куджулы Кадфиза, ябгу кушан, стойкого в вере». Некоторые исследователи (например Д. Сиркар, А. Симонетта, В. М. Массон) считают, что эти монеты отражают ситуацию, которая первоначально сложилась при продвижении Кадфиза I в горных районах Центрального Афганистана, где он вынужден был временно признать главенство греко-бактрийского царька Гермея; в совместно выпущенных монетах греко-бактрийский правитель был помещен на лицевой стороне⁷³. Однако существует и другое мнение, что это не совместный чекан, а воспроизведение Кадфизом I более ранних монет с изменением и введением своего имени. По В. В. Тарну, это было связано с тем, что один из предков Кадфиза был якобы женат на дочери или сестре Гермея, и монеты с двумя именами отражали наследственные претензии Кадфиза I. Однако эти родственные связи не доказаны. Другие ученые (Рапсон, Бахофер, Нарайн) исходят из такой же предпосылки, но в более реалистическом варианте, а именно, что Кадфиз I продолжил чекан монет Гермея, внося туда

⁶⁹ Бичурин, II, стр. 228.

⁷⁰ *Petech L.*, 1950, p. 69; Ср.: Массон В. М. и Ромодин В. А., 1964, стр. 68.

⁷¹ *Petech L.*, 1950, p. 69—70.

⁷² *Cunningham A.*, 1892, p. 6—8, 25—28 и последующие сводки, публикации и исследования кушанских монет.

⁷³ *Sircar D. C.*, 1953, p. 138; *Simonetta A. M.*, 1958, p. 171; Массон В. М., Ромодин В. А., 1964, стр. 158—159.

свое имя потому, что эти монеты были наиболее широко распространены в данной местности⁷⁴.

Итак, пока невозможно решить, при каких обстоятельствах были чеканены эти монеты.

Исследование других монет, чеканенных Кадфизом уже только от своего имени, показало постепенное изменение титулатуры: от ябгу («предводителя», «вождя») до «великого царя» и даже «царя царей»⁷⁵.

По-видимому, рост территорий, усиление власти влекли за собой увеличение амбиции: за свое, впрочем очень длительное, правление Кадфиз I из правителя небольшой области превратился в монарха, которому повиновались многие страны и народы.

О присоединении Кадфизом I части территории Северо-Западного Индостана, помимо письменных источников, свидетельствуют обильные находки там его монет. Лишь на городище Таксилы (Сиркап) их найдено 2500. Количество же находок в Средней Азии невелико. В Таджикистане монеты этого царя найдены в Шахринау, Душанбе, Кабадиане⁷⁶, Хороге и др.

Монеты с именем Кадфиза I чеканились только из меди. Наиболее раннюю группу этих монет составляют, по мнению Е. В. Зеймалю, те, что подражают монетам Гермейя. Среди монет Кадфиза I имеются подражающие раннеимператорским римским монетам⁷⁷.

Имеется еще одна большая группа монет без имени правителя, но с титулом «царь царей, великий спаситель» («сотер мегас»). Их находки в Средней Азии относительно малочисленны; они найдены и в разных пунктах Таджикистана. На основании ряда соображений некоторые ученые (М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова, А. К. Нарайн) полагают, что эти безымянные монеты чеканил Кадфиз I⁷⁸. Такая гипотеза очень заманчива, но возникают пока непреодолимые нумизматические трудности. А. Симонетта полагает, что царь, чеканивший эти монеты, правил одновременно с Кадфизом II, но был устранен этим

⁷⁴ Tarn W., 1951, p. 503—507; Narain A. K., 1968, p. 160—162; Rosenfield J. M., 1967, p. 12—13.

⁷⁵ Marquart J., 1901, S. 208—209.

⁷⁶ Зеймаль Е. В., 1960, стр. 115—116.

⁷⁷ Göbl R., 1968; Зеймаль Е. В., 1965, стр. 6—7. У нумизматов существуют различные предположения, какому римскому прототипу следуют изображения (мужская голова на аверсе) на некоторых монетах Кадфиза: римским монетам Августа, Тиберия, Клавдия и др. По мнению Розенфилда, эти изображения на кушанских монетах даны в столь обобщенной трактовке, что точное отождествление с римским оригиналом невозможно (Rosenfield J. M., 1967, p. 13).

⁷⁸ Массон М. Е., 1950; Пугаченкова Г. А., 1966 а. По А. К. Нарайну (Narain A. K., 1968, p. 8), эти монеты выпущены Кадфизом I во второй половине его правления.

царем⁷⁹. Неоднократно высказывалась также мысль, что монеты «безымянного царя» чеканили несколько примерно синхронных правителей. Е. В. Зеймаль считает, что наиболее ранние монеты этой серии параллельны по времени монетам Кадфиза I, а наиболее поздние — предшествуют монетам Кадфиза II или параллельны им⁸⁰. Есть, наконец, точка зрения, что «сотер магас» не принадлежал к числу верховных правителей Кушанского царства, а был ниже рангом⁸¹.

Китайская летопись вслед за Киоцзюкю (Кадфизом I) называет его сына Яньгаочжэня (в древности Iam-kau-tien)⁸². По монетным данным, это был Вима Кадфиз. Он принял громкий титул «царь царей, повелитель мира, спаситель». Судя по надписям и монетным данным, сообщения летописи о завоевании этим правителем многих областей Северной Индии отражали действительное положение вещей. В Матхуре найдена каменная статуя, в надписи на которой обычно видят имя Вимы Кадфиза⁸³, а в Ладаке, в местности Калатсе (Khalatse) — надпись с его именем и с датой 187 г. (начало эры неизвестно). Некоторые считают, что Кадфиз II захватил всю Северную Индию, вплоть до Кашмира включительно (впрочем, последнее подвергается сомнению)⁸⁴.

Монетная реформа Кадфиза II

Кадфиз II произвел реформу в монетной системе, введя в обращение золотые монеты. В весе золотые монеты Кадфиза II, как обычно считали, исходили из весовых стандартов римских монет — «динариус ауреус», впрочем в кушанском чекане были двойные динары, динары, полудинары и четвертьдинары (вес динара около 8 г.). С конца XIX в. обсуждается вопрос о близости этого весового стандарта весу римских золотых монет, чеканенных Августом, вес которых был также около 8 г. В иностранной и русской литературе неоднократно на этом основании делается вывод, что Кадфиз II скопировал вес своих золотых монет с монет Августа и даже более того, что они чеканены в эпоху, близкую времени Августа. Но Август, как известно, умер в 14 г. до н. э., а его наиболее полновесные монеты чеканились еще раньше — с 19 г. до н. э. После Августа вес римских золотых монет постепенно уменьшается, а в результа-

⁷⁹ *Simonetta A.*, 1958, p. 171.

⁸⁰ *Зеймаль Е. В.*, 1965, стр. 7.

⁸¹ *Göbl R.*, 1968, p. 5—6.

⁸² *Pelliot P.*, 1934, p. 39.

⁸³ *Vogel J.*, 1930, p. 22, 11. Однако это оспаривается рядом ученых (*Rosenfield J. M.*, 1967, p. 144—145).

⁸⁴ *Ghirshman R.*, 1946, p. 142. Ср.: *Petech L.*, 1950, p. 75.

те реформы 64 г. н. э. он был установлен в 73 г. Лохвизен де Леев на основании этого сделала заключение, что Кадфиз II начал чеканить свои монеты до этой реформы, т. е. до 64 г. н. э.⁸⁵

Но, как недавно показал Д. Макдоуэлл, вопрос сложнее, чем кажется на первый взгляд. Во-первых, выпуск высококовесных золотых монет возобновлялся в Риме и в послеавгустовское время, вплоть до 97 г. н. э. С другой стороны, золотые монеты весом около 8 г. выпускались в эпоху Августа лишь с 19 до 12 г. до н. э., причем позже они выпали из обращения, их уже нет в кладах первой половины I в. н. э. Тогда в Риме имелись лишь монеты, вес которых был меньше золотых монет Кадфиза II. При этом совершенно невозможно (используя любую хронологическую схему) относить время правления Кадфиза II к концу I в. до н. э.

Заслуживают внимания не только эти соображения Д. Макдоуэлла, но и его вывод, что нововведения Кадфиза II в этой части отнюдь не являлись и не могли являться простой копией того, что происходило в Риме. И в Риме, и у кушан такая золотая монета представляла значительную сумму. При этом монеты не были, из-за разницы в весе, взаимозаменяемыми, но купцы, ведущие большие коммерческие операции, употребляли их в международной торговле, где проблема обмена не вызывала трудностей. Римские и кушанские золотые монеты, как считает этот исследователь, не были предназначены для того, чтобы «циркулировать бок о бок на одной или даже соседних территориях»⁸⁶.

И все же мы не можем полностью отвлечься и от обильных свидетельств о большой торговле Римской империи с Индией, в частности с Кушанским царством, и от многочисленных фактов находок римских монет в Индии⁸⁷, и от бесспорного влияния римского монетного чекана на кушанский⁸⁸. Все это заставляет предположить, что стимулом к введению золотых монет в кушанский чекан послужили нужды международной торговли, и установление весового стандарта кушанских золотых монет не обошлось без влияния римских прототипов, хотя, может быть, прямого копирования и не было.

Канишка и расцвет Кушанского царства

Самым известным из кушанских царей является Канишка. Анализ его имени вызвал целую дискуссию в науке. Г. Бэйли предположил, что первая часть этого имени происходит от сло-

⁸⁵ Van Lohuizen-de Leeuw J. E., 1949, p. 365.

⁸⁶ Mac Dowall D. W., 1960, p. 63—68.

⁸⁷ Wheeler M., 1955, p. 141—202; Margabandho C., 1965, p. 316—322.

⁸⁸ Göbl R., 1960, p. 76.

ва «кап» («маленький, молодой»), а само слово имеет значение «самый молодой» или «самый маленький»⁸⁹. В. Б. Хеннинг следовал вышеназванной этимологии слова, но иначе, чем Г. Бэйли, объяснял суффикс⁹⁰. В. В. Иванов предложил считать этот суффикс тохарским, а слово в целом — гибридным ирано-тохарским⁹¹.

Если значение имени Канишка до сих пор нельзя считать окончательно разъясненным, то в еще худшем положении мы оказываемся, когда переходим к вопросу о времени его правления. Отсутствие сколько-нибудь определенных данных отнюдь не возмещается остроумием обильных гипотез и догадок. Предполагались самые различные даты: от 78 г. н. э. до 278 г. н. э. В последнее время некоторые нумизматы, как отечественные, так и зарубежные, отдают предпочтение поздним (или сравнительно поздним) датировкам начала правления Канишки, что, впрочем, вызывает резкую критику их оппонентов. По-видимому, новые находки, в частности археологические, позволят внести ясность в этот вопрос, но современное состояние его чрезвычайно далеко от какой-либо ясности или определенности. И вместе с датой Канишки «блуждают по столетиям» и даты правления других кушанских царей.

Правление Канишки, судя по имеющимся данным, продолжалось не менее 23 лет. При нем произошли дальнейшее расширение и консолидация индийских владений кушан: Пенджаб, Кашмир, Синд и Уттар-Прадеш (на востоке вплоть до Бенареса) были под его властью. Столицей являлся город Пурушапура (современный Пешавар)⁹².

Территория Кушанского государства при Канишке отнюдь не ограничивалась Северной Индией: она включала почти весь Афганистан, многие области Средней Азии и Восточного Туркестана.

Сюань-цзан писал: «Прежде, когда Канишка царствовал, его слава распространилась в соседних государствах, и его военное могущество признавалось всеми. Платившие податей принцы к западу от Китая, признавая власть Канишки, послали к этому царю своих заложников»⁹³.

В надписи 262 г. н. э. сасанидского царя Шапура I на «Каабе Зороастра» указывается, что Кушаншахр простирался до Пешавара (?), Каша (Кашгар или Кеш — Шахрисябз), Когда

⁸⁹ Bailey H. W., 1968.

⁹⁰ Henning W. B., 1965, S. 83—84.

⁹¹ Иванов В. В., 1967.

⁹² Синха Н. К., Банерджи А. Ч., 1954, стр. 81; Sircar D. C., 1953, p. 141. На основании анализа надписей Канишки некоторые ученые пытаются наметить отдельные фазы завоеваний Канишки в Индии и расширения территории его государства (Puri B. N., 1965, p. 37 и карта).

⁹³ Si-Yu-Ki, p. 173.

и границ Чача⁹⁴. Археологические памятники и находки монет позволяют утверждать, что южные области современных Таджикистана (включая Памир) и Узбекистана, а также долина Зеравшана бесспорно входили в состав государства Канишки. Не исключено, что Фергана входила в Кушанское государство в период его наибольшего расширения или же находилась под его влиянием; то же самое можно сказать и про районы по среднему течению Сырдарьи. Относительно Хорезма по этому вопросу нельзя сказать ничего определенного: твердых оснований для часто встречающегося в литературе утверждения о «кушанском Хорезме» пока нет⁹⁵.

Что же касается Восточного Туркестана, то даже тенденциозные китайские источники признают, что эта страна некоторое время входила в состав государства юэчжей, т. е. кушанского. Вначале кушане и ханьский Китай были в дружественных отношениях. Однако затем, выбрав удобный момент, ханьский двор проявил вероломство: арестовал кушанское посольство. Это привело к ряду войн. В итоге в начале II в. н. э. кушанам удалось поставить во главе Сулэ (Кашгара) своего ставленника⁹⁶; правители этой страны «боялись» юэчжей⁹⁷.

Из-за неясности кушанской хронологии пока не известно, связаны ли кушанско-китайские войны с Канишкой или его предшественниками⁹⁸. Индийская традиция приписывает Канишке как владение областью Тарима в Восточном Туркестане, так и победы над парфянами на западе⁹⁹.

Все это показывает, что Канишка сумел не только увеличить размеры своего государства, но и, по-видимому, нанести сильные поражения наиболее крупным соседним государствам.

Буддийская традиция прочно связывает имя Канишки с буддизмом. Согласно этой традиции, Канишка обратился в буддизм и стал ревностным последователем этой религии. Он построил огромное количество буддийских культовых сооружений: ступы, вихары и др. Ему приписывается созыв Третьего Буддийского собора.

Конечно, в буддийской традиции есть явные преувеличения. Однако эта традиция дошла и в других источниках. Так, например, Бируни сообщает о постройке Канишкой буддийского сооружения Каникчайтъя в Пешаваре¹⁰⁰.

⁹⁴ Sprengling M., 1953, p. 7, 14; Луконин В. Г., 1967, стр. 16; 1969 а, стр. 30—31.

⁹⁵ Дискуссию по этому вопросу см.: Толстов С. П., 1948 б, стр. 151; Ставиский Б. Я., 1961 а, стр. 111—112; Массон В. М., 1966 в и др.

⁹⁶ Подробности см.: Васильев Л. С., 1955.

⁹⁷ Бичурин, II, стр. 232; Chavannes E., 1907, p. 205.

⁹⁸ Pulleyblank E. G., 1966—1968, p. 117—121.

⁹⁹ Ghirshman R., 1946, p. 145—146.

¹⁰⁰ Бируни, 1963, стр. 360.

В основе традиции лежат, несомненно, какие-то реальные события и тенденции. Характерен в этом отношении следующий факт. Предшественник Канишки кушанский царь Вима Кадфиз помещал на своих монетах изображение лишь одного божества — индуистского божества Шивы. Однако на монетах Канишки и его преемника Хувишки это божество хотя и встречается, но занимает весьма скромное место среди трех десятков других божеств¹⁰¹. Среди этих божеств имеются и изображения Будды, надписи «Буддо» и «Буддо Шакьямуни».

На монетах Канишки выступают и другие божества, в том числе античные. Мы видим здесь и зороастрийские божества, такие как Вэрэтрагна — бог победы и ветра, знаменитую Анахиту, солнечное божество и божество победы — Митру, символ богатства и царской власти — Фарро и др. Среди ученых нет единогласия в вопросах о том, отражало ли это множество божеств реальное положение в кушанском пантеоне или же причиной его являлись политические цели — апелляция к различным слоям населения обширной Кушанской империи.

Именно при Канишке на монетах впервые появляются надписи на бактрийском (а не на греческом) языке, выполненные кушанской разновидностью греческого письма. Это нововведение Канишки оказалось очень жизнеспособным: такие надписи продолжают в кушанском чекане и впоследствии.

Итак, в сфере духовной культуры при Канишке происходят значительные сдвиги: на фоне широкой веротерпимости выдвигается значение буддизма, к которому склоняется сам царь; возрастает значение бактрийского языка, который, вероятно, становится официальным (или одним из официальных).

Чекан Канишки очень обилен. Происходит развитие ремесла и торговли. Кушанское государство достигает апогея своего могущества. Но вместе с тем начинают действовать и центробежные силы: дает себя знать разнородность включенных в Кушанское государство территорий, сепаратизм отдельных правителей и наступательная политика образовавшегося в Иране на развалинах Парфянского государства Сасанидского царства (с 226 г. н. э.), которое начинает набирать силы.

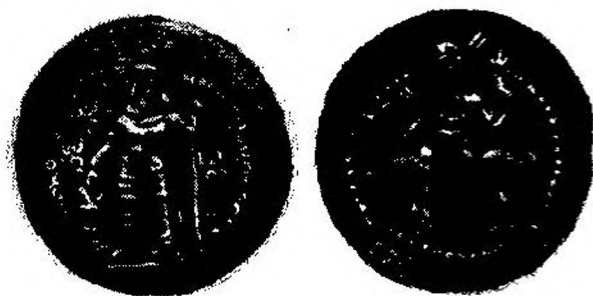
Упадок Кушанского царства. Кушаны и Сасаниды

После Канишки, судя по индийским надписям, был правитель по имени Васишка, но монет с его именем нет, а имеются монеты с именем Хоэрко (собственно, Хоэшко, ибо в бактрийском письме звук «ш» передавался как «р»), которого по звучанию

¹⁰¹ Зеймаль Е. В., 1963, стр. 40—41.

его имени в надписях, называют Хувишка¹⁰². Он царствовал свыше трех десятилетий. Из других крупных, продолжительных время правивших государством царей следует назвать Васудеву. При Васудеве вновь в монетном пантеоне из всего множества божеств остается только лишь Шива. При этом, как обратил внимание Е. В. Зеймаль, иконография изображения Шивы на монетах Васудевы (как и на монетах Вимы Кадфиза) сближает его с вариантами позднейших изображений Шивы, свойственными той разновидности шиваизма, которая характеризовалась крайними формами нетерпимости к другим религиям¹⁰³.

Кушано - сасанидская монета с именем Варахрана

Выше уже упоминалось об усилении иранского Сасанидского государства. Сасанидский царь Шапур I (242—272 гг. н. э.) предпринимает в 40-х годах III в. н. э. поход на восток. В своих надписях он и его преемники называют себя «царями Сакастана, Турестана и Индии до побережья моря»¹⁰⁴.

По мнению В. Г. Луконина, на самом деле Шапуру I удалось, по-видимому, подчинить лишь окраинные области бывшего Парфянского государства, в частности Мерв и Систан.

Выше приводились сведения надписи 262 г. на «Каабе Зороастра» о Кушаншахре. В этой надписи перед перечислением областей (в их числе и Кушаншахра) Шапур I говорит: «Я владею», а после перечисления уточняет: «Все они платили нам дань и подвластны были». Есть мнение, что Кушаншахр мог и не быть, собственно, в составе государства Сасанидов, а лишь

¹⁰² Данных о царствовании Хувишки очень мало, поэтому утверждение Б. Н. Пури, что «правление Хувишки, вероятно, отмечает наиболее блестящий период кушанской истории» (*Puri V. N.*, 1965, p. 16) не покоится на реальных фактах.

¹⁰³ Зеймаль Е. В., 1965, стр. 14. О шиваизме в кушанское время см.: *Puri V. N.*, 1965, p. 138—139.

¹⁰⁴ Луконин В. Г., 1969 а, стр. 34—37.

платил дань¹⁰⁵, но обычно считается, что Кушаншахр находился в составе Сасанидского государства¹⁰⁶. Сколь длительно было это вхождение (возможно, это была зависимость кушанских правителей от сасанидских царей), решить пока невозможно. Сообщения источников не согласуются или даже противоречат друг другу. С одной стороны, арабский историк Табари сообщает, что первый из Сасанидов, Арташир I, захватил Мерв, Балх, Хорезм «до отдаленных границ Хорасана»¹⁰⁷. Это сообщение, как правило, считается достоверным, и лишь отдельные ученые относятся к нему с сомнением¹⁰⁸. Если исходить из предпосылки о том, что Табари был точен, а также из прямого смысла надписи на «Каабе Зороастра», то с этими сообщениями не согласуется одно свидетельство, которое можно извлечь из манихейских источников.

Еще при жизни Мани — основателя манихейской религии — им был послан (в середине 70-х годов III в.) на восток проповедник Мар Аммо. Пройдя Хорасан, он прибыл к границам Кушана, позже он упоминается в Замбе (Земм-город и переправа через Амударью в районе совр. Керки). По-видимому, конечный пункт путешествия Мар Аммо — г. Варучан (в области Балха) — находился под властью кушанских царей¹⁰⁹, но возможно — под верховной властью Сасанидского государства или в зависимости от него.

Итак, нанести удар и захватить значительную часть кушанских владений Сасанидам все же удалось. Но когда?

Проблема времени разгрома Кушанского государства Сасанидами не может быть решена вне вопроса о датировке так называемых сасанидо-кушанских и кушано-сасанидских монет. Исследованием этой проблемы занимались нумизматы и историки — А. Каннингэм, Э. Херцфельд, А. Бивар, В. Г. Луконин, Р. Гёбль и др. Часть этих монет чеканилась по образцу сасанидских. На них была надпись на среднеперсидском языке. Они выпускались монетными дворами Мерва и Герата. Другие же чеканились по типу позднекушанских монет с именем Васудевы. Здесь надпись тоже среднеперсидская, но знаками кушанской письменности, причем на некоторых есть слово «Бахло» (Балх). Э. Херцфельд предположил, что все монеты, выпущенные по типу кушанских, чеканились в Балхе¹¹⁰, даже те, на которых не обозначен этот город. Однако Бивар высказал обос-

¹⁰⁵ Там же, стр. 31.

¹⁰⁶ ИТН, I, стр. 367; Лившиц В. А., 1969, стр. 56.

¹⁰⁷ Nöldeke Th., 1879, S. 17—18.

¹⁰⁸ Луконин В. Г., 1969 а, стр. 22—27.

¹⁰⁹ Манихейские тексты об этом путешествии исследованы В. Б. Хеннигом (1944, р. 85—90; 1958, р. 94).

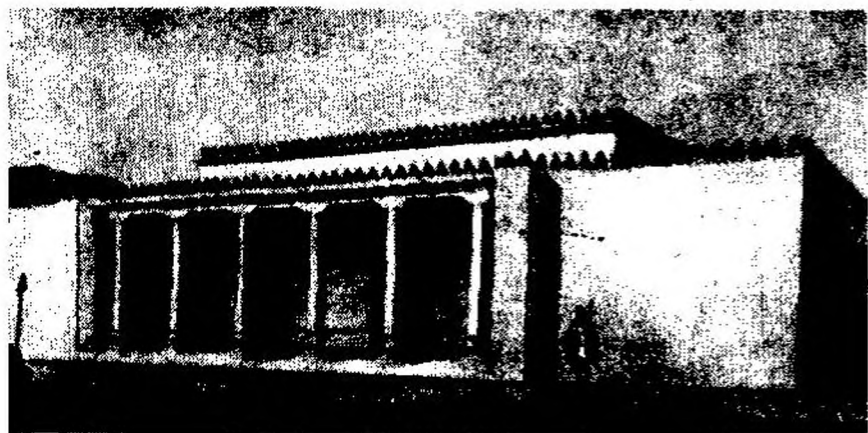
¹¹⁰ Herzfeld E., 1931, p. 11.

Кушанские воины
(по скульптуре Халчяна)

Кушанские цари в боевом облачении
1 — с монеты Канишки III,
2 — с монеты Васудевы

Халчаян. Реконструкция дворца

нованное сомнение и предположил, что основной монетный двор располагался в районе Кабула¹¹¹.

На одной из этих монет имеется легенда: «Поклоняющийся Мазде, владыка Хормизд, великий царь царей» и обозначен монетный двор Мерв. На других монетах встречаются имена Арташир, Пероз, Варахран. Раньше предполагалось, в частности Э. Херцфельдом, что, скажем, Хормизд кушано-сасанидских монет — это шаханшах Ирана Хормизд II (302—309 гг.) и т. д. Начало выпуска этих монет вообще датировалось серединой III в. н. э. Детальный исторический анализ привел В. Г. Луконина к заключению, что такое прямое отождествление неверно. Он доказывает, что кушано-сасанидские (и сасанидо-кушанские) монеты чеканили сасанидские царевичи (некоторые из них никогда не стали шаханшахами Ирана) с середины IV до середины V в. н. э.¹¹²

Принятие этой точки зрения в какой-то степени является аргументом в пользу поздней датировки кушанских правителей и крушения Кушанского государства не в III, а в IV в. Но имеются аргументы, свидетельствующие против гипотезы В. Г. Луконина. В данный момент окончательное заключение сделать быть не может. Крушение Кушанского государства не может рассматриваться как одноактное действие: оно протекало

¹¹¹ Vivar A. D. H., 1956, p. 17.

¹¹² Луконин В. Г., 1967.

длительное время, под воздействием внешних и внутренних причин.

Мы рассмотрели взаимоотношения кушан и Сасанидского государства. Однако Кушанскому государству пришлось вести борьбу на нескольких направлениях: происходили какие-то перегруппировки внутри самих кушан. Об этом свидетельствует, в частности, сообщение китайской хроники: «...Храбрый юэчжский государь Цидоло перешел со своими войсками через большие горы, напал на Северную Индию и покорил пять государств, лежащие от Гантоло (т. е. Гандхары) к северу»¹¹³. «Государь Цидоло» — китайское название Кидары — одного из кушанских правителей, во второй половине или, скорее, в конце IV в. захватившего власть на значительной части старого Кушанского государства. Вместе с тем часть Средней Азии оказывается под властью вновь появившихся племен — хионитов. Наконец власть переходит к эфталитам. Бесперывные войны IV—V вв. самым губительным образом отразились на состоянии Средней Азии.

4. СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ГОРОДА И ПОСЕЛЕНИЯ В КУШАНСКОЕ ВРЕМЯ

Северная Бактрия

На территории Афганистана и Северного Индостана изучено много памятников кушанского времени, в том числе таких крупных городов, как Беграм (неподалеку от г. Кабула) — древняя Каписа¹¹⁴, Таксила (неподалеку от г. Равалпинди) — древнеиндийская Таккасила, или Такшашила¹¹⁵, Чарсада (к северо-востоку от г. Пешавар) — древняя Пушкалавати¹¹⁶ и др. Советские археологические экспедиции раскопали много городов и поселений кушанского времени в Средней Азии. Материал столь обширен, что мы приводим самые краткие и выборочные сведения о некоторых из изученных памятников.

Одним из наиболее крупных городских центров Северной Бактрии в кушанское время являлся Термез. Город на этом месте (вблизи от современного) существовал затем на протяжении чуть ли не тысячелетия, поэтому археологические слои кушанского времени перекрыты более поздними слоями. Термез в кушанское время занимал большую площадь. На его терри-

¹¹³ Бичурин, II, стр. 264.

¹¹⁴ Hackin J., Hackin R., 1939; Ghirshman R., 1946; Гиришман Р., 1946; Hackin J., Hackin R., Carl J., Hamelin P., 1954.

¹¹⁵ Marshall J., 1956; Ильин Г. Ф., 1958.

¹¹⁶ Wheeler M., 1962.

тории находились крупные культовые центры — буддийские монастыри Кара-тепе и Фаяз-тепе. В городе было много ремесленных мастерских, в том числе гончарных.

Кушанский Термез являлся одним из центров металлургического (и, по-видимому, металлического) производства — в слоях кушанского времени здесь найдены многочисленные крицы — ладошкообразные куски спекшегося железа, получающегося в процессе примитивной плавки. В Термезе имелось, судя по некоторым фрагментам каменной архитектуры, множество монументальных сооружений.

Очень большой город находился вблизи поселка Шахринау. Длина городских стен достигала 7 км, а общая площадь, окруженная ими, — около 350 га¹¹⁷. Здесь помимо монет обнаружена великолепная каменная капитель с человеческими изображениями.

Возникший еще в греко-бактрийскую эпоху город на Кей-Кабад-шахе (Кабодиёнский район) существовал и в кушанское время. Он был снабжен мощными оборонительными стенами, которые ооконтуривали его прямоугольную площадь (375×285 м). На длинных сторонах располагалось по 9 башен и на коротких — по 7 башен. Кроме того, на каждом углу были башни. Все башни прямоугольные. Судя по раскопанным участкам стен, с внутренней стороны их огибал коридор, разделенный на отсеки. К нему примыкали прямоугольные помещения. Здесь сделано большое число находок, среди них керамика, статуэтки, украшения¹¹⁸.

В 8 км от совр. г. Яван находился большой город кушанского времени. Его площадь составляет примерно 40 га. Здесь имеется возвышенная площадка, напоминающая цитадель. К ней примыкает высокий холм (до 8 м высоты) размером 380×200 м. Вся эта площадь окружена городской стеной. За ее пределами были отдельные усадьбы и погребальные сооружения. Раскопки производились преимущественно на цитадели, а также на других территориях. Вскрыты участки рядовой застройки — небольшие помещения образуют группы, расположенные по сторонам от узкой улицы или тупика. В последний период постройки скорее всего были двухэтажными. Вскрыты остатки построек и предшествующего времени. Десятиметровая толща цитадели содержит остатки последовательной застройки пяти периодов, причем нижний датируется I в. до н. э. — рубежом н. э., верхний — IV—V вв. н. э. Прослеживается эволюция материальной культуры, особенно керамики. Здесь найдены также изделия из кости (например, проколки с фигурны-

¹¹⁷ Давидович Е. А., 1956, стр. 76—77.

¹¹⁸ Кузьмина Е. Е. и Певзнер С. Б., 1956; Мандельштам А. М. и Певзнер С. Б., 1958.

ми наверхиями), металлические украшения и изделия — зернотерки, жернова и т. д.¹¹⁹

Поселение на месте городища Саксан-Охур (в Пархарском районе) продолжало существовать в кушанское время.

Одним из наиболее замечательных памятников этого времени является комплекс в Халчаяне (близ Денау). Здесь на Ханакате-тепе расположено, в частности, дворцовое (или храмовое) здание. Передняя его часть имеет вид четырехколонного айвана длиной 16,5 м. Из него через три прохода (центральный и два боковых) можно было попасть в поперечно вытянутый главный зал. Из задней стены этого зала проход вел в двухколонное помещение. Кроме того, были дополнительные помещения и коридоры. Помещения этого здания были украшены великолепной глиняной скульптурой — целыми скульптурными композициями — и настенной живописью. Здесь, на Ханакате-тепе, раскопаны и иные постройки, в том числе и двухъярусные.

В Сурхандарьинской области, помимо Халчаяна, зафиксировано и исследовано большое количество памятников кушанского времени, например, Дальверзин-тепе¹²⁰, Хайрабад-тепе, Зар-тепе¹²¹ и др.

¹¹⁹ Литвинский Б. А., 1967 а.

¹²⁰ Пугаченкова Г. А., 1966 б.

¹²¹ Альбаум Л. И., 1960.

Документ на дереве
из дворцового архи-
ва. Топрак-кала

Города и поселения Сога, Ферганы и Чача кушанского времени изучены значительно хуже, чем Северной Бактрии. Однако известно, что и в этих областях происходил значительный подъем городской жизни.

Крупным городом являлся Самарканд. В Согде имелось множество более мелких поселений. Одно из них — укрепленное поселение Тал-я Барзу¹²².

На территории Ферганы и Уст-рушаны следует отметить городища Мунчак-тепе близ Беговата, поселение в районе ленинабадской крепости, поселение близ Ашта, Шурабашат, Чун-тепе и др. Материальная культура ферганских поселений отличалась значительным своеобразием. Большие отличия имелись и внутри самой Ферганы.

По среднему течению Сырдарьи — на территории Ферганской области и прилегающих районов — развивается каунчинско-джунская культура, названная так по поселению Каунчи-тепе и Джунскому могильнику. Нижние слои поселения Каунчи восходят к II—I вв. до н. э., оно продолжало существовать до середины I тыс. н. э. К этому времени относятся городища Минг-Урюк, Алимбай-тепе, Кугант-тепе, Ак-тобе, Шаушукум-тобе¹²³ и др.

В Хорезме было множество городов и поселений. Наиболее детально изучен город, который сейчас носит название Топрак-кала. Город представлял собой большой прямоугольник (500×350 м), обнесенный стеной из сырцового кирпича, с бойницами и башнями. Посередине город пересекала узкая улица, по обеим сторонам которой тянулись большие жилые массивы, разделенные улочками.

Главным зданием в городе был грандиозный трехбашенный замок — резиденция царей хорезмийской династии. Гордо вы-

¹²² Об этом см.: Григорьев Г. В., 1940 а, 1940 б; Ставиский Б. Я., 1967.

¹²³ Левина Л. М., 1967; Максимова А. Г. и др., 1968.

сился этот неприступный дворец, вознесенный вверх на 25 м. Его центральная часть занимала площадь 80×80 м. Помещения были двухэтажными и имели различные назначения. Обнаружена группа парадных залов, в том числе грандиозный (280 кв. м) «зал царей».

Вдоль его стен тянулись постаменты, разделенные перегородками на отдельные участки. Здесь были помещены скульптурные группы, изображающие хорезмийских царей, цариц, знать и божества. На стенах и в нишах имелись великолепные росписи. Скульптурными рельефами и росписями были украшены и другие помещения дворца. Среди вспомогательных помещений следует отметить те, что представляли «арсенал» (склад оружия, оружейная мастерская). Найдены также остатки архива¹²⁴.

5. ЭКОНОМИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ В КУШАНСКОЕ ВРЕМЯ

Сельское хозяйство. Иригация

Детальное археологическое обследование обширных территорий, проведенное археологами, показывает, что практически все основные области Средней Азии были уже освоены в сельскохозяйственном отношении. На равнинах развивалось земледелие, преимущественно орошаемое, а также скотоводство. Грандиозный размах приняло иригационное строительство. Целые системы каналов были построены и функционировали в Хорезме, в Зеравшанской долине и др. Древние каналы кушанского времени выявлены и в Таджикистане, в частности в Вахшской долине. Для орошения использовалась вода не только рек, но и родников, которые в ту эпоху несомненно были более многочисленны, чем теперь. Так, например, в северной части Вахшской долины, основные земли которой орошались из магистрального канала, выведенного из р. Вахш, группа поселений, например городище Халкаджар вблизи пос. Уялы, была расположена на верхней террасе, куда сейчас вода подается с помощью насосов. В кушанское время такие поселения и окружающие их поля снабжались водой из горных родников. Вместе с тем здесь, как и в Яванской долине, практиковались, по-видимому, и богарные посевы. Богарное земледелие было распространено в предгорных и горных районах. В кушанское время была ос-

¹²⁴ Толстов С. П., 1962, стр. 204—226; Рапопорт Ю. А., 1968; Неразик Е. Е., 1969.

воена вся долина верхнего Зеравшана, вплоть до современной Матчи.¹²⁵

Земледельческая техника продолжала оставаться очень примитивной. Может, быть, наибольший прогресс наблюдался в ирригации. При раскопках Тал-и Барзу найден железный наконечник омача (сохи)¹²⁶.

В I в. н. э. начинается распространение жерновов. Древнейшие ручные жернова найдены в одном погребении в Карамазарских горах. Первоначально жернова были очень небольшими, затем размер их значительно увеличивается и их становится, особенно в III—IV вв., больше.

Письменные источники и археологические находки свидетельствуют, что в кушанский период среднеазиатские земледельцы возделывали почти все культуры, известные и в средневековье: зерновые, технические, садовые, кормовые и др. Характерно разнообразие сортов. Так, в Хорезме в III—IV вв. н. э. выращивались как винные, так и столовые сорта винограда. Народная селекционная работа, проводившаяся из поколения в поколение, способствовала появлению высокоурожайных и приспособленных к местным условиям сортов. Не случайно соседи Средней Азии заимствовали многие сельскохозяйственные культуры у ее народов (например, китайцы — культуру люцерны и грецкого ореха).

В равнинах, окруженных горами, в частности в Ферганской, развивается отгонное скотоводство, связанное с полукочевым образом жизни части населения, его сезонными перекочевками. Высокопородный скот ферганцев, особенно ферганские кони, по-прежнему вызывали зависть соседей и широко вывозились за пределы Ферганы.

Строительное дело и ремесла

При археологических раскопках обнаружены следующие типы сооружений: 1) дворцовые постройки, 2) культовые сооружения, 3) жилые дома, 4) производственные сооружения, 5) хранилища, 6) фортификационные сооружения, 7) ирригационные сооружения и т. д. Большинство типов этих сооружений встречалось не изолированно, а в сочетании друг с другом. Четкое функциональное определение тех или иных конкретных памятников не всегда возможно: так, например, нельзя исключить вероятность, что в Халчаяне был не дворец, а храм.

¹²⁵ Ставиский Б. Я., 1961.

¹²⁶ ИТН, I, стр. 360—370.

Общественные сооружения нередко носили монументальный характер. Замки и дворцы правителей имели значительные размеры, возносились на высокие платформы, окружались прочными укреплениями. Большие залы с высокопосаженными перекрытиями были украшены великолепными произведениями пластического искусства, замечательными настенными росписями. Стены были очень массивными.

Среди культовых сооружений некоторые были небольшими. Так, например, центральная часть буддийского святилища в Айртаме (близ Термеза) очень невелика. Но и она была украшена каменными горельефами (знаменитый айртамский фриз).

Жилая застройка не всегда отличалась высоким качеством. Нередко это были неаккуратные небольшие комнатки, стены которых были покрыты простой саманной штукатуркой. Вместе с тем встречались и просторные помещения с алебастровым покрытием стен. По-видимому, характер и планировка жилых помещений отражают как местные традиции, так и социально-имущественную дифференциацию общества.

Больших достижений добились и среднеазиатские инженеры-фортификаторы. Могучие крепостные стены, усиленные выступающими башнями, сложные предвратные сооружения, частые бойницы — все это стояло на уровне лучших достижений фортификации своего времени. А в долинах Западного Памира были возведены громадные крепости: Каахка, Ямчун и др., расположенные на основных коммуникационных линиях и образующие систему взаимосвязанных долговременных укреплений¹²⁷.

В строительстве находили применение разнообразные материалы. Для возведения стен обычно употреблялись пахсовые блоки и сырцовый кирпич (был распространён кирпич квадратного формата, сторона которого имела от 32 до 44 см). Иногда, особенно в горах, в качестве стенового материала находил употребление и камень-плитняк. Жжёный кирпич употреблялся мало и робко. В Бактрии продолжение эллинистической традиции при наличии соответствующих природных материалов привело к широкому применению каменных деталей для несущих конструкций и для декорации: простые, так называемые торовидные, и более сложные, профилированные «аттические» базы колонн; каменные стволы колонн; великолепные каменные капители, варьирующие и развивающие тип коринфской капители (на капители, найденной в Шахринау, изображения человеческих фигур и грифонов); каменные основания пилястр и т. д. Стволы колонн и перекрытия нередко были де-

---

¹²⁷ О ваханских крепостях см.: Бернштам А. Н., 1952; Бабаев А., 1965.

ревянными. В перекрытиях находили применение и керамические черепицы.

Конструкции перекрытий были столбово-балочными и сводчато-арочными. Впрочем, последние применялись лишь при сравнительно небольших проемах. Своды выполнялись в технике наклонных отрезков.

Ремесленное производство развивалось как в крупных городах, так и в небольших населенных пунктах. Мы знаем об этом благодаря бесчисленным находкам предметов материальной культуры и целых ремесленных мастерских. Так, например, во многих местах выявлены остатки гончарного производства. Известно, что гончары производили обжиг в печах нескольких типов. В этих же печах производился и обжиг терракот. Керамические изделия этого периода извлечены в процессе раскопок в огромном числе. Разнообразие типов и форм посуды очень велико; сосуды удовлетворяют самым высоким стандартам, особенно это касается столовой и парадной посуды. Так, кубки из могильника Туп-хана (в Гиссаре) имеют тончайшие стенки, тщательно заглаженные и отполированные. Прошло две тысячи лет, но их стенки звенят, словно они хрустальные! Парадная посуда покрыта различными штампованными украшениями, имеет фигурные ручки и т. д.

Металлическая утварь и украшения производились также почти повсеместно. Бронзовые сосуды, подсвечники, зеркала, браслеты, серьги, кольца и многие другие предметы употреблялись в повседневном быту населения. Набор этих предметов был очень велик, качество изготовления — высоким. Найдены литейные формы, в которых производилась отливка изделий.

Стеклянные изделия представлены также разными предметами. Особенно много бус, среди которых выделяются мозаичные, сверкающие, искрящиеся всеми цветами радуги; найдены мозаичные бусы с человеческими изображениями. Очень эффектные также двухслойные золоченые бусы: их ядро покрыто тончайшей золотой фольгой, наружный слой из бесцветного прозрачного стекла.

Обильной была продукция оружейных мастерских. Оружие дальнего боя — лук — значительно совершенствуется в эту эпоху. Получает распространение особый вид сложносоставного лука, имеющий пятичастную форму, оклеенный костяными или роговыми пластинами. Родиной этого мощного оружия является Средняя Азия, позже он распространяется в сасанидском Иране. Поэтому распространенное в западной литературе название «сасанидский» является неудачным, его правильное было бы именовать, как предложено советскими учеными, «кушано-сасанидским». Из Средней Азии этот тип лука проник к сарматам и дальше на запад вплоть до Шотландии, на юге — в Иран

и Индию, на востоке — в Китай¹²⁸. При раскопках среднеазиатских памятников найдены костяные и роговые пластинки, которыми были покрыты поверхности лука, а в нескольких случаях — целые или поддающиеся реконструкции сложносоставные луки. Стрелы были деревянными или тростниковыми, наконечники стрел — железными, нескольких типов. Наиболее широко были распространены наконечники с черешком и тремя треугольными выступами — лопастями. К концу этого периода появляются наконечники со сложнопрофилированной боевой частью¹²⁹.

Воины были вооружены кинжалами и мечами. В Средней Азии первых веков нашей эры преобладали крупные (до 1,2 м длиной) железные двухлезвийные мечи без перекрестия и с длинной штангообразной рукоятью. Из других видов оружия следует упомянуть копьё, боевой топор, пращу.

Для ведения строительства и для функционирования ремесленных мастерских необходимо было иметь сырьё. Добыча полезных ископаемых в кушанское время резко возросла. Из недр земли извлекались металлические ископаемые¹³⁰, строительные материалы, полудрагоценные и драгоценные камни и т. д. Часть продукции горного и металлического ремесла шла на экспорт.

Внешняя и внутренняя торговля

Для кушанской эпохи характерно наличие развитой монетной системы, разнообразных номиналов, обильного чекана. Все это свидетельствует о существовании в стране товарного производства и обращения. В этой связи важно то обстоятельство, что основную часть кушанской эмиссии составляли медные монеты. Это может свидетельствовать о внедрении денежного обмена в сферу повседневной жизни¹³¹. При изложении исторической канвы кушанского царства были уже отмечены некоторые существенные изменения, которые претерпел кушанский чекан в различные периоды. Вместе с тем следует заметить, что нумизматы до сих пор уделяли основное, почти исключительное,

¹²⁸ Литвинский Б. А., 1966; ср. Хазанов А. М., 1966.

¹²⁹ Литвинский Б. А., 1965.

¹³⁰ Несомненно, золотодобыча производилась в больших масштабах. По-видимому, среднеазиатские рудники были основными поставщиками золота кушанских монетных дворов; остальную часть получали из Афганистана, Индии и в процессе торговли из других стран; очевидно, производилась переплавка римских золотых монет.

¹³¹ Массон В. М., Ромодин В. А., 1964, стр. 183.

внимание классификационной обработке кушанских монет, волросам иконографии и т. д. Социально-экономическая сторона до сих пор остается практически неразработанной.

Наряду с внутренней большого развития достигает и внешняя торговля. Плиний (XII, 84) сообщает об огромном объеме ввоза (на 100 млн. сестерциев) из Индии, страны серов (Восточный Туркестан) и Аравии в пределы Римской империи. Определенная часть этого импорта происходила с территорий кушанского царства, в том числе среднеазиатских. Так, по словам Плиния (XXXIV, 145) из Серики вывозилось в Римскую империю высоко ценившееся железо. Как предполагает М. Хвостов, речь идет о привозе в Римскую империю не самого железа, а изделий из него¹³². Можно также думать, что по крайней мере часть этого железа, как и других товаров, происходила на самом деле из Средней Азии. Для более позднего времени — средневековья — экспорт железа и изделий из него за пределы Средней Азии неоднократно отмечается арабскими географами IX—X вв.

Есть данные о том, что бактрийские купцы проникали в пределы Римской империи, в частности в один из крупнейших торговых центров — Александрию в Египте, с другой стороны — римские купцы приезжали в Среднюю Азию¹³³.

В Средней Азии имеются, причем довольно многочисленные, находки римских изделий, а также римских монет¹³⁴ — все это ясно документирует глубину и размах римско-среднеазиатских связей. Ввоз в Среднюю Азию предметов римского (точнее — средиземноморского) производства способствовал изготовлению аналогичных вещей в самой Средней Азии¹³⁵. Римские произведения искусства оказали значительное влияние на эволюцию среднеазиатского искусства, в частности на сложение гандхарского искусства, которое господствовало в Северо-Западной Индии, Афганистане и, по-видимому, на юге Средней Азии.

Велась торговля и с Китаем. Через Среднюю Азию пролегал «шелковый путь», по которому следовали на запад караваны с шелком¹³⁶. Шелковые изделия оседали и в самой Средней Азии — так, например, если верить сообщению Флора (3,11), у парфян уже в середине I в. до н. э. были шелковые знамена. Наряду с шелком в Среднюю Азию из Китая привозились бронзовые зеркала, лаковые изделия и др. Велик был и среднеазиатский экспорт в Китай¹³⁷.

¹³² Хвостов М., 1907, стр. 156.

¹³³ Ставиский Б. Я., 1964 в, стр. 180.

¹³⁴ Сводку находок см.: Ставиский Б. Я., 1964 в; Массон В. М., 1966 г.

¹³⁵ Литвинский Б. А., Турсунов Н. О., 1971.

¹³⁶ Лучшее исследование письменных источников по данной теме см.: Негтман А., 1938.

¹³⁷ Васильев Л. С., 1958.

Во второй книге «Махабхараты» — «Сабхапарва», которую датируют второй половиной IV в. н. э.; упоминается о дарах, которые были привезены к царю пандавов Юджиштхире, жившему в районе современного Дели, представителями различных народов, среди которых были и среднеазиатские. Эти представители преподносили царю дары, которые, очевидно, соответствовали обычным предметам импорта из этих областей. Так, из страны Бахли (Бактрии) доставили «шерстяные одеяла, соразмерные, красивой окраски, приятные на ощупь», различные ткани, овечьи шкуры, оружие, драгоценные камни; «шаки» (саки), «тукхары» (тохары), «канки» (кангюй) доставили коней, «способных пройти долгий и далекий путь» («Махабхарата», II, 47).

Археологические данные показывают, что велась торговля и с приуральскими и поволжскими сарматскими племенами. Через их территории проходили торговые пути, связывающие Среднюю Азию с Кавказом и Причерноморьем.

Выше упоминалось о появлении бактрийцев в Александрии, в Египте. Согдийцы основывали целые торговые фактории далеко за пределами Согда. В Дуньхуане (Восточный Туркестан) найдены письма начала IV в. н. э. на согдийском языке. В одном из писем упоминается, что в Друане (Дуньхуане) находилось 100 свободных (или благородных) самаркандцев. Как не без основания полагает В. Б. Хеннинг, общее число согдийцев (вместе с рабами и членами семей) в этом городе должно было достигать тысячи. Некоторые из писем содержат сведения о товарах, ценах и т. д. Согдийцы, жившие в Восточном Туркестане, поддерживали самую тесную связь со своей метрополией в Самарканде, где оставались жить их родственники¹³⁸.

6. КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ КУШАНСКОЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Памятники письменности

Кушанское время характеризуется серьезными сдвигами в области духовной культуры народов Средней Азии. Это был период сложных и во многом противоречивых явлений, переплетающихся тенденций и влияний¹³⁹.

¹³⁸ Издание этих документов, получивших название «старые согдийские письма», см. Reichelt H., 1931. См. также: Розенберг Ф. А., 1932; важнейшим исследованием является: Henning W. B., 1948.

¹³⁹ Гафуров Б. Г., 1968.

Уже в IV—II вв. до н. э. в Средней Азии возникают, базе арамейской, местные письменности.

Древнейшими памятниками согдийского письма являются надписи на согдийских монетах начала нашей эры. Далее следуют «старые согдийские письма». В них знаки ясно различаются и большей частью не соединяются друг с другом. Это письмо еще не далеко отошло от арамейского прототипа. Вместе с тем, по словам В. А. Лившица, эти письма показывают, что в то время «уже сложились основные нормы согдийского письменного языка, сохранявшиеся по крайней мере до X в.»

«Согдийские старые письма», которые, как показал В. Б. Хеннинг, датируются 312—313 гг. н. э.¹⁴⁰, являются не только важными историческими документами, но и образцами эпистолярной прозы. Подлинные события человеческой жизни отражены в них с безыскусной правдивостью. Натиск хуннов, тревожные дни согдийских колоний, страх, гнев и любовь — вся гамма человеческих чувств и переживаний без каких-либо литературных украшений запечатлены в этих документах. Горечью и обидой проникнуто письмо, адресованное молодой согдианской Меванчой (это имя означало «тигренок» или «кошечка») своей матери в Самарканд. Ее опекун, которого зовут Нанидат, хочет против ее воли жениться на ней, и она диктует писцу: «Лучше я буду женой собаки или свиньи, чем женой Нанидата» (перевод В. А. Лившица). Прошло некоторое время, и Меванча вновь пишет матери. Она не только стала женой Нанидата, но и отзывается о своем муже с любовью и уважением. Что ж, такие коллизии не раз запечатлены в мировой литературе!

В Сурх-Котале (к югу от Кундуза) было найдено несколько надписей, написанных кушанской разновидностью греческого алфавита. Язык же надписей оказался восточноиранским, ранее практически неизвестным. Это обусловило трудности в их расшифровке, которой занимались А. Марик, Э. Бенвенист, В. Хеннинг, И. Гершевич, Я. Харматта, Х. Хумбах и др. Одна надпись состояла из 25 строк. До сих пор не существует ее общепринятого полного перевода, причем исследователи расходятся во многих важнейших пунктах, в частности в том, кто в надписи подразумевается (или назван) строителем храма. Один из вероятных вариантов перевода предложен В. А. Лившицем: «Этот акрополь — храм, [называемый] Канишка Победитель, которым господин царь почтил Канишку. И вот, когда первоначально было закончено [сооружение] акрополя, тогда высыхли внутри [акрополя] находящиеся [вместилища] воды, в результате чего акрополь остался без воды. И когда от сильного летнего зноя наступила засуха, тогда боги из [их] гнезда [храма] были унесены — и изображения [богов] и скульптуры

¹⁴⁰ Henning W. B., 1958, S. 52—56; Лившиц В. А., 1962 а, стр. 135—136.

[богов]. И акрополь опустел — до тех пор, пока в 31 году правления, в месяце нисане, пришел сюда к храму наместник Ноконзок, любимый царем, наиболее дружественный к царю, счастливый [«сын бога»], старающийся [?], делающий добро, полный добродетелей, чистый помыслами по отношению ко всем существам. Затем он акрополь обнес стеной, вырыл колодец, повел воду, выложил [колодец] камнем так, чтобы люди, находящиеся в акрополе, не испытывали бы недостатка в воде [«чтобы акрополь не испытывал недостатка в чистой воде»] и чтобы в случае засухи, возникающей от сильного летнего зноя, воды не были бы унесены из [их] гнезда, чтобы акрополь не опустевал. А над колодцем был устроен подъемник для воды [?], было сооружено также водохранилище. И благодаря этому колодцу, и благодаря этому водоподъемнику [?] весь акрополь стал процветающим. И этот колодец и это [далее следует слово, которое предположительно может обозначать «окно», «башня»] сделали Хиргоман, Бурзмихр, сын Кузгашки, Астилганциг и Ноконзок, наместники, послушные приказу царя. И написал Евман вместе с Михраманом, Бурзмихр-пухром [и] Амхраманом»¹⁴¹.

Язык этой надписи занимает промежуточное положение между пушту и памирскими языками — мунджанским и йидга, с одной стороны, и согдийским, хорезмийским и парфянским, — с другой. Проницательности выдающегося ираниста В. Б. Хеннинга мы обязаны определением, что язык надписи и является бактрийским языком¹⁴², до последнего времени практически совершенно неизвестным (надписи на кушанских монетах, геммах и керамике не давали возможности из-за краткости дать его характеристику). По своей грамматической структуре бактрийский язык дальше, чем другие восточноиранские языки, отошел от древнего типа¹⁴³.

По мнению лингвистов, в надписях из Сурх-Котала, а также в индийских (кушанского времени) сохранились лишь некоторые термины первоначального сакского диалекта кушан. Можно представить, что кушаны на территории Бактрии смешались с бактрийцами, были в какой-то степени ассимилированы ими и во всяком случае для письменной речи употребляли бактрийский язык, хотя с большим количеством заимствований из других иранских и индийских языков. В надписях на кушанских монетах представлены та же письменность и тот же бактрийский язык.

¹⁴¹ Перевод опубликован в кн.: *Массон В. М., Ромодан В. А.*, 1964, I, стр. 192—193.

¹⁴² *Henning W. B.*, 1960, p. 47—48.

¹⁴³ *Лившиц В. А.*, 1962 а, стр. 142—143.

Для письма применялось, по крайней мере со времени Канишки, греческое письмо. К 24 знакам греческого алфавита был добавлен еще один; на практике, однако, употреблялось меньшее число буквенных знаков. Кушанское, или, точнее, бактрийское, письмо характеризуется сочетанием остроугольной, квадратной и округлых форм большинства знаков. Позже развивается полукурсивность¹⁴⁴.

Таким образом, вслед за согдийским, парфянским и хорезмийским языками науке стал известен и бактрийский язык. Большая сурхкотальская надпись является вместе с тем первым литературным памятником на бактрийском языке. По своему жанру она сходна с ахеменидскими и сасанидскими надписями. Однако в отличие от царских надписей в сурхкотальской надписи славословия почти полностью отсутствуют. Это особенно четко проявляется при сопоставлении с надписью Дария в Сузах (DSf)¹⁴⁵, которая также посвящена строительству. Однако треть (!) ее занимает славословие Ахура-Мазде и царю. Сурхкотальская же надпись имеет строго деловой характер. Она дает последовательное изложение событий и их мотивацию. Перед нами краткая летопись событий, образец деловой прозы.

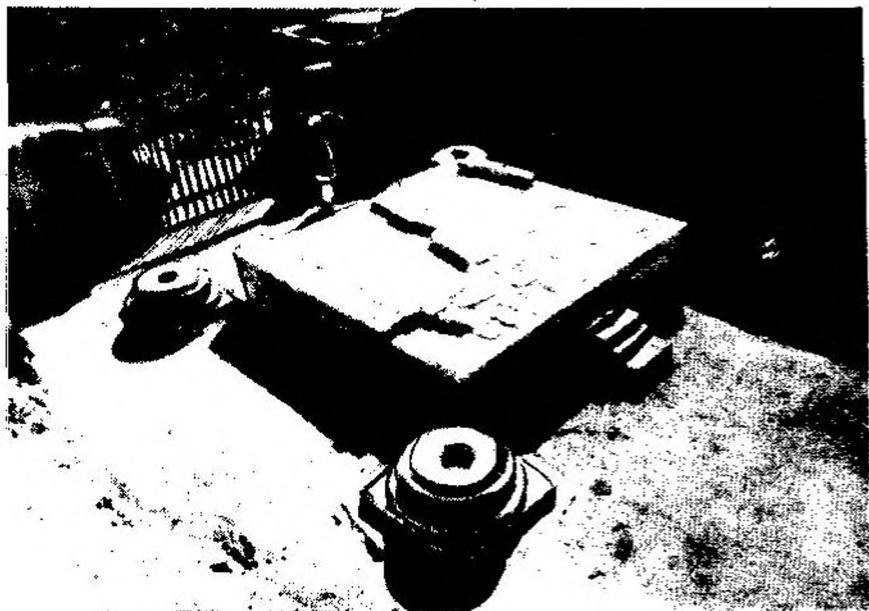
На юге Средней Азии открыто немало (правда, небольших) бактрийских надписей. Так, в самом Душанбе найден погребальный хум с краткой (одно слово) надписью; из Дашт-и Джума происходит бронзовый колокольчик с надписью, состоящей из 17 знаков (может быть, это просто буквы, нанесенные неграмотным мастером). В Термезе, в монастыре Кара-тепе, найдено несколько бактрийских надписей на черепках, в том числе билингвы; надписи, процарапанные на стенах. В Хорезме, на Топрак-кале, обнаружены памятники хорезмийской письменности, работа над расшифровкой которых ведется.

Религиозные верования

Религиозные верования в кушанское время отличались значительной сложностью. Основная часть среднеазиатского населения по-прежнему придерживалась зороастризма. Так, у согдийцев, как явствует из их личных имен (свыше 20), встречающихся в «старых согдийских письмах», население в основном придерживалось зороастризма. Эти имена восходят к име-

¹⁴⁴ Лившиц В. А., 1967, стр. 162—163; 1969.

¹⁴⁵ Текст см.: Kent R. G., 1953, p. 142—144; перевод: Абаев В. А., 1945.

Святылище храма в Сурх-Котале

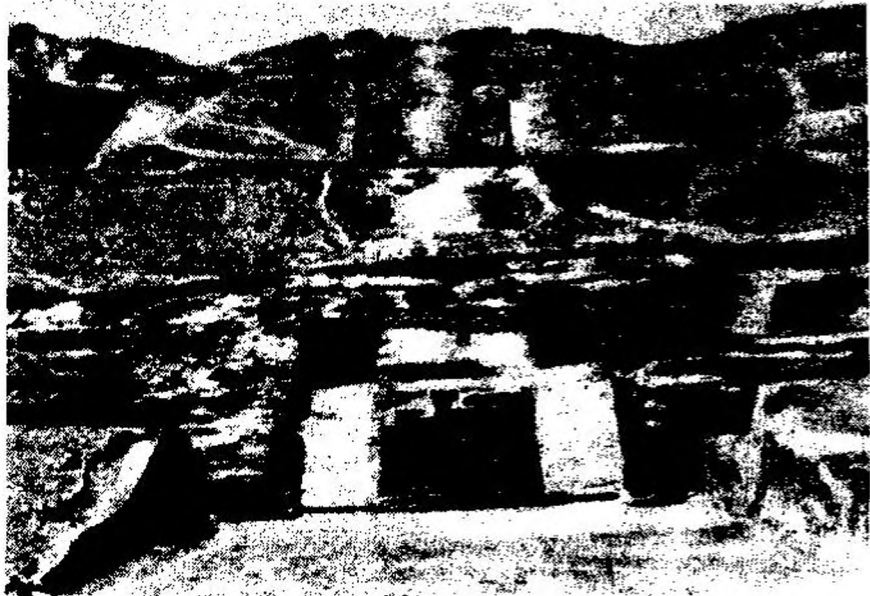
нам древнеиранских божеств, вошедших в среднеазиатско-зороастрийский пантеон. При этом «согдийский» зороастризм имел определенную специфику. Следует отметить, что одно из высших мест в согдийском пантеоне занимала богиня Нана[и]¹⁴⁶. Автор письма № 2 и адресат этого письма, живущий в Самарканде, носят имена, в составе которых слово «нана[и]». Это женское божество месопотамского происхождения, где оно было известно еще в шумерскую эпоху. Затем оно появляется в Ассирии, позже — в Иране, а в римское время распространяется от Египта и Греции на западе до Парфии, кушан и Согда на востоке. Возможно, в Средней Азии культ Нана[и] переплетался с культом Анахиты¹⁴⁷.

У согдийцев Восточного Туркестана, как, очевидно, и собственно Согда, были храмы — «вагн»¹⁴⁸. Большую роль в жизни согдийского общества играли жрецы — «вагнпаты».

¹⁴⁶ Henning W. B., 1948, p. 602—603; Henning W. B., pt. 2, 1965 a, p. 250—252.

¹⁴⁷ Ingholt H., 1954, p. 12—13; Дьяконова Н. В., Смирнова О. И., 1967 (работа Ингольта осталась авторам неизвестной).

¹⁴⁸ О всей согдийской терминологии, связанной с храмами, см.: Widengren G., 1965, S. 326.

Парадная лестница храма в Сурх-Котале

Для бактрийского зороастризма известные данные можно также получить, анализируя изображения божеств на кушанских монетах. Здесь в специфическом, бактрийском написании встречаются имена: Оромоздо — Ахура-Мазды, Михро — Митры, Мао — Маха (божество луны), Фарро — Фарна (божество обилия и царского счастья, судьбы), Орлагно — Вэрэтрагны (божество победы), Нана — Нанаи (божество плодородия) и др.¹⁴⁹ Встречаются и местные, специфические бактрийские обозначения, например Охшо, или Оахшо. Несомненно, это слово происходит из древнеиранского «вахшу». В авестийском «вахш» — «сказанное слово» (технический термин), в согдийском оно связано со значением «логос». В среднеиранских языках оно употреблялось в значении «дух», который иногда связан с «текущей водой»¹⁵⁰. В индийских источниках словом «вахшу» обозначается Амударья, которую греки знали под

¹⁴⁹ Stein A., 1887, p. 155—166; Widengren G., 1965, S. 333—338.

¹⁵⁰ Bailey H. W., 1931 a, p. 281. Некоторые лингвисты считают, что это слово происходит от слова «обмывать», другие доказывают, что оно означает «искрящийся» (Harmatta I., 1960, стр. 198).

сходным названием Оксус¹⁵¹. В надписи на резном камне из Калькуттского музея можно видеть религиозную формулу: «Вахш, единственный бог»¹⁵².

Представление о «вахше» как о божестве сохранилось в Средней Азии до средневековья. В начале XI в. Бируни сообщал о том, что у хорезмийцев есть праздник «вахшангам», и добавлял: «Вахш — имя ангела, поставленного [наблюдать] над водами, в частности, над рекой Джейхун»¹⁵³. В эпоху развитого средневековья и в наше время старое название Амударьи сохранилось лишь за одним из притоков Пянджа — Амударьи, а именно, за рекой Вахш. Но это свидетельствует, что именно здесь, на юге Таджикистана, особенно прочно укоренились верования в духа — покровителя речных вод Оашхо.

Представление о храме бактрийцев дает раскопанный французской экспедицией в Афганистане храм в Сурх-Котале. На высоком холме, куда ведет парадная трехмаршевая лестница, на возвышении, выполненном из кирпича и укрепленном по сторонам каменными плитами с пилястрами, располагался главный храм. Он был прямоугольный (35×27 м), более широкий по фасаду, чем в глубину, состоял из квадратного центрального помещения, с боковых сторон и сзади окруженного коридором. С фасадной стороны в храм вели три прохода: широкий — в центральную часть, узкие, расположенные по сторонам от него, — в коридор. В середине центрального помещения стояла квадратная каменная платформа, с колоннами по углам. Три ступени (у задней стороны) вели на платформу. Стены этого помещения были украшены пилястрами.

Пространство вокруг храма было окружено стеной крепостного типа — снаружи она имела прямоугольные башни. Внутри же, вдоль стены, шел колонный портик, а в плоскость стены были углублены ниши, в которых когда-то находились крупные, ярко окрашенные скульптуры из глины (большинство из них рассыпалось). Позже, между основанием возвышения и стеной двора, а также снаружи, вплотную к стене, были построены два небольших храма, у которых также было центральное квадратное помещение и окружающие его (но с четырех сторон) коридоры. В центральном помещении одного из этих храмов находилось ступенчатое возвышение, сделанное из сырового кирпича. Стены его были украшены по углам и в середине пилястрами, между ними находились вырезанные в глинe рельефы (изображения птиц). На верхней поверхности возвышения — сильно обожженное углубление, заполненное чистой золой. Это — алтарь огня. Строго говоря, это еще не может

¹⁵¹ Marquart J., 1938.

¹⁵² Лившиц В. А., 1969, стр. 65.

¹⁵³ Бируни, 1957, стр. 258.

Айртамский фриз

служить доказательством, что и главный храм был храмом огня. Высказывалось мнение, что он является династическим храмом. Исследователь этого храма Д. Шлюмберже считает, что храм мог сочетать обе функции — быть династическим храмом и одновременно храмом огня, и называет сурхкотальский храм «царским кушанским храмом огня»¹⁵⁴.

В одной из сурхкотальских надписей есть слово «Баголагго» — «святилище», — по-видимому, так назывался храм; это название перешло в наименование ближайшего района и населенного пункта (Баглан)¹⁵⁵.

Наряду с зороастризмом получают распространение и другие религии. Как известно, в кушанской Средней Азии был распространен буддизм. Вполне вероятно, что сведения о буддизме проникают в Среднюю Азию за несколько столетий до этого, может быть при Ахеменидах, но конкретные данные о распространении в Средней Азии буддизма относятся к значительно более позднему времени. Буддизм проник в Среднюю Азию через Афганистан. Его распространение, судя по всей совокупности имеющихся данных, шло несколькими (по крайней мере, двумя) путями: западными — на Мерв (в восточные области Парфии), восточными — на Термез (в Бактрию).

Цейлонская хроника сообщает о прибытии на Цейлон в

¹⁵⁴ Schlumberger D., 1961, p. 77—88.

¹⁵⁵ Henning W. B., 1956, p. 366—367.

Арфистка
айртамского
фриза

первой четверти I в. до н. э. на одно буддийское празднество некоего мудреца по имени Махадева. Этот мудрец приехал, скорее всего, не из самой Парфии, а из какого-то окраинного владения. Вскоре после этого буддизм проникает и в область Мерва. Имеются данные, что в 148 г. прибыл в Лоян и начал работу над переводами буддийских текстов на китайский язык Ань Ши-гао, судя по его имени, происходивший из страны Ань — Парфии. Именно ему и его ученикам Китай обязан знакомством с буддизмом. Более того, Ань Ши-гао был крупным ученым, и через него китайцы получили сведения о научных представлениях народов Средней Азии ¹⁵⁶.

¹⁵⁶ Литвинский Б. А., 1967 в; Litvinsky B. A., 1968.

Головки терракотовых фигурок кушанского времени.
Афрасиаб

Серебряный медальон с изображением богини-охотницы

Для Бактрии мы располагаем значительным количеством сведений. Известно имя знаменитого буддийского проповедника Гхошака, уроженца Тохаристана. Из Термеза происходил буддийский богослов Дхармамитра. Буддийские проповедники достигли области Чача, где возводились буддийские сооружения.

В Средней Азии была распространена буддийская школа Вайбхашика, в учении которой было немало материалистических моментов; в их теории познания содержались элементы диалектики. Как указывал Ф. Энгельс: «...Диалектическое мышление — именно потому, что оно имеет своей предпосылкой исследование природы самих понятий, — возможно только для человека, да и для последнего лишь на сравнительно высокой ступени развития (буддисты и греки), и достигает своего полного развития только значительно позже, в новейшей философии...»¹⁵⁷.

Известен целый ряд буддийских сооружений. Так, в Айртаме, неподалеку от Термеза, был частично раскопан буддийский монастырский комплекс I—II вв. н. э. Ядро его составляло святилище. Оно состояло из квадратного помещения, в центре которого был прямоугольный постамент — подставка реликвария, и вестибюльного помещения, стены которого были украшены замечательным каменным фризом. Монастырь включал ряд жилых и служебных помещений¹⁵⁸. В самом Термезе, на возвышенности Кара-тепе, раскапывается буддийский пещерный монастырь (в Индии такие монастыри были очень многочисленны). Здесь, в частности, производятся раскопки нескольких комплексов, каждый из которых состоял из пещерного святилища, окруженного четырьмя обходными сводчатыми коридорами, и двора с наземными культовыми постройками. Найдены следы настенных росписей, фрагменты каменных и алебастровых статуй¹⁵⁹. Неподалеку от Кара-тепе археолог Л. И. Альбаум ведет раскопки другого буддийского комплекса с прекрасной живописью и скульптурой — Фаяз-тепе. Это П-образный ряд коридоров, келий, святилищ и отдельно стоящая ступа. В самом Термезе есть и буддийская ступа — ее сейчас называют «Башня Зурмала». Рядом с Дальверзин-тепе (Сурхандарьинская область) обнаружен буддийский комплекс кушанского времени. Особый интерес представляет найденная в нем скульптура — изображения культовых буддийских и светских персонажей.

Христианство проникает в Среднюю Азию уже во II—III вв. н. э. Бируни сохранил сообщение, что один священник принес

¹⁵⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 537—538.

¹⁵⁸ Вязьмитина М. И., 1945.

¹⁵⁹ Грек Т. Е. и др., 1967; Ставиский Б. Я., 1967 а; 1969.

Скульптура из Халчаяна

в Мерв христианство приблизительно через 200 лет после смерти основателя этой религии¹⁶⁰. Можно было бы подумать, что эти сведения являются легендарными, если бы мы не располагали сообщениями сирийских (начало III в. н. э.) и армянских (IV в. н. э.) источников о распространении христианства в «стране кушан».

Появляются в Средней Азии адепты еще одной религии — манихейства, которая сыграла значительную роль в истории среднеазиатской идеологической жизни. Остановимся на этом несколько подробнее. Основатель этой религии Мани родился в 216 г. в знатной семье в Вавилонии, вблизи Ктесифона. Сасанидский царь разрешил проповедовать новую религию, но в конце концов Мани был заключен в тюрьму и там умер (в 276—277 гг.), а манихейское учение и сами манихеи подверглись в Иране жестоким гонениям.

Согласно манихейской доктрине, вначале, когда не было еще земли и неба, существовали два принципа: Свет (Добро) и Темнота (Зло). В реальной жизни смешаны элементы того и другого, и человек должен способствовать достижению совер-

¹⁶⁰ Бирюни, 1957, стр. 130.

шенства, помогая светлому началу в борьбе со злом. Учение Мани включало и соединяло в себе многие важнейшие элементы зороастризма, с одной стороны, и раннехристианского гностицизма, — с другой, а также в некоторой степени и буддизма. Оно не было монолитным: в отдельных школах манихейства явно пробивалась струя социального протеста — известен манихейский лозунг: «Кто богат — будет бедным, будет просить подаяния и претерпит вечные муки». Именно это, а также проповедь высоко нравственного идеала, обещания привести в «Рай Света» привлекали к манихейству массы трудящихся и средних слоев. Манихейство создало вместе с тем сильную организацию. Все это не могло не напугать сасанидский двор и зороастрийское жречество.

Еще при Мани и непосредственно после его смерти манихейство далеко выходит за границы Ирана. Проповедь манихейства в Средней Азии велась, вопреки приведенному выше лозунгу, в первую очередь среди знати, но постепенно охватила и широкие круги населения. Одним из выдающихся проповедников манихейства в Средней Азии был Мар Аммо. Затем манихейство проникло в Восточный Туркестан и еще позже в Китай. В Средней Азии и в Восточном Туркестане манихейство впитало в себя многое из буддизма, усвоив его некоторые идеи и частично терминологию. В своей религиозной пропаганде манихеи использовали искусство, в частности живопись — их религиозные книги были великолепно иллюстрированы. Поэтому в таджикско-персидской литературе и старых толковых словарях имя Мани является синонимом великого художника¹⁶¹.

В кушанское время у разных народов существовали различные погребальные обряды.

Большой интерес представляют погребения, относящиеся к кушанскому периоду (так называемый тип IIIБ), в гиссарском могильнике Туп-хана, открытом М. М. Дьяконовым. Это грунтовые могилы, выложенные и заложённые сырцовым кирпичом, иногда — сырцовые склепы. В головах стоит сосуд с загробной трапезой. Все сосуды прекрасно выделаны на гончарном круге. Большинство сосудов бокалообразной формы строгих пропорций. Характерно полное отсутствие оружия в этих могилах. Иногда в рот или на грудь трупа клались монеты, сходные по чекану с монетами царя Евкратиды (подражания его монетам) — времени после падения Греко-Бактрийского царства.

В женских могилах найдены украшения из золота (серьги),

---

¹⁶¹ О манихействе в Средней Азии см.: *Беленицкий А. М.*, 1954; *Asmussen J. P.*, 1965, *Litvinsky B. A.*, 1968, р. 14—17, 37—41. Общую характеристику манихейства см.: *Луконин В. Г.*, 1969 б, стр. 74—81.

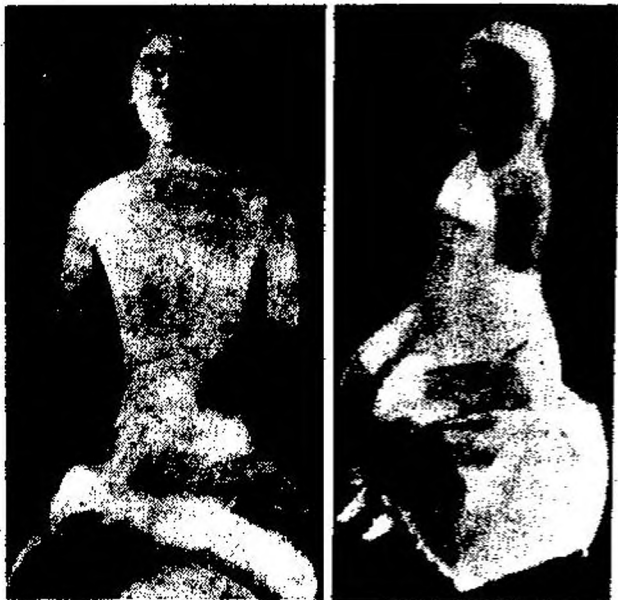
Арфистка. Настенная роспись из дворца Топрак-кала

железа (перстни, пряжки), камня и стекла (бусы), бронзы (зеркала, браслеты, перстни). Эти украшения дают много параллелей с сарматской культурой Прикаспия и Причерноморья. Интересно, что среди находок встречается янтарь, добывавшийся лишь в Балтийском море, раковины-каури из Индийского океана.

Вне могил найдено множество монет, из которых одна — царя Канишки; обнаружены зернотерки, обломок ручного жернова, клад железных ножей¹⁶².

Во время работ М. М. Дьяконова и последующих раскопок

¹⁶² Дьяконов М. М., 1950.

Статуарные оссуарии в виде сидящих человеческих фигур, первые века н. э.
Кой-Крылган-кала

Б. А. Литвинского здесь найдены и иные захоронения — в больших глиняных гробах из обожженной глины (такой обычай захоронения был широко распространен у парфян и, очевидно, заимствован от них). На территории г. Душанбе обнаружены захоронения в каменных гробницах и в хумах. На городище Кухна-кала (Вахшская долина) хоронили покойников в комнатах-камерах. Со II в. до н. э. (или даже раньше) в Хорезме, а затем в других областях Средней Азии распространяются оссуарии — керамические (редко каменные) костехранилища, куда помещались кости покойников¹⁶³.

Кочевое, полукочевое и часть оседлого населения хоронили своих покойников в курганах. Большое количество курганов раскопано в низовьях Кафирнигана и в Исфаринском районе, а также на территории Узбекистана и Киргизии.

Искусство

Кушанская эпоха — время апогея древнего искусства Средней Азии. Мы знаем о развитии искусства монументальных форм

¹⁶³ Рапопорт Ю. А., 1967.

(живопись, скульптура, рельефы), малой пластики (терракоты), прикладного искусства (ювелирное производство и т. д.). Уже сейчас мы располагаем обширным материалом, но накопление его в связи с археологическими работами идет столь интенсивно, что любая характеристика может устареть еще до своего появления в свет. Именно в области искусства наиболее ярко проявился гений среднеазиатских мастеров; в то же время отчетливо прослеживаются связи с соседними странами.

Значение памятников среднеазиатского искусства далеко выходит за пределы Средней Азии, ибо они позволяют по-новому рассматривать и объяснять важнейшие явления художественной культуры Востока. Так, например, обстоит дело с так называемым гандхарским искусством. Гандхара — древнее название страны, ядром которой являлась Пешаварская долина и которая включала также соседние области. Именно здесь выявлено много своеобразных памятников искусства, преимущественно каменной (и алебастровой) скульптуры и рельефов. По древнему имени страны они были названы гандхарскими, хотя произведения такого стиля распространены значительно шире: они встречаются на территории всей Северо-Западной Индии, Афганистана и на юге Средней Азии. Гандхарское искусство представляет собой удивительно яркий сплав местных и эллинистическо-римских традиций. Но проблема генезиса гандхарского искусства, его эволюция и хронологии до сих пор вызывает самые разноречивые, нередко полярно противоположные мнения, бесчисленное количество теорий и гипотез. Один ученый остроумно сравнил историю изучения гандхарского искусства с «полем битвы, на котором было сокрушено так много убеждений археологов, полем битвы, почва которого усеяна раздробленными латами — устаревшими теориями, обломками оружия — отвергнутыми гипотезами. Вместе с тем проблемы, ожидающие решения, столь бесчисленны и буквально вызывающе противостоят попыткам ученых, представляясь совершенно неразрешимыми»¹⁶⁴.

Основы изучения гандхарского искусства были заложены в трудах А. Фуше — французского ученого, так много сделавшего для исследования искусства и археологии Индии и Афганистана. Отсылая к его трудам¹⁶⁵, а также к трудам Д. Маршалла, Р. Роулэнда, А. К. Кумарасвами, И. Лохвизенде Леев, Г. Ингольта и др., отмечу лишь, что сравнительно недавно с очень интересной гипотезой выступил французский ученый Д. Шлюмберже. Опираясь на результаты новейших археологических открытий в зарубежной Азии, он настаивает на роли «греко-иранского элемента» (в частности греко-бактрийского) в сложении

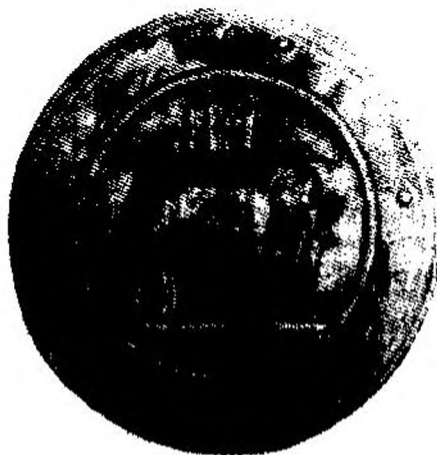
¹⁶⁴ Приведено в книге: *Ingholt H.*, 1957, p. 22.

¹⁶⁵ См. особенно: *Foucher A.*, 1905; 1918; 1922; 1951.

гандхарского искусства¹⁶⁶. Открытия же в Средней Азии дали прекрасный материал для суждения о собственно бактрийском искусстве. Великолепная скульптура и живопись Халчаяна, замечательная коропластика Бактрии не могут теперь не учитываться при исследовании проблемы генезиса гандхарского искусства.

Наряду с искусством Бактрии свои художественные школы создают в то время Согд, Хорезм и Парфия.

Бактрийский фалар. Серебро

Серебряная чаша кушанского времени с мифологическим сюжетом.

¹⁶⁶ Schlumberger D., 1960.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ ДРЕВНЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

1. ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ ДРЕВНЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Советские историки уже в конце 20-х — начале 30-х годов приступили к конкретному освещению социально-экономических формаций на Востоке с единственно правильной и глубоко научной позиции — позиции марксизма-ленинизма.

Большую роль в деле марксистской разработки социально-экономической истории сыграло опубликование в 1929 г. гениального труда В. И. Ленина «О государстве». В нем говорилось: «Развитие всех человеческих обществ в течение тысячелетий во всех без изъятия странах показывает нам общую закономерность, правильность, последовательность этого развития таким образом, что вначале мы имеем общество без классов — первоначальное патриархальное, первобытное общество, в котором не было аристократов; затем — общество, основанное на рабстве, общество рабовладельческое. Через это прошла вся современная цивилизованная Европа — рабство было вполне господствующим 2 тысячи лет тому назад. Через это прошло громадное большинство народов остальных частей света»¹.

Марксистское исследование проблемы истории социально-экономических формаций на Востоке в 20—30-е годы только еще начиналось. Трудность состояла, в частности, в том, что большая часть востоковедов — старшее поколение, наиболее вооруженное знанием конкретных фактов, — было еще недостаточно подготовлено в области марксистской идеологии. В этих условиях оказалось весьма актуальным выступление на Чрезвычайной сессии АН СССР в июне 1931 г. академика С. Ф. Ольденбурга — одного из ведущих представителей «старшего поколения». Он заявил: «Для нас нет разделения народов и стран на Восток и Запад, противоположные друг другу и иначе изу-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 70.

чаемые: Восток вошел в наш Союз на равных правах с Западом, и мы изучаем его с той же марксистской методологией, с какой изучаем Запад. Классовая борьба шла и идет на Востоке так же, как и на Западе. История Востока дала те же формации, как и история Запада. Это основные положения нашего востоковедения»². Так была сформулирована генеральная линия развития советского востоковедения, покоящаяся на гранитной базе марксизма-ленинизма. Таким образом, марксистский взгляд на историю народов Востока явился прямой противоположностью тому реакционному направлению буржуазной науки, лейтмотивом которого явились слова барда британского империализма Киплинга: «О, Восток есть Восток, а Запад есть Запад, и никогда оба они не сойдутся, пока земля и небо не предстанут перед великим судилищем бога!»

Исходя из марксистской трактовки источников по истории древнего Египта и Месопотамии, изученных им с большой тщательностью, В. В. Струве пришел в начале 30-х годов к мнению, что древневосточные государства являлись рабовладельческими обществами примитивного типа³. В 1933 г. он сформулировал свою концепцию в специальном докладе в Государственной Академии истории материальной культуры, который вскоре был опубликован⁴. Смелость этого выступления, новизна конкретной постановки вопроса о существовании рабовладельческой социально-экономической формации на Востоке и вместе с тем присутствовавшая в нем переоценка роли рабов и недооценка роли общинников привели к тому, что некоторые крупные ученые тогда не согласились с трактовкой этой проблемы В. В. Струве. Другие ученые приняли и стали развивать положение о существовании рабовладельческой формации на Востоке⁵.

Вскоре, в том же 1933 г., С. П. Толстов выступил на пленуме Академии материальной культуры, посвященном вопросам генезиса и развития феодализма, с докладом «Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах»⁶. Он обосновал ряд важных положений, затем прочно вошедших в арсенал советской исторической науки, например о теснейшей связи кочевников и оседлых земледельцев и др. Вместе с тем он выдвинул гипотезу о том, что кочевники Центральной Азии (начиная с хуннов) со II в. до н. э. и вплоть до VIII—IX вв. проходили рабовладельческую стадию развития, причем «рабовладельческая стадия в развитии обществ с преобладанием коче-

² *Ольденбург С. Ф.*, 1931, стр. 9.

³ *Струве В. В.*, 1932.

⁴ *Струве В. В.*, 1934 б; 1934 а.

⁵ Подробнее о дискуссиях начала 30-х годов см.: *Постовская Н. М.*, 1961, стр. 79—82, 98—100.

⁶ *Толстов С. П.*, 1934.

вого скотоводства, соответствующая античной формации Средиземноморья, развивается в своеобразной форме военно-рабовладельческой демократии»⁷. Детального обоснования и конкретного анализа приведено не было, аргументация С. П. Толстова ослаблялась еще и тем, что некоторые ее исходные точки были ошибочны (например, утверждение, что у туркмен в XIX в. сохранялся рабовладельческий строй, и др.). Однако в целом выдвинутая С. П. Толстовым мысль, конкретизирующая марксистское учение об общественно-экономических формациях применительно к Востоку, была исключительно продуктивной. Логически отсюда вытекало, что не только кочевые народы Средней Азии, но и тесно связанные с ними оседлые общества прошли рабовладельческую стадию развития.

Новая постановка проблемы вызывала тогда резкие возражения ряда ученых. Так, например, А. Н. Бернштам на пленуме 1933 г. защищал мнение о переходе «большой части Азии (куда он включил и Среднюю Азию.— Б. Г.) от первобытного коммунизма к феодальному обществу, минуя рабовладельческую формацию»⁸. Двумя годами позже, в 1935 г., М. Е. Массон, утверждал, что в эпоху после VIII в. н. э. в Средней Азии уже начинается процесс «разложения старых феодальных отношений»⁹.

Однако постепенно представление о том, что народы Средней Азии прошли через эпоху рабовладельческого строя, проникает на страницы научно-популярных¹⁰ и специальных изданий¹¹.

В 1938 г. С. П. Толстов впервые дал развернутую формулировку положения о рабовладельческом строе древней Средней Азии. Основные тезисы были следующие:

Согдийская аристократия времени, предшествующего арабскому завоеванию, сочетала в себе черты «рабовладельческих и родоплеменных вождей».

Ее власть опиралась на «отряды вооруженных рабов-чакиров... и привилегированное конное ополчение аристократической молодежи», о которых сообщают арабско-персидские и китайские источники. Этот тип организации дружин характерен и для парфянского времени.

Древняя цивилизация среднеазиатских оазисов имела специфический «городской» облик.

Кочевники и земледельцы были исключительно тесно связаны друг с другом.

⁷ Толстов С. П., 1934, стр. 179, 185.

⁸ Бернштам А. Н., 1934, стр. 343.

⁹ Массон М. Е., 1935, стр. 217. Далее (стр. 227) он писал о «разложении феодального строя» Средней Азии в X в.

¹⁰ См., например: Баженов Л. В., 1937.

¹¹ Массон М. Е., 1938, стр. 83.

Рабовладение было широко развито в среде оседлого и кочевого населения. Это прямо вытекает из данных китайских источников и «старых согдийских писем». Об этом также свидетельствует факт вхождения Средней Азии в Ахеменидское государство и косвенно сведения о рабстве, содержащиеся в сасанидском судебнике. Массовые рядовые погребения тех усуньских курганных могильников, где нет цепочек курганов, — вероятно, погребения рабов, принадлежащих усуням (другой вариант — «посаженных на землю рабов и усуньской аристократии»).

«Археологические источники заставляют предполагать значительное использование рабского труда в создании ирригационной сети Средней Азии... Осуществление строительства этой сети силами крестьян при имевшихся в распоряжении древних согдийцев и хорезмийцев технических средствах должно было оторвать от сельского хозяйства такое количество рабочей силы, которое сделало бы невозможным сколько-нибудь нормальное функционирование этого хозяйства... Перефразируя известные слова Энгельса, мы можем сказать, что если бы не было рабства, богатая ирригационная культура Востока не могла бы возникнуть».

Хотя «пережитки первобытного общественного уклада продолжают сохраняться на протяжении многих веков после того, когда Средняя Азия входит в поле зрения письменных памятников, начиная с первых веков первого тысячелетия до нашей эры мы можем нащупать первые признаки крупного сдвига в общественном укладе народов Средней Азии, постепенно втягивающихся в рабовладельческую систему классового Востока».

«Общий кризис рабовладельческого мира, опрокинувший Римскую империю и разрушивший государство древнего Китая, не миновал и Средней Азии. В V в. Кушанское царство падает под ударами варварских племен, выступающих здесь под тем же именем, что и в IV в. в Китае и в IV—V вв. в Европе, — под именем гуннов»¹².

Эти положения С. П. Толстова, за исключением двух первых, вытекавших из неправильной посылки, что эпоха рабовладельческого строя в Средней Азии будто бы продолжалась вплоть до VII—VIII вв., в основном¹³ были приняты абсолютным большинством советских ученых и сыграли важную роль в марксистской разработке древней истории Средней Азии.

Впоследствии С. П. Толстов многократно возвращался к проблеме социально-экономического строя древней Средней

¹² Толстов С. П., 1938 б, стр. 24—32, 47—49; 1938 а, стр. 182—187.

¹³ Некоторые частные положения, например о рядовых захоронениях как могилах рабов усуней, в дальнейшем также не подтвердились.

Азии¹⁴, пытаясь обосновать положение о господствовавшем здесь рабовладельческом строе преимущественно путем привлечения новых наблюдений над историей ирригационной сети Хорезма. Какое-то использование рабского труда в сельском хозяйстве, в частности в ирригационном деле, не исключено. Однако утверждение С. П. Толстова, что свободное население не принимало участия в ирригационном строительстве и что древние каналы проведены силами «огромной массы рабов, не занятых в других видах земледельческого труда»¹⁵, на наш взгляд, не может рассматриваться как бесспорное¹⁶. По подсчетам С. П. Толстова, на постройку двадцатипятикилометрового Джанбаскалинского канала мужское население зоны канала должно было, работая по 20 дней в году, затратить 15—25 лет. Это, по мнению С. П. Толстова, невероятно, и, следовательно, эти каналы были построены большим количеством рабов. Эти рассуждения исходят из двух предпосылок: крупные каналы строились очень быстро; земледельческое население оазиса могло принимать участие в ирригационных работах в среднем на протяжении 20 дней в году.

Однако крупные каналы могли строиться и на протяжении ряда лет (в некоторых случаях — десятилетий), а ирригационная сеть в целом должна была создаваться на протяжении столетий. С другой стороны, особенности среднеазиатского (в том числе и хорезмийского) сельскохозяйственного года допускают отрыв земледельческого населения на строительство и очистку оросительных сооружений по крайней мере на два и даже три месяца в год¹⁷. И, следовательно, тот же Джанбаскалинский канал (если исходить из цифр С. П. Толстова и Б. В. Андрианова, которые оценивают число взрослых мужчин-работников примерно в 1000 человек) мог быть построен населением зоны канала за четыре года или пять лет¹⁸.

Наконец, примитивность сельскохозяйственной техники делает малоэффективным и попросту невыгодным исключение из занятий полеводством «огромной массы» работников, со сле-

¹⁴ См. особенно: Толстов С. П., 1948 а; 1948 б и др.

¹⁵ Толстов С. П., 1958, стр. 115. О сомнениях в правильности этого положения см.: Беленицкий А. М., 1955, стр. 507.

¹⁶ ИТН, I, стр. 475—476.

¹⁷ В конце XIX в. были случаи, когда население работало на очистке каналов около двух месяцев в году (Шкапский О., 1909, стр. 49—50; Дингельштедт М., 1895, стр. 65).

¹⁸ В самом деле, оценивая объем земляных работ, необходимых для проведения канала, в 750 тыс. куб. м (Андрианов Б. В., 1969, стр. 128) и дневной объем грунта, вынутого одним землекопом, в 2,5 куб. м, легко подсчитать, что этот объем земляных работ мог быть выполнен за пять лет. Однако если производительность труда была выше и приближалась к известной по папирусным документам для эллинистического Египта, а именно 3,5 куб. м (Крюгер Е. В., 1935, стр. 28), то эти же работники могли соорудить такой канал за три года.

циализацией их труда лишь в области ирригационного строительства. Обеспечение их даже минимальными средствами существования ложилось бы тяжелой обузой на сельскохозяйственное население. При том уровне сельскохозяйственной техники, какого она достигла в Хорезме к концу XIX в., один работник мог обработать в год (при наличии соответствующего рабочего скота) очень небольшую земельную площадь¹⁹. А в древности сельскохозяйственная техника была еще ниже. Следовательно, возможность и необходимость расширения посевных площадей строго лимитировались количеством людей, участвующих непосредственно в полевых работах²⁰.

Известно, что в XIX — начале XX в. урожайность пшеницы на поливных землях была порядка 15—20 ц с га²¹. При этом 1,5—2 ц необходимо было оставлять на семена. Часть (во всяком случае не менее $\frac{1}{3}$, судя по тому, что было в средневековье) крестьянин сдавал в виде подати или налога²². В его распоряжении оставалось всего 8—11 ц. Для древности цифры, несомненно, надо значительно снизить. Введя (разумеется, чисто умозрительно) 50-процентный поправочный коэффициент, мы получаем цифру 4—5,5 ц; этого достаточно для годового пропитания всего двух, максимум трех человек. Учитывая, что в полевых работах принимали участие, помогая основному работнику, и другие члены семьи, древнехорезмийская сельская семья едва прокармливала себя и уплачивала налоги.

Исходя из этого, более вероятным будет предполагать, что в ирригационном строительстве, а также в сезонной очистке каналов, как правило (хотя известны и исключения), участвовало все сельское население оазисов, в том числе, разумеется, и рабы. Прав Б. А. Литвинский, который писал: «В проведении новых каналов была заинтересована государственная власть, взимавшая соответствующие подати за пользование водой и орошенной землей. Поэтому сельское население, очевидно, пришлось проводить каналы. Эта работа, вероятно, осуществлялась под руководством и контролем представителей государственной власти»²³.

Этот же исследователь в качестве аналогии указал на Ассирию, где существовало представление о строительстве как общенародном деле, в котором участвовал (конечно, символиче-

¹⁹ Шкапский О., 1900, стр. 191.

²⁰ По расчетам С. П. Толстова, в зоне Джанбаскалинского канала жило не больше 4—5 тыс. человек, из них 1—1,5 тыс. взрослых мужчин (цифры, может быть, несколько преувеличены — Андрианов Б. В., 1969, стр. 127). Даже если предположить, что все они непосредственно участвовали в сельскохозяйственном производстве, то они могли обработать сравнительно небольшую площадь.

²¹ Масальский В. И., 1913, стр. 442.

²² Бродовский М., 1872, стр. 240; Давидович Е. А., 1970, стр. 124—125.

²³ ИТН, I, стр. 476.

ски) и сам царь как представитель общины²⁴. Пережитки этого древнего обычая сохранились в Хивинском ханстве до XIX в. Перед ежегодной очисткой каналов после большой церемонии в канал опускался сам хан, ему подавали лопату и он делал вид, что собирается начать работу²⁵.

Социальная значимость, так сказать «ранг», строителей каналов на древнем Востоке была столь высока, что, скажем, в шумерской мифологии боги сами участвуют в ирригационных работах — роют землю мотыгами, выносят вырытый грунт в корзинах²⁶.

В птолемеевском Египте работы по проведению каналов и устройству плотин производились с помощью местного покоренного населения, которое принудительно привлекалось государством. Вообще считалось, что в них должно участвовать все население, но представители привилегированных сословий отделялись внесением соответствующего налога. Привлеченные к повинности лица снабжались правительством кирками и корзинами для переноски земли; орудия после окончания работы надлежало возвращать²⁷.

На Востоке элементарная экономическая целесообразность требовала участия всего сельского населения в проведении каналов. Такие обширные работы не могли проводиться без направляющей и регулирующей деятельности государственной власти, как писал К. Маркс в работе «Британское владычество в Индии»: «Климатические условия и своеобразие поверхности... сделали систему искусственного орошения при помощи каналов и ирригационных сооружений основой восточного земледелия... Отсюда та экономическая функция, которую вынуждены были выполнять все азиатские правительства, а именно функция организации общественных работ. Такая система искусственного повышения плодородия почвы, зависевшая от центрального правительства и немедленно приходившая в упадок при нерадивом отношении этого правительства к ирригационным и осушительным работам, объясняет тот необъяснимый иначе факт, что мы видим теперь бесплодными и пустынными целые территории, некогда бывшие прекрасно возделанными...»²⁸

Уточняя и углубляя положение о развитии в истории Средней Азии рабовладельческой формации, в 40—60-е годы советские исследователи детально разрабатывают вопросы политической истории, развития производительных сил, денежного

²⁴ Дьяконов И. М., 1949, стр. 27.

²⁵ Гулямов Я. Г., 1957, стр. 262.

²⁶ «Возникновение и развитие земледелия». М., 1967, стр. 37—38.

²⁷ Крюгер Е. В., 1935, стр. 27—30; Зельин К. К., Трофимова М. К., 1969, стр. 74—75.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 132.

обращения, культуры и другие аспекты этой формации. Кроме того, были сделаны попытки определить специфику среднеазиатского рабовладельческого строя и наметить этапы его развития²⁹. Таким образом, в советской науке утвердилось мнение о том, что в древней Средней Азии господствовал рабовладельческий строй³⁰.

Исследование комплекса исторических материалов приводит к убеждению, что среднеазиатский рабовладельческий строй отличался некоторыми существенными особенностями. Уже в первом издании «Истории таджикского народа» (М., 1949) подчеркивались принципиальные особенности общественного строя древней Средней Азии. Эти взгляды были развиты и уточнены в последующих изданиях этой книги.

В I томе коллективной «Истории таджикского народа» (М., 1963) Б. А. Литвинским были проанализированы материалы, которыми располагала наука к началу 60-х годов о древней Средней Азии, и сопоставлены с данными по социально-экономической истории прилегающих стран Востока. Это наиболее полное и систематическое исследование также являлось определенным шагом вперед в разработке проблемы.

Особо следует остановиться на дискуссии об «азиатском способе производства».

В конце 20-х — начале 30-х годов в советской исторической науке происходила большая дискуссия об «азиатском способе производства». Она вновь возникла в середине 60-х годов, причем начало второй дискуссии положили выступления зарубежных ученых-марксистов³¹. Многочисленные статьи на эту тему опубликованы в научных журналах, вышли в свет сборники и отдельные исследования³².

Термин «азиатский способ производства» встречается в работах основоположников марксизма. Однако к 80-м годам XIX в., когда К. Маркс и Ф. Энгельс вплотную занялись вопросами древнейшей истории, их взгляды меняются. В книге Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884 г.) место «азиатского способа производства» занимает первобытный строй, за которым следует рабвладельческий строй.

---

²⁹ Об этом см.: Бернштам А. Н., 1949; Толстов С. П., 1938 б, стр. 417—419.

³⁰ Несколько советских ученых, занимающих иную позицию в отношении этой проблемы (И. И. Умяков, А. М. Беленицкий), вынуждены в значительной степени ограничиться соображениями негативного характера, но не могут предложить сколько-либо убедительной альтернативы представлениям о существовании рабовладельческой формации в древней Средней Азии.

³¹ Некоторые их работы опубликованы в нашей печати («Народы Азии и Африки», 1965, № 1).

³² «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке. (Азиатский способ производства)». М., 1966; Качановский Ю. В., 1971; «Проблемы», 1971.

дельческий. В 1887 г. Ф. Энгельс писал: «В азиатской и классической древности преобладающей формой классового угнетения было рабство, то есть не столько экспроприация земли у масс, сколько присвоение их личности... В средние века не освобождение народа от земли, а напротив, прикрепление его к земле было источником феодальной эксплуатации»³³. В. И. Ленин в специальной работе «О государстве»³⁴, посвященной социально-экономическим формациям, дает развернутую характеристику каждой из формаций и картину их последовательной смены; однако при этом не называет «азиатский способ производства», упоминая его лишь при цитировании соответствующих работ К. Маркса. Мы разделяем точку зрения тех советских ученых, которые полагают, что К. Маркс и Ф. Энгельс со временем отказались от представления о каком-то особом «азиатском способе производства». Попытка причислить В. И. Ленина к числу сторонников «азиатского способа производства» является явной натяжкой.

Вместе с тем в процессе последней дискуссии вскрылась необходимость более всестороннего и широкого определения содержания рабовладельческой формации. Совершенно неправомерным и догматическим следует считать представление о рабовладельческой формации как об обществе, где обязательно преобладающая (или даже основная) часть непосредственных производителей должна быть рабами. На самом деле история почти не знает таких обществ, в большинстве же случаев рабы составляли меньшую часть трудового населения. Само положение рабов также могло быть очень различным. Наконец общество, которое мы называем рабовладельческим, на самом деле было многоукладным³⁵.

Всего этого нельзя не учитывать при рассмотрении общественного строя древней Средней Азии.

2. СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ СТРОЕ ДРЕВНЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Социальная и имущественная дифференциация

Уже в конце III — начале II тыс. до н. э. в Южной Туркмении начинает отчетливо прослеживаться имущественная дифференциация. В иранском памятнике — Тепе-Гиссар — для этого времени известны очень богатые погребения вождей. В Юж-

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 348—349.

³⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39.

³⁵ Дьяконов И. М., 1966, стр. 47—52.

ной Туркмении столь богатых погребений нет, но наряду с обычными захоронениями имеются четко выделяющиеся. Таково, например, так называемое захоронение жрицы с золотыми кольцами и прекрасными бусами (Алтын-тепе). О развитии имущественной и социальной дифференциации свидетельствует распространение печатей. Обнаружение кладов говорит о процессе накопления сокровищ в руках представителей отдельных семей³⁶. Возведение построек типа дворцов и храмов наглядно свидетельствует об обществе, уже, по-видимому, разделенном на классы. Процесс имущественной и социальной дифференциации на юге Средней Азии, точнее, в Южной Туркмении, начался до того, как первые признаки этого явления стали прослеживаться на других территориях. Причины такого «опережающего» развития Южной Туркмении многообразны. Отметим, в частности, что в Южной Туркмении имелся наиболее оптимальный (в Средней Азии) комплекс условий для развития первобытного орошаемого земледелия. С другой стороны, именно Южная Туркмения находилась в наиболее благоприятных условиях в отношении связей и контактов с городскими цивилизациями Востока.

Процесс развития классового общества в Южной Туркмении вначале протекал по восходящей, а затем, в середине и во второй половине II тыс. до н. э., начал затухать. Здесь невольно возникает ассоциация с Северной Индией. Можно лишь догадываться о характере социальных изменений в южнотуркменистанском обществе этого времени. Безусловно в это время уже существовала значительная социальная и имущественная дифференциация. Характерно также наличие укрепленных поселений с цитаделями — они известны для конца II — начала I тыс. до н. э. не только для Туркмении, но и для Бактрии. К ним в полной мере могут быть отнесены слова Ф. Энгельса: «Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни достигают уже цивилизации»³⁷.

С новой силой процессы имущественной и социальной дифференциации и классового образования протекают в первой половине I тыс. до н. э. Принципиально новым является то, что эти процессы теперь охватывают основные территории Средней Азии. Их отражение можно найти в «Авесте», даже в ее древнейших частях. В понимании авторов «Авесты» богатство — это прежде всего скот. Могучий герой Йима обладает «хорошими стадами»; говорится о «домах, богатых скотом». Самому Заратуштре обещан одним лицом подарок — десять кобыл с жеребятами и

³⁶ Массон В. М., 1967 б, стр. 187.

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 164.

один верблюд, который, как справедливо отмечает В. А. Лившиц, «вряд ли мог исходить от рядового общинника»³⁸.

О социальном строе Средней Азии середины и второй половины I тыс. до н. э. данные чрезвычайно скудны. Мы располагаем некоторыми намеками на социальное расслоение. Так, среди бактрийцев и согдийцев имеются «знатнейшие» (*nobilissimi*), выделяющиеся «знатностью» *αξιωσις* (Квинт Курций, VII, 10, 4; Арриан, VII, 6, 3). Знакомо было Средней Азии и рабство. В источниках имеются сведения об «обращении в рабство» (*αυδραλοδισμος*) жителей западных областей Ахеменидского царства и поселении их в Средней Азии. Так, в Бактрии были поселены жители греческого города Барка (Северная Африка) (Геродот, IV, 204). Восставшим грекам-ионийцам персы грозят порабощением и высылкой их дочерей в Бактрию (Геродот, VI, 9). Видимо, Бактрия была обычным местом поселения рабов из западных областей Ахеменидского царства. Но это — царские рабы. О частных рабах для этой эпохи мы имеем меньше данных. Так, известно одно сообщение, и то не вполне достоверное, о рабе (*servus*) согдийца Спитамена (Квинт Курций, VIII, 3, 9). Вместе с тем в источниках имеются указания на следы родоплеменного строя в социальной организации среднеазиатского населения этого времени. Так, видимо, население одного города на севере Согдианы названо племенем или родом (*gens*) мемакенов (Квинт Курций, VII, 6, 17).

Согдийская и бактрийская знать в эпоху Александра Македонского располагала огромными богатствами. Косвенно об этом свидетельствует, в частности, эпизод с Хориеном, который смог обеспечить македонское войско съестными припасами сроком на 2 месяца (Арриан, IV, 21, 10). Разгромивший Красса знатный парфянин из рода Сурена, по словам Плутарха («Жизнь Красса», 21), «был человек далеко не дюжинный: по богатству, знатности рода и славе занимал второе после царя место... В поход выступал он не иначе, как везя за собой припасы на тысяче верблюдов и двести повозок с наложницами; тысяча конных латников и еще большее число легковооруженных сопровождали его особу; всех же всадников, конников и рабов было у него не менее десяти тысяч». В Давани иностранный наблюдатель отмечал наличие «богатых домовладений» и «старейшин»; богатые имели большие запасы вина. У кочевников-усуней богатые владели 4—5 тыс. лошадей.

---

³⁸ ИТН, I, стр. 145—146.

**Структура среднеазиатского общества
в конце I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э.**

На греко-бактрийских и более поздних монетах, а также на монетах кушанского чекана имеются греческие или восточно-иранские обозначения главы государства — «правитель», «царь», «царь царей». На одной печати-гемме, происходящей из Индии, сделана надпись кушанским письмом — имя, а затем титул «вазорк-фрамадар»³⁹. В сасанидском Иране имелся «вазург фрамадар» — глава всей администрации, так сказать, премьер-министр. Эту должность занимали особы царского рода или представители самых знатных фамилий⁴⁰. Но следует иметь в виду, что в Средней Азии значение этого титула могло быть и иным: в раннесредневековых согдийских текстах из Средней Азии фрамандар (буквально — «державный приказ») — «управляющий дворцовым хозяйством»⁴¹. Однако в кушанское время это был, вероятно, высокий (или один из высших) государственный чиновник.

В Государственном Эрмитаже⁴² и Британском музее⁴³ имеются печати с титулом владельца — «хазарухт», что соответствует сасанидскому хазарпату⁴⁴. Хронологическая принадлежность этих печатей не совсем ясна; по-видимому, они относятся уже к послекушанскому времени. Нельзя с определенностью сказать и о месте их изготовления, но мы можем привлекать их как дополнительное доказательство наличия в Бактрии III—V вв. н. э. развитого государственного аппарата.

В сурхкотальской надписи титул Ноконзока обозначен как «каралраг». Как показал В. Б. Хеннинг, он идентичен сасанидскому титулу «канаранг» («охраняющий границу» или «укрепляющий границу»), который носил правитель восточной (пограничной со Средней Азией) части Сасанидского государства; его функции были скорее военными, чем гражданскими. Этот титул получил широкое распространение в Средней Азии — его в раннем средневековье носили, например, представители самаркандского правящего дома⁴⁵.

На хранящейся в Государственном Эрмитаже печати В. Б. Хеннинг прочел слово «асбаробид». Первая часть слова соответствует среднеперсидскому «асбар» — «всадник», «рыцарь» (в таджикском это слово известно в форме «савор»), а вторая часть восходит к древнеиранскому «пати» — «хозяин»). Итак,

³⁹ Bivar A. D. H., 1961, p. 320—322.

⁴⁰ Дьяконов М. М., 1961, стр. 299.

⁴¹ Лившиц В. А., 1962 б, стр. 134—135.

⁴² Stavisky B. J., 1960, p. 107.

⁴³ Bivar A. D. H., 1965, p. 209—210.

⁴⁴ Henning W. B., 1965 b. S. 81.

⁴⁵ Ibid., S. 77—78.

это слово, скорее титул, чем имя, обозначает «начальник конницы»⁴⁶.

На одной кушанской гемме обозначено имя ее владельца «харбала» — «сидящий на осле». Это же имя встречается, как подметил В. А. Лившиц, на двух индийских надписях брахми из Сарнатха (около Бенареса), причем одна из них имеет дату — третий год правления Канишки. В этой надписи сообщается об устройстве буддийского сооружения и среди донаторов названы два «сатрапа»: *Vanasraga* и *Khagarallano*. Последнее имя — индийская передача того же имени, что выгравировано на гемме, *Vanasraga* — происходит от бактрийского *Vanasrag* — «взывающий к победе». Во второй из вышеупомянутых надписей *Khagarallano* назван «великим сатрапом»⁴⁷.

Областной и местный административный аппарат, как известно по Парфии, был чрезвычайно разветвленным и предназначен для подавления непосредственных производителей.

Итак, два полюса. С одной стороны, знать, в руках которой сосредоточивались колоссальная власть и огромные богатства, с другой — те, кто своим трудом их создавал. Более детально о составе трудового населения, если говорить именно о Средней Азии, известно ничтожно мало. Кто занимался возведением дворцов и устройством укреплений, кто трудился в городских ремесленных мастерских, из кого состояло сельское население, — в сохранившихся источниках почти ничего не сообщается. Безусловно, в Средней Азии имелись и рабы⁴⁸ и зависимое подневольное население.

Следует подчеркнуть, что, как доказали лингвисты, термин для обозначения патриархального раба существовал у индоевропейцев уже в эпоху бронзы и, следовательно, они уже тогда знали патриархальное рабство. В эпоху «Авесты» существовали рабы и зависимые люди. Для более позднего времени сообщается о рабах в Парфии, Согде, говорится о рабах, происходящих из Бактрии и, по-видимому, Ферганы. В «старых согдийских письмах» и других согдийских письменных памятниках встречаются термины «вандак» («раб») и «дайа» («рабыня»). В согдийском брачном контракте (начало VIII в. н. э.) фигурирует четыре вида зависимых людей. Среди них уже упомянувшиеся выше рабы вандаки, долговые рабы нипаки и рабы-военнопленные ванаки. В сасанидском судебнике, оформленном в VI в. н. э., имелись рабы бандаки (это общее обозначение ра-

⁴⁶ *Henning W. B.*, 1962.

⁴⁷ *Лившиц В. А.*, 1967, стр. 168—170. Относительно административного устройства Кушанского государства интересные данные собрал индийский ученый Б. Н. Пури (*Puri B. N.*, 1965, р. 80—87; здесь, в частности, сообщается о наличии царского совета).

⁴⁸ Сведения источников о рабах в Средней Азии собраны и проанализированы в I томе «Истории таджикского народа» (М., 1963).

ба) и рабы анашахрики (первоначально комплектовались из военнопленных)⁴⁹. Из примерно синхронных надписей на оссуариях из Ток-калы (Хорезм) отмечен термин «хунаник» («раб»). Судя по некоторым данным, до арабского завоевания в Хорезме термин «хун» обозначал раба-чужестранца.

Исключительное значение для решения проблемы социально-экономического строя имеют документы с Топрак-калы (II—III вв. н. э.). Это списки домов-семей, вернее, мужских членов их, т. е. агнатических групп. Так, в документе № 8 говорится, что группа состояла из 21 человека, из них свободных — 4 (домовладыка, два совершеннолетних сына и зять). Рабов же (или домашних слуг) — 17 человек, причем 12 из них рабы (или домашние слуги) самого домовладыки, 2 — его жены, 2 — его детей и 1 — сына его наложницы⁵⁰. От их исторической интерпретации до полной публикации этих документов лучше воздержаться.

Однако еще раз подчеркиваем, что рабский труд не являлся ни единственным, ни, вероятно, преобладающим. Это относится, в частности, к сельскому хозяйству. Известный индолог-марксист Вальтер Рубен (ГДР) полагает, что в древней Индии количество рабов было весьма значительным, однако непосредственно в производстве (в сельском хозяйстве, как и в ремесле) их роль не была значительной, так как их труд не был рентабельным⁵¹. Так обстояло дело не только в одной Индии, а, как показали советские исследователи, в большинстве стран древнего мира, где не было развитого товарного производства. И. М. Дьяконов пишет: «...Только такие общества, как Коринф, Афины или Рим — поздней республики и ранней империи, — т. е. только некоторые общества древнего мира, общества с преимущественно товарным производством, являются примерами интенсивного развития негосударственного рабовладения в крупных масштабах»⁵².

Нам представляется, что и в Средней Азии рабский труд, в частности в сельскохозяйственном производстве, играл подчиненную, если не второстепенную роль.

В этой связи нужно подчеркнуть, что некоторые прямые и множество косвенных данных свидетельствуют, что в древней Средней Азии, как и на древнем Востоке в целом⁵³, огромное место занимала община. Патриархальные домовые общины и объединяющие их соседские общины — вот та основа, на которой зиждилось древнее общество. Она, говоря словами И. М.

⁴⁹ ИТН, I, 1963, стр. 468—476.

⁵⁰ Гудкова А. В., Лившиц В. А., 1967, стр. 13—14; Бентович И. Б., 1969, стр. 304—305.

⁵¹ Ruben W., 1957, S. 101.

⁵² Дьяконов И. М., 1963, стр. 18.

Дьяконова, являлась прежде всего гражданской организацией полноправных свободных и рабовладельцев⁵⁴.

В раннесредневековом Согде (и, по-видимому, раньше) община (*наф*) состояла из знати (*азаткар*), торговцев (*хвакар*) и свободных крестьян-общинников и ремесленников (*кариккар*)⁵⁵. Вообще же со времени «Авесты» в иранских языках встречается противопоставление высших по социальному положению низшим. Первые называются *азата* («свободные», «благородные») ⁵⁶. Им противостояли зависимые люди, и прежде всего рабы.

По словам Ф. Энгельса, «восточный деспотизм был основан на общей собственности»⁵⁷.

Хотя рабовладельческие отношения составляли важный уклад в социально-экономическом строе и общество в целом, как это делается большинством исследователей в отношении древнего Востока, можно называть рабовладельческим, нам представляется, что в Средней Азии ведущую роль в производстве в течение всей эпохи древности сохраняют общинники, особенно в сельском хозяйстве. В деревне это было время господства сельской общины.

Общинный характер земледелия замедлил процесс перехода от натурального хозяйства к товарному, ибо известно, что «превращение продукта в товар... становится тем значительнее, чем далее зашел упадок общинного уклада жизни»⁵⁸.

Как было показано в предыдущих главах, в Средней Азии рано возникла городская жизнь и началась торговля со многими странами, однако натуральный характер хозяйства продолжал быть преобладающим. Хотя в силу этого внутренняя торговля и денежное обращение не проникли достаточно глубоко, они все же содействовали «превращению патриархальной системы рабства, направленной на производство непосредственных средств существования, в рабовладельческую систему, направленную на производство прибавочной стоимости»⁵⁹. В горных и степных районах Средней Азии продолжало также существовать нерасчлененное единство города и деревни. Ремесло здесь еще окончательно не отделилось от земледелия.

Существование и тесное взаимодействие земледельческих районов с миром кочевых племен на протяжении многих веков

⁵³ Тюменев А. И., 1956; Дьяконов И. М., 1959; 1963 и др.

⁵⁴ Дьяконов И. М., 1963, стр. 33.

⁵⁵ ИТН, I, стр. 472.

⁵⁶ Об истории этого термина см.: Bailey H. W., 1932, p. 952—954. Об «азатах» в хотано-сакских текстах см.: Bailey H. W., 1960, p. 95. Об употреблении этого термина в индийских документах, написанных ххарошти (Восточный Туркестан), см.: Virgosh T., 1934, p. 509.

⁵⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 647.

⁵⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 89.

⁵⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 364—365.

и тысячелетий было характерным явлением исторического развития Средней Азии и многих других стран Востока⁶⁰.

Одной из функций восточного деспотизма было постоянное ведение войн с целью ограбления чужих стран и захвата огромных пространств.

Необходимо отметить также большую неравномерность хозяйственного развития, а отсюда и развития рабовладельческих отношений в различных областях Средней Азии. Ведущими в экономическом отношении были районы оазисов Согда, Хорезма, Бактрии (Тохаристана), Ферганы, Хорасана. Более отсталыми были замкнутые горные районы Припамирья, Бадахшана, Кухистана и др. Периферией служили степные районы Семиречья, Приаралья, Закаспия, нынешнего Казахстана. Свообразно буферными районами были Чачский оазис и Уструшана. В скотоводческих хозяйствах степи и в замкнутых хозяйствах в горах родовой строй проявлял большую живучесть. В районах оазисов рабовладельческие отношения развивались интенсивней.

В целом нужно отметить, что в Средней Азии рабовладельческие отношения не стали столь глубокими, как в античном мире.

Основной, все более обострявшийся классовый конфликт происходил здесь между богатеющей военно-рабовладельческой знатью и жречеством, владевшими рабами, большими земельными угодьями, торговыми караванами, с одной стороны, и рядовыми общинниками, попадавшими в различные формы зависимости от них, — с другой.

Государственная власть была сосредоточена в руках знати и жречества во главе с деспотом-царем и его армией, стоявшей над народом. Опираясь на сильную центральную власть, господствующая верхушка эксплуатировала рабов и общинников.

Даже относительно такой классической страны античного рабовладения, как Рим, К. Маркс писал: «...В Древнем Риме классовая борьба происходила лишь внутри привилегированного меньшинства, между свободными богачами и свободными бедняками, тогда как огромная производительная масса населения, рабы, служила лишь пассивным пьедесталом для этих борцов»⁶¹. Тем более в Средней Азии, где главной производительной массой были свободные общинники, основные классовые конфликты, о которых в древних источниках встречаются лишь глухие отзвуки, происходили именно между аристократами и свободными бедняками-общинниками.

Такова вкратце общая картина социальных процессов, происходивших с VII в. до н. э. по III—IV в. н. э.

⁶⁰ Подробнее об этом см.: *Гафуров Б. Г.*, 1968, стр. 7—8.

⁶¹ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 16, стр. 375.

Сельские общины были уже в известной степени территориаль-
связей и наряду с ними все более укрепляются связи местные.

В отношении народообразовательных процессов в Средней Азии необходимо отметить, что в этот период взамен родовых союзами. Кроме простого союза живущих рядом племен мы наблюдаем уже и процессы их слияния, образования народностей.

Однако в тех исторических условиях подобно тому, как указывал Энгельс для греческой античности, процесс народообразования не заходил далее создания союзов племен, лишь частично связанных друг с другом. Предпосылок для создания единого крупного народа тогда еще не было⁶². Это положение Энгельса подтверждается и на примере Средней Азии. Говорить о едином согдийском или хорезмийском народе в этот период еще нельзя. Образуются лишь местные центры, различные местные мелкие народности Согда, Хорезма, Бактрии, Хорасана и других областей с выявившейся тенденцией их последующего сближения и образования согдийского, хорезмийского и других народов.

---

⁶² См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 482—483.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ
ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В СРЕДНЕЙ АЗИИ

ПЛЕМЕНА И НАРОДНОСТИ СРЕДНЕЙ АЗИИ
В IV—VI ВВ. Н. Э.

1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Сасанидское царство

К III в. н. э. под влиянием изнурительных войн с римлянами, внутренних смут происходит распад Парфянского царства. Резко обострился классовый антагонизм между рабовладельческой знатью, общинниками и рабами; в руках знати сосредоточилось много удобных для обработки земель.

В борьбе за сильный государственный аппарат, который мог бы держать в подчинении непосредственных производителей и содействовать дальнейшему росту богатства и могущества знати, выдвинулась аристократия Фарса (Парса) в тесном сотрудничестве с зороастрийским жрецовством.

К 220 г. н. э. властитель княжества Истахр (в Фарсе) Арташир I Папакан Сасанид¹ стал правителем всего Фарса. К 224 г. н. э., разгромив войска Артабана V—последнего представителя Аршакидской династии, Арташир I захватил власть и организовал управление государством, охватывавшим всю территорию Ирана.

Приход Сасанидов на смену парфянам нельзя рассматривать как очередную смену династий. Парфянская династия, «ослабленная борьбой с Римом, запутавшаяся в сложных социальных противоречиях, колебавшаяся между рабовладельческим Западом и общинно-родовым Востоком, не смогла дать решительный толчок развитию новых общественных отношений. Это сделало государство Сасанидов»².

Сасанидское государство просуществовало более 400 лет

¹ Дедом Арташира I Папакана был Сасан — жрец храма богини Анахиты. Отсюда и название династии Сасанидов.

² Дьяконов М. М., 1961, стр. 260. Попытку марксистского осмысления социальных процессов в раннем Сасанидском государстве см.: Пигулевская Н. В., 1956 а, стр. 150—152. Данные по истории воцарения Арташира см.: Луконин В. Г., 1961, стр. 9—24.

(224 или 226—651 гг.). Для периода правления Сасанидов наиболее характерным является следующее. Во-первых, примерно с IV в. н. э. в Сасанидском государстве усиленно развиваются феодальные отношения. Во-вторых, в противовес центробежным стремлениям владетельных князей и правителей отдельных провинций значительно усиливается роль центральной власти в Иране, поэтому Энгельс и назвал державу Сасанидов «упорядоченным... царством»³. В-третьих, чрезвычайно растет влияние зороастрийского жречества: зороастризм становится государственной религией, а Арташиру I приписывается изречение: «Престол — опора алтаря, а алтарь — опора трона».

При сыне и преемнике Арташира шахе Шапуре I (242—272 гг.) Сасаниды разгромили римские войска, в одной битве погиб римский император, в другой еще один римский император попал в плен. Сасанидское государство более окрепло при Шапуре II (309—379 гг.) — он провел успешные войны на востоке и западе, основал ряд городов. Царь Йездигерд I (399—420 гг.) пытался ограничить знать и зороастрийское жречество, опираясь на христиан, которых было множество в Сасанидском государстве.

Жестокий режим, установленный Сасанидами, вызвал резкое недовольство не только у народов захваченных областей Средней Азии и Закавказья. Восстания в этих областях, вторжения кочевников сотрясали Сасанидское государство, а сасанидские цари и принцы попадали в плен или становились заложниками у среднеазиатских кочевников, например царь Пероз (459—484 гг.). В Иране имели место социальные движения, в частности маздакитское, когда под напором народных масс едва не рухнуло Сасанидское царство.

Наибольшего могущества Сасанидское государство достигает при Хосрове I Ануширване (531—579 гг.). Помимо больших завоевательных экспедиций, в процессе которых был завоеван даже Йемен в Аравии, Хосров I провел ряд военных реформ, закрепивших возникшие феодальные отношения и способствовавших их дальнейшему развитию. Очень серьезную роль сыграли, в частности, налоговая, военная и административная реформы. Эти реформы, кроме того, усилили центральную власть.

Сасанидские цари пытались — и не без успеха — присоединить среднеазиатские области. В середине V в. они утрачивают контроль над среднеазиатскими областями, которые оказываются под властью кочевых племен. Однако позже области Южной Туркмении вновь оказались под властью Сасанидов. Сасанидское государство пало в середине VII в. под натиском арабов.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 222.

Основные сведения о кидаритах содержатся в следующих сообщениях источников. В хронике Бэй-ши сообщается, что правитель юэчжей из-за нападений жужаней перенес свой двор в город Боло. «После сего храбрый юэчжийский государь Цидоло перешел со своими войсками через большие горы, напал на Северную Индию и покорил пять государств, лежащих от Гантоло к северу». Далее хроника сообщает о событиях 424 г. Из другого сообщения Бэй-ши явствует, что Цидоло управлял и областью малых юэчжей, но затем, «изгнанный хуннами, ушел на запад», а управление поручил своему сыну⁴.

Имеется несколько групп монет с надписью на брахми «Кидара Кушана ша». Судя по шрифту надписей, их выпуск производился где-то на юге, за Гиндукушем, по нумизматическим данным, в пределах 390—430 гг. Анализ монет приводит А. Бивара к заключению, что монеты с такой легендой последовательно чеканили по крайней мере два правителя⁵. Как доказывает К. Еноки, кидариты объединили под своей властью Тохаристан и Гандхару где-то между 412—437 гг.⁶

Кидаритская монета.

В западных источниках (Приск Панийский) сообщается о борьбе «гуннов, называемых кидаритами», с сасанидским Ираном в 456 и последующих годах. Под 456 г. Приск Панийский (19) сообщает, что «парфский» (т. е. сасанидский) царь вел войну с гуннами-кидаритами. Тот же источник под 464 г. пишет, что сасанидское правительство утверждало: «Римляне (Византия.— Б. Г.) были обязаны помогать персам деньгами в войне против так называемых уннов-кидаритов, что если персы одержат победу, то римляне должны будут заплатить им за это определенную сумму».

Ясно, что Цидоло (древнее звучание *ki^wo-tâ-lâ*)⁷ китайских источников и Кидара монетных надписей передают одно и то же имя. Все же остальное не может быть пока уверенно истолковано. Мы можем, если верить китайскому источнику, полагать, что кидариты были родственны кушанам или даже составляли их часть, однако это не подкрепляется другими источниками. Вопрос о соотношении кидаритов, ушедших в Индию, и тех, что, по Приску, воевали с Сасанидами, совершенно неясен. Выдвинуто несколько остроумных гипотез, в частности о тесной связи кидаритов и хионитов, в силу чего последние, будучи номинальными подданными кидаритских царей, назывались поэтому «кидаритами»⁸. Есть данные, что еще в 477 г. кидариты из района Гандхары посылали посольство в Китай⁹.

ХИОНИТЫ

В 346/47 г. сасанидский шах Шапур II был на восточной границе своего государства, так как оттуда, по Аммиану Марцеллину (16, 9, 4), угрожали «хиониты и евсены», собственно «евсены». Считая опиской первую букву, И. Маркварт¹⁰ предложил читать последнее имя «кусени» — кушаны. Если признать это исправление (многие исследователи считают его возможным), то хиониты выступают вместе, а может быть, и совместно с кушанами (кидаритами?). Далее (17, 5, 1) Аммиан Марцеллин рассказывает, что Шапуру удалось заключить союзный договор с «отдаленнейшими народами» — «хионитами и геланами».

В 359 г. в силу союзнических обязанностей хиониты принимают участие в сражении войск Шапура II у сирийского города Амиды. Предводительствовал хионитами Грумбат, «новый царь хионитов, человек средних лет, уже покрытый морщинами, правитель выдающегося ума и прославленный множеством побед. Вместе с ним был его сын, красивый юноша, который пал в бою» (Аммиан Марцеллин, 18, 6, 20; 19, 1, 7—11).

В конце 60-х — середине 70-х годов Шапур II дважды воевал с «кушанами», столицы которых была в Балхе. События этих войн описаны армянским историком Фанстом Бузандом. Первую войну начал «царь кушан». Шапур II лично возглавлял сасанидское войско, но это не помогло персам. «Кушанские войска разбили персидские войска, многих из персидских войск пе-

⁷ Pelliot P., 1934, p. 43.

⁸ Мандельштам А. М., 1958.

⁹ Enoki K., 1959, p. 27. По его мнению, в Гандхаре кидариты были разгромлены эфталитами между 477—520 гг. (Enoki K., 1955 6, p. 236; 1958, p. 1).

¹⁰ Marquart J., 1901, S. 36.

ребили, многих забрали в плен, а остальных изгнали, обратили в бегство», — повествует армянский историк. Вторая война, в которой Шапур II собирался взять реванш, кончилась столь же печально для персов¹¹.

Разумеется, здесь под названием «кушаны» фигурирует какое-то другое этническое образование — кидариты, хиониты или, возможно, те и другие совместно.

В надписи Самадрагупты на Аллахабадской колонне перечислены «дайвапутра-шахи-шаханушахи-шака-марунда» и жители островов, подобных Цейлону, которые излагают предложение о вассальной зависимости от Самадрагупты, дарят ему дочерей в жены и ходатайствуют о царской грамоте на управление своей собственной территорией, признавая сюзеренную власть Самадрагупты. Приведенный выше в кавычках титул исследователи этой надписи толкуют по-разному, разбивая на несколько частей (каждый исследователь по-своему). Кажется привлекательной трактовка, который придерживается индийский ученый Будха Пракаш. Он выделяет как единый термин «дайвапутра-шахи-шаханушахи» и считает, что им был обозначен какой-то из выдающихся кушанских правителей середины IV в. (к этому времени и относится надпись на колонне). Не лишена интереса точка зрения другого историка — А. С. Алтекара, что в аллахабадской надписи имелся в виду Кидара¹². Здесь обращает внимание перекличка между сообщением Фавста Бузанда, который говорит о «великом царе кушанов»¹³, и титулом в индийской надписи, где речь идет о небесном «царе царей». Но включение в круг источников и этой надписи отнюдь не проясняет всю ситуацию, в частности взаимоотношения между кидаритами и хионитами.

Но, может быть, следует обратиться к китайским источникам? До последнего времени считалось, что они не содержат сведений о хионитах. Однако сейчас японский ученый К. Еноки доказывает, что сообщение китайской хроники о завоевании «хуннами» Судэ и о том, что они, «убив владетеля судэского, овладели землями его» (причем владетель Хуни составлял уже четвертое колено после этого), относится к Согду, а под именем «хуннов» выступают на самом деле хиониты¹⁴. Однако все, что можно извлечь из этого сообщения, ограничивается констатацией, что Согд на каком-то этапе был покорен хионитами, а хронологические расчеты (сообщение относится к 437 г.) пока-

¹¹ Тревер К. В., 1954, стр. 133—134.

¹² *Buddha Prakash*, 1957; 1954, p. 135. Напротив, Д. Аллан полагает, что речь идет о представителях различных «сакских и кушанских народов», область которых простиралась от границ Индии до Амударьи (*Allan J.*, 1914, p. XX—XXVIII).

¹³ Тревер К. В., 1954, стр. 134.

¹⁴ Бичурин, II, стр. 260 *Еноки К.*, 1955 а; 1959, p. 24—25.

зывают, что они, быть может, завоевали Согд до своего появления на юге Средней Азии, т. е. прошли через Согд.

Необходимо отметить, что если в источниках хиониты смешиваются с кидаритами, то не менее сложно провести грань между сообщениями о хионитах и эфталитах. Это относится к событиям первой половины и середины V в. Вскоре после восшествия на сасанидский престол Варахрана V Бахрам Гура (420—437 гг.) в Хорасан, как сообщают арабские авторы Табари и Динавери, вторгся каган «тюрок» и начал грабить страну. Сделав вид, что он ушел в Азербайджан, Бахрам Гур, соблюдая все меры предосторожности, скрытно подошел к ничего не подозревавшим «тюнкам», разбившим свой лагерь в районе Мерва. Затем воины подняли страшный шум, и «тюрки» бежали. Бахрам Гур убил кагана «тюрок», захватил его жену, преследовал «тюрок» до Амударьи, в районе Амуля переправился через реку и, «когда он приблизился к ним, тюрки изъявили ему покорность и попросили его, чтобы он установил определенную границу между ним и ими, которую они обязались бы не переступать. Бахрам в качестве границы избрал место, глубоко вдающееся в их страну, приказал построить там башню и ее назначил границей», — так повествует Динавери.

Табари сообщает, что граница была установлена между тюрками и областями, граничившими со «страной тюрок». Он также добавляет подробности о захваченной Бахрам Гуром добыче. Более существенно, что он назначил наместника Хорасана с резиденцией в Балхе¹⁵. Следовательно, несмотря на победу, положение на восточной границе требовало постоянного контроля. Вероятно, к этому же эпизоду следует относить сообщение Фирдоуси, что после поражения «тюрок» знать Чаганиана, Хутталяна, Балха и Бухары вынуждена была выплачивать Ирану дань.

О каких «тюнках» идет речь? Несомненно, само название является явным анахронизмом. И. Маркварт обратил внимание на два обстоятельства. Во-первых, в одном пехлевийском сочинении («Ядгар Зареран») рассказывается о сражении царя Ирана Виштаспы с царем хионитов Арджаспом, причем, очевидно, в степях, в области Мерва. После победы Виштаспа возвращается в Балх. Все это очень близко напоминает основные события войны Бахрам Гура. Во-вторых, наместник Хорасана получает титул «марзбан-и кушан», т. е. «хранитель границы с кушанами»¹⁶. Отсюда И. Маркварт делает вполне убедитель-

¹⁵ Nöldeke Th., 1879, S. 98—102; Шмидт А. Э., 1958, стр. 445—446, 474—475.

¹⁶ Nöldeke Th., 1879, S. 101—102.

ный вывод, что Бахрам Гур вел на самом деле войну с хионитами¹⁷.

Почему же наместник Балха носил титул «марзбан-и кушан»? Здесь возможны два объяснения. Во-первых, согласно Табари, Бахрам Гур собирался присоединить часть территории Индии, где существовали какие-то кушанские владения, и такой титул мог быть своеобразной политической манифестацией. Но возможно и другое: в Иране считали (или знали), что существует какая-то связь между вновь появившимися хионитами и давно известными кушанами. Последнее предположение как будто подкрепляется и следующим обстоятельством. При Йездигерде II (438—457 гг.) продолжались войны с северными кочевниками. Участник и современник этой войны, армянский историк Егише Вардапет сообщает, что сасанидский царь «внезапно напал на земли хонов, которые называются также кушанами, и воевал с ними два года, но не смог подчинить их»¹⁸. Таким образом, два совершенно независимых источника в связи с хионитами говорят о кушанах. Это подтверждает мнение о том, что хионитов нельзя отрывать от кушан.

Йездигерд II вынужден был даже перенести свою резиденцию на северную границу. Напряженное положение там сохранялось более десятилетия. Как сообщает тот же армянский историк Егише Вардапет, в 450 г. «Йездигерд собрал много войска и, выступив, достиг земли эфталитов. Царь кушанов, видя это, не решился принять бой. Он бежал с войском в самые крепкие (недоступные) части пустыни». После этого Йездигерд II опустошил страну кушан, захватил много замков и городов, пленных и добычу. Мы не можем согласиться с К. В. Тревер, которая, обратив внимание на появление в этом тексте выражения «земля эфталитов», делает вывод, что эфталиты в эти годы «видимо еще не властвовали над кушанами»¹⁹. Нам, напротив, представляется, что этот текст свидетельствует о том, что гегемония над хионитами уже перешла к эфталитам, вся территория («земля») считалась принадлежащей эфталитам, но они еще не принимали участия в сражениях с Ираном.

Эфталиты

Итак, в сообщении армянского историка о событиях 450 г. названа «страна эфталитов». Егише Вардапет сообщает, что в 453—454 гг. Йездигерд II вновь решил напасть на царя кушан,

¹⁷ Marquart J., 1901, S. 50—52.

¹⁸ Тревер К. В., 1954, стр. 136 (разрядка моя.— Б. Г.).

¹⁹ Там же, стр. 136—137.

но тот своевременно узнал об этом и нанес персам сильное поражение; ряд областей Ирана подвергся разгрому и опустошению²⁰.

Е. Е. Неразик, исходя из текста, высказала мнение, с которым можно согласиться, что этот поход был направлен в более восточные области, чем прежде, и что, возможно, столкновение произошло не с хионитами, а уже с эфталитами²¹. Можно полагать, что это было первое военное столкновение сасанидского Ирана с эфталитами, и уже в нем Сасаниды должны были почувствовать, что надвигается новый, притом очень сильный противник. Но это было лишь начало.

Новая конфедерация в 50-е годы V в. настолько укрепилась, что посылает посольства; в Китай прибывает в 456 г. первое посольство от эфталитов²². В свете укрепления эфталитской конфедерации становится более ясным, что нажим, оказанный «гуннами-кидаритами» в конце 50-х—60-х годов V в., также не был случаен.

Борьба с эфталитами достигла наивысшей точки при Перозе (459—484 гг.). Из сообщений арабских авторов вытекает, что Пероз пришел к власти, опираясь на поддержку населения «Тохаристана и прилегающих областей». Он «усилил мощь эфталитов, в благодарность за помощь обязался не нарушать их границ». Но, как сообщает Табари, «затем Пероз выступил в поход против народа, овладевшего Тохаристаном и называвшегося эфталитами». Пероз с войском дошел до башни, построенной на границе еще Бахрам Гуром. Далее Табари рассказывает едва ли не сказочную историю о том, как Пероз пытался скрыть нарушение клятвы, данной им царю эфталитов Ахшунвару, соблюдать границу. Дойдя до башни, «Фирус (Пероз) приказал привязать к ней 50 слонов и 300 людей; башню тащили перед ним, а он шел за ней следом, полагая, что таким образом он не нарушает договора, заключенного с Ахшунваром». В сражении с эфталитами Пероз и значительная часть войска попали в ямы-ловушки и были убиты. Эфталиты овладели всем Хорасаном²³. Динавери называет царя «тюрков», т. е. эфталитов, Ахшунваном. Он, как и Табари, рассказывает об устройстве глубокого рва, тщательно замаскированного. В ловушку попал сам царь и люди из его войска; они, как говорит историк, «канули в темную ночь». В этой яме он был убит камнями, а весь его лагерь вместе с его дочерью, жрецом-мобедом, женщинами и имуществом попал в руки эфталитов²⁴. Об этом рве, наполненном водой, сообщает и византийский источник (Прокопий Кесарийский, I, 4).

²⁰ *Египте Варданет*, 1853, стр. 256—257.

²¹ ИТН, I, стр. 410.

²² *Енокі К.*, 1955 б, р. 234.

²³ *Шмидт А. Э.*, 1958; стр. 448—449; *Nöldeke Th.*, 1879, S. 115—132.

Эти события известны в освещении не только арабских, но и сирийских, византийских и армянских источников. Отметим несколько моментов. Пероз трижды воевал с эфталитами. Первая война закончилась тем, что он попал в плен к эфталитам. Его выкупил из плена византийский император. Через некоторое время Пероз снова начинает войну и вновь попадает в плен. Именно тогда он, очевидно, дал обещание не переступить границу эфталитов и должен был уплатить им громадную контрибуцию: 30 мулов, нагруженных монетами. Находясь еще в плену, он приказал доставить эти сокровища эфталитам, но истощенная казна смогла дать лишь часть. Пероз все же освободился, оставив заложником сына. Поводом для третьей войны, если верить сообщению Приска Панийского (I, 27), явился обман Перозом эфталитов. Он предложил «гуннам» заключить мир и в качестве залога своих мирных намерений отправил «гуннскому» правителю в жены женщину, именуя ее своей сестрой. Прибывшая к «гуннам» женщина раскрыла обман — она была не сестрой Пероза, а его рабыней. Оскорбленный «гуннский» правитель Кунха, ссылаясь на то, что у него большое войско, но нет опытных военачальников, попросил прислать ему в качестве военных инструкторов персов. Когда они прибыли (Пероз послал 300 знатных персов), эфталиты часть из них изуродовали, часть убили²⁵. Возобновилась война — третья война, приведшая к бесславному концу Пероза²⁶.

Страшный разгром произвел на население Ирана удручающее впечатление. По словам источника, в Иране «в мирное да-

²⁴ *Altheim R.*, 1960, S. 51—52; у арабо- и персоязычных авторов имя этого царя приводится в форме Хушнаваз (Фирдоуси) или Ахшунвар (Табари) (*Marquart J.*, 1901, S. 60; *Лившиц В. А.*, 1969, стр. 67). Это имя этимологизируют как иранское *axsondar («обладающий властью») или *axsonwar («носитель власти») (*Maenchen-Helfen O. J.*, 1959, p. 230). Возможно, это не имя, а титул.

²⁵ Об этих событиях см.: *Пигулевская Н. В.*, 1941, стр. 56—59. Приск Панийский называет Кунха царем гуннов-кидаритов. В одной из рукописей имя царя пишется как Гунхаз (*Altheim F.*, 1959, I. S. 32). Возможны различные толкования этого источника. Не исключено, что это сообщение Приска Панийского относится, собственно, к кидаритам, которые параллельно с эфталитами вели наступление на Иран. В 468 г. из Византии было получено сообщение, доставленное персидским посольством, что «персы одержали победу над гуннами-кидаритами и осаждают город их Валаам» (*Приск Панийский*, 35). Следует полагать, что Валаам — кочевническая ставка где-то в районе Юго-Западной Туркмении. Возможно, однако, и другое толкование: Приск Панийский называл всех среднеазиатских гуннов «кидаритами», Валаам — Балхом, в его рассказах о кидаритах переплетались сообщения о разных среднеазиатских кочевниках.

²⁶ Феофан Византиец пишет: «После того как царь эфталитов Эфталан, от которого и народ получил имя, победил Пероза, персы потеряли эти места» (русский перевод всего текста см.: «Византийские историки», 1860, стр. 493). Не исключено, что сообщенное Феофаном имя — плод народной этимологии.

же время никто не мог мужественно и без страха смотреть на эфталита или даже слышать о нем без ужаса».

Более того, один знатный перс так характеризовал обстановку в Иране после разгрома эфталитами Пероза: «...Пероз отдал в служение эфталитам [наше] столь большое и независимое государство и [сделал это] в такой мере, что пока будет существовать страна ариев (Иран.— Б. Г.), она не в силах будет освободиться от столь горестного служения»²⁷.

В среднеперсидском «Бахман-Яште» есть отрывок, навеянный, в частности, событиями 80-х годов IV в.: «Таким образом, эти люди, потомки Ярости, убивали сотни, тысячи, десятки тысяч раз. Ворвались знамена и штандарты бесчисленной армии этих демонов со всклокоченными волосами. Они вошли в созданные Ормуздом земли моего Ирана, их отряды вошли широким фронтом — враждебные тюрки и красные хионы, знамена которых были приспущены»²⁸.

Сасанидский Иран, перед которым не раз склоняли свою голову гордые римские императоры, в конце V в. сам трепетал от страха перед грозными среднеазиатскими кочевниками — эфталитами и платил им дань²⁹.

Мы уже упоминали о захвате эфталитами Согда (между 467—470 и 480 гг.). Затем они начали подчинение владений Восточного Туркестана. Район Турфана они подчинили в 479 г., Урумчи — в 490—497 гг., Карашара — между 497 и 507 гг.³⁰ О силе и престиже эфталитов в Восточном Туркестане свидетельствует такой факт. В 522 г. жуан-жуанский правитель одного района в области Хара-Хото восстал против китайцев и убежал к эфталитам просить их помощи против своих врагов³¹. Если учесть, что Хотан и Кашгар также вошли (вероятно, в конце V в.) в состав Эфталитского государства, то можно считать, что в начале VI в. они владели всем Восточным Туркестаном.

Китайские хроники перечисляют владения, которые были включены в состав Эфталитского государства. Сопоставление этих сообщений с более поздними арабо-персидскими источниками позволяет заключить, что в их государство вошла основная часть Средней Азии, причем создается впечатление (это отметил еще И. Маркварт), что важнейшей частью их владений был Тохаристан. Эфталиты, кроме того, провели ряд завоеваний на юге. Ими была захвачена во второй половине V в. Гандхара³², позже — некоторые территории в Северной Индии.

²⁷ Тревер К. В., 1954, стр. 138.

²⁸ Следую переводу Г. Бэйли: Bailey H. W., 1954, S. 13—14.

²⁹ Судя по нумизматическим данным (Массон В. М., Ромодин В. А., 1964, стр. 204).

³⁰ Enoki K., 1955 в, р. 235.

³¹ Enoki K., 1959, р. 25—26.

³² По К. Еноки, это произошло между 477 и 520 гг. (Enoki K., 1959, р. 27), но скорее всего в начале этого промежутка времен.

Индийский раздел истории эфталитов, увы, столь же далек от ясности, как и среднеазиатский. В индийских источниках эфталиты носят название «хуна» (huna). Есть данные, что последний великий правитель индийской династии Гупта Скандгупта (по некоторым источникам правил примерно в 435—467 гг.³³, по другим с 455—456 приблизительно до 470 г.³⁴) вынужден был обороняться против них и сумел нанести им поражение³⁵. Можно думать, что это были первые набеги эфталитов, уже захвативших к тому времени Гандхару.

Для последующего времени мы располагаем данными разных источников, в том числе индийских хроник и надписей, сообщениями китайских и иных путешественников, которые содержат весьма противоречивые сведения; соответственно появилось много вариантов их истолкования, предложенных различными учеными. В самом конце V — первом десятилетии VI в. во главе индийских гуннов стоял Торамана, который в одной индийской надписи называется «знаменитый Торамана, безмерно прославленный правитель земли». Его преемником стал его сын Михиракула, о котором много позже Сюань-цзан писал, что он правил всей Индией и «подчинил себе все соседние провинции без исключения». По-видимому, при Михиракуле владения эфталитов в Северной Индии действительно были максимальными. Однако многие предпринятые им шаги, особенно преследование буддизма, восстановили против него индийское население. Он потерпел поражение в войне с гуптским правителем Яшодхарманом, но затем захватил власть в Кашмире.

Основная часть Северной Индии к середине VI в. освободилась из-под власти «хуна» — эфталитов. Причина этого — и в этом отношении абсолютно прав индийский ученый Р. Маджумдар — кроется не в поражениях, которые понесли предводители индийских «хуна», а в том сокрушительном разгроме среднеазиатских эфталитов, который они потерпели в начале 60-х годов VI в.³⁶ В результате этого разгрома индийские эфталиты лишились среднеазиатского тыла, притока свежих сил и поддержки, что и привело к их падению — еще один пример тесной взаимосвязи истории Индии и Средней Азии. И хотя в Индии существование эфталитских общин и даже маленьких княжеств известно еще длительное время, «хуна» — эфталиты больше уже не играли серьезной роли в индийской истории³⁷.

³³ Синха Н. К., Банерджи А. Ч., 1954, стр. 89.

³⁴ «The Yakatako-Gupta age», 1954, p. 161, 169; Majumdar R. C., 1954, p. 25, 28.

³⁵ «The Yakataka-Gupta age», 1954, p. 163—164; Majumdar R. C., 1954, p. 26.

³⁶ Majumdar R. C., 1954, p. 39.

³⁷ «The Yakataka-Gupta age», 1954, p. 174—185; Majumdar R. C., 1954, p. 26; McGovern W. M., 1939, p. 414—417.

В изложении политических событий практически не был использован нумизматический материал, и сделано это было совершенно сознательно. Наиболее детальной публикацией монет кидаритско-эфталитского круга является четырехтомный труд Р. Гёбля «Документы к истории иранских гуннов в Бактрии и Индии»³⁸. Превосходно документированная, эта книга закладывает основы научного изучения эфталитской нумизматики. Весь огромный материал (впрочем, советские музейные собрания не были использованы) Р. Гёбль разбил на 297 эмиссий — выпусков. Им была также изменена вся схема членения эфталитского чекана. По-иному, чем прежде, читаются многие мо-

Эфталитская монета

нетные легенды, делают весьма ответственные исторические выводы. Отдавая должное большой и кропотливой работе автора, которому, однако, осталась неизвестной основная часть советской историко-нумизматической литературы, мы воздержимся пока от использования его общенсторических выводов, ибо они в значительной мере покоятся на его чтениях, во многом спорных и подлежащих проверке лингвистами-иранистами. К сожалению, и после появления труда Р. Гёбля (как и предшествующей монографии Р. Гиришмана и др.) проблема использования эфталитских монет как полноценного исторического источника остается нерешенной; это дело будущего.

Таким образом, эфталиты создали громадное государственное образование, по своим размерам даже превосшедшее Кушанское, но вместе с тем еще более рыхлое и непрочное. Тем не менее эфталиты сыграли важную роль в истории Средней Азии и многих стран Востока. Именно им удалось не только остановить на Востоке армии сасанидского Ирана, но и нанести сокрушительные поражения сасанидским царям. Штандарты эфталитских отрядов развевались на равнинах Ирана; эфталитские правители решали вопрос, быть или не быть тем или иным

³⁸ Göbl R., 1967.

претендентам шаханшахами Ирана, а регулярная выплата им дани была главной заботой многих иранских правителей.

Подняли голову поработанные Сасанидами народы Закавказья. Они усилили борьбу против сасанидского гнета. В 483—484 гг. в Иберии, Армении и Кавказской Албании разгорается пламя восстания против Сасанидов. Восставшие воспользовались поражениями Пероза, которые он потерпел от эфталитов, ослаблением сасанидского могущества³⁹. Так борьба поработанных народов Закавказья переплеталась с наступлением среднеазиатского народа — эфталитов. Наконец, эфталиты сыграли важную роль в этногенезе Индии, Афганистана и особенно Средней Азии.

2. ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ. КЛАССОВАЯ БОРЬБА

Проблема происхождения хионитов и эфталитов

Сирийский писатель начала VI в. Иешу Стилит пишет так: «Хиониты, которые суть гунны»⁴⁰. Однако было бы неверно безоговорочно следовать этому утверждению. Для западных авторов того времени все среднеазиатские кочевники были «гуннами», или «белыми гуннами», вне зависимости от их подлинного названия.

Некоторые современные исследователи сопоставили хионитов с упоминаемыми в «Авесте» «хийаона»⁴¹. Они враги зороастрийцев, враги праведного царя Виштаспы, патрона Зороастра. Судя по текстам «Авесты», они были «плохими» и «неверными» и, по-видимому, могли относиться к числу кочевников. Ф. Альтхайм даже сопоставил одно выражение «Авесты» «с приостренным шлемом и острым щитом» («Яшт» XIX, 30), примененное в не совсем ясном контексте, с саками-тиграхауда, этноним которых также этимологизируется «острошляпочные», и сделал отсюда заключение: «Хийаона появляются, следовательно, вместе с одним сакским пленем между Оксом и Яксартом»⁴². Этот вопрос послужил предметом детального рассмотрения известного ираниста Г. Бэйли⁴³, который развивает мысль, что это были реально племена, сохранившие имя, встречающееся еще в «Авесте». Правда, Г. Бэйли вполне осознает всю слож-

³⁹ Дьяконов М. М., 1961, стр. 277.

⁴⁰ Marquart J., 1901, S. 58; Пигулевская Н. В., 1941, стр. 36.

⁴¹ Marquart J., 1901, S. 50; Herzfeld E., 1930, p. 19.

⁴² Altheim F., 1959, I, S. 52—53.

⁴³ Его первоначальные взгляды по этому вопросу см.: Bailey H. W., 1932, p. 946.

ность проблемы. Этот ученый считает, что первоначально («во времена Виштаспы») они находились в области Оксуса. Но что случилось с ними затем, откочевали ли они на северо-восток, а позже вновь вернулись на юг или остались на месте и т. д., как они соотносились с «хунами», не сохранили ли самые «хуны» в своем собственном наименовании старое название «хйяона» — на все это Г. Бэйли не видит ответа⁴⁴.

Действительно, при современном уровне знаний мы не можем ни ответить на эти частные вопросы, ни прийти к какому-либо строго обоснованному ответу относительно проблемы соотношения термина «хйяона» с историческими хионитами. Дело в том, что если следовать идее, столь четко выраженной Г. Бэйли, то придется признать, что какая-то очень могущественная конфедерация племен — врагов зороастрийцев, упомянутых в «Яштах», затем совершенно исчезла из поля зрения исторических источников. Как пишет Менчен-Хелфен, «где они скрывались все это время, остается тайной»; гипотеза об откочевке на северо-восток — «абсолютно невероятна», и, говоря словами Моргенштерне, «они, собственно, и не существовали»⁴⁵.

Итак, два взаимоисключающих взгляда. Существовали ли на самом деле во «времена Виштаспы» в VI в. до н. э. племена «хйяона»? Убедительные соображения по этому вопросу высказал Маркварт. Еще в начале XX в., характеризуя жестокие поражения, нанесенные хионитами и эфталитами сасанидскому Ирану, он писал: «Впечатление, которое должен был произвести этот народ на иранцев, было столь сильное, что даже их имя проникло в «Авесту» и там полностью вытеснило первоначальное название врагов Кави Виштаспы, покровителя Заратуштры»⁴⁶. Эти соображения были приняты Э. Херцфельдом⁴⁷ и Р. Гиршманом⁴⁸.

Итак, как ни соблазнительно искать начало хионитов в предахеменидское, ахеменидское или послеахеменидское время (в зависимости от того, как датировать девятый «Яшт»), оснований для этого, по-видимому, нет. Скорее правы те ученые, которые настаивают на позднем характере этого имени в «Авесте». Но и в этом случае оно представляет интерес — уже не как свидетельство раннего происхождения, а как отражение политической ситуации значительно более позднего времени. Вместе с тем это еще раз показывает, как сложна проблема происхождения хионитов в целом.

⁴⁴ Bailey H. W., 1954, S. 20—21.

⁴⁵ Maenchen-Helfen O. J., 1959, p. 227—228. См. также сомнения Гиршмана: Ghirshman R., 1948, p. 116.

⁴⁶ Marquart J., 1901, S. 50.

⁴⁷ Herzfeld E., 1947, p. 771—774.

⁴⁸ Ghirshman R., 1948, p. 116.

Имя хионитского царя Грумбата может быть объяснено из иранского как «покровительствуемый Бахрамом»⁴⁹. Сын Грумбата описывается Аммианом Марцеллином как юноша, «ростом и красотой превосходивший сверстников» (Аммиан Марцеллин, 19, I, 7). Так как тот же автор называет внешность гуннов «безобразной», их вид — «чудовищным и страшным», мы можем присоединиться к мнению тех исследователей, которые считают, что «сказанное западным писателем о внешности этого юноши, представителя племени хионитов, что он был хорош собою, красив, едва ли могло быть выражено в таких словах, если бы он имел сходство с гуннами»⁵⁰.

Еще более существенно описание погребальных обрядов хионитов. По Аммиану Марцеллину (19, I, 10—11; 19, 2, 1), тело погибшего царевича «в воинском снаряжении было вынесено и помещено на обширном высоком помосте; вокруг было расставлено десять лож с изображениями умерших людей, которые были так хорошо исполнены, что совершенно походили на покойников. В течение десяти дней все люди пировали, разделившись на группы по палаткам и отрядам, и пели особенные погребальные песни, оплакивая царственного юношу. А женщины скорбным стенанием по своему обычаю оплакивали надежду народа...» Затем «труп был предан огню и кости собраны в серебряную урну, чтобы, согласно воле погибшего юноши, отвезти их для предания родной земле».

В литературе указано, что элементы аналогичного обряда выявлены при раскопках на городищах Канга-кала и Куня-Уаз в левобережном Хорезме. Здесь «вокруг выкладки с мощным кострищем располагались черепа и части скелетов. Рядом найдены обломки глиняного раскрашенного изображения человеческого лица (Канга-кала) и деталей человеческой фигуры (рука в натуральную величину, сделанная посредством наматывания пропитанной алебастром ткани на железный каркас, обнаружена в погребальной комнате Куня-Уаза)»⁵¹. Это, а также некоторые другие наблюдения позволили многим советским ученым считать вероятным, что родиной хионитов является Приаралье⁵²; эта гипотеза весьма вероятна. Но не следует забывать о наличии и в других областях Средней Азии отдельных элементов погребального обряда, сходных с хионитским. По сообщению китайских хроник, в Ши (Ташкентский оазис) есть здание, внутри которого находится возвышение. Ежегодно совершается погребальный обряд: на это возвышение ставят «...золотую урну

⁴⁹ Этимология выдвинута Ф. Андреасом (см.: *Ghirshman R.*, 1948, p. 117; *Maenchen-Helfen O. J.*, 1959, p. 230). Тюркские этимологии (*Altheim F. und Stiehl R.*, 1954, S. 277) не могут быть приняты.

⁵⁰ *Пигулевская Н. В.*, 1941, стр. 36.

⁵¹ *Рапопорт Ю. А.*, 1958, стр. 61.

⁵² ИТН, I, стр. 413—414.

с пеплом сожженных костей покойных родителей владельца, потом обносят кругом престола, рассыпая пахучие цветы и разные плоды. Владетель с вельможами поставляет жертвенное мясо»⁵³.

В Фергане, на средней Сырдарье и в Приаралье в могилы клали алебастровые изображения-идолы⁵⁴.

Итак, хотя уверенно можно отказаться от точки зрения сирийского автора VI в. о тождестве хионитов с гуннами, пока нельзя в противовес ей выдвинуть законченную теорию происхождения хионитов. Можно утверждать лишь, что хиониты скорее всего были ираноязычными племенами среднеазиатского происхождения.

Сведений о происхождении и этническом положении эфталитов бесконечно больше, но это, увы, не облегчает положения, ибо сведения эти чрезвычайно противоречивы. Прокопий Кесарийский, который называл эфталитов «белыми гуннами», писал: «Хотя эфталиты народ гуннский и [так] называются, они, однако, не смешиваются и не общаются с теми гуннами, которых мы знаем, так как не имеют с ними пограничной области и не живут вблизи них..., они не кочевники, как прочие гуннские народы, но издавна обосновались на плодородной земле... Они одни из гуннов белы телом и не безобразны видом, не имеют и образа жизни, подобного им, и не живут какой-то звериной жизнью, как те, но управляются одним царем и имеют законную государственность, соблюдая между собой и соседями справедливость ничуть не хуже ромеев и персов»⁵⁵.

Таким образом, Прокопий Кесарийский четко отделяет эфталитов от гуннов. Он не только констатирует факт, что это различные народы, но и приводит развернутое обоснование этого. Разумеется, столь детальное и аргументированное мнение хорошо информированного источника никак нельзя недооценивать. Вместе с тем он ничего не говорит о происхождении эфталитов.

В китайских источниках содержится много версий происхождения эфталитов. Однако в них нет единогласия. Сведения китайских источников можно разбить на следующие группы: а) эфталиты — разновидность юэчжей; б) эфталиты — ветвь тюркских племен гаогюй; в) эфталиты происходят от племен чеши (Турфан); г) они наследники Кангюя. Один из древних китайских авторов, касаясь вопроса о происхождении эфталитов, заметил: «Информация, полученная из отдаленных стран и у [народов, говорящих на] иностранных языках, подвержена неправильному пониманию и искажению и к тому же касается со-

⁵³ Бичурин, II, стр. 272—282.

⁵⁴ О них см.: Давидович Е. А. и Литвинский Б. А., 1955, стр. 51—62; Левина Л. М., 1968.

⁵⁵ Другой византийский историк Агафий пишет кратко: «Эфталиты — народ гуннский» (Приск Панийский, 91—92, прим. 116).

бытий очень древних времен. Следовательно, мы не знаем, как точно было. [Этим путем] невозможно решить [вопрос] о происхождении эфталитов»⁵⁶. Современный японский ученый К. Еноки, детально и с полным знанием дела исследовавший все эти версии, вынужден был прийти к совершенно аналогичному выводу: китайские авторы не знали подлинного происхождения эфталитов, и их версии имеют «книжный», как правило, совершенно произвольный характер⁵⁷.

Базируясь главным образом на различных вариантах китайских версий, западноевропейские ученые выдвинули множество теорий об этнической принадлежности эфталитов. Некоторые рассматривают эфталитов как потомков юэчжей, по мнению других, они происходят от гуннов, принадлежат к числу древних тюрков или монголов. Есть теория об их ираноязычном происхождении. По мнению некоторых исследователей, это совсем иной народ, чем хиониты; другие доказывают их идентичность или же считают эфталитов «правлящим классом» хионитов⁵⁸.

Обратимся к имеющимся материалам. Лингвисты давно занимаются анализом всякого рода имен и терминов, связанных с эфталитами.

В различных источниках эфталиты помимо «белых гуннов» называются по-разному (что само по себе является причиной немаловажных затруднений). В сирийских источниках они именуется *абдел* и *эпталит*; в грекоязычных — *абдел* и *эфталит*; в армянских — *хептал*, *идал*, *тетал*; в среднеперсидских — *ефтал* и *хефтал*; в арабских — *хайтал* и *йафтал*; в таджикско-персидских — *хетал* и *хайтал*; в китайских — *е-да*⁵⁹ (в древности звучало *ier-tât) и *е-диен* (в древности звучало **ier-t'ien*)⁶⁰. Следует, кроме того, добавить, что в пехлевийско-зороастрийских источниках они выступают иногда как *хионы*, в индийских — как *хуна*, арабские часто ошибочно их именуют тюрками, а древние армянские источники смешивают их с кушанами.

Ф. Альтхайм пытается вывести этот этноним из тюркского корня, означающего «делать», «совершать»⁶¹, и эта этимология, связанная с большими натяжками, кажется маловероятной. Предложено и другое объяснение — от иранского *хапта* («семь»)⁶².

Уже в X в. Балами писал: «Название *hayatila* является мно-

⁵⁶ *Enoki K.*, 1959, p. 7.

⁵⁷ *Enoki K.*, 1959, p. 1—14; 1955, p. 232—235.

⁵⁸ *Ghirshman R.*, 1948, p. 10—21, 115; *Enoki K.*, 1959, p. 15—23; ИТН, I, стр. 415—416.

⁵⁹ *Altheim F. und Stehl R.*, 1953, S. 276; *Altheim F.*, 1959, I, S. 41—42.

⁶⁰ *Enoki K.*, 1959, p. 7.

⁶¹ *Altheim F.*, 1959, I, S. 44.

⁶² *Maenchen-Helfen O. J.*, 1959, p. 231.

жественным числом от *haital*, что на языке Бухары означает «сильный человек». На языке Бухары «сила» — *haital*, и это слово в арабском языке изменено в *haital*»⁶³. Действительно, в восточноиранском хотано-сакском языке близкое слово обозначает «храбрый, доблестный»⁶⁴.

Из надписей на эфталитских монетах по интересующему нас вопросу можно извлечь следующее. Самоназванием эфталитов являлось *хион* (на монетах OIONO), следовательно, эфталиты — одна из ветвей хионитов. Судя по монетам, официальным языком эфталитов в их тохаристанских владениях оставался бактрийский. В монетных легендах читаются бесспорно бактрийские титулы⁶⁵.

Следует также остановиться на делении эфталитов на две части. Этот вопрос в современной литературе наиболее тщательно и всесторонне исследовал Г. Бэйли. Отправной точкой для его рассуждений являются пехлевийские тексты. В «Джамаспнаме» (96) содержатся данные о сражении Ирана с «белыми хионами». Затем (104) приводится победная реляция: «Носители зла, Девы и Хионы, были уничтожены подобно тому, как зимой ветер уносит листья с деревьев»⁶⁶. В «Бахман-Яште» (II, 49) сообщается, наоборот, о поражениях Сасанидов: «Царство и верховная власть перешли к рабам, которые были не иранцами, а такими, как хион, турк, хафтал, тибетцы, горцы, китайцы, согдийцы, византийцы, красные хионы и белые хионы. Они стали царями в Иране, моей отчизне»⁶⁷. Итак, если в первом из вышеприведенных текстов говорилось лишь о *белых хионах*, то во втором встречаются просто *хионы* (стоящие рядом с тюрками), а также *красные хионы* (*кармир хион*) и *белые хионы* (*спет хион*). Название *красные хионы*, согласно комментатору «Бахман-Яшта», обязано им красным головным уборам, красным доспехам и красным знаменам. В индийских источниках также имеются упоминания *красных* (или *темных*) *хуна* и *белых хуна* (напомним, что *хуна* индийских источников — это эфталиты). Наконец, в поэме VII в. на хотано-сакском языке имеется упоминание о каком-то народе, название которого расшифровывается как *красношапочные*. Г. Бэйли идентифицирует его с *красными хионами*. В этой связи необходимо привлечь и данные западных источников, которые очень часто упоминают о *белых гуннах* (см., например, Прокопий Кесарийский, I, 3). Вместе с тем у византийских авторов фигурируют и какие-то

⁶³ *Балами*, р. 128.

⁶⁴ *Лившиц В. А.*, 1969, стр. 67, прим. 103.

⁶⁵ *Ghirshman R.*, 1948; *Henning W. B.*, 1960, р. 51; *Лившиц В. А.*, 1969, стр. 67—71.

⁶⁶ *Bailey H. W.*, 1931, р. 585—586.

⁶⁷ *Bailey H. W.*, 1932, р. 945—946.

кермихион. Как показал Г. Бэйли, это тот же народ, который в пехлевийских источниках называется *кармир хион*⁶⁸.

Мы почти ничего реально не знаем об этих двух группах эфталитов: были ли они различными племенами, входившими в общую конфедерацию, или же это какие-то этно-антропологические разновидности внутри единого племенного массива. Показательно вместе с тем, что в недавно открытой на Афрасиабе (в Самарканде) настенной росписи, где изображено прибытие посольства, имеются фигуры двух послдов, отличающихся прежде всего цветом кожи («краснолицый» и «белолицый»). По мнению В. А. Лившица, есть основания сопоставлять эти изображения с «красными хионами» и «белыми хионами»⁶⁹.

Эфталитская письменность — непосредственное продолжение кушанской (бактрийской), причем она отличается от кушанской более развитой курсивностью. Именно об эфталитской письменности Сюань-цзан писал: «Их язык несколько отличается от языков других стран. Количество основных букв у них — двадцать пять, комбинируя их, они выражают все понятия. Их письмо — поперек страницы, они читают слева направо. Их литературные произведения постепенно увеличиваются и превосшли количество их у народа Су-ли (Согда)»⁷⁰.

Практически же, однако, этих «литературных произведений» сохранилось очень немного. Эфталитскими, в частности, являются фрагменты рукописей из Восточного Туркестана⁷¹. Некоторые из них относятся, по-видимому, к VII—VIII вв., но связанный текст пока прочесть не удается. Одни лингвисты считают их по языку сакскими, другие — бактрийскими.

В Северо-Западном Пакистане, в долине р. Точи, найдены три вырезанные на камнях надписи: на одном камне арабский и санскритский тексты, на втором — бактрийский и санскритский тексты, на третьем, состоящем из двух кусков, — бактрийский текст и две строчки арабского. Бактрийские надписи выполнены курсивным письмом. Предложен вариант их транслитерации и перевода⁷². Опубликованный перевод этих надписей весьма проблематичен, это лишь попытка. Датировка же их очень поздняя — это, по-видимому, IX в. н. э.

⁶⁸ Bailey H. W., 1954, p. 13—20. Пишущий о «кермихион» Феофан Византийский (отрывок 2), собственно, сообщает, что на восток от Танаиса находятся тюрки, которые в древности назывались массагетами; на языке персов имя этих тюрков — кермихион. Э. Шаванн, детально разобравший этот и другие византийские источники, полагал, что речь идет о жуан-жуанах (Chavannes E., 1903, p. 229—233). Эта гипотеза сейчас не может быть принята.

⁶⁹ Лившиц В. А., 1965 а, стр. 6.

⁷⁰ Beal S., 1906, I, p. 38; Pelliot P., 1934, p. 50.

⁷¹ Hansen O., 1951; Gershevitch I., 1967; Лившиц В. А., 1967, стр. 163.

⁷² Dani A. H., Humbach H., Göbl R., 1964, p. 125—135.

В Средней Азии к числу памятников эфталитского письма относится надпись на черепке из Занг-тепе, где сохранилась лишь часть шести строк⁷³, надписи-граффити из Кара-тепе, а также две строки курсивного бактрийского письма, обнаруженные на Афраснабе, являющиеся, как следует из находящейся рядом согдийской надписи, образцом официальной письменности эфталитов⁷⁴; плохо сохранившаяся надпись на настенной живописи в колхозабадском городище Кафыр-кала.

Во многом остается спорным чтение надписей на эфталитских монетах и геммах. Интерпретация этого материала обычно возможна с помощью иранских этимологий и указывает на то, что язык был восточноиранским⁷⁵. Учитывая это, сторонники гуннско-тюркского происхождения эфталитов в настоящее время объясняют наличие безусловно иранских слов тем, что в язык эфталитов, первоначально тюркский (или монгольский), проникли элементы языка подчиненного им иранского населения. Такой точки зрения придерживаются из современных ученых, например, Ф. Альтхайм и Э. Пуллейблэнк⁷⁶. Допускают различные толкования и имеющиеся в китайских источниках краткие упоминания о языке эфталитов.

Практически нет серьезных оснований считать язык эфталитов тюркским (или монгольским); он почти несомненно был восточноиранским. Однако лишь дальнейшие находки его памятников, углубленная работа лингвистов позволят ответить на связанные с ним основные вопросы, все еще остающиеся неясными, дать характеристику памятников эфталитской письменности и определить их взаимоотношения с языком народности эфталитов.

Необходимо также остановиться на вопросе о месте сложения эфталитов. Откуда происходит этот загадочный народ, сыгравший столь важную роль в истории Средней Азии, Ирана, Афганистана, Индии и Восточного Туркестана? И здесь гораздо больше теорий, чем строго документированных фактов. Следуя то одной, то другой версии китайских источников, исследователи помещают место происхождения эфталитов то на Алтай, то в Восточный Туркестан и т. д.

Оригинальной является теория о происхождении эфталитов из Бадахшана. Еще в 1951 г. А. Н. Бернштам, говоря об этногенезе и сложении государственности у эфталитов, указал на

⁷³ Лившиц В. А., 1969, стр. 73—74.

⁷⁴ Лившиц В. А., 1967, стр. 164. На Афраснабе обнаружено еще несколько эфталитских надписей.

⁷⁵ Bailey H. W., 1937, p. 892—893 (титулатура монетных легенд — иранская); Epoki K., 1959, p. 39—45; Ghirshman R., 1948, p. 67, 117—118; Maenchen-Helfen O. J., 1959, p. 227—231.

⁷⁶ Altheim F., 1959, I, S. 41—54; Pulleyblank E. G., 1962, p. 259—260.

два центра: средняя и нижняя Сырдарья, с одной стороны, верхний бассейн Амударьи, — с другой⁷⁷.

В 1955—1959 гг. идея А. Н. Бернштама получила развернутое обоснование в трудах японского ученого К. Еноки, который не только подверг критическому пересмотру всю совокупность имеющихся материалов, но и привел новые данные из китайских источников. Выводы К. Еноки сводились к следующему: а) первоначальная родина эфталитов находилась близ восточной окраины Бадахшана; б) их культура содержала некоторые иранские элементы⁷⁸. Аналогичную идею о происхождении эфталитов из Бадахшана развивает Л. Н. Гумилев⁷⁹, не прибавивший новых аргументов к концепции К. Еноки. Следует добавить, что эта гипотеза в конечном счете также восходит к китайским источникам, точнее к традиции, которую сохранил Сюань-цзан в рассказе о бадахшанской стране Гимотало (санскритизированная форма слова «эфталит» или какого-либо его варианта), царь которой завоевал многие страны⁸⁰. Однако эта традиция, как подметила Е. Е. Неразик, может восходить еще к традиции об юэчжийских завоеваниях, и тогда, следовательно, на нее нельзя опираться как на доказательство распространения власти эфталитов из Бадахшана. Е. Е. Неразик указала и на другие слабые места построений К. Еноки⁸¹, и с ее критическими замечаниями можно согласиться. Этим отнюдь не умаляется значение работы К. Еноки, особенно в источниковедческом плане. Для утверждения бадахшанской гипотезы требуются еще дополнительные факты⁸², возможно их принесет археология⁸³.

В русской дореволюционной литературе К. И. Иностранцев обращал внимание на сходство каменных склепов — мугхана с могильными сооружениями, которые, по письменным источникам, были у эфталитов⁸⁴. Б. А. Литвинский, изучая мугхана и другие типы могильных сооружений, в частности подкурганые захоронения в деревянных гробах (по китайским источникам, они также были распространены у эфталитов), а также рассматривая некоторые другие факты, пришел к выводу, что в сложении эфталитских племен существенную роль сыграли племена предгорных районов Ферганы, у которых как раз распространены эти виды захоронений.

В советской исторической литературе бытует еще одна точ-

⁷⁷ Бернштам А. Н., 1951, стр. 197.

⁷⁸ Еноки К., 1955, 1959 а.

⁷⁹ Гумилев Л. Н., 1959.

⁸⁰ Еноки К., 1959, р. 35.

⁸¹ ИТН, I, стр. 553—554.

⁸² Ср. Гумилев Л. Н., 1967 б.

⁸³ Бабаев А. Д., 1965, стр. 16—18.

⁸⁴ Иностранцев К. И., 1909, стр. 116—120.

ка зрения относительно происхождения эфталитов. С. П. Толстов считает, что эфталиты — выходцы из Приаралья. В последнем изложении этой теории он писал: «Надо полагать, что в IV—V вв. дельты Амударьи и Сырдарьи были центром «варварского государства» хионитов-эфталитов, сложившегося на древнем сакско-массагетском субстрате, с отмеченной уже нами сильной примесью восточных гунно-тюркских элементов»⁸⁵. Как показывают приведенные выше фактические данные, Приаралье никогда не являлось, вопреки утверждению С. П. Толстова, центром государства хионитов или эфталитов. Данные в пользу приаральского происхождения эфталитов также весьма немногочисленны.

Критическое рассмотрение существующих гипотез заставляет нас отнестись с большим сомнением к возможности в данный момент даже не окончательно, а хотя бы со значительной долей вероятности решать вопрос о месте сложения эфталитов. Что же касается их этнической принадлежности, здесь картина более ясна: эфталиты сложились на базе каких-то среднеазиатских, восточноиранских по языку племен с определенной примесью тюркских этнических элементов.

Эфталитское общество

Прокопий Кесарийский писал про «белых гуннов» — эфталитов, что они «издавна» живут оседлой жизнью, «управляются одним царем» и «имеют законную государственность». Менаандр сохранил сообщение тюркского посольства, что эфталиты — «городское племя»; по его словам, тюрки, победившие эфталитов, стали «господами их городов» (Менаандр, фр. 18)⁸⁶. Феофан Византиец (фр. 3) говорит, что после победы над персами эфталиты стали господами тех городов и гаваней, которыми раньше владели персы. Но китайские хроники сообщают совсем другое. Е-да — эфталиты «городов не имеют, а живут в местах, привольных травой и водою, в войлочных кибитках». Путешественник Сон Ю пишет, что у е-да — эфталитов нет укрепленных городов, они живут кочевой жизнью⁸⁷. Оба эти противоречащие друг другу сообщения объединены в рассказе Сюаньцзана о Гимотало. Жители этой области, т. е. эфталиты, жили в шатрах из шкур и кочевали. Вместе с тем сообщается, что в прошлом они завоевали много стран, где «управляли множеством сильно укрепленных городов и поселений»⁸⁸. Таким обра-

⁸⁵ Толстов С. П., 1962, стр. 244.

⁸⁶ Перевод всего фрагмента см.: «Византийские историки», 1860, стр. 374; Бичурин, II, стр. 268.

⁸⁷ Beal S., 1906, p. XC—XCI; Enoki K., 1959, p. 50.

⁸⁸ Enoki K., 1959, p. 35.

Серебряная чаша из Чилека

зом, не исключено, что западные авторы воспринимали эфталитов как городское население, так как они владели городами, а на позднем этапе эфталитская знать, видимо, селилась в городах.

В обществе эфталитов существовала четко выраженная имущественная дифференциация. Об этом мы узнаем, в частности, из описания их похоронных обрядов. Наряду с захоронениями в деревянных гробах, о которых сообщает Лян-шу⁸⁹, хроники Бэй-ши (и Вэй-шу) рассказывают следующее: «Умерших из богатых домов погребают в каменных склепах, а бедных зарывают в выкопанных могилах»⁹⁰. Знать носила богатые одежды. Сон Юн, описав одежду аристократок, замечает: «Характер одежды у бедняков и богатых различен»⁹¹. Наказания за имущественные преступления были необычайно строги: «За кражу, без определения количества, положено отсечение головы; за украденное взыскивают в десять крат»⁹². Из вышепри-

⁸⁹ Там же, р. 49.

⁹⁰ Бичурин, II, стр. 269.

⁹¹ *Beal S.*, 1906, р. XCII.

⁹² Бичурин, II, стр. 269.

веденных данных можно сделать один вывод: эфталитское общество было классовым, с развитой имущественной дифференциацией. У эфталитов сложилась уже своя государственность. Армия эфталитов была очень сильна. Они были вооружены палицами⁹³, китайцы считали их хорошими стрелками из лука, более поздние авторы полагали, что их главное оружие — меч⁹⁴.

Характер боевых действий, которые вели эфталиты, заставляет думать, что они имели по преимуществу конное войско. В этом вопросе мы согласны с Ф. Альтхаймом⁹⁵ и полностью расходимся с Л. Н. Гумилевым⁹⁶.

У эфталитов была распространена полиандрия (многомужество): «братья имеют одну жену; жена мужа, не имеющего братьев, т. е. одномужняя, носит шляпу с одним углом; многомужняя же умножает число углов по числу братьев; на одеянии нашивает такое же число кистей»⁹⁷. Об этом обычае, сочетавшемся с полигамией (многоженством) у правителей, сообщают разные китайские источники⁹⁸. Полиандрия — пережиток группового брака — сохранилась до наших дней на Тибете и в некоторых прилегающих областях⁹⁹.

Источники сообщают, что сами эфталиты не придерживались буддийской религии, а почитали своих богов, в частности бога огня. Каждое утро они выходили из своих шатров и молились богам. Возможно, они почитали солнце¹⁰⁰. Постепенно, однако, в эфталитскую среду стали проникать верования подчиненного ими населения, в частности буддизм. Есть также сведения о распространении среди эфталитов христианства.

Движение Маздака

В Иране на рубеже V—VI вв. в царствование Кубада (488—531 гг.) происходит крупное выступление народных масс против складывавшихся феодальных отношений¹⁰¹. Этим движением руководил человек, вошедший в историю под именем Маз-

⁹³ Пигулевская Н. В., 1941, стр. 64; Altheim F., 1960, II, S. 17—18.

⁹⁴ ИТН, I, стр. 419.

⁹⁵ Altheim F., 1960, II, S. 269.

⁹⁶ Гумилев Л. Н., 1967 б, стр. 94.

⁹⁷ Бичурин, II, стр. 268.

⁹⁸ Miller R. A., 1959, p. 12.

⁹⁹ Ghirshman R., 1948, p. 125—128; Enoki K., 1959, p. 51—56.

¹⁰⁰ Источники: Enoki K., 1959, p. 45—49. См. также: Ghirshman R., 1948, p. 120—124.

¹⁰¹ Наиболее детальное источниковедческое исследование: Christensen A., 1925. Скрупулезное исследование источников и пересмотр сложившихся точек зрения содержится в превосходной книге чехословацкого востоковеда О. Клима (Klima O., 1957) с подробными указаниями на литературу. Из советских исследований наиболее важны работы Пигулевской Н. В. (1948; 1956). Ценный краткий очерк: Дьяконов М. М., 1961, стр. 303—309, 410—412.

дак¹⁰². Как и все народные движения того времени, протест крестьян-общинников против закрепощения принял форму религиозного движения. Основателем этого религиозного движения был Зарадушт бен Хурраи. Некоторые относят время его жизни к концу III — началу IV в., но вероятнее, что он жил во второй половине V в. По его имени религиозное учение получило наименование «зардуштакан». Маздак был его учеником и последователем¹⁰³.

Маздак проповедовал, что все люди равны и необходимо уничтожить неравенство, отнять у богачей их земли и имущество. По словам Табари, опирающегося на переводы среднеперсидской хроники, Маздак и его последователи провозглашали, что бог «создал блага на земле для того, чтобы люди поровну поделили их между собой, но люди при этом причинили друг другу обиду. Последователи Маздака утверждают, что они отбирают у богатых в пользу бедных и возвращают неимущим то, что отбирают у имущих, ибо если у кого-нибудь есть избыток денег, жен и прочего имущества, то из этого не следует, что ему принадлежит преимущественное право на все это»¹⁰⁴. Или, как сообщает арабский автор, Маздак учил: «Необходимо обязательно взять у богатых для бедных, так чтобы сравнять их в собственности»¹⁰⁵.

Убийство, в том числе и убой скота, рассматривалось маздакитами как величайшее зло. Учение Маздака оправдывало пролитие крови, убийство лишь как средство обеспечить победу добра в борьбе против зла: Требования справедливого распределения жизненных благ и уничтожения неравенства способствовали распространению учения Маздака прежде всего среди крестьян-общинников.

Великий поэт Фирдоуси в своей поэме «Шах-наме» следующим образом передает слова Маздака:

Маздак говорил: «Кто богат и силен,
Не выше бедняги, что нищим рожден.

¹⁰² Ф. Альтхайм и Р. Штиль доказывают, что Маздак происходил из Хорезма или соседней с ним страны (*Altheim F. und Stiehl R.*, 1953), но это, как показал О. Клима (*Klima O.*, 1957, стр. 159—165), не может быть принято. Нельзя также доверять сведениям некоторых источников, что Маздак происходил из Нисы или какого-то другого города Хорасана. Точное место происхождения Маздака неизвестно, возможно это Месопотамия, левобережье р. Тигр. Более того, высказывается мнение, что Маздак — не собственное имя, а титул главы секты или верующего (собственно «маздак» или «маздик»).

¹⁰³ Клима О., 1957. Подробное изложение истории и идеологии маздакитского движения выходит за пределы нашей темы, укажем лишь некоторые моменты, отсылая к специальным исследованиям и работам по истории сасанидского Ирана.

¹⁰⁴ Шмидт А. Э., 1958, стр. 450—451.

¹⁰⁵ Цит. по кн.: Лигулевская Н. В., 1956 а, стр. 296.

На роскошь, богатство положен зарок,
Основа — бедняк, а богатый — уток.
И равенство в мире возникнуть должно,
В излишестве жить непохвально, грешно»¹⁰⁶.

Проповедь Маздака имела огромный успех. По словам Табари, «простой народ использовал этот удобный случай, примкнул к Маздаку и его сторонникам и сплотился вокруг них». Как говорит Бируни, «бесчисленное количество людей последовало за ним»¹⁰⁷. Движение маздакитов в столице Ирана привело к тому, что массы голодающих стали громить хлебные склады вельмож и богачей. В короткое время восстание охватило всю страну. Маздак реквизировал имущество богатых и разделил его между бедняками. Было убито много крупных землевладельцев Ирана; большое число их бежало в соседние государства.

Шах Кубад I, опасаясь за свою жизнь, а также стремясь усилить центральную власть путем ослабления местных владельцев и крупнейших представителей знати, объявил себя сторонником учения Маздака. Мотивы действия Кубада историки объясняют по-разному. А. Гутшмид и Т. Нёльдеке, следуя прямым указаниям средневековых авторов, считали, что Кубад решил не противодействовать маздакитскому движению, надеясь направить его в выгодное для себя русло — на борьбу со знатью, а также с тесно связанным с ней духовенством¹⁰⁸. К этим объяснениям присоединились многие современные ученые¹⁰⁹. А. Кристенсен же, напротив, считает, что сам Кубад искренне присоединился к маздакитам, став верным последователем их учения. Большинство советских ученых считают, что в этом споре А. Кристенсен неправ. Политический расчет — вот что двигало Кубадом, а не симпатии к маздакитам, к простому народу¹¹⁰.

Шах Кубад был смещен знатью и заточен в темницу (496 г.). На престол возвели его брата, который должен был проводить

¹⁰⁶ Русский перевод см.: «Восток», II, стр. 152.

¹⁰⁷ Шмидт А. Э., 1958, стр. 451, 490; Бируни, 1957, стр. 213.

¹⁰⁸ Naldecke Th., 1879, S. 142—143, 461.

¹⁰⁹ См., например: Frye R. N., 1963, p. 212.

¹¹⁰ С. П. Толстов выдвинул следующую концепцию: Кубад в молодости был оставлен своим отцом Перозом заложником у эфталитов. Из этого заведомо известного источника факта он делает вывод, что соглашение Кубада с маздакитами было определено «его знакомством с эфталитскими порядками: общинно-родовые традиции эфталитского общественного уклада перекликаются с лозунгами маздакитского движения, и Кубад мог видеть в реализации этих лозунгов путь к укреплению слабеющего единства Сасанидской империи по образцу молодой варварской державы «белых гуннов» (Толстов С. П., 1948 б, стр. 216). Но эфталиты отнюдь не находились на стадии первобытнообщинного строя: у них была далеко зашедшая имущественная и социальная дифференциация.

в жизнь волю знати. Однако Кубаду удалось бежать, причем он отправился к эфталитам. Царь эфталитов был женат на его сестре. Появившись у эфталитов, Кубад женился на дочери эфталитского царя. Иешу Стилит (§ 24) излагает дальнейшие события так: «Он [Кубад] приободрился, породнившись с царем, и, плача перед ним ежедневно, просил его дать ему войско в помощь, чтобы он пошел истреблять знать и утвердиться в своем государстве. И дал ему его тесть немалое войско по его просьбе. Когда он достиг персидской границы, услышал об этом его брат и бежал от него, а Кубад исполнил свое желание и казнил знатных»¹¹¹. Итак, в 499 г. Кубад I с помощью эфталитских войск снова воцаряется на престоле и проводит репрессии против той части знати, которая выступала против него.

После того как с помощью эфталитов Кубад снова овладел властью в стране, его отношения к маздакитам постепенно изменились; сперва тайно, а потом и открыто он стал бороться с последователями Маздака, как со своими самыми заклятыми врагами. В 528 и 529 гг., вероломно убив Маздака, Кубад уничтожил и других руководителей движения. Началось повсеместное зверское истребление последователей маздакизма.

Важнейшей причиной поражения маздакизма было то обстоятельство, что феодальные отношения, против которых боролись маздакиты, представляли тогда исторически необходимую ступень развития, между тем как лозунг восстановления общинного равенства означал в тех условиях возвращение к уже разложившимся и изжившим себя формам общинно-родового строя.

Однако восстание Маздака объективно носило прогрессивный характер, так как оно поднимало народ на борьбу против угнетения и эксплуатации. Идеи Маздака оказали огромное влияние на немущие слои населения и широко распространились в Средней Азии, где в это время также начался процесс феодализации.

Вскоре после разгрома маздакитского движения феодальные отношения в Иране были закреплены рядом реформ, проведенных сыном Кубада I Хосровом I Ануширваном (531—579 гг.) — непримиримым противником Маздака и маздакитов.

¹¹¹ Пигулевская Н. В., 1940, стр. 136.

НАРОДЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ В VI — НАЧАЛЕ VIII В.

1. ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ.
КЛАССОВАЯ БОРЬБА

**Тюркский каганат и распространение его власти
на Среднюю Азию**

В VI в. далеко от границ Средней Азии, на Алтае, складывается государственное образование, которое сыграло важную роль в истории Средней Азии, — Тюркский каганат (551—744 гг.). Тюрки известны в письменных источниках под разными, хотя и сходными, названиями. Китайцы называли их *туцзюе* (предполагаемое древнее звучание *t'u t kiwat*), что должно было отражать название тюрков в языке монголоязычных жужаней — *тюркют*; сами же тюрки, судя по их надписям, называли себя *тюрк*, согдийцы и персы — *турк*. Значение этого этнонима разными учеными истолковывается по-разному¹.

Тюркский правитель Бумын подчинил сначала племена теле, затем, усилившись, начал войну с господствовавшим до того над тюрками племенным объединением жужаней. Разгромив и уничтожив жужаней, тюрки образовали сильное государство в Монголии и на Алтае. Дальнейшее территориальное расширение этого государства произошло при одном из преемников Бумына кагане Мухане (553—572 гг.). Поход на запад возглавил его брат Истеми. В 555 г. он достиг «Западного моря» (вероятно, Аральское море). Большая надпись Кюль-тегина сообщает, что «вплоть до Темир-капыга они (Мухан и Истеми. — Б. Г.) расселили свой народ»². Темир-капыг («Железные ворота») — название, которое применялось в средневековье к горному проходу, ведущему из Согды в Тохаристан и расположенному в Байсунских горах. Тюркские отряды выходят к границам Ирана, на западе доходят до Черного моря, захватывают Боспор Киммерийский. Создается огромная кочевая империя, охватившая пространство от Кореи до Причерноморья. Китай

¹ Кононов А. Н., 1949, стр. 40—47; Кляшторный С. Г., 1964, стр. 18—19.

² Малов С. Е., 1951, стр. 36.

превратился в фактического вассала тюрков и откупался от них выплатой колоссальной ежегодной контрибуции. Перед тюркской «сверхдержавой» трепетали и заискивали и две другие крупнейшие мировые державы того времени — Иран и Византия.

Но огромной тюркской державе не было суждено оставаться единой. Начинаются междоусобные войны, и в самом начале VII в. (в 600—603 гг.) каганат распадается на две части: Восточнотюркский и Западнотюркский (в последний входила и Средняя Азия). В 630—682 гг. Восточнотюркский каганат был чрезвычайно ослаблен, фактически перестал существовать. В конце VII в. возникает в борьбе с Китаем второй Восточнотюркский каганат. Он быстро набирает силы. Особенно могущественным это государство становится при Мочжо, иначе Капаганкагане (691—716 гг.). Вновь тюркские знамена развеваются над стенами Пекина, армии Капаган-кагана форсируют р. Хуанхэ. Тюрки владычествовали над Северным Китаем, убивали или уводили в степь десятки и сотни тысяч его жителей, вывозили громадные богатства. Предпринимаются и походы на запад, в Среднюю Азию.

Конец политическому господству тюрков в Средней Азии принесли арабы, в конце VII — середине VIII в. подчинившие себе основные территории Средней Азии.

Тюрки и эфталиты

Уже при первых вторжениях в Среднюю Азию тюрки должны были столкнуться с эфталитами. Это столкновение оказалось неизбежным, когда намерения Тюркского каганата захватить гегемонию над Средней Азией стали очевидными.

Положение эфталитов было тем более затруднительным, что они оказались меж двух огней — тюрками и сасанидским Ираном. Иран именно в это время, в правление Хосрова I Ануширвана (531—579 гг.), консолидируется и усиливает военную мощь. Он перестает платить дань эфталитам³.

Еще в 50-е годы VI в. тюрки сталкиваются с эфталитами в северной части Средней Азии. Эфталиты не подозревали, очевидно, со сколь могущественным противником им пришлось встретиться. Предводитель эфталитов даже пытался наступать, но его удерживал от этого советник Катульф, утверждавший, что в пределах своих владений эфталиты сильнее, чем на чужой земле (Менандр, фр. 10). Война тянулась долго (по-видимому, с перерывами). Предводитель тюрков Силзибул угрожал

³ Дьяконов М. М., 1961, стр. 309—315, 321.

аварам, что разгромит своих других врагов, когда окончит войну с эфталитами (Менандр, фр. 10).

Хосров I и тюрки завязывают друг с другом дипломатические отношения. Намечается союз; цель его — сокрушить эфталитов. Наиболее подробное описание событий содержится у Фирдоуси. Каган тюрков посылает послов к Хосрову I Ануширвану. Послы должны были пройти через территорию Согда к побережью Джейхуна (Амударьи), хотя все эти области были заняты хайтальскими, т. е. эфталитскими, отрядами. Царь хайталов Гатифар с целью не допустить союза и дружбы между хаканом и шахом Ирана приказал убить послов. Лишь один из них спасся и принес известие кагану. «Сердце его [кагана] наполнилось болью, а голова мстью». Он собрал очень большое войско и двинулся на хайталов, вначале захватил Чач, область Парака (Чирчика) и затем подошел к р. Гульзарриюн (Сырдарье).

Тем временем Гатифар собирал войско. В район Бухары были стянуты отряды из Балха, Шугнана, Хутталаяна, Вашгирда (области Южного Таджикистана), Термеза, Амуля, Земма. Решающее сражение произошло в районе Бухары.

Бухара также была полна палиц и булав,
Ибо была она стоянкой войск шаха хайтальцев.
И вот двинулся Гатифар со своим войском подобно
горе,

Собрав вокруг полчища хайтальцев.
Со всех сторон войска пошли в бой,
От тесноты не осталось пути для ветра.

Битва продолжалась восемь дней. Эфталиты потерпели поражение, их войско бежало на юг, там был выбран новый царь Фаганиш — правитель Чаганиана. Но в это время выступил Хосров I, Фаганиш признал его власть, и шах Ирана и каган тюрков начали переговоры⁴.

Несравненно лаконичнее рассказ Табари: «Самым сильным, отважным и мощным из тюрков был каган Синджибу, и у него было больше всего войска; это он вступил в бой с В.р.з., царем эфталитов, нисколько не утратившись их многочисленности и силы, убил их царя В.р.з. и все его войско, захватил их богатства и овладел их страной, за исключением той ее части, которая ранее была завоевана Хосровом I». По Динавери, также вначале Хосров I «отправил войска в страну эфталитов и завоевал Тохаристан, Забулистан, Кабулистан и Чаганиан. Тогда царь тюрков, каган Синджибу, собрал свой народ, снарядился и пошел походом против земли Хорасанской; он овладел Ча-

⁴ Mohl I., 1866, VI, p. 308—316; Фирдавси, 1966, стр. 220—227. Русский перевод и интерпретацию географических названий этого отрывка см.: Птицын Г. В., 1947, стр. 297—309.

Костюмы тюркских племен X—XI вв.

1 — по настенным росписям из Ходжо, 2 — с картины Ли Луи-мяня

чем, Ферганой, Самаркандом, Кешем и Несефом и дошел до самой Бухары»⁵.

Итак, каждый из союзников торопился нанести удар первым, возможно, практически эфталитам пришлось сражаться одновременно против двух могущественных противников. Что же касается имен, то Синджибу арабских авторов несомненно идентичен Силзибулу византийских источников⁶, а имя царя эфталитов Т. Нёльдеке (с вопросом) предлагает читать как Варз⁷. Если принять такое чтение, то это могло быть имя иранского происхождения, означающее «кабан». Такой титул («ва-раз») носили некоторые восточноиранские правители, например Мерва, Герата, Гарчистана, Нисы⁸. Не исключена, вероятно, и другая трактовка этого имени — «высокий» (см. согдийское *βrz* — *варз*).

Детально исследовавший источники Э. Шаванн считает, что разгром эфталитов тюрками последовал где-то в промежутке между 563 и 567 г.⁹; по предположению А. М. Мандельштама, — ближе к началу этого промежутка времени, может быть в 563 г.¹⁰; Г. Моравчик предпочитает вообще считать «около 560 г.»¹¹.

В результате этих военных действий, распространившихся, по-видимому, на значительную часть Средней Азии, пострадали прежде всего жители городов и селений. Фирдоуси пишет об этом: «В Чаче, Тереке (т. е. Параке — Чирчике. — Б. Г.), Самарканде и Согде много [мест] было разорено и стало местопребыванием сов. Для жителей Чаганиана, Бами (т. е. Бамиана. — Б. Г.), Хутлана и Балха — для всех их наступили дни черные и горькие»¹².

Между союзниками начались недоразумения, приведшие к разрыву: каждая сторона хотела, очевидно, в наибольшей степени воспользоваться сложившейся ситуацией. По Табарни, агрессивные устремления проявили тюрки, потребовавшие, чтобы Иран выплачивал им ту дань, которую он когда-то платил эфталитам. Напротив, Динавери сообщает, что Хосров I, узнав, что тюрки дошли до Бухары, Кеша и Несефа, направил против них войско во главе со своим наследником, но тюрки боя не приняли, отошли, а все эти области попали в руки Сасанидов.

⁵ *Nöldeke Th.*, 1879, S. 158—159; *Шмидт Э. А.*, 1958, стр. 453.

⁶ *Nöldeke Th.*, 1879, S. 158, Апп. 2; *Chavannes E.*, 1903, p. 226. Об исходной тюркской форме этого имени см.: *Moravcsik G.*, 1958, S. 275—276.

⁷ *Nöldeke Th.*, 1879, S. 159.

⁸ *Maenchen-Helfen O.*, 1959.

⁹ *Chavannes E.*, 1903, p. 226.

¹⁰ ИТН, II, стр. 43.

¹¹ *Moravcsik G.*, 1958, I, S. 76.

¹² *Mohl J.*, 1866, VI, p. 354; *Фирдавси*, 1966, стр. 264—265. Русский перевод этого отрывка см.: *Беленицкий А. М.*, 1950 а, стр. 112.

Это сообщение Динавери, как подметил Т. Нёльдеке, не соответствует другим источникам, и на самом деле эти области в центре Мавераннахра оставались в руках тюрков¹³, но, безусловно, между недавними союзниками сразу же возникли трения.

Напряженность ирано-тюркских взаимоотношений была на руку эфталитам. Самые южные области Средней Азии, в частности территории южных областей современных Таджикистана, Узбекистана и Туркмении, оказались в сфере влияния сасанидского Ирана, более северные области — под верховной властью тюрков. Твердо установленной границы, конечно, не было, и смежные районы (и области) должны были посылать дань одновременно в два адреса. Эфталиты, оставшиеся в долине Зеравшана, платили дань тюркам (Менандр, фр. 18). Южная часть среднеазиатских эфталитов продолжала, вероятно, некоторое время образовывать полусамостоятельное владение. Однако, как сообщает Масуди, Хосров I, по-видимому, использовав какой-то предлог, вторгся в области, лежащие за «рекой Балха», т. е. за Амударьей, и достиг Хутталяна. Эфталитский царь (его называют Ахшунвар, но, возможно, это титул, а не собственное имя) был умерщвлен, а его владения присоединил к своим Хосров I¹⁴.

Так прекратило существование Эфталитское государство. Можно сказать словами источника: «После сего тукуесцы (тюрки.— Б. Г.) разорили владение Йеда (эфталитов.— Б. Г.), и поколения рассеялись...»¹⁵.

Тюркско-сасанидский конфликт. Экономика и политика

Непосредственно после разгрома Эфталитского государства возникает конфликт между бывшими союзниками. Вскоре он усиливается в результате уже не политической амбиции враждующих сторон, а противоречий между их экономическими интересами.

Как известно, еще в кушанское время через Среднюю Азию проходили торговые пути, в частности «шелковый» путь, связывающие Центральную Азию с Римом. Позже шелководство и производство шелковых тканей зарождается в самой Средней Азии. На Западе собственного производства шелка не было, и Византийская империя, как и Римская, зависела от импорта шелка из Центральной и Средней Азии, причем в роли посредников выступали персидские купцы. Попытки византийцев полу-

¹³ Nöldeke Th., 1879, S. 159, Anm. 1.

¹⁴ Altheim F., 1960, S. 57—58.

¹⁵ Бичурин, II, стр. 269; ср. Miller R. A., 1959, p. 12.

чать шелк из Индии, минуя персов, встречали противодействие Ирана и в целом оказались безуспешными. Персы, получавшие большие доходы на посреднической торговле, старались, с одной стороны, не допускать прямых связей Византии с поставщиками шелка-сырца, с другой — вздували на него цены. Политика византийского правительства, регламентировавшего цены на шелк-сырец, также не приносила успеха. В середине VI в. в Византию были завезены яйца шелкопряда¹⁶, но для развития собственного шелководства было необходимо длительное время.

Согдийцы, сами начавшие изготавливать шелковые ткани и имевшие непосредственный контакт с поставщиками шелка-сырца, больше всех были заинтересованы в налаживании среднеазиатско-византийской торговли шелком. Наиболее целесообразным путем был путь через Иран. Но именно здесь должны были столкнуться интересы персидских и согдийских купцов.

В период нормальных или, может быть, еще союзнических взаимоотношений между тюрками и Ираном по инициативе согдийцев было решено отправить посольство в Иран с целью договориться о возможности транзитного провоза шелка в Византию или хотя бы о продаже шелка персам. Во главе посольства стоял Маниах — «начальник» согдийцев. Менандр (фр. 18) сообщает также, что тюркский каган разрешил согдийцам «послать посольство самим». Это свидетельствует о том, что тюрки не ликвидировали Согд как государство, а лишь подчинили его себе. Такой акт, безусловно, отражал реальную политическую обстановку в Средней Азии — здесь мы полностью согласны с Н. В. Пигулевской¹⁷, которую безосновательно критикует Л. Н. Гумилев¹⁸. Однако он, как и другие исследователи¹⁹, прав в другом: нельзя представлять дело таким образом, что тюркам торговля была безразлична, что они «не были склонны к широкому торговому обмену», как пишет Н. В. Пигулевская. На самом деле тюркская знать вполне «созрела» для понимания выгод, которые ей сулило развертывание широкой международной торговли, в частности шелком. Именно поэтому инициатива согдийцев встретила благосклонный прием у тюркского кагана.

Посольство Маниаха потерпело полную неудачу: после долгих проволочек, ссылаясь в качестве предлога на нежелатель-

¹⁶ Пигулевская Н. В., 1947, стр. 184—196, 1951, стр. 83—95, 184 и сл.

¹⁷ Пигулевская Н. В., 1951, стр. 203.

¹⁸ Л. Н. Гумилев (1967 а, стр. 46) полагает, что отправление посольства от имени согдийцев объясняется тем, что «они приняли на себя ведение переговоров, надеясь лучше справиться с делом, чем неискушенные в дипломатии тюркские беги». Однако, если бы каган не надеялся на дипломатические способности своих соплеменников, он мог бы найти и другой выход, скажем, включить в состав посольства искусных дипломатов-согдийцев и отправить посольство от своего имени. На самом деле посольство было отправлено с его согласия именно согдийцами.

¹⁹ ИТН, II, 1, стр. 46.

ность приезда в Иран тюрок, Хосров I отказал послам в их просьбах. Особенно рьяно против согдийцев выступал один из советников шаха — эфталит Катуйф, бежавший в Иран в связи с поражением, нанесенным тюрками эфталитам. По его совету шах закупил привезенный согдийцами шелк, а затем приказал сжечь его в присутствии послов. Как справедливо подчеркивает Н. В. Пигулевская, «этим персы дали понять, что в согдийских товарах они не нуждаются, так как этот шелк исходит от тюрок»²⁰.

Когда об этом стало известно кагану, он решил отправить другое посольство, на этот раз от себя, и включил в штат посольства лишь тюрок. Такая настойчивость, отправление второго посольства, несмотря на полную неудачу первого, показывает, что тут были замешаны интересы «высшей» политики. По-видимому, тюрки хотели выяснить, склонен ли сасанидский Иран быть с ними в мире и дружбе или же следует готовиться к войне. Отказ персов первому посольству можно было истолковать и как нежелание вести переговоры с вассальным государством. Откажет ли иранский шах самому могущественному кагану, своему недавнему союзнику? Ответ был весьма наглядным: из всего посольства вернулось несколько человек, остальные погибли в Персии; несмотря на оправдания персов было понятно, что послов отравили. Все это накалило взаимоотношения между Ираном и тюрками. Для обеих сторон стало ясно, что необходимо готовиться к войне, ибо военные действия могли вспыхнуть каждую минуту.

Тогда правительство каганата вознамерилось установить политические контакты с извечным врагом Сасанидского государства — с Византийской империей. Одновременно это могло решить вопрос о сбыте шелка — вопрос, так волновавший согдийскую (и тюркскую) знать и все еще не сдвинувшийся с мертвой точки. Во главе посольства в Византию опять стоял согдиец Маннах. У него были с собой соответствующие письма и много даров «из шелка немалой ценности». Разумеется, посольство не могло двигаться через Иран. Был избран другой путь: вдоль северного побережья Каспия и через Кавказ.

Прибыв в Византию, посольство вручило византийскому императору дары и письмо, написанное, как считали византийцы, «скифской грамотой» (скорее всего согдийской письменностью). Был заключен договор, носивший военный характер и направленный непосредственно против Ирана. В том же 568 г. посольство выступило назад, причем с ним византийцы отправили ответное посольство во главе с Земархом. Военно-политический союз тюрок и Византии с этого времени стал совершившимся

---

²⁰ Пигулевская Н. В., 1951, стр. 203.

фактом, тем более что вслед за первым последовали другие посылства ²¹.

Источники сообщают, что в 581 г. против тюрков восстали Хотан, Персия и эфталиты ²². Никакого уточнения, какие именно эфталиты, нет. Трудно предположить, чтобы, говоря о Хотане и Персии, источник стал бы упоминать о каком-либо небольшом мятеже; очевидно, это было событие крупного масштаба. Вероятно, в это время, вскоре после смерти Хосрова I Ануширвана (579 г.), тюрки, учитывая неустойчивое положение в Иране, решили присоединить буферное Эфталитское государство, сохранившееся в Тохаристане и, возможно, в конце 70-х — начале 80-х годов VI в. добившееся независимости ²³. Однако в войне на юге тюркам пришлось столкнуться как с эфталитскими, так и с иранскими войсками. Победа тюрков, насколько можно судить по последующим сообщениям, была лишь частичной: их верховную власть вынуждены были признать эфталиты правобережного Тохаристана; эфталиты же левобережья оставались самостоятельными.

Просто несколько лет, и в 588 г. тюрки, предводительствуемые Савэ (или Шаба), вторгаются в пределы Сасанидского государства. Против них выступает талантливый иранский полководец Бахрам Чубин. Популярность его при жизни и после смерти была очень велика. В пехлевийской литературе существовал роман, прославляющий его деяния; множество упоминаний о нем было в различных близких по времени источниках. Все они ныне утрачены; сведения, сообщаемые ими, нашли отражение у Фирдоуси и арабских историков. Однако основная канва событий сомнения не вызывает. Войско тюрков форсировало Амударью, захватило весь Тохаристан (северный и южный) и прошло на запад вплоть до Герата. В сражении Бахрам Чубин ворвался с отборным отрядом в расположение ставки тюркского предводителя. По словам Динавери, «увидев это, царь тюрков велел подвести своего коня и стал на виду у Бахрама; Бахрам метнул в него стрелу, которая пронзила его насквозь, так что он упал, поверженный в прах, а тюрки бежали» ²⁴. Затем Бармуда (по другим источникам Ел-тегин), сын убитого тюркского правителя, собрал новое войско, включив туда и контингенты ранее потерпевших поражение войск. Дальнейшее известно в двух версиях. Согласно одной, персы перешли Аму-

²¹ Наиболее подробный и компетентный анализ византийско-тюркских взаимоотношений содержится в трудах Н. В. Пигулевской; из новейших зарубежных трудов (с анализом византийских источников и подробной библиографией) см.: *Moravcsik G.*, I—II, 1958.

²² ИТН, II, 1, стр. 43.

²³ *Мандельштам А. М.*, 1957, стр. 133.

²⁴ *Шмидт А. Э.*, 1958, стр. 480. Рассказ Табари см.: *Nöideke Th.*, 1879, S. 270—272.

дарью и вторично разгромили тюрков; согласно другой, на берегу Амударьи в районе Термеза был заключен мир²⁵.

Наряду с этими существует еще одна версия, принадлежащая армянскому епископу Себеосу, автору очень ценной истории. Она тем более заслуживает внимания и доверия, что Себеос был в молодости при сасанидском дворе и там слышал рассказы об этих событиях. По его словам, Бахрам Чубин «разбил войско тегальцев (эфталитов.— *Б. Г.*), силой захватил Балх и всю страну кушанов, до другой стороны великой реки под названием Вехрод (Амударья.— *Б. Г.*)... Бахрам в то время вел войну с великим царем маскутов, живших по ту сторону великой реки, разбил его многочисленное войско, самого царя убил в битве, захватил и похитил всю казну этого царства»²⁶. Это сообщение, не раз обсуждавшееся в специальной литературе (особенно детально И. Марквартом), чрезвычайно важно в том плане, что ясно показывает, что против сасанидского Ирана тюрки выступали в союзе с эфталитами, жившими в Северном Афганистане.

В начале VII в., в 616—617 гг., Иран еще раз делает попытку разгромить эфталитов и их сюзеренов — тюрков. Иранский полководец Смбат Багратуни совершает два похода в правобережный Тохаристан, где было несколько эфталитских владений, подчинявшихся балхскому правителю и находившихся под верховной властью тюрков. Согласно Себеосу, эфталиты жили тогда в области Герата, Бадгиса, Таликана, Балха. Хотя иранский полководец одержал победу и захватил большую добычу²⁷, судя по всему, эти области уже не подчинялись сасанидскому правительству — тюркам вскоре удалось изгнать отсюда сасанидские отряды.

Взаимоотношения Тюркского каганата с местными владетелями. Среднеазиатско-тюркский синтез

Первоначальная политика тюрков, захвативших Среднюю Азию, мало чем отличалась от политики эфталитов²⁸ — они обложили данью местных правителей, прежние династии сохраня-

²⁵ Об источниках см.: *Nöldeke Th.*, 1879, S. 272, 474—478; *Altheim F.*, 1962, S. 234 etc. Подробное освещение событий см.: *Гумилев Л. Н.*, 1967 а, стр. 126—132; 1960 а, стр. 64—74.

²⁶ *Тревер К. В.*, 1954, стр. 140.

²⁷ Там же, стр. 142—143.

²⁸ Нельзя согласиться с С. П. Толстовым, противопоставляющим политику тюркских правителей в Средней Азии политике эфталитов. Он исходит из того, что эфталиты «опирались на поддержку народных масс, борющихся против растущих феодальных элементов» (*Толстов С. П.*, 1948 а, стр. 278). Однако для этого утверждения нет серьезных оснований.

лись, оставались неизменными и порядки, существовавшие в тех или иных владениях. Разумеется, они должны были поддерживать своего сюзерена в случае военной опасности. Постепенно, однако, положение меняется. Тюрки осваиваются с системой административного управления в среднеазиатских владениях. Из сторонних наблюдателей они постепенно превращаются в активных участников среднеазиатской жизни. Алчная тюркская знать стала задаваться вопросом: почему, собственно, она должна получать лишь часть, а не все выколачиваемые из населения богатства? В 605 г. тюрки убили правителя области Чача и на его место посадили тюрка Дэлэ²⁹.

При западнотюркском кагане Тун-шеху была декларирована реформа: в 618 г. он решил превратить местных правителей в своих наместников, дал им соответствующие титулы. Для контроля за ними он назначил своих представителей, которые также должны были собирать подати³⁰. Сумел ли он провести реально эту реформу в жизнь? Во всяком случае это было попыткой организовать на месте разрозненных самостоятельных владений какое-то единое государственное образование. В руках Тун-шеху (618—630 гг.) был очень серьезный и весьма реальный аргумент — мощные военные силы. Он сам, как пишет источник, «был храбр, имел способность соображать, каждое его сражение венчалось победой»³¹. В результате при нем тюрками были подчинены некоторые из строптивых среднеазиатских правителей. Наряду с силой он применял и дипломатию — выдал за наиболее сильного самаркандского правителя свою дочь³². Тун-шеху пришел на помощь эфталитам во время походов на них иранского полководца Смбага Багратуни. А затем, когда сам полководец с основным войском отошел в Иран, тюркские отряды переправились через Амударью и изгнали иранские гарнизоны. Весь Тохаристан был освобожден из-под власти Сасанидов. Этим объясняется фраза источника, что Тун-шеху «покорил Персию». Там же сказано, что он «покорил Гибинь»³³, т. е. Южный Афганистан, и северо-западная часть современного Пакистана оказалась под властью тюрков или, во всяком случае, в какой-то зависимости от них³⁴.

После смерти Тун-шеху (630 г.) положение в Западнотюркском каганате становится неустойчивым. Смуты, грызня между представителями высшей аристократии отразились и на земельно-хозяйственных областях Средней Азии — участились набеги, граби-

²⁹ Бичурин, II, стр. 313.

³⁰ Бичурин, I, стр. 283.

³¹ Там же.

³² Бичурин, II, стр. 311; *Chavannes E.*, 1903, p. 24, 135.

³³ Бичурин, I, стр. 283.

³⁴ Это следует из перевода Э. Шаванна, несколько отличающегося от бичуринского (*Chavannes E.*, 1903, p. 24).

тельские походы. Был, в частности, убит ферганский правитель, в Северной Фергане обосновались тюркские наместники.

Внутренние и внешнеполитические причины привели сначала к развалу Западнотюркского каганата, а затем к полному его крушению. Вместе с тем следует отметить, что в оазисы проникли группы тюркского населения; часть их осела; другие занимались скотоводством на окраинах оазисов; тюркское население появилось и в городах; многими владениями продолжали управлять династии тюркского или смешанного происхождения. В источниках зафиксированы смешанные браки.

Тюркский вклад в характер среднеазиатского ремесла был очень значительным. Как показывают археологические материалы, у тюрков еще до прихода в Среднюю Азию было высоко развитое ремесленное производство. Их металлические, и в частности ювелирные, изделия, вооружение и украшения были высокого качества и отличались большим своеобразием. Под влиянием тюркской торевтики, на базе местных прототипов происходит оформление некоторых специфических форм согдийской и ферганской керамики, например великолепных глиняных кружек³⁵, а также наборных поясов и т. д. Тюркский элемент прочно входит в состав среднеазиатского общества VII—VIII вв. В результате среднеазиатское военное дело получает значительный импульс, обогащаясь вооружением и тактическими приемами, привнесенными тюрками. Очень велико было тюркское воздействие на разные стороны быта: в произведениях искусства того времени часто изображались тюрки. Имело место взаимовлияние тюркской народной поэзии и эпоса и эпоса и литературы оседлых среднеазиатских народностей³⁶. Пришедшие в Среднюю Азию тюрки принимали активное участие в религиозной жизни и создании культурных ценностей, являясь вместе с исконными жителями творцами культурного фонда, который является общим достоянием среднеазиатских народов. Уже в рассматриваемую эпоху не только начинается, но и интенсивно протекает синтез обычаев, верований, обрядов и культур ираноязычных и тюркоязычных народов Средней Азии.

Движение Абура

Положение трудового населения было очень тяжелым³⁷. В этой связи чрезвычайный интерес представляют данные о движении под руководством Абура. Они содержатся в отрывке из книги Абд ар-Рахмана Мухаммада Нишапури (XI в.) «Хазинат ал-улум» («Сокровищница наук»), включенном в «Историю Бу-

³⁵ Маршак Б. И., 1961.

³⁶ Бертельс Е. Э., 1960, стр. 84—87, Стеблева И. В., 1965, стр. 65—68.

хары» Наршахи при позднейшей ее переделке. Нишапури, согласно Наршахи, писал, что в древние времена люди заселяли область Бухары. «Люди стали собираться со всех сторон и сделались здесь счастливыми. Некоторые люди пришли из Туркестана, потому что здесь было много воды, много деревьев и обильная охота. Им понравилась эта область, и они поселились здесь. Вначале они поставили палатки и юрты и жили в них, но затем, когда собралось больше народу, они соорудили постройки. Когда население возросло, они избрали одного, кого они сделали амиром. Его имя было Абруй». Сам царь жил в Пайкенде, а город называли Кала-и Дабуси. «Через некоторое время, когда власть Аброя возросла, он стал настолько жестоко править, что жители области не могли оставаться в ней. Дихканы и богатые [купцы] ушли из этой области и направились в Туркестан и Тараз, где они выстроили город. Они назвали город Хамукат, так как глава группы переселенцев назывался Хамук... Тогда тот народ, который оставался в Бухаре, послал человека к своим вельможам и просил помощи от угнетения Аброем. Эти благородные и дихканы обратились за помощью к правителю турков, которого называли Кара-Чурин-Турк...» Он послал своего сына Шири-Кишвара с большой армией. Тот прибыл в Бухару и в Пайкенде захватил Аброя. Шири-Кишвар «приказал наполнить большой мешок красными пчелами, туда поместили Аброя и держали до того, пока он не умер». После этого Шири-Кишвар стал правителем области Бухары и пригласил вернуться беглецов, ибо «богачи и великие дихканы убежали, в то время как низкие и бедные оставались. Когда эта группа [беглецов] вернулась, люди, которые оставались в Бухаре, сделались их слугами. Среди благородных был великий дихкан, которого называли бухар-худат, он происходил из старого дихканского рода и его поместья были больше, [чем у других дихкан]. Большинство [бедных] людей были его кадиверами, или слугами»³⁸.

Это сообщение неоднократно исследовалось учеными. Перво-

---

³⁷ Л. Н. Гумилев пишет: «Согдийские дихканы и купцы так много хорошего видели от западнотюркских (западнотюркских.— Б. Г.) ханов, что сами стали крепкой опорой престола». Рассказав далее об экономическом и культурном расцвете Средней Азии в VII в., он делает вывод: «Но все это благополучие было результатом подчинения Согданы тюркскому хану» (Гумилев Л. Н., 1967 а, стр. 152). Парадоксальность этих заключений (особенно второго) состоит в том, что они полностью противоречат фактам. Л. Н. Гумилев отвлекается от данных исторических источников, забывая вместе с тем и о необходимости классового подхода к анализу исторических явлений.

³⁸ Этот перевод учитывает издание Ш. Шефера 1892 г., тегеранское издание 1939 г. и новобухарскую литографию 1904 г. Имеется русский перевод (Наршахи, 1897, стр. 12—13) и английский («The History of Bukhara», 1954, р. 6—8).

начально высказывалось мнение, что весь этот рассказ не что иное, как легенда, возможно отражение персонификации р. Зеравшан или же отголоски древнейших преданий о заселении долины Зеравшана.

Э. Захау и К. А. Иностранцев — крупнейшие знатоки древней истории Средней Азии — именно в этом плане рассматривали вышеприведенный рассказ. Впервые И. Маркварт в ряде своих работ³⁹ выдвинул идею, что в этом рассказе отражены реальные исторические события. Более того, он доказывал, что речь идет о событиях, связанных с тюркско-эфталитской борьбой за Согд, о событиях 60-х годов VI в. На основании ряда сопоставлений он полагал, что Абруй (собственно он принимал встречающуюся в одной из рукописей форму Абрези) идентичен последнему царю эфталитов.

Интересную гипотезу выдвинул С. П. Толстов. По его мнению, эти события развертывались в конце 80-х годов VI в. и были связаны с кризисом и распрями в Тюркском каганате, что привело к массовому притоку переселенцев-тюрков в Бухарский оазис. Он предлагает сопоставление персонажей рассказа Нишапури с известными из синхронных событиям источниками реальными действующими лицами каганата⁴⁰. Однако в построениях С. П. Толстова, как и И. Маркварта, есть уязвимые места, и его гипотеза, несмотря на всю ее привлекательность, не может считаться доказанной. Не исключено, что эти события имели место несколько позже — в 90-е годы⁴¹.

Не считая возможным присоединиться к трактовке событий, даваемой С. П. Толстовым, нельзя вместе с тем не разделить его вывод, что это движение имело ярко выраженную социальную окраску. В этой борьбе, как, впрочем, всегда и везде, отнюдь не этническая принадлежность являлась определяющей. Рядовые тюркские переселенцы, осевшие или оседавшие на землю, находились в одном лагере с согдийской беднотой. И, напротив, согдийская знать выступала единым фронтом с аристократией каганата. Таким образом, судя по сообщению Нишапури и ряду других данных, можно считать, что Средняя Азия была тогда ареной ожесточенной классовой борьбы, развертывавшейся в связи с попытками дикханов закабалить свободных общинников.

³⁹ Marquart J., 1901, S. 309; 1938, S. 147—148.

⁴⁰ Толстов С. П., 1948 а, стр. 248 и сл.

⁴¹ Мандельштам А. М., 1964, стр. 48.

2. ТОХАРИСТАН В VI—НАЧАЛЕ VIII В.

Данные источников в состоянии Тохаристана в VI—начале VIII в.

Название «Тохаристан» впервые появляется в одном переводном сочинении, выполненном в 383 г.⁴² Китайские источники называют эту страну Тухоло (T'ou-ho-lo, Tou-ho-l-o, или T'ou-hou-lo)⁴³.

Территория Тохаристана включала в себя нынешний Южный Таджикистан, Сурхандарьинскую область Узбекской ССР и северные области Афганистана. Фактически раннесредневековый Тохаристан в значительной мере территориально соответствовал древней Бактрии.

Политическая история Тохаристана VI—VII вв. была очень бурной. Буферное государство эфталитов, борьба с тюрками и их последующее господство, вторжения сасанидских войск, внутренние мятежи и войны — все это делает историю Тохаристана чрезвычайно сложной. Следует сразу отметить, что мы более или менее детально знаем внешнюю канву истории Тохаристана, но это по существу лишь оглавление книги тохаристанской истории: внутреннее ее содержание, события, протекавшие в отдельных областях, нам почти неизвестны, так как источники освещают историю очень скупо. Многие смогут добавить нумизматические материалы: при раскопках на Аджина-тепе и Кафыр-кале найдена большая серия монет местного тохаристанского чекана, однако их расшифровка еще не завершена.

Приведем несколько описаний источников относительно Тохаристана. Путешественник Сон Ю (519 г.) побывал в Бо-хо (Вахан). Он пишет, что горы здесь необычайно высокие, а ущелья очень глубокие. Царь этой страны живет в выстроенном им городе. Одежда народа красивая; часть ее — кожаная. Климат крайне холодный, простой народ использует в качестве места для жилья пещеры. Особо отмечают снежные бури. К югу от этой страны — великие снежные горы.

Пройдя дальше на запад, он достиг страны е-да — эфталитов, современного Бадахшана. О стране эфталитов он сообщал, что ее области обильны водой горных потоков, которые протекают перед всеми жилищами и оплодотворяют эту страну (речь, по-видимому, идет и о горных ручьях и об оросительных каналах). Народ носит одежды из шкур, аристократия — богатые и сложные по покрою одежды (так, платье эфталитской царицы имело длинный шлейф, который несли специально обученные слуги). В этой стране (во всяком случае при дворе эфталитско-

⁴² Müller T. W. K., 1918, S. 575.

⁴³ Chavannes E., 1903, p. 155.

го царя) большие ковры. Драгоценные камни были в великом изобилии⁴⁴, имелось много лошадей и верблюдов. Столицей был город Бадиянь⁴⁵ — может быть это неудачная передача названия Бадахшан. В источнике, относящемся к 590 г., имеется упоминание владения Бодочана. Это уже бесспорно название Бадахшана⁴⁶.

К началу VII в. относятся также данные династийной хроники Суйшу. Она сообщает о Тухоло — Тохаристане, что жители его «перемешаны» с эфталитами. Говорится также о «ста тысячах строевого войска, искусного в боях». Сообщается о полиандрии⁴⁷.

Путешественник VII в. Сюань-цзан (около 629—645 гг.) описывает Тохаристан в целом и многие владения, входившие в его состав, приводит размеры этих владений и отдельных городов. Он попал в Тухоло — Тохаристан, двигаясь с севера и пройдя через Железные ворота (в Байсунских горах). По его данным, Тохаристан имел в 3 раза большую протяженность с востока на запад, чем с севера на юг. «Великая река [здесь приводится китайская передача тогдашнего названия Амударьи] прорезает страну в западном направлении». По Сюань-цзану, царский род Тохаристана угас много лет назад, и несколько вождей силой утвердились в отдельных владениях. Страна состоит из 27 владений согласно естественным границам. Все они находятся в зависимости от тюрков. Климат показался путешественнику теплым и сырым. Жители в большинстве носят одежду из хлопка, некоторые — из шерсти. Язык жителей несколько отличается от языка других стран. Основных букв в их письменности 25 (китайца, привыкшего к иероглифической письменности, удивило, что все предметы и понятия выражались комбинацией этих букв). Пишут тохаристанцы поперек страницы и читают слева направо. Их литература постепенно увеличивается и по объему превосходит то, что есть в Согде. В торговле они употребляют золото и серебро. Монеты по своему типу отличаются от монет других стран⁴⁸.

Далее Сюань-цзан очень кратко описывает отдельные владения, входившие в состав Тохаристана. Среди них Да-ми (Термез), *Чи-о-янь-на* (Чаганиан — область, охватывающая северо-восток Сурхандарьинской долины и запад Гиссарской долины).

⁴⁴ *Beal S.*, 1906, p. ХСII—ХСIII.

⁴⁵ *Бичурин*, II, стр. 268—269.

⁴⁶ *Мандельштам А. М.*, 1957, стр. 101, 107.

⁴⁷ *Бичурин*, II, стр. 286.

⁴⁸ *Beal S.*, 1906, I, p. 37—38; *Chavannes E.*, 1903, p. 196. На вопросе о письменности Тохаристана мы останавливались в предыдущей главе. Добавим лишь, что автор XII в. Самани, рассказывая о Вашгирде (около Файзабада), упоминает о «буквах, бывших там в начале ислама, известных, записанных в книгах» (*Самани*, л. 576 б; *Бартольд В. В.*, 1964, стр. 469).

Размер столицы Чаганиана был в 2 раза меньше в окружности, чем столицы Термеза. Упоминается область *Шу-мань*, т. е. Шуман — в средневековье это восточная и центральная часть Гиссарской долины, в VII в. она, по-видимому, занимала большую территорию, простираясь к югу, вероятно, по Кафирнигану. Специально отмечается, что царь Шумана был тюрк. Шуман граничил с *Цзюй-хэ-янь-на* (Кабодианом), столица которого (название не упомянуто), примерно была равна по размерам столице Чаганиана. С востока к Кабодиану примыкала область *Хо-ша* (Вахш). Эта область была вытянута с севера на юг в 2 с лишним раза больше, чем с востока на запад. Столица по размерам приближалась к столице Термеза. Восточнее Вахша располагалось владение *Кэ-до-ло* (древнее звучание *Kuät-tuät* — Хутгаль (Хутгальян))⁴⁹; на востоке оно граничит с горами Цунлин (Памиром), страна значительно больше по размерам, чем все предыдущие владения. Размеры столицы такие же, как в Термезе⁵⁰. В связи с Хутгальяном следует сказать о двух областях. Одну из них Сюань-цзан называет *О-ли-ни*. Она располагается по обеим сторонам Пянджа, главный город был достаточно велик. Другая область — *По-ли-хо*. Как и предыдущая, она находится на территории Тухоло. Главный город очень велик⁵¹. С. Бил сопоставил *По-ли-хо* с Пархаром на карте Вуда (район Кокчи)⁵². Это же сопоставление считал бесспорным и И. Маркварт⁵³. На ошибку последнего указал А. М. Беленицкий, который сделал правильное заключение, что речь идет о Пархаре, расположенном на правом берегу Пянджа (современный Пархарский район Таджикистана). Что же касается *О-ли-ни* — это бесспорно Архен средневековых авторов, в то время также расположенный на правом берегу⁵⁴. Кроме того, упоминаются владения *Цзюй-ми-то* (Кумед — где-то в области Каратегина, Дарваза и Ванча), *Ши-ци-ни* (Шугнан), *Бобочуанна* — древнее звучание *piāt-d'ak-tsitāng-nā* (Бадахшан) и *Дамоситеди* (Вахан). Столица последнего обозначается как Хуньтодо⁵⁵. Сообщается о суровой природе этих областей. Так, о Дамоситеди⁵⁶ пишется, что он рассечен горами различной высоты, а его

⁴⁹ Bailey H. W., 1937, p. 886.

⁵⁰ Beal S., 1906, I, p. 38—41.

⁵¹ Beal S., 1906, II, p. 289—290.

⁵² Beal S., 1906, I, p. 42, N 140; см. также: Минаев И., 1879, стр. 63.

⁵³ Marquart A. M., 1901, S. 234.

⁵⁴ Беленицкий А. М., 1950 а, стр. 110.

⁵⁵ Об этих отождествлениях см.: Мандельштам А. М., 1957, стр. 109 и сл.

⁵⁶ Название «Дамоситеди» носит санскритский облик. На это обратил внимание И. Маркварт, который предположил, что Дамоситеди — передача санскритского термина *Dharmasthiti — «местопребывание [буддийского] закона». Это, по его мнению, не подлинное название страны, а ее эпитет. Однако, продолжает И. Маркварт, трудно предположить, что малолетние буддийские монастыри Вахана явились причиной для наименования его цита-

поверхность покрыта песком и разбросанными камнями. Холодные ветры дуют со страшной силой. По Сюань-цзану, в Вахане высевали небольшое количество пшеницы и бобовых. Особо он подчеркивает достоинства лошадей — небольших по величине, но очень выносливых, легко переносящих большие переходы. Жители носили шерстяные одежды.

В описании Шугнана содержатся данные о посевах пшеницы и бобовых и даже небольшого количества риса. Одежды шугнанцев были сделаны из кожи и шерсти. Здесь применялась такая же письменность, как в Тохаристане, но язык был иным⁵⁷.

Сюань-цзан описывает и столицу Тохаристана По-хо (Балх) — сильно укрепленный город с довольно редким населением, а также другие области, полностью находившиеся в левобережном Тохаристане (на территории современного Северного Афганистана)⁵⁸.

Согласно танской истории — источнику, относящемуся ко второй половине VII — началу VIII в., тохаристанцы жили совместно с эфталитами, образ жизни их был оседлым⁵⁹. В Шугнана резиденцией правителя первоначально был город Кухань, позже он стал жить в разных горных долинах. Так переводит Н. Я. Бичурин⁶⁰. Э. Шаванн понимал этот текст почти также: «Вначале столица располагалась в городе Кухань, затем [жители] расселились по горным ущельям». В пяти больших долинах имеются автономные предводители; все вместе они именуются «пять шини». Земледелие, согласно этому источнику, отсутствовало.

Относительно Вахана танская история в основном повторяет сведения Сюань-цзана, в том числе о голубых глазах его жителей и т. д. Однако резиденция правителя называется иначе, чем у путешественника. Она именуется Сайгашэнь; к северу от этого города располагалась река Уху (Пяндж)⁶¹. И. Маркварт в свое время, учитывая древнее звучание названия этой столицы, высказал предположение, что это обозначение Ишкашима⁶² и что, следовательно, столица Шугнана в то время находилась на левобережье. Э. Шаванн⁶³ и последующие исследователи приняли это предположение. Оно кажется вполне правдоподобным.

Имеется также описание Хутталаяна, который характеризуется как очень большая область. Столица его называется Се-

---

делью буддизма. Скорее это санскритско-буддийский эквивалент аналогичного местного обозначения Вахана (Marquart J., 1901, S. 225). Эта гипотеза И. Маркварта представляется весьма привлекательной.

⁵⁷ Beal S., 1906, p. 291—296.

⁵⁸ Beal S., 1906, p. 42—48, II, p. 285—292.

⁵⁹ Бичурин, II, стр. 321.

⁶⁰ Там же, стр. 333.

⁶¹ Там же, стр. 323—324; Chavannes E., 1903, p. 162—165.

⁶² Marquart J., 1901, S. 224.

⁶³ Chavannes E., 1901, p. 165, N 1.

чу-кьянь, это резиденция правителя. В стране много превосходных лошадей и рыжих леопардов (по-видимому, тигров или барсов). Наконец, сообщается, что там четыре большие соляные горы⁶⁴, — действительно, недалеко от райцентра Восе имеется громадная соляная гора, известная сейчас под названием Ходжа-Мумин.

Другой буддист-паломник, Хой Чао, побывавший в Средней Азии в 726 г., сообщает о Тохаристане следующее. Страной овладели арабы. Царь убежал от них и живет в Бадахшане. Язык жителей отличается от языка других стран, лишь в небольшой степени походя на язык Каписы. Для одежды употребляют меха и хлопчатобумажные ткани. В стране много верблюдов, овец, мулов, лошадей, хлопчатника и виноградников. Излюбленная еда — высушенные изделия из теста. Мужчины сбрасывают волосы на голове и лице, женщины, напротив, носят длинные волосы. Царь, знать и народ почитают буддийскую веру хинаянистского толка, много монастырей и монахов⁶⁵. В Тохаристане десять, пять, три или два брата имеют вместе одну жену⁶⁶, — в этих словах можно видеть указание на обычай полиандрии, связанный с оседанием здесь эфталитов.

В Хутталяне (описание его, даваемое Хой Чао, в ряде пунктов повторяет описание Тохаристана в целом) царь происходит из племени тюрков, в стране половина народа — ху, т. е. местная, другая половина — турки. Страна находится под властью арабов. Часть жителей говорит на тохаристанском, часть — на тюркском, часть — на местном языке. В Хутталяне имеются верблюды, мулы, овцы, лошади, рогатый скот, ослы, выращивается хлопок, есть виноградники, изготавливаются шерстяные ткани. Жители носят также одежду из хлопчатобумажных тканей и шубы. Мужчины обрезают волосы на голове и лице, женщины же носят длинные волосы. Царь, знать и народ почитают учение Будды — хинаянистский толк, имеются монастыри и монахи.

В Вахане-царь слабый, подчиняется арабам, ежегодно приносит им подать — шелк. Ваханцы живут в горных долинах, их жилища маленькие и тесные, некоторые живут в пещерах. Много бедняков. Одеваются в шубы, сверху носят одежды из войлока, а царь — шелковые и хлопчатобумажные. Язык жителей не одинаков с языками всех других стран. Едят только печеный хлеб и изделия из теста. Страна необычайно холодная, значительно более холодная, чем другие страны. В горах нет никаких деревьев или растительности. Имеются овцы и рогатый скот (очень мелкой породы), а также лошади и мулы. О вероучении говорится в тех же словах, как и в разделе о Хутталяне.

⁶⁴ Бичурин, I, стр. 326.

⁶⁵ Fuchs W., 1938, S. 449.

⁶⁶ Там же, S. 452.

Путешественник также сообщает о «Девяти владениях Шикинана» (Шугнана). В каждом из них есть владетель, который там находится со своим войском. Царь всего Шикинана подчиняется царю Вахана. Страна очень холодная, лежит среди снежных гор. Имеются овцы, кони, рогатый скот, ослы. Царь и знать носят одежды из хлопчатобумажных тканей и шубы; остальной народ носит меховые одежды и накидки из войлока. Язык жителей отличается от языков других стран. В Шикинана учение Будды не было распространено. Рассказывается также, что царь отправляет специальные отряды для того, чтобы они грабили торговые караваны⁶⁷.

Политическая история

Мы рассказывали о завоевании Тохаристана Западнотюркским каганатом при Туи-шеху (умер в 630 г.). Побывавший вскоре после этого в Тохаристане Сюань-цзан застал здесь тюркского наместника⁶⁸. Судя по арабо-персидским источникам, носил титул джабуя, или джабгуя, собственно ябгу⁶⁹. Источники владений, входивших в состав Тохаристана, источники осведомлены необычайно кратко.

Одним из наиболее мощных владений Тохаристана был Хутталян⁷⁰. В нем имелась, во всяком случае на рубеже VII—VIII вв., местная династия. Одним из ее представителей был царь Хутталяна, которого Табары называют ас-Сабаль⁷¹. Возможно, это арабская передача тюркского имени, известная по другим иноязычным источникам как Шаболо⁷². Хой Чао, посетивший в годы правления ас-Сабаля Среднюю Азию, прямо пишет, что царь Хутталяна происходил из тюркского племени⁷³. Ас-Сабаль с конца VII в. по начало 30-х годов VIII в. управлял Хутталянном. Арабские источники называют его царем. Существовал определенный порядок престолонаследия. Табары вкладывает в уста ас-Сабаля слова о необходимости соблюдения порядка престолонаследия⁷⁴.

Хотя сама династия была, по-видимому, в это время тюркского (или отюреченного) происхождения, ее представители носили иранский титул хутталян-шахов или шер-хутталян; в

⁶⁷ Там же, S. 452—453.

⁶⁸ «The life of Hsuan-Tsang», 1959, p. 48—49.

⁶⁹ Marquart J., 1901, S. 69.

⁷⁰ Ставиский Б. Я., 1957 б, стр. 89.

⁷¹ Табары, II, стр. 1040 и сл., 1152 и сл., 1583.

⁷² Marquart J., 1901, S. 303.

⁷³ Fuchs W., 1938, S. 452.

⁷⁴ Табары, II, стр. 1618. Русский перевод: Беленицкий А. М., 1950 а, стр. 115.

арабских источниках они обычно именуется как цари (мелики)⁷⁵. Вместе с тем они находились в вассальной зависимости от общетохаристанских правителей. Во время приема у арабского наместника Кутейбы ибн Муслима прибыли общетохаристанский правитель и несколько правителей более низкого ранга, в том числе ас-Сабаль. Увидев общетохаристанского правителя, они попросили разрешения поцеловать его руку и сесть ниже его. Один из правителей заявил: «Хотя [он] и мой враг, но он старше меня. Он — мелик [царь], а я наподобие его раба»⁷⁶.

Источники начала VIII в. сообщают, что царь Хутталаяна может выставить 50 тыс. строевого войска (как и правители таких областей, как Шуман, Кабадиан, Шугнан и Вахан)⁷⁷.

История последующих правителей Хутталаяна исследована И. Марквартом и особенно детально А. М. Беленицким и О. И. Смирновой⁷⁸. Нет смысла входить в детали династийной истории Хутталаяна, тем более что согласование данных разноязычных источников в полной мере не может быть пока достигнуто.

Имеются сведения и по истории других владений. Чрезвычайно интересна уже упоминавшаяся надпись из Афрасиаба о прибытии посольства в Самарканд. Посол заявляет, что он прибыл от Туранташа — «государя Чаганиана». Исследователь надписи В. А. Лившиц не исключает возможности, что афрасиабские настенные росписи — это не документальная иллюстрация к несохранившейся официальной истории царей Согда, а воспроизведение фольклорного сюжета. Тогда надпись не может рассматриваться как источник, адекватно передающий события. Но и в этом случае надпись, несомненно, содержит отголосок реальных событий, которые могли иметь место во второй половине VII в.

Источники указывают, что эфталиты владели Чаганианом⁷⁹. В начале VIII в., точнее в 719 г., правителем Чаганиана является Тиш Одноглазый; из арабских источников известно, что он же был и ябгу Тохаристана⁸⁰. Характерно, что его имя бесспорно иранское — так в бактрийском языке называлась звезда Сириус⁸¹. Правители Чаганиана носили титул «Чаган-худат»⁸².

В целом Тохаристан не был сколько-нибудь централизован: в каждом из владений имелись свои правители, наследственные династии, это была, собственно, конфедерация почти самостоя-

⁷⁵ Marquart J., 1901, S. 301; Chavannes E., 1903, p. 168. Беленицкий А. М., 1950 а, стр. 117.

⁷⁶ Подробнее см.: Беленицкий А. М., 1950 а, стр. 112—113.

⁷⁷ Chavannes E., 1903, p. 200—201. О. И. Смирнова (1969, стр. 218) ошибочно называет «пятьсот тысяч».

⁷⁸ Marquart J., 1901; Беленицкий А. М., 1950 а; Смирнова О. И., 1969.

⁷⁹ Chavannes E., 1903, p. 223.

⁸⁰ Там же, p. 226—227.

⁸¹ Лившиц В. А., 1962 б, стр. 40, прим. 75.

⁸² Marquart J., 1901, S. 226.

тельных государств. О степени их самостоятельности свидетельствует тот факт, что они, в частности, посылали посольства как в соседние, так и в весьма отдаленные страны:

О внутреннем устройстве этих государств практически ничего не известно. По аналогии с Согдом можно предположить, что в Тохаристане был развитый административный аппарат Чаганианский посол в согдийской надписи из Афрасиаба носит название «дапирпат» (буквально «глава писцов», «начальник канцелярии»). Не исключено, однако, что на самом деле посол занимал более высокий пост, например везира⁸³.

Ирригация. Сельское хозяйство

Значительная, по-видимому основная, часть населения Тохаристана занималась сельским хозяйством. Намек на наличие искусственного орошения содержится в сообщении Сон Юна (см. выше). Разумеется, оросительная сеть — и весьма развитая — существовала в долинах; в более высоких районах развивалось богарное земледелие. Археологические работы позволяют представить, какой колоссальный объем имела ирригационная сеть. В Вахшской долине, как установила Т. И. Зеймаль, в древности и средневековье было сооружено четыре магистральных канала, выводивших воду из р. Вахш. Для рассматриваемого времени особое значение имел канал Кафыр.

Остатки канала фиксируются на левом берегу Вахша в 2,5 км западнее г. Калининабад. Головной участок являлся участком холостого пробега. Далее канал выходил к кишлаку Мардат (на землях совхоза им. Кирова), отсюда следовал на юг, прижимаясь к борту восточной террасы долины. Здесь расположена большая (состоящая из 16 объектов) группа памятников. Центром ее являлось городище Чоргуль-тепе — раннесредневековое городское укрепленное поселение, неподалеку от которого находился буддийский монастырь Аджина-тепе. Южнее трасса идет вдоль Акгазинского плато. Еще южнее, следуя рельефу, канал поворачивает на запад в сторону возвышенности Кзыл-Тумшук. Здесь имеются остатки крупных раннесредневековых поселений. Высота валов древнего канала — 1,5—2 м, ширина ложа — до 6 м. Особенно эффектны остатки канала в 4—5 км к юго-западу от Беш-Капы. Здесь канал необходимо было провести по пониженной местности. Древние строители насыпали громадную земляную дамбу и уже по ней провели канал. Общая высота отвалов канала около 8 м, ширина дамбы по основанию до 50 м, ширина самого ложа канала — 13—15 м.

⁸³ Лившиц В. А., 1965 б.

Даже в наш век это гигантское сооружение выглядит чрезвычайно внушительным. Далее канал вновь следовал на юг, орошая многие группы поселений, и доходил до современного Кумсангирского района, прорезая, таким образом, основную часть Вахшской долины.

Следует особо подчеркнуть две особенности этого канала. Канал был проведен близ основания возвышенности и занимал господствующее положение по отношению к долине, что позволяло проводить самотечные каналы в любых направлениях. Второе — это удивительное искусство древних ирригаторов в разбивке трассы канала. Вновь проведенный современный магистральный канал, трассу которого прокладывали высококвалифицированные инженеры-геодезисты и ирригаторы, используя материалы аэрофотосъемки и самые совершенные геодезические инструменты и приборы, проходит по направлению, которое оказалось почти или полностью совпадающим с древним⁸⁴.

Таким образом, уже в глубокой древности были выработаны рациональные приемы выбора оптимальной трассы для столь сложных и крупных сооружений, как этот канал, сейчас известный под названием Кафыр.

Сельскохозяйственные работы осуществлялись очень примитивными орудиями. Вспашка производилась с помощью деревянного омача (вид сохи) с железным наконечником на рабочем конце (найден на Аджина-тепе). Другими орудиями земледельца (и мастера-ирригатора) были железные кетмень и лопата. Фрагмент железного серпа найден на Мунчан-тепе (Шаартузский район). Помол зерна осуществлялся с помощью ручных жерновов мелких и средних размером и зернотерок (найжены при археологических работах в низовьях Кафирнигана, долинах Вахша и Сурхандарьи). По-видимому, как и в других областях Средней Азии, имелись и водяные мельницы.

Что касается сельскохозяйственных культур, мы располагаем довольно полным перечнем их. Поля засевались зерновыми культурами. Возделывались бобовые. Специально подчеркивается наличие хлопка хорошего качества (впрочем обозначение качества, быть может, относится уже к хлопчатобумажным тканям). В стране было много виноградников и какое-то количество рисовых полей⁸⁵.

Имеется сообщение, что в 647 г. тюркский ябгу прислал (из Тохаристана?) виноград особого сорта — с вытянутыми ягодка-

---

⁸⁴ Подробное описание канала Кафыр и расположенных в его зоне памятников см.: *Зеймаль Т. И.*, 1962; *Литвинский Б. А. и Зеймаль Т. И.*, 1964; *Зеймаль Т. И.*, 1971, стр. 39—47

⁸⁵ Разведение риса в Бактрии засвидетельствовано уже Страбоном (XV, 1, 8)

ми⁸⁶. Из Тохаристана вывозились редкие лекарственные растения⁸⁷.

Археологические материалы подтверждают эти сообщения письменных источников. Обилие зерноотерок и жерновов свидетельствует о большом удельном весе посевов зерновых. На Балалык-тепе найдены засохшие ягоды винограда. Здесь, кроме того, обнаружены зерна пшеницы, проса, маша, косточки персика, урюка, алычи, винограда, дыни и арбуза, скорлупа орехов, фисташки, миндаль, коробочки хлопка⁸⁸.

Высоко ценились тохаристанские кони. По-видимому, существовало несколько пород коней, в том числе превосходные, небольшие, но очень выносливые горные кони, не боявшиеся длительных переходов, а наряду с ними другие, приспособленные к условиям равнины. О конях складывались легенды; существовала вера в мифических коней — предков современных рассказчикам лошадей.

Кроме коней часто упоминаются верблюды. В качестве транспортных животных находили применение также мулы, лошади⁸⁹ и ослы. В стране имелись большие стада крупного рогатого скота и овец. О последнем мы знаем не только из прямого сообщения Хой Чао, но и из частых сообщений источников о шерстяных одеждах и шерстяных коврах.

Ремесла и торговля

В Тохаристане было развито горное дело. О добыче драгоценных камней, прежде всего, очевидно, знаменитых бадахшанских лалов (благородной шпинели), а также лазурита и других полудрагоценных и драгоценных камней, известно из сообщений путешественников и данных о вывозе тех или иных изделий⁹⁰. По Сон Ю, драгоценные камни в Тохаристане были в великом изобилии. Добывался камень та-пао, что переводят как агат⁹¹, но предпочтительнее, как считает Шефер, карнелиан, а также изделия из него. Производилась также добыча соли⁹². Из каменной соли изготавливались некоторые предметы. Так, на Балалык-тепе найдена статуэтка верблюда из куска розовой соли. Соль, возможно, имела ритуальное значение. Во всяком случае, это бесспорно известно для сасанидского Ирана, где соль применялась в ритуале торжественной клятве сасанид-

⁸⁶ Schafer E. H., 1963, p. 142.

⁸⁷ Бичурин, II, стр. 321.

⁸⁸ Альбаум Л. И., 1960, стр. 67—68, 101.

⁸⁹ О соответствующей терминологии см.: Schafer E. H., 1963, p. 76.

⁹⁰ Schafer E. H., 1963, p. 222, 230—235.

⁹¹ Бичурин, II, стр. 321.

⁹² Там же, стр. 326; Chavannes E., 1903, p. 167.

ских царей как символ верности. Л. И. Альбаум отметил, что, судя по сообщению письменного источника, соль могла иметь символическое значение в воззрениях среднеазиатских народов, в частности эфталтов⁹³.

Хотя прямых данных нет, но, исходя из всего комплекса наших знаний о Тохаристане, можно заключить, что здесь добывались полезные ископаемые, начиная с золота, которое шло на различные ювелирные изделия, украшение скульптур и т. д.⁹⁴, до железа, употреблявшегося для изготовления орудий, бытовых предметов, оружия и оборонительных доспехов. Естественно, функционировали и разнообразные металлические мастерские. В ту эпоху почти непрерывных войн оружейное производство занимало одно из ведущих мест в ремесле, его продукция носила массовый характер. Из письменных источников мы знаем, что в V—VII вв. жители Тохаристана были вооружены луками, палицами, булавами, мечами, у них были превосходные плетеные «балхские кольчуги».

Археологические и иконографические материалы позволяют несколько детализировать эту картину. Тохаристанские воины наряду с простым луком имели в своем распоряжении сложно-составной⁹⁵. Стрелы были снабжены крупными железными трехперыми наконечниками, иногда — с раздвоенным боевым концом. Существовали также крупные трехперые наконечники копий⁹⁶. У мужских персонажей на тохаристанских росписях к поясу подвешен кинжал. Ножны кинжала иногда были обложены золотыми пластинками. Представители знати были также вооружены мечами, детали которых неясны.

В быту знати широкое употребление находили чаши и кубки из золота и серебра. Изящной формы, на тонкой и высокой сложнопрофилированной ножке или на гладком невысоком поддоне, они имели корпус-резервуар, покрытый частыми вертикальными желобками (отсюда их название — желобчатые чаши), край их был украшен полосой кружков. Иногда сосуды имели очень сложную форму с вырезами и т. д.

Шеи персонажей Балалык-тепе украшают гривны разных типов, на руках — золотые браслеты, на пальцах перстни. В ушах балалык-тепинских и светских аджина-тепинских фигур — сложные многочастные серьги. Археологи находят при раскопках перстни (с металлической площадкой или инкрустацией), а также браслеты и другие украшения⁹⁷. Имелись изящные из-

⁹³ Альбаум Л. И., 1960, стр. 79—81.

⁹⁴ Посольство из Тохаристана вручило одному иностранному правителю даже «золотой костюм» (682 г.) — Schafer E. H., 1963, p. 197.

⁹⁵ О его эволюции в Средней Азии см.: Литвинский Б. А., 1966 в.

⁹⁶ Литвинский Б. А., 1965, рис. 8.

⁹⁷ Например, на Мунчак-тепе, см.: Мандельштам А. М. и Певзнер С. Б., 1958, стр. 313.

делия из меди вроде медных кружков из Балалык-тепе, на которых были реалистические изображения слонов⁹⁸.

Мы знаем также о чрезвычайно искусных изделиях тохаристанских ювелиров. Так, во второй половине VII в. они изготовили два «агатовых (или карнелиановых) канделябра в виде дерева высотой в три фута»⁹⁹.

Высокого совершенства достигло в Тохаристане стеклоделие. Об этом свидетельствует то, что среднеазиатские мастера обучили изготавливать цветное стекло китайцев (хотя стеклоделие в Китае было известно с древних времен, оно оставалось весьма примитивным). Как свидетельствует китайская хроника, в 424 г. в Китай прибыли торговцы и ремесленники из страны больших юэчжей, т. е. из Тохаристана. Они объявили, что «умеют из каменной плавить разные цветные стекла, почему добыли руду в горах и в столице произвели опыт отливания. Опыт удался, и стекло блеском своим даже превосходило стекла, привозимые из западных стран» (под стеклом западных стран, очевидно, подразумевалось стекло, привезенное из Сирии и Александрии, — лучшее стекло древнего мира). Далее источник рассказывает, что китайцы научились искусству стеклоделия у приезжих среднеазиатских мастеров. «Стекла были блестящих красок и прозрачны. Все, смотря на них, приходило в изумление и считали божественным произведением»¹⁰⁰. Но и много позже, в начале VIII в., из Тохаристана присылали в Китай вызывавшие удивление стекла красного и изумрудного цвета¹⁰¹.

На Балалык-тепе найден прекрасный образец художественного стекла. Это литой медальон из зеленой стеклянной массы. На его поверхности изображена сидящая женщина, которая кормит ребенка. Медальон имеет серебряную оправу¹⁰². Гораздо чаще встречаются стеклянные сосуды, обычно небольшие, типа узкогорлых бутылочек или флаконов. Их корпус иногда украшался накладной волнистой нитью (или полосой) из стекла другого цвета. Производились также стеклянные бусы.

Что касается ткацкого ремесла, то оно было высокоразвитым. Письменные источники сообщают о шерстяных и хлопчатобумажных тканях, одеждах знати, отличавшихся сложным покроем. Из Хутталаяна вывозились прекрасные многоцветные шелковые ткани¹⁰³. Археологические и иконографические материалы позволяют значительно расширить эту характеристику. На Балалык-тепе найдены образцы тканей трех видов: шерстя-

⁹⁸ Альбаум Л. И., 1960; Литвинский Б. А. и Зеймаль Т. И., 1968.

⁹⁹ Бичурин, II, стр. 321. Подробности см.: Schafer E. H., 1963, p. 259.

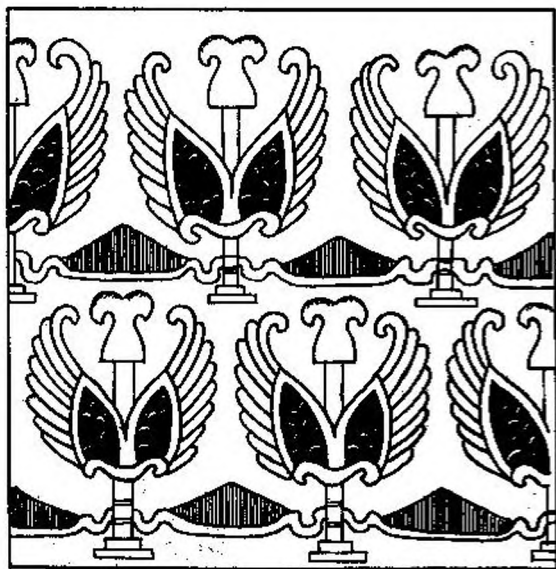
¹⁰⁰ Бичурин, II, стр. 265.

¹⁰¹ Бичурин, II, 1950 б, стр. 322; см. также: Schafer E. H., 1963, p. 235—236.

¹⁰² Альбаум Л. И., 1960, стр. 76—78.

¹⁰³ Schafer E. H., 1963, p. 202.

Образец орнамента тохаристанских тканей (по росписям Балалык-тепе)

ная полосатая (полосы желтые и красные), шерстяная с узором (синий орнамент на желтом фоне), шелковая (синяя или зеленая) ¹⁰⁴. То, что шерстяные (и хлопчатобумажные) ткани производились в самом Тохаристане, не вызывает ни малейшего сомнения. В подтверждение этого можно сослаться хотя бы на массовые находки на памятниках Тохаристана пряслиц (маховичков, изготовленных из глины или камня), одевавшихся на деревянное веретено. При помощи этого нехитрого орудия осуществлялось прядение (в разных районах Таджикистана веретено было распространено вплоть до новейшего времени, когда домотканые ткани были окончательно вытеснены фабричными). Следует предположить наличие ткацкого станка, на котором изготавливались хлопчатобумажные и шерстяные ткани.

Что касается шелковых тканей, то раньше в литературе их автоматически связывали с импортом из Китая. Новейшие археологические находки показывают, что шелководство и несомненно шелкоткачество к эпохе раннего средневековья были в полном объеме освоены в Средней Азии. В разделе о ремеслах Когда мы еще вернемся к этому вопросу. Сейчас отметим лишь,

¹⁰⁴ Альбаум Л. И., 1960, стр. 101—103.

что в замке Занг-тепе (Сурхандарьинская область) в слоях VI—VIII вв. обнаружены коконы шелковичного червя¹⁰⁵.

Судя по изображениям на балалык-тепинских росписях, тохаристанская знать носила богатые одежды из ярких многоцветных узорчатых тканей. Узоры, среди которых очень мало повторяющихся, порой покрывали всю ткань целиком. Среди этих узоров есть простые геометрические (в виде сплошных ромбиков), растительные (трехлопастные цветки, розетки) и др. Поле ткани иногда заполнено геометризованными изображениями рыб, схематизированными изображениями рогов архара и т. д. Выделяется рисунок ткани, состоящий из кругов, внутри которых изображена голова фантастического животного с высунутым языком и торчащими клыками. Другая ткань сплошь покрыта соприкасающимися кругами, в каждом из которых помещено профильное изображение мужской головы. Характерно, что у изображенных на тех же росписях фигур слуг одежды, как правило, из гладких, неузорчатых тканей.

Мужские фигуры балалык-тепинской живописи одеты в узкий и длинный кафтан с правосторонним треугольным отворотом-обшлагом. Кафтан плотно облегает фигуру и перетянут в талии поясом. Женские фигуры одеты в плащ-накидку без рукавов, из-под которого выступает вторая одежда с широкими рукавами, виднеется деталь третьей одежды — узкий манжет. В живописи Аджина-тепе дароносцы-мужчины облачены в узкий, плотно облегающий фигуру костюм без отворотов. В талии костюм перетянут поясом. Пояс наборный — на его поверхности нашиты желтые (т. е. золотые) и черные (железные?) пластины. На ногах безкаблучные сапожки-ичиги. Великолепная скульптурная фигура светского персонажа из Аджина-тепе имеет узкий кафтан с двусторонними отворотами¹⁰⁶.

Таким образом, можно говорить не только о высоком развитии ткацкого ремесла, в лучших образцах своей продукции поднимавшегося до уровня подлинного искусства, но и о достижениях в швейном деле.

Из других ремесел необходимо прежде всего упомянуть гончарное. Хотя керамика V—VIII вв. по многим характеристикам уступает лучшим образцам керамики кушанского времени, но делать заключение о регрессе керамического производства было бы рискованно. Производилась самая разнообразная керамическая продукция: от крошечных плошек с оттянутым носиком — светильников (лишь на Аджина-тепе их найдено свыше 350) до громадных хумов — хранилищ. Качество столовой и парадной посуды было высоким, некоторые ее формы подражали металлическим прототипам. Существовали также коженное, дере-

¹⁰⁵ Альбаум Л. И., 1963, стр. 81.

¹⁰⁶ Литвинский Б. А. и Зеймаль Т. И., 1968.

вообделочное, костерезное¹⁰⁷, фармацевтическое и другие ремесла.

О большом размахе внешней торговли свидетельствует то, что тохаристанские купцы выезжали в далекие страны¹⁰⁸. Из Тохаристана, и особенно из Хутталаяна, экспортировались высокопородные кони. Прибытие их табунов, например, в Китай, отмечено для 681, 720, 748 гг. (Тохаристан), 729, 733, 746, 750 гг. (Хутталаян)¹⁰⁹. Вывозилось большое количество драгоценных и полудрагоценных камней, которые транспортировались и необработанными и в качестве изделий. Не будем приводить всех имеющихся в источниках данных. Скажем лишь несколько слов о лазурите. В позднее время в Китае он был известен под названием «хотанский камень» и из него в древности и в средние века изготавливали очень большое количество изделий для знати. Однако Хотан был лишь перевалочным местом, где, по-видимому, осуществлялась и обработка камня, добыча же его производилась в Бадахшане¹¹⁰.

Из Тохаристана вывозились лекарства: таблетки, состоящие из ароматических медицинских снадобий, приготовленные в форме каких-то фруктов, лекарственные травы, а также снадобья, которые для иноземцев казались «странными». В большом количестве импортировалось лекарство *citragandha*, состоявшее из нескольких ароматических субстанций. Оно особенно помогало при лечении ран и кровотечениях. Целебная его сила столь поразила китайцев, что у них возникла легенда, будто с помощью этого лекарства можно прирастить отрезанную конечность!¹¹¹

Торговый обмен между Тохаристаном и другими среднеазиатскими владениями также был достаточно велик. В Аджинатепе найдены согдийские монеты. Характерно, что местный монетный чекан Тохаристана во второй половине VII — первой половине VIII в. следовал согдийским прототипам¹¹². Обилие медных монет, обнаруженных на памятниках Северного Тохаристана в это время, указывает, что была развита и внутренняя, в том числе не только крупная, но и мелкая, торговля, денежное обращение проникало в повседневную жизнь населения.

---

¹⁰⁷ См., например, игральную кость из Мунчак-тепе (*Мандельштам А. М. и Певзнер С. Б.*, 1958, стр. 313, рис. 22).

¹⁰⁸ *Schafer E. H.*, 1963, p. 20.

¹⁰⁹ Там же, p. 64, 296. О пригоне лошаков из Тохаристана в 720 г. см. там же, p. 76.

¹¹⁰ *Schafer E. H.*, 1963, p. 230—234.

¹¹¹ *Schafer E. H.*, 1963, p. 159, 183—184, 191.

¹¹² *Литвинский Б. А. и Зеймаль Т. И.*, 1971, стр. 15.

Строительное дело. Архитектура

В Тохаристане производились раскопки городских поселений, сельских замков — жилищ дикхан и культовых сооружений. Раскопки в Термезе (1936—1938 гг. под руководством М. Е. Массона) не дали ясного представления, каковы были в рассматриваемую эпоху структура и отдельные элементы этого крупнейшего города Тохаристана. Гораздо более результативными были раскопки менее крупных сооружений, в частности замков Балалык-тепе, Занг-тепе и других и городища Кафыр-кала.

Кафыр-кала — это раннесредневековый центр Вахшской долины, о котором упоминает Сюань-цзан. Квадратное городище, расположенное в Колхозабаде, имеет размеры 360×360 м. Оно состоит из шахристана, площадь которого занимают крупные бугры, скрывающие развалины строения. В северо-восточном углу городища — массив цитадели. На ее верхней квадратной площадке (60×60 м) в 1968—1970 гг. производились большие раскопки. Цитадель была защищена мощной стеной, по углам фланкированной башнями. Эти башни были сложены из пахсы и кирпича. Купольное перекрытие состояло из рядов пахсы и кирпича. Стены цитадели с внешней стороны были рассечены уступчатыми нишами, в середине их — башневидный выступ. Поверхность стен была снабжена ложными щелевидными бойницами. В северо-восточном углу цитадели находилось громадное помещение (20×10 м), по-видимому аудиенц-зал. Вдоль его стен имелись суфы. В середине одной из длинных сторон суфа превращалась в выступающую внутрь помещения возвышенную площадку-«эстраду» — здесь, очевидно, когда-то стоял деревянный тахт, где сидели правитель и приближенные. На противоположной стороне, напротив первой, — другая «эстрада» (она ниже суфы); на ней сохранился громадный ритуальный очаг. В этом зале найдены памятники письменности. На цитадели имелись и другие залы — квадратные и прямоугольные, украшенные глиняными полуколонками, — связывающие их коридоры и т. д. Сохранились следы настенной живописи, глиняных рельефов. Один из углов площадки цитадели был занят буддийской часовней, состоявшей из маленького центрального купольного помещения и обходного коридора. Стены центрального помещения были покрыты живописью с изображением будд. По крайней мере трижды на верхней площадке цитадели производилась полная перепланировка.

Балалык-тепе (вблизи с. Ангор Сурхандарьинской области) — небольшой, невысокий замок. При раскопках удалось выяснить историю этого сооружения. Основание сооружения имеет вид высокой платформы-постамена (30×30 м при высоте 6 м). Эту квадратную платформу обрамляли по периметру

массивные внешние стены, поднимавшиеся выше верхней плоскости платформы. На верхней площадке платформы были возведены здания. В центре находился квадратный двор, со всех сторон окруженный узкими прямоугольными помещениями. С помощью проходов они были связаны одно с другим и со двором. Здание было приспособлено для обороны: в наружных стенах каждого помещения было по две-три узких бойницы; кроме того, в одном из углов имелась выступающая прямоугольная башня, также снабженная бойницами. Вход в замок, по предположению исследователей, располагался в этой башне, в него можно было попасть через подъемный мост. Через некоторое время в замке были произведены радикальные перемены. На месте двора была возведена группа помещений, среди них большой прямоугольный парадный зал, вдоль стен которого шли суфы. У одной из стен находился округлый постамент, предназначенный, очевидно, для возжигания огня. Перекрытие зала было плоским, деревянные части его были украшены резьбой, в центре имелось отверстие — фонарь для освещения и выхода дыма. Не менее интересно небольшое квадратное помещение также с суфами. Стены этого помещения были украшены замечательной живописью. Позже здание вновь, после некоторого запустения, перестраивалось. Л. И. Альбаум полагает, что здание было возведено в V в., а перестроено и снабжено росписями в самом конце V или начале VI в. Окончательную гибель Балалык-тепе он относит к первой четверти VII в.¹¹³

Неподалеку от Балалык-тепе, в том же Ангорском районе Сурхандарьинской области, находится городище и замок Занг-тепе. Небольшое городище было обведено наружными оборонит.

ных с жизнью дикхана-феодала. Это подтверждает и разнообразный набор бытовой утвари. Здесь же сделана уникальная находка — буддийские рукописи на бересте ¹¹⁴.

Раскопаны крестьянские усадьбы, часто также поднятые на платформу. Они состоят из маленьких, неаккуратно возведенных тесных комнат, каждая из которых являлась жилой ячейкой (Чаян-тепе, Таш-тепе и др.). Это жилище большесемейной сельской общины — патриархальной семьи. Имелись и целые сельские поселения — например Якшибай-тепе ¹¹⁵.

Примером культового сооружения является Аджина-тепе — буддийский монастырь VII — начала VIII в., расположенный в Вахшской долине, в 12 км к востоку от Курган-Тюбе. Это сравнительно небольшой памятник (размером 100×50 м при сохранившейся высоте 6 м). Памятник состоит из двух квадратных частей. Одна из них представляет квадратный двор, с четырех сторон окруженный системой помещений. В центре каждой стороны — двухчастное помещение — квадратный зал (в одном из них на пристенных постаментах скульптуры), перед которыми находился вестибюль — айван, открытый во двор. Айваны были связаны между собой коленчатыми коридорами, занимающими углы постройки и имеющими выходы во двор. Заднюю линию помещений составляли коридоры и небольшие квадратные целлы. К этой половине примыкала вторая, равная ей по величине. Здесь, в центре двора, высился массив ступы — монолитного сооружения, состоявшего из куба, поставленного на ступенчатый постамент; сверху ступа когда-то была увенчана полусферой и зонтиками (сейчас не сохранились). На ступу вели с каждой из четырех сторон двухмаршевые лестницы. Планировка помещений, окружавших ступу, в принципе незначительно отличается от планировки другой части сооружения. Это огромные шестнадцати-семнадцатиметровые коридоры и центральные двухчастные айванные помещения. Они меньше по размерам, чем вышеописанные. По внешней узкой стороне — семь маленьких целл. В некоторых из этих целл помещены миниатюрные ступы, в других на постаментах были расположены скульптуры. В коридорах, в нишах, очень крупные (больше натуральной величины) скульптурные фигуры будд; стены и своды покрыты изображениями будд и росписями на буддийские сюжеты. В одном из коридоров, на постаменте, двенадцатиметровая скульптура лежащего будды в нирване. Коридорообразные помещения были перекрыты сводами, небольшие квадратные помещения — куполами. В одном из крупных залов перекрытие поддерживалось четырьмя колоннами и было, очевидно, деревянным.

¹¹⁴ Альбаум Л. И., 1963; Нильсен В. А., 1966, стр. 163—172.

¹¹⁵ Нильсен В. А., 1966, стр. 173—179.

Обилие буддийских скульптур и живописи, планировочная схема, наличие центральной и дополнительных ступ — все это не оставляет ни малейшего сомнения, что Аджина-тепе — буддийский монастырь, который на основании всего комплекса материалов, в том числе монет, датируется VII — началом VIII в. Он состоял из двух половин, которые условно можно назвать «монастырской» (здесь имелись, в частности, кельи для жилья монахов, залы для религиозных собраний и др.) и «храмовой», где имелась центральная ступа, вокруг которой, по помещениям, заполненным культовой скульптурой и покрытых буддийской живописью, монахи и верующие совершали предписываемые религией торжественные шествия.

Специфична планировка Аджина-тепе. Она не только строго симметрична, но характеризуется наличием четырехайванной композиции. Четыре айвана характерны для некоторых среднеазиатских архитектурных сооружений эпохи развитого средневековья, уже после победы мусульманской религии, что свидетельствует о преемственной связи буддийского монастыря — сангхарамы и средневекового среднеазиатского медресе¹¹⁶.

Тохаристанская школа архитектуры в рассматриваемое время в основных чертах использовала те же самые строительные материалы и приемы, что и в других областях Средней Азии, хотя и были некоторые особенности. Основными строительными материалами являлись глинобитные блоки — пахса и большеформатные прямоугольные кирпичи полуметрового размера. Жженный кирпич применялся, но изредка, в основном для выстилки полов в основании колонн и т. д. Узкие помещения перекрывались сводами коробовых очертаний, выложенных без применения кружала, способом наклонных отрезков. Для сводов применялся тот же прямоугольный кирпич.

Небольшие квадратные помещения перекрывались куполами. Наряду с самыми примитивными куполами, посаженными на стены без всякого перехода (Мунчак-тепе в Шаартузе), применялись более сложные и совершенные способы перехода от четверика стен к куполу с помощью троппов. Сами купола иногда делались комбинированными — из пахсы и кирпича (Кафыркала в Колхозабаде).

Большим достижением следует считать введение разгрузочно-пазушных сводиков, облегчавших вес перекрытия (Аджина-тепе). Применялись несколько типов арок. Сводчато-купольные конструкции отличались, таким образом, разнообразием и совершенством. Наряду с ними находили применение и несколько типов плоского перекрытия с опорой на стены или на столбы.

---

¹¹⁶ Litvinsky B. A., 1968, p. 57—63, 69—73; Литвинский Б. А. и Зеймаль Т. И., 1971.

Парадные здания богато украшались настенной живописью, скульптурой, резьбой по дереву¹¹⁷.

Живопись

Наиболее полно живопись представлена в Балалык-тепе и Аджина-тепе. В квадратном помещении (4,85×4,85 м) Балалык-тепе на плоскости стен на темно-синем фоне разворачивается непрерывная полоса изображений. Это пиршественная сцена, в которой участвуют мужчины и женщины, сидящие или возлежащие на ковриках. Эти фигуры обращены друг к другу в три четверти. На втором плане изображены стоящие слуги, они примерно в два раза меньше сидящих фигур. Пир в разгаре. Открывший этот замечательный памятник Л. И. Альбаум полагал, что живопись Балалык-тепе воспроизводила «сцену культового пиршества. Но так как в идеологии раннесредневекового общества культ тесно переплетался с бытом, то эту сцену можно назвать и бытовой»¹¹⁸. Л. И. Альбаум приводит ряд доводов в пользу своего мнения, но считать его доказанным нельзя. Правы Г. А. Пугаченкова¹¹⁹ и Б. А. Литвинский¹²⁰, считающие, что это светская живопись — изображение пира, столь обычно в быту знати того времени. Конечно, дальнейшая детализация содержания этой росписи очень сложна. Г. А. Пугаченкова попыталась объяснить ее как воспроизведение одного сюжета из «Шах-наме». Особых оснований для этого как будто нет. Скорее всего это достаточно обобщенное воспроизведение пиршества при дворе одного из местных правителей или крупных феодалов¹²¹. Балалык-тепинские росписи выполнены с большим искусством. Яркая и красочная роспись была чрезвычайно изнеродостойкой. Имеется определенный элемент условности: повороты головы и корпуса фигур различны и не согласованы, лица лишены психологической трактовки, бесстрастны. Живописная манера характеризуется плоскостностью. Каждая крупная фигура, пишет В. А. Нильсен, — это идеализированное изображение знатного лица. «Налицо отсутствие реалистической характеристики и некоторая условность». Вместе с тем детали одежды, всякого рода аксессуаров проработаны любовно и тщательно.

¹¹⁷ Нильсен В. А., 1966; Литвинский Б. А. и Зеймаль Т. И., 1971.

¹¹⁸ Альбаум Л. И., 1960, стр. 198. В. А. Нильсен, не останавливаясь на назначении росписи, вместе с тем весьма категорически заключает, что само это помещение предназначалось для культовых трапез (Нильсен В. А., 1966, стр. 162).

¹¹⁹ Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И., 1965, стр. 137—138.

¹²⁰ Литвинский Б. А. и Зеймаль Т. И., 1971.

¹²¹ Или даже сцена приема гостей в замке (Нильсен В. А., 1966, стр. 284).

Схематическая прорисовка росписей южной стены парадного помещения Балалык-тепе (частичная реконструкция)

Л. И. Альбаум показал связи и значение живописи Балалык-тепе. Следует также подчеркнуть, что, как считает один из крупнейших современных зарубежных знатоков искусства Востока М. Буссальи, открытие Балалык-тепе «неоспоримо показывает, что уже в V столетии западная область среднеазиатского мира (так он называет Тохаристан.— Б. Г.) почитала стили и тенденции «иранизирующего» типа, которые сасанидскому искусству или чужды или же во всяком случае достаточно ясно не документированы. Поэтому мы должны признать, что некоторые тенденции, развившиеся в центрах Сериндии, в действительности повторяют восточноиранское (т. е. среднеазиатское.— Б. Г.) творчество». Проникновение этих тенденций в Сериндию (Восточный Туркестан) М. Буссальи связывает с развитием торговли и экономических связей. С другой стороны, как отмечает этот исследователь, искусство Балалык-тепе оказало большое влияние на искусство Центрального Афганистана, в частности Бамиана¹²². Кроме того, Балалык-тепе является примером раннесредневековой живописи в Средней Азии. Заложенные в балалык-тепинской живописи тенденции получили дальнейшее развитие в Пенджикенте, Варахше и других памятниках VII — середины VIII в.

Живопись Аджина-тепе может быть разделена (по сюжетам) на три части: изображения будд и предстоящих, светские персонажи, декоративные элементы. Внутренняя поверхность сводов была целиком покрыта рядами сидящих будд. Будды изо-

¹²² Bussagli M., 1963, S. 36, 39.

бражены в различных позах, символизирующих различные «духовные состояния». На стенах коридоров, в кругах, были изображения будд (в крупном масштабе) и связанных с ними персонажей (в значительно более мелком масштабе). С общей тематикой и идейной направленностью сооружения связаны и другие изображения, в том числе и светских персонажей. Так, на стенах входа в одну из маленьких целл была изображена сцена, от которой сохранилось два персонажа. Это вооруженные мужчины, сидящие поджав ноги. Каждый из них протягивает перед собой сосуд (один — золотой, другой — серебряный), наполненный цветами. Это воспроизведение буддийского сюжета пранидхи, встречающегося в искусстве от Цейлона до Восточного Туркестана, — принесение даров святыне. Эти изображения

Будда в нирване. Аджина-тепе

очень близки балалык-тепинским, но несомненно выполнены художником, более сведущим в буддийской иконографии, чем в воспроизведении светских персонажей¹²³.

Скульптура, резное дерево и другие виды искусств

Отдельные скульптурные произведения встречены на разных памятниках. На Аджина-тепе обнаружен целый цикл скульптурных произведений буддийского характера. Все скульптуры Аджина-тепе изготовлены из глины без внутреннего деревянного каркаса. Крупные части скульптуры лепились из глины, детали изготавливались штампом. Штамповались также головы мелких и средних скульптур. Вся скульптура была раскрашенной. Платье будд делалось красным, руки и ступни ног — белыми, волосы — синими или черными.

¹²³ Литвинский Б. А. и Зеймаль Т. И., 1968.

Наиболее крупной скульптурой комплекса являлся будда в нирване. Это подлинный колосс, но не стоящий, а лежащий на пристенном постаменте. Фигура лежит на правом боку. Левая рука вытянута и положена на бок. Правая согнута в локте и подведена под голову, которая покоится на пятичастной подушке. О размерах фигуры дает представление величина ступни — 1,7—1,9 м. Сама фигура имела первоначально длину 12 м. Тело будды было покрыто складками красного одеяния, обнажены только кисть руки и ступни ног. На ногах будды были легкие сандалии, к ногам они крепились ремнями. Голова сохранилась лишь частично. Очень интересна прическа: волнистые пряди, разделенные сложным пробором. Как обычно было принято в буддийском искусстве, фигура будды в нирване трактовалась в виде положенной стоящей фигуры — буддийские скульпторы не пытались передать пластику лежащего тела. Скульптура харак-

Голова Будисатвы (?).
Аджина-тепе

теризуется абсолютной условностью трактовки. Не воспроизведение дошедшего до своего земного предела проповедника, а создание гигантского символа божественного покоя — вот такую задачу ставил перед собой скульптор. Нетрудно представить, какой колоссальный эффект производила эта скульптура 13 столетий назад, как она поражала воображение верующих буддистов.

Из других фигур будд следует отметить скульптуры на постаментах в нишах. Они значительно меньше по размерам, чем испалинский будда в нирване, но примерно в 1,5 раза крупнее фигуры человека. Будды были изображены в позе падмасаны, т. е. сидящими, поджав перед собой ноги. За головой каждого будды находился рельефный и окрашенный нимб.

Обнаружено также множество скульптур в $\frac{3}{4}$ и $\frac{1}{2}$ натуральной величины, наиболее совершенных в художественном отношении. Здесь имеются также головы будд с характерным выступом на голове («ушниша»). Многие из этих скульптурных про-

изведений представляют собой подлинные шедевры. Мягкая пластичность, совершенная красота — вот что характеризует их. Найдены также изображения бодисатв и других персонажей. Особенно хороши фигуры каких-то божественных персонажей — деват. Нагое юношеское тело, лишь на бедрах покрытое складками одежды, дано в сложном развороте: грудь повернута в одну сторону, таз и ноги — в другую, одна из ног к тому же отведена. На покрашенном торсе — многочисленные украшения. Некоторые фигуры полны динамики и вместе с тем необычайно изящны. А в изображении монахов скульптор не был связан никакими религиозными канонами и именно в них достиг подлинного реализма. Одна из скульптур — голова старого и усталого человека с морщинами на лбу и у глаз — очень напоминает современных стариков-таджиков. Столь же характерна голова в тюрбане. В скульптуре Аджина-тепе отражены и многие другие персонажи.

Несмотря на все сходство с другими памятниками буддийского искусства (особенно с относящимся тоже к VII в. афганистанским буддийским памятником Фундукистаном), скульптура Аджина-тепе своеобразна и неповторима. Здесь отразилось несколько традиций: позднегандхарская традиция Хадды, традиция гуптского искусства Индии и т. д., наслаивавшиеся на мощную традицию местного самобытного бактрийско-тохаристанского искусства ¹²⁴.

Стены многих помещений Аджина-тепе были украшены архитектурной лепниной, покрывавшей выступающие части, арки и ниши.

На Балык-тепе и Джумалак-тепе (Сурхандарьинская область) встречены остатки резного дерева. Особенно много его на Джумалак-тепе. Здесь найдены брусья прямоугольного сечения, на которых изображены побег с листьями или крупные диски, доски-панно, украшенные большими орнаментальными кругами, окружности которых состояли из кружочков, а центр заполнен сложной розеткой. Кроме того, были найдены части чрезвычайно интересного деревянного фриза, состоящего из арок, разделенных орнаментальными полосками. Внутри каждой арки, украшенной розетками, поясные изображения человеческих фигур ¹²⁵.

В Тохаристане были также развиты танцевальное и музыкальное искусства. В Хутталяне и Кумеде были превосходные танцовщицы. Правители этих владений посылали танцовщиц как дар ко дворам иностранных государств. Некоторые представители музыкальной культуры Средней Азии, вывезенные за пределы родной страны, не получили признания в придворных

¹²⁴ Литвинский Б. А. и Зеймаль Т. И., 1971, стр. 76—109.

¹²⁵ Нильсен В. А., 1966, стр. 303—307.

кругах, но их искусство славилось среди простого народа. Так, в частности, обстояло дело с музыкантами из Кумеда¹²⁶ — предшественниками современных памирских музыкантов. Остатки музыкальных инструментов — деревянный колок, головки грифов и другие были найдены в одном из помещений Балалык-тепе¹²⁷.

Религия

Жители Тохаристана V—VII вв. исповедовали несколько религий. В свете исторических источников и археологических данных можно считать установленным, что значительная часть населения Тохаристана продолжала, как и в древности, исповедовать зороастризм. Конкретные проявления и формы его почти совершенно неизвестны. Осуарный обряд погребения, в отличие от Согда, Чача, Хорезма, не был столь широко распространен, хотя отдельные находки осуариев известны (Дангара, Гиссар).

О распространении верований, связанных с неугасимым огнем, свидетельствует обнаружение на Балалык-тепе крупной керамической курильницы, состоящей из тулова — подставки конической формы с прорезями и орнаментом и посаженной на него открытой чаши. Такие курильницы-встречены в Хайрабад-тепе¹²⁸ и в Южном Таджикистане. На Кафыр-кале в Колхозабаде обнаружен «стационарный» священный очаг.

Очень сильные позиции занимал буддизм. Правда, эфталиты первоначально буддистами не были. «По-видимому, эфталитские правители отдельных областей в разное время проводили неодинаковую политику по отношению к буддизму. Во время военных действий кое-где буддийские религиозные учреждения разрушались и грабились. В целом же, судя по всему, в Средней Азии при эфталитах буддизм не подвергался гонениям, некоторые эфталитские правители поддерживали буддизм»¹²⁹. На тюрок буддийская пропаганда оказала воздействие еще до прихода в Среднюю Азию¹³⁰. В конце VI — начале VII в. некоторые правители западных тюрок становятся буддистами, начинают строить и поддерживать буддийские сооружения как на юге Средней Азии, так и в Афганистане и Северной Индии. Как сообщал путешественник VIII в., в Тохаристане «царь, знать и народ» исповедовали буддизм. То же самое сообщается о Хутталяне. В VII в. в столице Тохаристана — Балхе была сог-

¹²⁶ Schafer E. H., 1963, p. 54—56.

¹²⁷ Альбаум Л. И., 1960, стр. 99—100.

¹²⁸ Там же, стр. 71—76.

¹²⁹ Litvinsky B. A., 1968, p. 33—34.

¹³⁰ Gabain A. V., 1961 и его другие работы.

ня монастырей, в Термезе — около десятка, в Шумане — два монастыря, в Кабадиане — три монастыря и т. д. В каждом монастыре имелось определенное количество монахов, обычно от 2 до 50. Буддийская религия проникла и на Памир; в Вахане, например, имелись монастыри и монахи. Судя по имеющимся данным, некоторые монастыри обладали большими богатствами — землей и имуществом. Раскопки Аджина-тепе и Кафыркалы блестяще подтвердили эти сведения письменных источников. Некоторые намеки содержит и топонимика. В Южном Таджикистане, в низовьях р. Кизыл-Су, имеется районный центр Пархар. Как доказали лингвисты, это название происходит (через посредствующие звенья) от санскритского слова «вихара» — «буддийский монастырь».

На Занг-тепе были найдены буддийские рукописи на бересте. Они написаны центральноазиатским брахми, язык — буддийский гибридный санскрит. Здесь целое собрание буддийских текстов, среди них были «Виная» — правила поведения для монахов, монахинь и мирян, принявших буддизм, регламентирующие все стороны жизни, а также монастырский устав. Остатки таких рукописей обнаружены и на Кафыркале.

Все это, а также многие другие данные дают основания для заключения о широком распространении буддизма в Тохаристане¹³¹.

Другой религией, прочно пустившей корни в Средней Азии, и в частности в Тохаристане, было манихейство. В начале VIII в. верховный глава манихеев имел резиденцию в Тохаристане. В 719 г. в качестве посла правителя Чаганиана был отправлен манихей, который носил титул «великий учитель». Манихейство с самого начала распространения в Средней Азии опиралось на знатных правителей, что ярко выступает и в сообщении об этом посольстве¹³².

Наконец, получила довольно значительное распространение еще одна религия — христианство¹³³, точнее тот толк его, который именуется несторианством. Известно о наличии христианства в стране эфталитов, о распространении христианства у тохарийских тюрок, о посылке из Тохаристана посольства, цели которого были связаны с распространением несторианства, и др.

Итак, в Тохаристане в VI — начале VIII в. мы находим подлинный конгломерат религий, сражающихся за умы и «души» населения, влияющих друг на друга и нередко взаимно переплетающихся.

¹³¹ Детальное рассмотрение см.: *Litvinsky V. A.*, 1968, p. 55—57, там же ссылки на литературу и источники.

¹³² *Беленицкий А. М.*, 1954; *Литвинский Б. А. и Зеймаль Т. И.*, 1971, стр. 120—121.

¹³³ *Бартольд В. В.*, 1893; *Литвинский Б. А. и Зеймаль Т. И.*, 1971, стр. 122—123.

Костюмы народов Средней Азии VI—VIII вв.

- 1 — тохаристанцы (по настенным росписям Балалык-тепе),
2 — согдийцы (по настенным росписям Пенджикента)

Согдийские воины VI—VIII вв.

1 — по настенным росписям Пенджикента

2 — по изображению на серебряном блюде из с. Кулагыш

Общая характеристика

Наименование «Согд» встречается на протяжении очень длительного времени в разноязычных источниках¹³⁴. Известный исследователь В. Томашек выдвинул предположение, что слово «Согд» — производное от общеиранского корня, означающего «блестеть», «сиять», «гореть» (от этого же корня таджикское «сухтан» — «гореть», «сгореть»)¹³⁵. В таджикско-персидских словарях обычно приводится совсем иное толкование — «низменность, в которой собирается вода»¹³⁶. Таджики сейчас словом «сугуд» называют низменное, болотистое место или же возделанное место, изобилующее проточной водой, но это толкование, по-видимому, не является первоначальным.

Каковы были географические пределы Согда? В представлении путешественника VII в. Сюань-цзана Согд — это страна между рекой Чу на северо-востоке и Байсунскими воротами на юго-западе. Нетрудно видеть, что здесь речь идет собственно не о политико-географических границах Согда, а об основной территории расселения согдийцев. Арабо- и таджикоязычные источники более позднего времени (преимущественно X—XIII вв.), отражая понимание этого вопроса в свою эпоху, тем не менее сохранили некоторые отзвуки более древних периодов. Из них мы узнаем, что термин Согд употреблялся в широком и более узком смыслах. Согд в широком смысле — это вся Зеравшанская долина (исключая, порой, ее самую верхнюю часть) и долина р. Кашкадарьи. Вместе с тем существовало представление о Согде как области, преимущественно связанной с Самаркандом. Средневековые авторы очень часто говорят о «самаркандском Согде». Существовало также представление о «бухарском Согде», у Якута есть такое высказывание: «Говорят, что есть два Согда: Согд Самарканда и Согд Бухары»¹³⁷. Долина Кашкадарьи рассматривалась как часть Согда, причем некоторые авторы, например Якуби, называют Кеш столицей Согда¹³⁸. Все эти данные детально разработаны исследователями¹³⁹.

Сюань-цзан и Хой Чао о Согде

Сюань-цзан был в Согде в 629 г. Он пишет, что Самокиен, или Самоцзянь (Самарканд), — это владение, вытянутое с вос-

¹³⁴ Сводку см.: *Tomaschek W.*, 1877, S. 74.

¹³⁵ Там же, S. 74—75.

¹³⁶ Сводку этих данных см.: *Смирнова О. И.*, 1963, стр. 24—25.

¹³⁷ *Якут*, III, S. 394.

¹³⁸ *Якуби*, 1892, p. 299 (ср. p. 293).

¹³⁹ См., например: *Бартольд В. В.* 1965 б, стр. 477—478.

тока на запад. Размер столицы называется такой же, как и Термеза. Владение Самокиен защищено со всех сторон естественными преградами. Население это очень многочисленно. В этом владении скапливаются ценнейшие товары из зарубежных стран. Почва плодородная, дает обильные урожаи. Прекрасно произрастают деревья (он называет их лесными), множество цветов и фруктов. В этой стране имеются прекрасные кони. Жители превосходят жителей других стран в искусствах и ремеслах (по другому переводу — в торговле). Климат мягкий и умеренный. Население энергичное и мужественное. Это владение находится в центре «варварских» стран. Все соседние народы берут с него пример во всем, что касается норм нравственного поведения и правил благопристойности. Царь очень мужественный, и все соседние области повинуются его приказам. Он имеет многочисленную армию, в том числе конницу. Особое положение занимают воины, которых путешественник называет «чи-кна». Они столь отважны, что с радостью идут на смерть. Когда они атакуют, ни один неприятель не может устоять.

Далее Сюань-цзан говорит о владениях Мимокия или Мимохэ (Маймург), Цзевудана (Кабудан), Цюйшуанницзя (Кушания), Бухэ (Бухара), Цзешуанна (Кеш) и других. Сообщаются лишь их размеры и повторяется одинаковая краткая характеристика: «В отношении обычаев и продуктов сходно с Самокиен (Самаркандом)»¹⁴⁰.

Хой Чао (726 г.) дает суммарное описание «стран Ху», куда он включает Ань (Бухару), Цао (Иштихан), Ши (Кеш), Ши-ло, Ми (Маймург) и Кан (Самарканд). Хотя в каждом из этих владений есть свой правитель, они все подчиняются арабам. Эти владения невелики, в каждом — небольшие военные отряды. Здесь имеются верблюды, мулы, овцы, лошади. Выращивается хлопок. Жители носят хлопчатобумажные и меховые штаны и верхние одежды. Мужчины любят носить убор из белой хлопчатобумажной ткани, а волосы на голове и лице сбривают. Язык неодинаков с языком всех других стран. Их обычаи испорчены: мужчина может взять в жены любую женщину, мать или сестру. В Иране мужчина также может жениться на матери. В этих шести владениях почитают зороастризм, учение же Будды неизвестно, лишь в Самарканде имеется буддийский монастырь с одним монахом¹⁴¹.

Политическая история

Еще нет достаточного количества источников, чтобы можно было воссоздать политическую историю Согда, а тем более вхо-

¹⁴⁰ *Beal S.*, 1906, p. 32—36.

¹⁴¹ *Fuchs W.*, 1938, S. 451—452.

дивших в его состав владений. Сведения источников дают лишь изолированные факты.

В начале VII в., по данным одной исторической хроники, в самаркандском Согде (он носит в этой хронике название «Кан») правила местная династия, восходящая (или, быть может, возводящая себя) к юэчжийским предкам. Считалось, что она утвердилась на престоле и правила без перерывов чуть ли не с рубежа н. э. Тронное имя (или титул) правителя было *чжаоу*¹⁴². Правитель Согда жил в многолюдном городе Алуди. «Кан считается сильным государством», — сообщает хроника¹⁴³. В результате даже западнотюркский каган Датон (правил с 575/76 до 603 г.) счел за лучшее породниться с правителем Согда Тайшепи (так читают его имя Э. Шаванн и К. Ширатори) и выдал за него свою дочь.

Кану — самаркандскому Согду — в то время подчинялись такие владения, как Ми (Маймург), Цао и Хэ (Иштихан и Кушания), Малый Ань (на восточной границе Бухарского оазиса), Нашебо (Несеф) и др. — всего восемь владений¹⁴⁴. Таким образом, под властью правителя самаркандского Согда находились почти все владения долины Зеравшана (по-видимому, кроме самой западной ее части), а также долина Кашкадарьи (Несеф). Когда сложилась эта конфедерация, ее характер, степень зависимости отдельных владений от центральной власти — практически неизвестно.

Во дворце правителя самаркандского Согда был «храм предкам, в котором приносят жертвы в шестой луне. Прочие владельцы приезжают помогать в жертвоприношении»¹⁴⁵. Это сообщение, пожалуй, следует рассматривать как показатель наличия родственных отношений между правителями Согда, происхождения их от каких-то общих предков (на это есть определенные указания в источниках). Разумеется, не исключено и другое объяснение, а именно: вассалы самаркандского правящего дома были обязаны принимать участие в ритуале празднования, показывая тем самым свою верность сюзерену. Вероятно, следует иметь в виду обе эти возможности.

Едва ли состав и соответственно географические границы этой конфедерации оставались неизменными. Возможно, на каком-то этапе в нее вошел и Бухарский оазис или его значи-

---

¹⁴² Существует два мнения относительно этого титула. Одни ученые (в частности В. Радлов и И. Маркварт) объясняют его происхождение от тюркского языка (одна из последних попыток такого объяснения: *Haussig H. W.*, 1956), другие — от иранского (со времен Ремюза: *Abel Rémusat*, 1829, p. 227, п. 2). Среди сторонников иранского происхождения этого титула можно назвать В. Томашека, С. Конова, Х. Шедера и др.

¹⁴³ *Бичурин*, II, стр. 280—281.

¹⁴⁴ *Бичурин*, II, стр. 281.

¹⁴⁵ Там же.

тельная часть. Указание на это можно видеть в сообщении Масуди о том, что стена, окружавшая Бухарский оазис, была построена в древности одним из царей Согда¹⁴⁶.

На каком-то этапе столицей Согда был Кеш. Это нашло отражение в более поздних источниках, об этом факте сообщает автор IX в. Якуби¹⁴⁷. Усиление кешского владения начинается в первой четверти VII в.¹⁴⁸ Правитель Тичо (не скрывается ли за этой передачей иноземного источника иранское имя Тиш?) считался весьма могущественным. Он отправил посольство в одно из иностранных государств; построил город Ки-ше, который обычно идентифицируют с Кешем. Сообщается также о посылке посольства в подарки в 642 г. уже другим правителем по имени Шашепа¹⁴⁹. Никаких других сведений о нем в исторических источниках нет. Но этот правитель выпускал монеты. Среди найденных в Пенджикенте монет некоторые имеют надпись «ихшид Шишпир». На монетах имеется арамейская идеограмма — «царь», которая на согдийских монетах передавала титул правителей всего Согда — ихшидов. При сопоставлении всех этих фактов видно, что наиболее логичное их объяснение состоит в признании правителя Кеша по имени Шишпир царем всего Согда¹⁵⁰. Конечно, это лишь один из возможных вариантов.

Однако гегемония Кеша в согдийской конфедерации длилась очень недолго. Вскоре, как явствует из источников между 656—660 гг., новый правитель Кеша — чжаоу Шиагье (так по Бичурину; Э. Шавани передает его имя как She-a-ho) оказался в зависимости от самаркандского царя¹⁵¹. Впрочем, правитель самаркандского Согда стал верховным правителем несколько раньше — между 650—655 гг. По-видимому, понадобилось некоторое время для того, чтобы заставить Кеш признать верховенство Самарканда. Можно высказать догадку, что в это пятилетие происходила борьба между Самаркандом и Кешем, в результате которой Шишпир был устранен и место правителя Кеша занял Шиагье (Шеахо).

Титул ихшида Согда стал носить представитель самаркандского правящего дома, которого иноземцы называли Фухуман¹⁵².

¹⁴⁶ Масуди, 1894, стр. 65.

¹⁴⁷ Якуби, 1892, стр. 299.

¹⁴⁸ Вообще же там имелась самостоятельная династия задолго до этого. В V—VI вв. кешские правители выпускали монеты, на лицевой стороне которых портрет, а на обратной — владетель поражает мечом вставшего на задние лапы льва или львоподобное чудовище. Согдийскую надпись на одной серии таких монет предлагают читать как «кешский царь (?)» (Кабанов С. К., 1961, стр. 137 и сл.; Лившиц В. А., Луконин В. Г., 1964, стр. 170, прим. 110)

¹⁴⁹ Бичурин, II, стр. 316; *Chavannes E.*, 1903, p. 146.

¹⁵⁰ Смирнова О. И., 1963, стр. 140—141, 62—63.

¹⁵¹ Бичурин, II, стр. 316; *Chavannes E.*, 1903, p. 146.

¹⁵² Бичурин, II, стр. 317; *Chavannes E.*, 1906, p. 135.

Имеется большая группа согдийских монет, легенду на которых О. И. Смирнова читает как «ихшид Вархуман». (Она считает, что Фухуман — это иноземная передача имени согдийского царя Вархумана, точнее — Авархумана)¹⁵³. Имя этого царя зафиксировано и в большой согдийской надписи на Афрасиабе.

Наряду с общесогдийскими царями продолжали существовать и местные. У правителей Кеша, подчинявшихся теперь самаркандскому правящему дому, имелся свой наследственный титул — *ихрид*¹⁵⁴.

Бухарское владение в китайских источниках носило название Ань, Нэуми, знали они также название Бухо (Pou-ho), т. е. Бухара, и титул владетеля *чжаоу*. Правители Бухары имели общее происхождение с самаркандскими. В начале VII в. бухарский правитель находился в тесных родственных связях с самаркандским. Во второй четверти VII в. правителем Бухары был некий Алинга (так по Бичурину; Э. Шаванн читает Ho-ling-kia). Китайский источник сообщает, что бухарский правящий дом «преемственно царствует в двадцать втором колене»¹⁵⁵, т. е. несколько столетий.

В бухарской области имели хождение скифатные (вогнутые) медные монеты с согдийской надписью «государь Асвар». По палеографическим данным, эти монеты могут датироваться IV—V вв. Имя царя — иранское, означает «всадник» (у таджиков слово «асп» до сих пор означает «лошадь», а «савор» — «всадник»). Судя по надписям на монетах, бухарские правители носили два титула, один из которых означал «царь», другой — «государь»¹⁵⁶.

Отдельным и весьма важным владением было пенджикентское. В его состав, помимо района самого Пенджикента (тогда он назывался «Панч»), в начале VIII в. входили местности верхнего Зеравшана. В согдийских документах, найденных при раскопках замка на горе Муг, упоминаются Магиан («Лунный»), Паргар («Нагорная» [земля], совр. Фальгар), Кштут (совр. Кштут), Мартушкат (совр. Матча). В этих местностях было множество селений. Там упоминаются и селения Мадм и Кум (сейчас существуют под теми же названиями), Зэровадк (совр. Зароват), Эскотар («Вышележащая» [земля], совр. Искодар), Хшиканд (совр. Хшикат), Варз («Высокий», совр. Варзи-Минор), Курут (совр. Курут), Фатмиф (совр. Фатмев), Пахут (совр. Похуд), Эфтмаут (совр. Фалмоут), Шавкат («Черный город», совр. Шаватк). Долина Ягноба также входила в состав пенджикентского владения. Очевидно, в него входили или же нахо-

¹⁵³ Смирнова О. И., 1963, стр. 28.

¹⁵⁴ О. И. Смирнова составила хронологическую таблицу владетелей Кеша (1962, стр. 68).

¹⁵⁵ Бичурин, II, стр. 282.

¹⁵⁶ Лившиц В. А., Луконин В. Г., 1964, стр. 169—170.

дились в зависимости от него и другие местности Пэтамана (средневекового Бутамана), в данном случае район Гиссарского и Зеравшанского хребтов. В мугских документах упоминается, в частности, современное селение Анзоб¹⁵⁷.

Обильный монетный чекан Пенджикента — Панча сейчас детально исследуется специалистами. Установлено, что в Пенджикенте — Панче правила собственная династия (расшифровка имен представителей этой династии, за некоторыми исключениями, не может считаться окончательной). В тяжелый для Согда период первой четверти VIII в., в обстановке арабского нашествия, роль Пенджикентского владения, не подвергнувшегося вначале разорительным набегам арабов, еще более возросла. Правитель Пенджикента Деваштич, не происходивший из согдийской царской династии (имя его отца Йодхшетака приводится в мугском документе В-4 без титула «царь»), претендовал на самаркандский престол и титул «согдийского царя самаркандского государя Деваштича» и некоторое время как будто занимал самаркандский престол. (подробнее об этом см. в следующей главе).

Наряду с крупными владениями было множество мелких, причем некоторые из них также чеканили свои монеты. В согдийском селении Самитан (в районе древней Кушании, т. е. в местности, соответствующей современным населенным пунктам Митан, Пай-Арык и Чилек) был центр небольшого владения, и его правитель от собственного имени выпускал бронзовые монеты¹⁵⁸.

Усиление отдельных владений, входивших в состав согдийской конфедерации, — факт, который вытекает из исторических, археологических и нумизматических источников. Ослабляется верховная власть согдийского царя, размеры конфедерации значительно уменьшаются. О размерах конфедерации можно судить по нескольким сообщениям источников. В 712 г. арабы обещали Гуреку — сыну ихшида Согда сделать его «царем Самарканда, его земель и пределов, и Кеша и Несефа, и их городов и крепостей». В состав согдийской конфедерации входили также Ми (Маймург) и Цао (Кабудан или Иштхан)¹⁵⁹ и, вероятно, некоторые другие владения. Крупнейшая из составных частей конфедерации — Бухара — обрела самостоятельность. Во главе Бухарского владения стояла династия бухар-худатов¹⁶⁰. На монетах правителей этой династии приводится их титул «государь царь Бухары»¹⁶¹.

¹⁵⁷ Смирнова О. И., 1960.

¹⁵⁸ Смирнова О. И., 1967, стр. 36—39.

¹⁵⁹ Бичурин, II, стр. 311.

¹⁶⁰ Правильнее было бы бухар-худа, см.: Наршахи. The History of Bukhara, 1954, p. 108.

¹⁶¹ Лившиц В. А., Луконин В. Г., 1964, стр. 170.

Согдийские княжества имели дипломатические связи с другими среднеазиатскими владениями, часто обмениваясь посольствами. В живописи на Афрасиабе, скорее всего, запечатлена сцена прибытия таких посольств (точнее приема посольств), а в согдийской надписи, сопровождающей эту сцену, сохранилось следующее: «Когда Авархуман... царь к нему подошел, [посол] открыл рот: «Я чаганианский дапирпат (глава канцелярии.— Б. Г.) [по имени] Букар-зате. От чаганианского государя Туранташа сюда, в Самарканд, к царю для выражения почтения я прибыл, и пребываю я сейчас в почтении [перед] царем. И [ты] вовсе не имей подозрений относительно меня — о самаркандских богах, а также о [самаркандской] письменности (по видимому, в смысле «Писания».— Б. Г.) я хорошо осведомлен и не причинил [?] никакого зла [самаркандскому] царю. [А]вархуман ... царь отпустил его. И [тогда] открыл рот чачский дапирпат...» Надпись, к сожалению, на этом обрывается¹⁶².

Документы мугского архива рассказывают о дипломатических взаимоотношениях со многими среднеазиатскими областями, в частности с Чачем, Уструшаной, Ферганой. Многие источники повествуют о посольствах, отправлявшихся из Согда далеко за пределы Средней Азии, и прибытии посольств из различных государств.

Ирригация. Сельское хозяйство

Три главных ирригационных канала, орошавших местность к югу от Самарканда, выводились в средние века в местности Варагсер («Голова плотины», в новое время — Рабат-и Ходжа). Из описания событий, связанных с арабским завоеванием, как указал В. В. Бартольд, следует, что эта система существовала уже до арабского завоевания¹⁶³, т. е. в VI—VII вв. В это же время функционировал канал, доставлявший воду в г. Самарканд¹⁶⁴.

Из крупных домусульманских каналов можно упомянуть еще Нарпай, орошавший район Кушанин. Ниже по Зеравшану, в пределах Бухарского оазиса, один из каналов носил в средневековье название Шапуркам (позднее — Шафиркам), причем существовала легенда, что он вырыт каким-то сасанидским царевичем Шапуром¹⁶⁵. Этот канал орошал самую северную часть Бухарского оазиса — район владения Вардана, правители ко-

¹⁶² Перевод В. А. Лившица, любезно предоставленный автору.

¹⁶³ Бартольд В. В., 1965 а, стр. 186—187.

¹⁶⁴ Там же, стр. 188.

¹⁶⁵ Там же, стр. 198—199.

¹⁶⁶ Описание древней оросительной системы Бухарского оазиса см.: Шикин В. А., 1963, стр. 22—25.

торого воевали и соперничали с бухар-худатами. Функционировало также несколько других крупных каналов¹⁶⁶. Развитая ирригационная система была и в Кашкадарьинском оазисе¹⁶⁷.

Область Самарканда была столь хорошо орошена и возделана, здесь было столько полей и зеленых насаждений, что первые арабские наместники называли ее «садом эмира правоверных», т. е. халифа¹⁶⁸.

Земледелие в Согде было поливным, но трудно представить, чтобы не использовались и богарные земли. Общая характеристика сельского хозяйства имеется в одной хронике того времени: «Климат теплый, способный для произрастания всякого хлеба. Жители прилежат к садоводству и огородничеству. Деревья вообще роскошно растут. Есть лошади, верблюды, ослы»¹⁶⁹.

Очень подробное представление о составе возделываемых культур дают находки, сделанные при раскопках на горе Муг. Здесь были обнаружены различные зерна и косточки, остатки хлопчатника¹⁷⁰. Из мугских документов мы узнаем, что основными культурами в районах Верхнего Зеравшана были пшеница и виноград. Высеивались также ячмень, просо и горох¹⁷¹. Согдаийский термин для обозначения зерна этимологически связывают со значением «провеянное»¹⁷².

Зерно молотось на мельницах. Документ В-4 с горы Муг — договор об аренде неким Махианом трех мельниц «со всеми каналами, строениями и жерновами»; арендная плата вносилась мукой¹⁷³. Хотя полного представления о мельницах мы не имеем, известны находки очень крупных жерновов, например на Афрасиабе. Наряду с водяными мельницами, в быту горожан по-прежнему находили применение ручные жернова среднего и небольшого размера.

Документы содержат распоряжения о выдаче зерна, фруктов и вина.

Виноградарство было одной из ведущих отраслей сельского хозяйства.

В Пенджикенте обнаружена виноградная давяльня. Она имела вид ямы, на дне которой было специальное углубление. Рядом с ямой — неглубокая ванна, они связаны между собой узким каналом. Стены ямы и ванны тщательно обмазаны алебастром. Можно предполагать, что ванна покрывалась досками, положенными неплотно друг к другу, затем настился слой

¹⁶⁷ Кабанов С. К., 1956 а, стр. 164.

¹⁶⁸ Бартольд В. В., 1965 а, стр. 196.

¹⁶⁹ Бичурия, II, стр. 281.

¹⁷⁰ Данилевский В. В. и др., 1940.

¹⁷¹ Смирнова О. И., 1963, стр. 12—20; Смирнов О. И. и Боголюбов М. Н., 1963.

¹⁷² Лившиц В. А., 1962 б, стр. 136.

¹⁷³ Там же, стр. 57.

сырой верблюжьей колючки, а сверху клался виноград. При выдавливании сок стекал сначала в ванну, затем — в яму. Уже из ямы, после того как он отстоялся, его переливали в хумы. Именно так устроены и современные народные таджикские винодавильни¹⁷⁴.

В исторических хрониках есть данные об обилии в самаркандском Согде виноградного вина. Сообщается, что большие запасы его сохранялись в домах аристократии до многу лет. О том, что это не преувеличение, свидетельствуют археологические материалы и мугские документы. В одном из них говорится, что такому-то «благовонного вина выдать следует того которое служанки пьют, и промедленья не делать. А его [вина] остаток следует запечатать и его так [запечатанным] следует хранить». Такого рода сообщения выглядят иллюстрацией к рассказам хроники. Имелась должность «главного виночерпия»¹⁷⁵.

Наряду с виноградниками было много садов. В тех же мугских документах упоминается «начальник парка». Качество плодов было очень высоким. Так, из самаркандского Согда вывозились поражавшие иноземцев персики, которые «были так велики, как гусиные яйца, цвет их походил на золотой, их называли также «золотыми персиками»¹⁷⁶. Предметом экспорта являлись белые и желтые вишни¹⁷⁷. Все это полностью оправдывает характеристику сельского хозяйства Согда, данную Сюань-цзаном.

По мнению иностранцев, импортировавших племенных самаркандских коней, они имели общее происхождение с ферганскими¹⁷⁸. Из Самарканда, Бухары, Кеша и Маймурга в 624, 724, 726, 727, 744, 750 гг. в Китай поступили табуны высокопородных согдийских коней¹⁷⁹. Внимание зарубежных авторов привлекали самаркандские овцы с громадным тяжелым «хвостом»¹⁸⁰ — знаменитые курдючные овцы.

В мугских документах упоминаются крупный и мелкий рогатый скот и верховые животные: кони, мулы, ослы¹⁸¹. В некоторых равнинных местностях находили применение верблюды¹⁸².

Несомненно, в Согде было также развито собственное шелководство. Шелко- и хлопчаткачество, как и производство шерстяных тканей, базировались на местном, а не на привозном сырье.

¹⁷⁴ Об этом см.: *Большаков О. Г. и Негматов Н. Н.*, 1958, стр. 187—188.

¹⁷⁵ *Лившиц В. А.*, 1962 б, стр. 140.

¹⁷⁶ *Schafer E. H.*, 1963, p. 1, 117.

¹⁷⁷ *Бичурин*, II, стр. 311.

¹⁷⁸ *Schafer E. H.*, 1963, p. 147.

¹⁷⁹ Там же, p. 61.

¹⁸⁰ Там же, p. 64, 296.

¹⁸¹ *Смирнова О. И.*, 1963, стр. 20.

¹⁸² *Бичурин*, II, стр. 281.

Горы, окружающие Согд, изобилуют различными полезными ископаемыми. О добыче некоторых из них известно из сообщений письменных источников. Так, в них есть прямое указание на добычу золота и нашатыря¹⁸³. Золото не только добывалось, но и в больших количествах экспортировалось из Согда, в частности из Кеша и Маймурга¹⁸⁴.

Из Маймурга вывозился металлический сплав — обозначающий его термин переводят как «латунь», т. е. сплав меди и цинка¹⁸⁵. Добывалась также соль. Она шла в пищу и для поделок. В источниках особо отмечается цветная соль, привозившаяся из Маймурга и Кеша¹⁸⁶.

Большой объем добычи полезных ископаемых определялся прежде всего внутренними потребностями и лишь отчасти стимулировался экспортом. Археологические материалы, связанные с металлическим производством, весьма разнообразны. Особенно много таких материалов получено при раскопках в Пенджикенте. Одна из металлических мастерских обнаружена здесь на третьем объекте¹⁸⁷. Она состоит из двух соединенных помещений. В одном из них в невысокую суфу вкопан вниз горловиной хум. Он служил горном. Кроме того, здесь были и другие производственные сооружения. Найдено два двухканальных сопла. Согдийские ремесленники для достижения высокой температуры применяли два меха, что обеспечивало непрерывность дутья, т. е. законченность цикла (между прочим, эта проблема стояла и перед инженерами западноевропейского средневековья)¹⁸⁸.

В другой мастерской металлиста (также двухкомнатной) в основном помещении четко выделяется рабочая площадка. Горн имел устье и отверстие для сопла. Внутри горна — скопление шлаков. На полу мастерской много кусков железа и шлаков¹⁸⁹.

Найдены также лопатки для горна, кузнечные инструменты, начиная от наковальни и кончая молотками и массивными зубилами.

Произдукция металлистов была очень разнообразна. Даже если исключить предметы вооружения, ассортимент был очень велик. Это и орудия производства — лопаты, топоры, серпы и др.; предметы, связанные со столярно-плотничьим делом: гвозди, костыли, накладки, скобы и др. Бытовые предметы представле-

¹⁸³ Бичурин, II, стр. 281.

¹⁸⁴ Schafer E. H., 1963, p. 754.

¹⁸⁵ Там же, p. 257.

¹⁸⁶ Там же, p. 217.

¹⁸⁷ Белецкий А. М., 1958, стр. 117—119.

¹⁸⁸ «A History of Technology», 1957, p. 643.

¹⁸⁹ Белецкий А. М., 1961 а, стр. 82.

ны железными ножами разных типов, железными и бронзовыми ременными пряжками, накладками, украшениями, железными ножницами, дверными ключами, сложными бронзово-железными светильниками и т. д.¹⁹⁰

С металлическим производством очень тесно было связано оружейное. Металлисты нередко одновременно являлись и оружейниками, хотя существовали, по видимому, и специализированные мастера-оружейники.

Наступательное оружие согдийцев состояло из оружия дальнего и ближнего боя. У них были сложносоставные и простые луки, мечи, кинжалы, копья, булавы, секиры. Оборонительный доспех состоял из щита, кольчуги, панциря и шлема. Отсылая за подробным описанием к публикациям раскопок и специальным работам¹⁹¹, отметим следующее. Находки самих изделий, в частности щита и стрел в замке на горе Муг, наконецников стрел и накладок на лук в Пенджикенте и т. д., а также обильные иконографические материалы, упоминания письменных источников доказывают, что оружейное производство являлось одним из ведущих отраслей ремесла. Огромное количество оружия могла изготовить лишь целая армия специалистов-ремесленников. Их работа была чрезвычайно трудной, требовала длительного времени и большого искусства. Возьмем, к примеру, сложносоставной лук. Для изготовления такого лука, по историко-этнографическим данным, требовалось от года до двух лет. Обнаружение костяных накладок сложносоставного лука на Пенджикентском городище показывает, что их изготавливали и в Пенджикенте. Оружие аристократов, в частности мечи и кинжалы, должно было отличаться и высокохудожественным исполнением. Судя по дошедшим экземплярам и иконографическим материалам, согдийские оружейники успешно справлялись с изготовлением художественно оформленного оружия. Рукоятки кинжалов и мечей, ножны представляли настоящие произведения искусства, они делались из драгоценных металлов, украшались инкрустацией и накладками. Оформлялись в виде голов драконов и т. д. То же можно сказать и о некоторых щитах.

Законченность исполнения отнюдь не исчерпывала достоинств согдийского оружия. Еще более существенно, что оно было очень эффективным. Согдийский оборонительный доспех славился далеко на востоке и на западе. В 718 г. согдийцы прислали в Китай в качестве подарка свою кольчугу. В результате китайские оружейники взяли ее за образец и в китайской армии также появились кольчуги¹⁹².

¹⁹⁰ Беленицкий А. М., 1958, стр. 135—140; 1961 а, стр. 84—85; 1961 б, стр. 88—90.

¹⁹¹ См., в частности: Джалилов А., 1958, стр. 81—95 (полезный, хотя крайне неполный обзор).

¹⁹² Schafer E. H., 1963, p. 261.

Из самаркандского Согда происходят превосходные «художественные вещи»¹⁹³. Названия некоторых из них донесли до нас письменные источники. Это драгоценные жаровни-курильницы, маленькие сосудики для глазных лекарств. Из Самарканда, Маймурга, Кеша к иностранным дворам посылали в подарок драгоценные камни и изделия из них; из Самарканда, в частности, — ваза из карнеллана¹⁹⁴.

На настенных росписях изображено много ювелирных изделий — блюдец, чаш, кубков. К числу произведений согдийского ювелирного ремесла, относятся некоторые предметы, найденные за пределами Средней Азии, например серебряное блюдо со сценой поединка, найденное в деревне Кулагыш (бывшая Пермская губерния) и ныне хранящееся в Государственном Эрмитаже¹⁹⁵. Другим примером согдийского ювелирного искусства иногда считают блюдо с изображением всадника, стреляющего в нападающего на него льва¹⁹⁶. Однако для этого нет достаточных оснований, ибо надпись на этом сосуде не согдийская и в ней прямо указано имя лица, по заказу которого изготовлено блюдо. Лингвистический анализ приводит к заключению, что блюдо скорее всего было сделано в Иране, в послесасанидское время¹⁹⁷.

При раскопках найдено немало различных ювелирных изделий — великолепные золотые серьги с овальным медальоном из красной шпинели, украшенные бирюзой и жемчужинками; бронзовые, золотые и серебряные перстни с вставками из драгоценных и полудрагоценных камней; замечательная коллекция бус — сверкающих, переливающихся всеми цветами радуги, словно капли росы в лучах утреннего солнца.

Очень высокого развития достигло текстильное ремесло Согда. Об этом можно судить на основании археологических находок и сообщений письменных источников. В замке на горе Муг найдено около 150 образцов тканей. Хотя они плохой сохранности и обнаружены только в фрагментах¹⁹⁸, все же они дают возможность для технологических определений. М. П. Винокурова насчитала среди 135 обработанных ею образцов тканей с горы Муг 90 фрагментов хлопчатобумажных, 44 шелковых и лишь 1 шерстяной (И. Бентович говорит, что в коллекции «значительно меньше шерстяных»). Все хлопчатобумажные ткани

¹⁹³ Бичурин, II, 1950, стр. 310.

¹⁹⁴ Schafer E. H., 1963, p. 259.

¹⁹⁵ Об атрибуции этого изделия как согдийского писали М. М. Дьяконов и А. М. Беленицкий. Публикацию предметов согдийской торевтики подготовил Б. И. Маршак.

¹⁹⁶ Забелина Н. Н. и Ремпель Л., 1948; Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И., 1965, стр. 149—150.

¹⁹⁷ Лившиц В. А., Луконин В. Г., 1964, стр. 162—163.

¹⁹⁸ Бентович И. Б., 1958, стр. 362.

исполнены самым простым полотняным переплетением. Сами нити слабокрученые, бургристы, неравномерной толщины. Ткань довольно редкая: от 8—10 нитей основы и 10—12 нитей утка на кв. см до 10—14 нитей основы и 20—15 нитей утка на кв. см, причем самые грубые из образцов напоминают современную мешковину. Всего же по толщине нитей, качеству плетения и его плотности можно насчитать четыре группы хлопчатобумажных тканей. Ни одного образца орнаментированных хлопчатобумажных тканей не обнаружено.

Особую группу составляют комбинированные ткани. Основа их состоит из чередующихся групп шелковых и хлопчатобумажных нитей, уток же — хлопчатобумажные нити.

Чисто шелковые ткани также подразделяются на четыре группы. Большинство из них исполнено более сложными киперным (саржевым) и репсовым переплетениями, лишь изредка полотняным или комбинированным — полотняным и киперным. Плотность многих из этих тканей значительно выше, чем хлопчатобумажных: до 39—40 нитей основы и 39—40 нитей утка на кв. см. Вообще для изготовления шелковых тканей мастер должен был владеть довольно сложными приемами. Некоторые из мугских шелковых тканей показывают тяготение к технике хлопчатобумажного ткачества, что вместе с вышеупомянутым образцом комбинированной хлопчатобумажно-шелковой ткани намекает на вероятность постепенного перехода ткачей хлопчатобумажных тканей к приемам и технике шелкоткачества. При помощи нитей разного цвета делались узорчатые ткани. Узор состоял из ромбовидных фигур, в центре которых помещались цветочные розетки (аналогичный орнамент есть на одеждах в росписях Пенджикента). Встречаются также зубчатые розетки, в центре которых горошины или сердцевидные фигуры; четырехлепестковая пальметка; растительные побеги со стилизованным цветком; сложные орнаменты — круги с розетками в центре в комбинации с цветочными побегами и т. д. Некоторые из шелковых тканей мугской коллекции могли быть привезены из Китая и из Средиземноморья, но основная часть несомненно изготовлена на месте, в Согде.

Шерстяной фрагмент — крупного цвета с узкими голубовато-синеватыми полосками.

По-видимому, при изготовлении этих тканей применялись специальные станки. Одна из принадлежностей текстильного производства — вилка-гребень для прибивания нитей утка найдена на горе Муг (один целый экземпляр и несколько фрагментов)¹⁹⁹.

В живописи Варахши, как, впрочем, и Пенджикента, ткани богатых одеяний имеют исключительное разнообразие мотивов

¹⁹⁹ Винокурова М. П., 1957, стр. 17—32.

и узоров: от простых ромбических клеток и розеток до сложных комбинаций из кругов с вписанными в них изображениями птиц, кабанов и т. д.²⁰⁰ В Пенджикенте на росписях изображены ткани, в орнаменте которых лев, слон, птица в обрамлении перлов. Из исключительно богато декорированных тканей выполнена одежда персонажей росписей Афрасиаба.

В западноевропейских музейных собраниях хранятся образцы шелковых тканей, на которых изображены львы, бараны, розетки. Сейчас это рыжевато-коричневый, тускло-желтый и темно-синий шелк. Первоначально краски были значительно более яркими, но затем поблекли, за исключением синей. Установлено, в частности, что когда-то ткани были ярко-зеленого, серо-голубого, ярко-розового, оранжевого и белого цветов. Некоторые из этих тканей — целые, полностью сохранившиеся штучные изделия размером до 1,16×2,41 м — позволяют установить ширину станка. Полный рисунок состоял, как пишут исследователи, из повторяющихся кругов, обрамленных узорным бордюром.

На одной из тканей, хранящейся в г. Юи (Бельгия), на обратной стороне имелась надпись тушью, которую прочел В. Б. Хеннинг: «длина 61 пядь занданечи...» Известный специалист по тканям Д. Шепард выявила сходные ткани в других музейных собраниях и определила их характерные особенности. Она же указала на определенные отличия этих тканей от китайских шелковых и определила эту группу тканей в качестве согдийской. А. М. Беленицкий и И. Б. Бентович поддержали это определение дополнительными аргументами. В китайских источниках, в источниках, описывающих события арабского завоевания, много говорится о шелковых тканях (одним из сортов их была ткань «занданечи»)²⁰¹.

Мы не останавливаемся на фасонах мужского и женского платья, на различных типах одежд и т. д. Отметим лишь, что по изображениям на росписях все это устанавливается с полной очевидностью²⁰².

«Обработка кожи, — пишет И. Б. Бентович, — была хорошо известна согдийцам. Прекрасно обработанная тонкая белая кожа служила материалом для письма. «На такой коже, например, написан известный документ на арабском языке (с горы Муг.— Б. Г.): Тонкой желтоватой кожей обтянут деревянный

²⁰⁰ Шишкин В. А., 1963, стр. 158—159, 220—221.

²⁰¹ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., 1961; Беленицкий А. М. и др., 1963.

²⁰² Сюань-цзан писал о Согде: «Чем больше человек имеет богатств, тем сильнее его почитают, но [внешне] зажиточные и бедные не различаются; даже безмерно богатые питаются и одеваются посредственно» (Beal S., 1906, I, p. 27). Однако этот «демократизм» был скорее в представлении Сюань-цзана — данные археологии, в том числе иконографические материалы по одежде, не подтверждают его сообщения.

щит; черной кожей с золотистыми розетками обтянуты фрагменты маленького ящичка; очень искусно обшита цветной кожей крышка четырехугольной корзины. Интересна находка кожаного сапога. Покрой его в точности повторяет те кожаные сапоги «муки», которые носят в горных районах современные таджики»²⁰³. Разумеется, кожевники изготавливали и другие изделия, не представленные в мугской коллекции: предметы конской упряжи, ремни, ножны и т. д. В письменных документах с горы Муг упоминаются «овчина», «мерлушка»; в тех случаях, когда речь идет о коже, производится дальнейшая спецификация: «бычья», «кожа горного козла», «яловичная», выделяется кожа молодняка, есть упоминание о цветной коже²⁰⁴.

Нет возможности хотя бы кратко остановиться на всех ремеслах. Отметим, что очень высокоразвитыми были костерезное, столярно-плотничье ремесла, керамическое производство и т. д.

Большой объем ремесленного производства, особенно городского, способствовал широкому развитию как внутренней, так и внешней торговли. Об «искусности» согдийцев в торговле сообщают несколько источников. Обучение детей начиналось с пяти лет, их учили грамоте, а потом, когда они достигали определенной степени развития, переходили к обучению коммерческому делу. Достигнув 20 лет, юноши отправлялись в заграничные торговые поездки. Как сообщают источники, вообще «большинство населения высоко ценит прибыль»²⁰⁵.

Зарубежная торговля проводилась по многим направлениям, с разными странами Востока и Запада, а также с населением северных степей. Большой размах, в частности, получили среднеазиатско-византийские торговые связи. Частично они проходили через Иран, но в основном через Северный Кавказ. В Согд доставлялись византийские шелковые ткани. По их образцам ткались некоторые согдийские шелка, в свою очередь экспортировавшиеся из Согда на запад. Фрагмент такой согдийской ткани, изготовленной в подражание византийским образцам, но с явными согдийскими чертами, был найден в могильнике Мошечая Балка на Северном Кавказе²⁰⁶.

По северокавказскому «шелковому пути» шли не только шелка, но самые разнообразные товары. В этом отношении интересно найденное в районе Кунгура византийское блюдо. Изображения на нем несомненно сделаны византийскими торевтами, византийское происхождение удостоверяется штампами византийских мастеров. Блюдо это было бесспорно изготовлено в Византии во второй четверти VI в. Вместе с тем на блюде

²⁰³ Бентович И. Б., 1958, стр. 362, 371—372. См. также: Иванов С. В., 1952, стр. 49—52.

²⁰⁴ Смирнова О. И. и Боголюбов М. Н., 1963, стр. 11.

²⁰⁵ Бицурин, II, стр. 310; Chavannes E., 1903, p. 133, p.

²⁰⁶ Иерусалимская А. А., 1967 а, 1967 б.

имеется три врезанных слова согдийским бухарским письмом: «государь Бухары такой-то». Надпись, по палеографическим данным, относится к концу VI — началу VII в. Следовательно, изделие, вышедшее из византийской мастерской, уже через непродолжительное время попало в бухарский Согд²⁰⁷.

Много согдийских товаров — от драгоценных камней и изделий из них до удивительных тканей и целебных средств — вывозилось в Центральную Азию и Китай.

Итак, объем внешней торговли был очень велик. Наряду с ней происходит и рост внутренней торговли. Об этом свидетельствует, в частности, факт обильной эмиссии монет, особенно бронзовых.

Денежное хозяйство Согда V—VII в.в. изучено недостаточно. Еще не изданы целые группы монет, в частности найденные на городище Варахша. Начиная с V в. в Средней Азии выпускались серебряные монеты — подражания сасанидским монетам Пероза I (459—484 гг.). В долине Зеравшана были обнаружены большие клады (по несколько сот монет в каждом), состоящие из монет — подражаний Перозу I. Наряду с этим были также распространены подражания сасанидским монетам Варахрана V (420—438 гг.). Позже они становятся основой монетного обращения в бухарском Согде. Их обычно называют «бухархудатскими драхмами», или же «бухархудатскими монетами». Специальную монографию посвятил этим монетам русский востоковед П. И. Лерх²⁰⁸. Затем ими занимались многие нумизматы, в частности Д. Уокер²⁰⁹ и Р. Фрай²¹⁰. Лингвисты занимались чтением легенд на этих монетах. По Хеннингу, согдийская надпись содержит выражение «государь-царь Бухары»²¹¹. Нумизматы выявили хронологические группы этих монет; существуют гипотезы об их территориальной принадлежности, но окончательные решения еще не найдены.

В частности, в самаркандском Согде имелись в обращении местные бронзовые монеты с согдийскими легендами и двумя портретами на лицевой стороне. Однако главное место в эмиссии занимали не они, а бронзовые монеты с центральным квадратным отверстием, которые начали выпускаться со второй четверти VII в. О насыщенности рынка этими монетами свидетельствует тот факт, что несколько тысяч их было найдено при раскопках Пенджикента. На лицевой стороне этих монет по два знака, которые образуют «герб» правителя, а на оборотной стороне — надпись с именем и титулом правителя. Судя по весу и

²⁰⁷ Лившиц В. А., Луконин В. Г., 1964, стр. 165—167.

²⁰⁸ Лерх П. И., 1875—1909.

²⁰⁹ Walker I., 1941.

²¹⁰ Frye R. N., 1949, p. 24—31.

²¹¹ Henning W. B. apud Frye R. N., 1949, p. 28—29.

размеру, менявшимся в разные периоды, выпускались монеты нескольких номиналов.

Золотая монета, судя по письменным источникам, в обращении реально не участвовала, хотя в согдийских надписях встречается термин «денар» как обозначение золотой монеты, служившей для оценки тех или иных объектов.

В мугских документах чаще всего фигурируют серебряные монеты — драхмы и лишь однажды — медные монеты. Это резко контрастирует с составом монетных находок в Пенджикенте, где отмечается абсолютное преобладание бронзовых монет. По-видимому, при повседневной рыночной торговле пользовались, по преимуществу, бронзовыми монетами, что свидетельствует о развитом денежном обращении; более крупные сделки и записи в документах обычно производились с указанием цены в серебряных монетах — драмах.

Показателем экономической мощи Согда является то, что монеты согдийских ихшидов найдены далеко за его пределами.

Колонизационная деятельность согдийцев

Колонизационная деятельность согдийцев в этот период была связана, с одной стороны, с их торгово-экономической жизнью, с другой, — с общими социально-экономическими и политическими процессами, протекающими внутри самого согдийского общества.

Одним из направлений согдийской колонизационной деятельности было Семиречье. В первой половине VII в. для Сюань-изана Семиречье — это страна Су-ли, т. е. Согд²¹². Какие-то явления, связанные с согдийской колонизацией, отразил и рассказ Наршахи о восстании Аброя. В XI в. Махмуд Кашгарский сообщил ценнейшие данные о Семиречье. Народ, живший здесь, он называет «согдак» и пишет, что это «народ, поселившийся в Баласагуне, они из того Согда, который между Бухарой и Самаркандом, только они приняли одежду и нравы тюрок». В топонимии Семиречья в X—XI вв. было много согдийских элементов²¹³.

А. Н. Бернштам сопоставил данные письменных источников с археологическими наблюдениями и выдвинул идею, что согдийская колонизация Семиречья осуществлялась двумя волнами: первая прошла в III—V (или VI) вв., вторая — с VII в., причем вторая волна была многоэтапной; второй этап был связан с арабским завоеванием и походами Саманидов. Он обращал большое внимание на слияние культуры согдийских посе-

²¹² *Beal S.*, 1906, I, p. 26.

²¹³ Об этом см.: *Бартольд В. В.*, 1964, стр. 466—467.

ленцев с культурой кочевников²¹⁴. Действительно, как показали дальнейшие археологические раскопки, с V—VI вв. в Чуйской долине появляются памятники развитой оседлой жизни²¹⁵. Здесь безусловно сказалась роль согдийцев, которые занимались в этих городах ремеслом, торговлей и, очевидно, также сельским хозяйством. В городах поселялись и переходившие к оседлости кочевники.

Как и в предыдущий период, согдийские колонии имелись и за пределами Средней Азии. Изучавший этот вопрос Э. Г. Пуллейблэнк дает следующую характеристику, с которой (почти во всем) мы солидарны: «Не только выдающиеся торговцы, но и художники, ремесленники и носители новых религий, согдийцы путешествовали и селились как вдоль торговых путей Центральной Азии, так и в глубинных областях Китая и среди кочевников степей. Многие из этого, например большое цивилизирующее влияние согдийцев на тюрков, уже известно». Такую же роль, как указывает далее исследователь, согдийцы играли в отношении уйгуров. После завоевания Средней Азии тюрками взаимоотношения между ними и согдийцами, уже существовавшие ранее²¹⁶, становятся еще более тесными. При этом связи укреплялись не только с западными тюрками. Большое количество согдийцев жило при дворе кагана восточных тюрков, в современной Монголии. Более того, выясняется, что согдийцы захватили, после крушения династии Суй, контроль над областью Хами. Здесь они сохраняли власть, подчиняясь восточным тюркам, и позже. Во второй четверти VII в. под руководством знатного самаркандца Кан Янь-тян согдийцы обжили район Лоб-Нора, заселив один покинутый город и выстроив здесь три селения²¹⁷. Одно из этих селений называлось «виноградным» (Пу-таочэн) — в центре его имелся виноградник²¹⁸. Судя по результатам переписи середины VIII в., в области Дуньхуаня в согдийских поселениях преобладали выходцы из Самарканда, за ними шли последовательно выходцы из Бухары, Ташкента, Цао (было два Цао, одно соответствовало Кабудану, другое — Уструшане), Тохаристана Кушани, Маймурга и Кеша²¹⁹.

Согдийцы — торговцы, ремесленники, проповедники, воины, полководцы, ученые и т. д. — играли значительную роль в истории Центральной Азии — от Тибета и Ладака (там найдена согдийская надпись самаркандца Ношфарна, направлявшегося, как он сообщает, в Тибет) до Монголии. Что же касается Во-

²¹⁴ Бернштам А. Н., 1940, стр. 34—43.

²¹⁵ Кожемяко П. Н., 1959, стр. 168—169.

²¹⁶ Кляшторный С. Г., 1965, стр. 278—281; Кляшторный С. Г., Лившиц В. А., 1971, стр. 143—144.

²¹⁷ Pulleyblank E. G., 1952, p. 317—354.

²¹⁸ Pelliot P., 1916, p. 122.

²¹⁹ Чуевский Л. И., 1971.

сточного Туркестана, отсюда происходит множество памятников согдийской письменности, неопровержимо свидетельствующих о роли согдийцев в истории этой страны, на все стороны культуры которой, и в частности искусство, согдийский элемент оказал исключительно большое влияние.

Открытие замка на горе Муг и раскопки древнего Пенджикента

Нигде, быть может, не выступает столь очевидно значение археологических открытий и исследований, как при изучении раннесредневековой истории Согда. Мы уже не раз ссылались на эти археологические материалы. Остановимся несколько подробнее на материалах, обнаруженных в замке на горе Муг и древнем Пенджикенте.

Местные жители-таджики селения Хайрабад (совр. Айнинский район) с давних времен знали старинное место, которое они называли Кала-и Муг, т. е. замок Муг, или, как стало общепринятым в научной литературе, «замок на горе Муг». В начале 30-х годов жители часто посещали это место, а весной 1932 г. пастух Джур Али случайно нашел там плетеную корзину и лист шелковистой бумаги с непонятными для него письменами. Не смогли разобрать, что там написано, ни местные, ни уратьюбинские грамотеи. Осенью об этом узнал тогдашний секретарь райкома партии Абдулхамид Пулоти, большой ревнитель древней истории и культуры. Он сразу же оценил значение находки и отправил этот документ в г. Душанбе. Как раз в 1932 г. по просьбе ЦК Коммунистической партии Таджикистана и правительства республики постановлением Президиума Академии наук СССР была учреждена Таджикистанская база АН СССР. Ее первым руководителем был всемирно известный востоковед академик С. Ф. Ольденбург. Специалисты базы установили, что документ написан на уйгурском или на согдийском языке, а весной 1933 г. фотография этой рукописи была передана выдающему советскому иранисту А. А. Фрейману. Он определил, что этот документ — письмо, написанное на согдийском языке согдийским курсивным шрифтом. Находка, сделанная пастухом, оказалась важнейшим научным открытием. Памятники согдийской письменности были известны значительно раньше (были найдены в Восточном Туркестане). В 1932 г. они впервые были обнаружены на территории самого Согда. Согдийские письма из самой Согдианы — было от чего взволноваться ученым! ²²⁰

²²⁰ Вот как описывает И. Ю. Крачковский: «В 1932 г. иранисты Ленинграда пришли в сильное волнение, пронесся слух, что в Таджикистане най-

Handwritten text in a cursive script, likely Tajik or Persian, appearing as a document or contract. The text is dense and difficult to decipher due to the cursive style and some fading.

Согдийский документ с горы Муг. Брачный контракт

А. А. Фрейман приехал в Душанбе, познакомился с документом, уточнил обстоятельства находки. Возникла первоначально казавшаяся дерзкой мысль: нет ли еще рукописей. По совету А. А. Фреймана на место выехала группа сотрудников Таджикистанской базы АН СССР. Общественность республики

дены какие-то согдийские рукописи. А ведь до сих пор их никогда не открывали в самой Согдиане, а только в ее колониях в Восточном Туркестане. Между тем слухи крепки, стали говорить о следах какого-то архива, обнаруженного якобы на горе Муг на южном берегу Зеравшана» (Крачковский И. Ю., 1945, стр. 94).

с нетерпением ожидала дальнейших открытий. В этой обстановке А. Пулоти летом 1933 г. организовал раскопки. Разумеется, он не был специалистом-археологом и кое-что, должно быть, упустил, но его энтузиазму и энергии следует отдать должное. В июле было найдено свыше двух десятков документов, а также некоторые предметы материальной культуры. Совнарком Таджикской ССР принял специальное постановление и выделил необходимые средства для дальнейших поисков.

Осенью на место находки выехал ученый секретарь Таджикстанской базы АН СССР А. И. Васильев вместе с экспедиционной группой. Именно тогда были начаты научные раскопки замка; А. В. Васильев обнаружил еще 21 рукопись. По решению руководящих органов Таджикистана в октябре была снаряжена целая экспедиция во главе с А. А. Фрейманом. В ее составе в ноябре 1933 г. А. И. Васильев произвел раскопки замка на горе Муг. Позже (в 1947 г.) замок был дообследован В. Л. Ворониной.

Гора, на которой расположены развалины замка, высятся восьмидесятиметровой глыбой на левом берегу р. Зеравшан, там, где в нее впадает маленькая р. Кум. С трех сторон эта возвышенность окружена рекой, с четвертой на нее ведет крутой подъем. Верхняя площадка была окружена каменной стеной, делавшей замок еще более неприступным. На верхней площадке находятся развалины здания, когда-то бывшего двухэтажным. К моменту раскопок сохранились лишь развалины нижнего этажа. Здание имело вид неправильного прямоугольника со сторонами 18,5—19,5 м. В нижнем этаже схема планировки была следующей: четыре длинных, почти на всю длину здания, и узких помещения и одно более короткое (ширина этих помещений 1,9—2,25 м) открывались северными торцами в еще более узкий поперечный коридор, который связывал эти помещения в единое целое. Из коридора был выход наружу. Основания стен были сложены из камня, верхние части и своды — из сырцового кирпича. Замок очень небольшой. Он лишен каких-либо орнаментов или украшений, его функции были, очевидно, военно-сторожевыми.

В процессе раскопок выяснилось, что документы (общее количество найденных документов превысило 80, из них 74 — согдийских) лежали на высоте 50—70 см над полом в слое обвалившегося свода. А. И. Васильев сделал правильное заключение, что здание первоначально было двухэтажным, документы хранились на втором этаже. В процессе раскопок были найдены не только документы, но и многочисленные предметы материальной культуры — их коллекция достигла 400. Разнообразны гончарные изделия. Очень интересны плетеные изделия: крышки, корзины и т. д. Они сделаны удивительно тщательно и по технике плетения и форме напоминают плетеные изделия

Щит с изображением всадника. Замок на горе Муг

памирских таджиков. Отдельного упоминания заслуживают деревянные изделия: великолепные точеные блюда, пуговицы, лопата, ложка, обруч и др. Интересна деревянная шкатулка, обтянутая черной тонкой кожей, на крышке ее изображены розетки в виде восьмиконечной звезды, нанесенные красной краской. Уникальным является деревянный щит, обтянутый кожей с красочным изображением лошади и вооруженного всадника. Значительная коллекция тканей состоит из хлопчатобумажных, шелковых и шерстяных образцов. Совершенно особое место занимают кружевные головные сетки, плетенные из хлопчатобумажных нитей, — великолепные и совершенно уникальные произведения древнего среднеазиатского кружевного искусства²²¹. В числе предметов вооружения, помимо упоминавшегося выше щита (он, быть может, был не боевым, а церемониальным), следует также упомянуть деревянные ножны кинжала, железные наконечники стрел, древки стрел — камышовые, деревянные, комбинированные. Найдены изделия из стекла, шесть монет, растительные остатки.

Вся богатая коллекция впервые дала представление об облике материальной культуры согдийцев, а эпохальное открытие письменных документов сулило, после их расшифровки, много ценнейших данных по истории и духовной культуре. В результате напряженного труда А. А. Фреймана была начата расшифровка согдийских рукописей, эту работу завершили его учени-

²²¹ В китайских источниках упоминаются привозившиеся из Самарканда удивительные текстильные изделия, название которых Э. Шэфер переводит как «hair brocade» (*Schafer E. H.*, 1963, p. 202), но затрудняется уточнить, что это такое. Может быть, речь идет именно об аналогичных мугским кружевных сетках для волос?

ки — М. Н. Боголюбов, В. А. Лившиц, О. И. Смирнова; арабский документ был прочитан и прокомментирован И. Ю. и В. А. Крачковскими.

Изучение всех материалов позволило точно датировать замки на горе Муг и сделанные в нем находки. Путеводную нить дал арабский документ, в котором В. А. и И. Ю. Крачковские сразу же прочли имя «Дивасти» (согдийцы называли его «Деваштич»), который упоминается в источниках по истории завоевания арабами Средней Азии. И. Ю. Крачковский через 10 лет после сделанного открытия в своей книге «Над арабскими рукописями» дал яркое, документально точное описание, как все это происходило. Затем он делает заключение: «Действительно, имя Дивасти послужило ключом ко всему: оно не только разъясняло арабское письмо, но подвело твердую базу для разработки согдийских документов. Дивасти оказался согдийским властителем, остатки архива которого и попались экспедиции на гору Муг. Разгаданное уже с гораздо меньшим трудом имя того арабского правителя, которому он адресовал свое письмо, неожиданно принесло совершенно точную дату документа сотым годом хиджры, около 718—719 года н. э.». Уже в феврале 1934 г. в Ленинграде, на сессии Академии наук, посвященной отчету экспедиции на гору Муг, были доложены ее результаты, в частности первые попытки чтения согдийских рукописей и результаты расшифровки арабского документа. Справедливы слова И. Ю. Крачковского: «...Это было торжество — торжество экспедиции, обогатившей науку невиданными материалами, и торжество самой науки, показательно говорившей о своей мощи, которая на глазах всех как бы поднимала наши знания на высшую ступень»²²². Хотелся добавить еще, что в это торжество внесли свою лепту и скромный пастух, и секретарь райкома партии, и руководители республиканских организаций, и корифей советского востоковедения.

Все это привлекло внимание ученых к бассейну верхнего Зеравшана. В Таджикистане не было тогда археологических учреждений, но были люди, интересующиеся прошлым республики. Одним из таких энтузиастов был краевед-археолог В. Р. Чейлытко, человек большой энергии. В 1934—1937 гг. им изучался бассейн верхнего Зеравшана, в частности были произведены небольшие раскопки на городище древнего Пенджикента. Из скудных газетных сообщений нельзя получить сколько-нибудь полного представления об этих раскопках, хотя они, несомненно, дали интересные результаты. Имеющиеся описания страдают неточностью. Вместе с тем следует подчеркнуть, что В. Р. Чейлытко правильно определил значимость городища древнего Пенджикента и те перспективы, которые могут открыться при

²²² Крачковский Ю. И., 1945, стр. 97—98.

Часть росписей из цикла «Рустемиада». Пенджикент

его изучении: оно,— писал он,— выведет на свет целый город до арабского завоевания, без следов каких бы то ни было поздних «влияний», так как город после его разрушения в начале VIII в. не был никем населен. При раскопках были найдены произведения искусства, монеты, керамика.

Однако научное изучение Пенджикента было начато лишь 10 лет спустя. В 1946 г. была организована большая научная экспедиция — Согдийско-Таджикская археологическая экспедиция. В ее работах участвовали три учреждения: Институт истории материальной культуры АН СССР, Таджикский филиал АН СССР и Государственный Эрмитаж. Начальником экспедиции был назначен один из крупнейших советских востоковедов и археологов, ученик В. В. Бартольда, член-корреспондент АН СССР А. Ю. Якубовский. С группой сотрудников он в 1946 г. посетил Пенджикент. Детальный осмотр городища, с учетом информации о работах В. Р. Чейлытко, привел А. Ю. Якубовского к заключению о целесообразности проведения здесь больших раскопок. Ученый исходил из того, что «древний Пенджикент не знал жизни в мусульманское время». А. Ю. Якубовский надеялся получить материалы для суждения о среднеазиатском городе времени, предшествующего арабскому нашествию. Он вывел изучение древнего Пенджикента из краеведческих зако-

улков и тупиков на центральную магистраль советской науки. Вплоть до своей смерти (1953 г.) А. Ю. Якубовский возглавлял археологические раскопки в Пенджикенте. Затем эти работы проходили под руководством М. М. Дьяконова (умер в 1954 г.), а с 1954 г. ими руководит А. М. Беленицкий.

Руины древнего Пенджикента находятся в 60 км на восток от Самарканда, на окраине современного города Пенджикента. Здесь, на краю высокой речной террасы Зеравшана, раскинулось древнее городище. До раскопок здесь были богарные посе­вы. На глади террасы возникла оплывшая городская стена с выступами-башнями. Поднявшись на нее, можно было увидеть неровную поверхность городища: бугры, всхолмления, чередующиеся с впадинами, разной ориентации и величины. Это основная городская территория, по терминологии более поздних источников, шахристан. Его площадь достигает 19 га, а окружность — 1750 м. Стены шахристана лишь на севере и востоке прямые, в других местах, следуя рельефу местности, имеют уступчато-изломанный контур. На запад от шахристана, когда-то включенная в единую фортификационную систему, высится цитадель — резиденция правителя. Она находится на холме высотой до 30 м и отделена от шахристана саем. К востоку и юго-востоку от шахристана находились пригородные усадьбы — зародыш рабада (торгово-ремесленного пригорода) городов развитого средневековья. К югу от шахристана имелись небольшие холмики, раскопки которых показали, что это зороастрийские паусы. Здесь, следовательно, находился некрополь.

Шахристан был рассечен улицами. Ширина этих городских магистралей 3—5 м, они то идут параллельно друг другу, то сливаются. По сторонам улиц находились массивы жилых, хозяйственных и торгово-ремесленных помещений. Так, вдоль одной из этих улиц, получившей условное обозначение № 1 и прослеженной на протяжении 100 м, располагались с одной стороны жилые массивы XIII и VI, а с другой — III, XX, VII и XVI. Каждый такой массив состоял из десятков комплексов и свыше сотни помещений.

Так, жилой массив — объект III, находящийся в северо-восточной части города, имеет вид вытянутого с севера на юг почти правильного прямоугольника 190×35 м. Западный фасад вначале, на протяжении 100 м, тянется в виде гладкой стены с пятью проемами и одним айваном, затем на юге приобретает иной характер. Восточный фасад более расчленен дверными проемами и айванами. Весь массив состоит, по О. Г. Большакову, из восьми комплексов, каждый из которых включает 10—15 помещений²²³. Комплексы состоят из помещений первого этажа и пандуса, ведущего на второй этаж. Центром комплексов яв-

²²³ В. Л. Воронина выделяет здесь 14 секций.

лялся большой квадратный зал. Комплексы отделены друг от друга глухими стенами.

Объект VI/XIII отличается менее регулярной планировкой, чем объект III. Помещения этого комплекса примыкают к городской стене, оставляя у ее излома свободный участок — двор. Б. Я. Ставиский выделяет здесь множество комплексов, каждый из которых состоит из четырех—десяти помещений нижнего этажа. В нескольких из них имеется большой парадный зал, ведущий в него сводчатый коридор, дополнительные помещения и пандус в помещении второго яруса. Эти комплексы аналогичны вышеописанным комплексам объекта III.

Как подметила В. Л. Воронина, намечается деление каждого из этих комплексов на две части: парадную и собственно жилую. Наиболее богатые комплексы имели вход, оформленный в виде айвана. Комнаты первого этажа обычно сводчатые, очень высокие (до 5 м) с суфами-лежанками вдоль стен. Эти помещения были темными и плохо освещенными. Пандусы или лестницы вели на второй этаж. Вторые этажи были, очевидно, значительно более светлыми и легкими. Не исключено, что они были приспособлены для летнего жилья. Центром таких комплексов, как указывалось, являлись крупные, квадратные (площадь в среднем 50—80 кв. м) залы. Их стены обегали высокие суфы, а напротив входа суфа имела вид широкого выступа эстрады. В этих залах плоское деревянное перекрытие покоилось на четырех колоннах, причем в центре оставался световой люк. Стены залов покрывались росписью, а колонны — резьбой. Здесь же находились резные деревянные статуи.

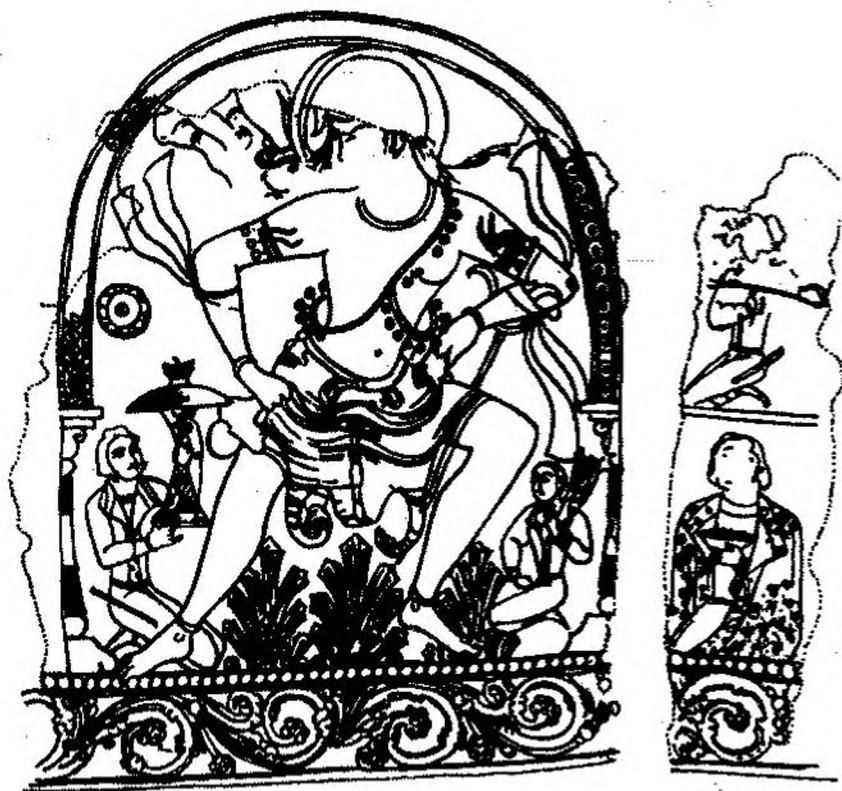
Каждый такой комплекс, или секция, — жилище представителя знати, где имеются помещения для проживания владельца и членов его семьи, отдельные (иногда изолированные) помещения для слуг и хозяйственные помещения, а также парадный зал, который, возможно, отчасти выполнял функции «мехманханы» таджикского богатого жилища XIX — начала XX в.

Наряду с такими комплексами в состав массивов входили и другие, лишенные парадных залов, меньшие по размеру и значительно более скромные или даже бедные. Это жилища рядового городского населения.

Один из комплексов объекта VI имеет особую планировку. В нем четыре парадных помещения, в том числе прямоугольный парадный зал (12,7×7,9 м). Там найдено 100 игральных костей, среди росписей зала — сцена игры с доской и костями. Хотя невозможно окончательно обосновать догадку В. Л. Ворониной, что это был своеобразный «игорный зал», но общественное назначение комплекса не вызывает сомнений.

Жилые массивы не являлись одновременными постройками. Они расширялись и многократно перестраивались.

В последние годы удалось определить также назначение

Пенджикентский Шива

изолированных помещений (иногда двухчастных) с прямым выходом на городские улицы. На раскопанных участках четырех улиц количество таких помещений превысило четыре десятка. В некоторых из помещений имеются горны, куски кричного железа, очажные устройства с ошлакованными стенками и другие следы производственной деятельности. Во всех этих помещениях сравнительно много монет. А. М. Беленицкий не без основания считает их мастерскими и лавками или теми и другими одновременно.

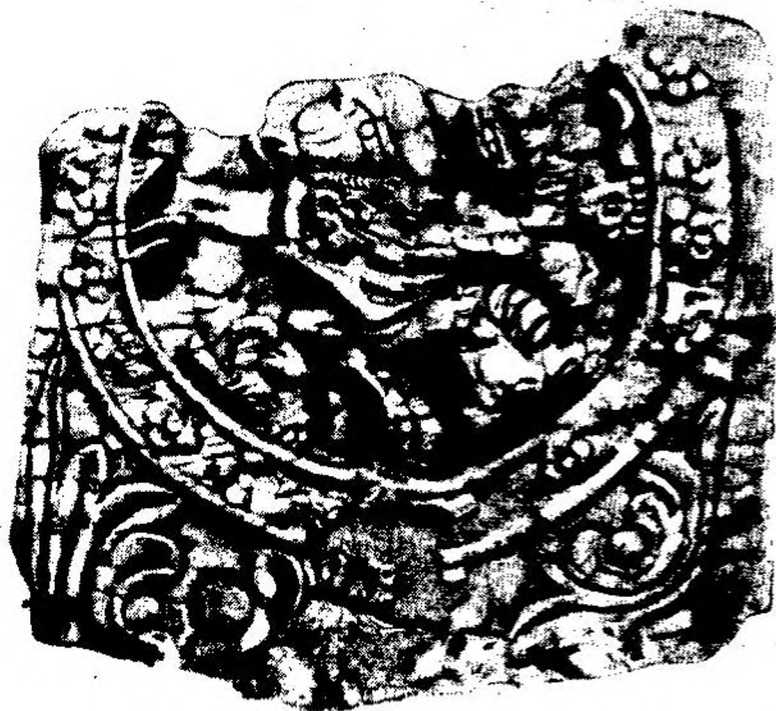
Роспись, иллюстрирующая басню о птице, которая несла золотые яйца.
Пенджикент

Один из подобных комплексов пристроен к богатому жилому дому и состоит из площадки, обращенной к этой улице, и 11 выходящих на нее небольших помещений. Вдоль них шел навес. Базары тянулись вдоль городских магистралей. Как и в период развитого средневековья, они объединяли торговые и производственные функции.

По словам А. М. Беленицкого, «раскопки последних лет радикально меняют представления об уличной сети города. Перед нами регулярная сеть прямоугольных улиц, разделяющих застройку на сравнительно четко ограниченные кварталы. Несомненно, имелись и площади, самые различные по размерам»²²⁴.

В северной половине городища имеется большая впадина — площадь. К западу от нее были два холма, которые оказались постройками примыкавших друг к другу общественных сооружений, которые чаще всего определяются как храмы: южный (№ 1) и северный (№ 2). Храмовые комплексы состояли из двух частей: собственно храмового здания и ограды, включавшей множество вспомогательных (жилых и хозяйственных) помещений. При этом храмовое помещение комплекса № 2 расположено в центре двора, со всех сторон окруженного оградой из помещений (размеры двора 75—80 м с востока на запад, 60 м с севера на юг), а в комплексе № 1 двор примыкает с одной (во-

²²⁴ Беленицкий А. М., 1956, стр. 179—186, 194—195. Для вышеприведенной характеристики раскопок в шахристане, кроме того, использованы материалы, опубликованные руководителями и участниками раскопок (Беленицкий А. М., 1958; Большаков О. Г., 1964; Воронина В. Л., 1958, 1964; Ставиский Б. Я., 1964 б; Распопова В. И., 1971 и др.).

Резная деревянная панель из Пенджикента

сточной) стороны. Храмовые помещения поставлены на стилобате и приподняты по отношению к двору. Попав внутрь ограды, посетитель мог видеть на одной оси с воротами шестиколонный портик-террасу (длина ее по фронту около 21 м). За ним, в глубине, айванное, открытое во двор, т. е. на восток, четырехколенное квадратное помещение (7,85×8,1 м в одном храме и 8,1×10,3 м — в другом). Из него можно было попасть в лежащее в глубине небольшое прямоугольное святилище. По бокам и сзади основное здание окружала обходная галерея, сообщавшаяся с портиком-террасой. Стены центральных четырехколонных залов и айванов-террас были покрыты росписями, по-видимому, имелась и глиняная скульптура. Вход в ограду комплекса № 2 был украшен глиняным барельефом. А. М. Беленицкий доказал, что часть росписей этих комплексов имела ритуальное значение, а также выяснил историю комплексов.

Даже в руинах здания храмов производят величественное впечатление. Зодчий поставил себе определенную задачу, ко-

тору и разрешил мастерски. Выходящий на площадь богатый портик открывает вид на центральное здание храма. «Храм, поднятый на платформу, господствует над пространством двора, целиком открытый зрителю своим широким пандусом, легкой колоннадой и богатым залом. Можно представить себе праздничное великолепие постройки — стройность колонн, тонкий рисунок резьбы и скульптуры, симфонию красок, переливающихся в глубине айванов, широко открытых навстречу восходящему солнцу»²²⁵.

Все эти раскопки вскрыли верхний горизонт шахристана, который относится к VII—VIII вв. (более ранние периоды пока еще слабо изучены).

Это время расцвета города. Он был прерван арабским нашествием. На некоторых участках прослеживаются следы большого пожара — скорее всего 722 г. н. э., но не исключено, что он был несколько позже (до 738/39 г.).

Примерно в 738—740 гг. город вновь восстанавливается. Однако затем, в 70-х годах VIII в., возможно в связи с восстанием Муканны, Пенджикент был вновь разрушен арабскими войсками, и на этот раз жизнь в шахристане и рабаде прекратилась окончательно²²⁶.

На отдельных участках были исследованы и нижележащие слои. Оказалось, что как цитадель, так и шахристан, окруженный стеной, возникли еще в V—начале VI в. Именно в это время город рос, формировался²²⁷.

Одновременно А. И. Тереножкиным были начаты раскопки цитадели. В последние годы здесь успешно работает молодой археолог А. Исаков.

Они установили, что цитадель состоит из донжона с примыкающей площадкой и нижнего яруса построек, обращенных в сторону шахристана. Именно здесь обнаружен комплекс парадных помещений, в том числе громадных залов с суфами и эстрадами. Центральное место занимает огромный парадный зал (10×12,5 м) с глубокой лоджией. Особенностью его планировки является трехступенчатое расположение площадок, повышающихся от входа к лоджии. Найдены деревянные части оснований трона. Помещения украшены великолепной настенной живописью, сильно пострадавшей при пожаре. Очень вероятно, что это остатки дворца Деваштича²²⁸.

Пригород занимает территорию 20—25 га. Здесь не было сплошной застройки, а располагались отдельные усадьбы. В

²²⁵ Воронина В. Л., 1957, стр. 131. Детальное описание раскопок храмов и сделанных там находок см.: Беленицкий А. М., 1950 б; 1958, стр. 105—113 и др.

²²⁶ Большаков О. Г., 1964, стр. 118—120.

²²⁷ Беленицкий А. М., 1967, стр. 8—9; Маршак Б. И., 1964.

²²⁸ Тереножкин А. И., 1950 а; Ставиский Б. Я., 1950; Исаков А., 1971.

1951—1953 гг. раскопано девять домов-усадеб, до раскопок имевших вид холмов. Один из этих холмов, стоявший изолированно, имел размеры 22×16 м при высоте 2,5 м.

Раскопки выяснили планировку. Дом включал помимо входного еще три помещения, коридор и пандус. Помещения относительно хорошей сохранности. В дальней комнате имелась винодавальня, из чего можно заключить, что семья, проживавшая в этой усадьбе, занималась виноделием. В других помещениях жили владельцы усадьбы: в одном, может быть, содержали скот.

Иногда в нескольких метрах от жилых домов находились наусы — гробницы, где жители пригорода хоронили покойников²²⁹.

Городской некрополь расположен менее чем в полукилометре от южных стен шахристана. Здесь можно насчитать сейчас 70 холмов (первоначально их было по крайней мере в 2—3 раза больше). Три десятка их было раскопано — это оказались наусы, куда помещались оссуарии с костями покойников. Это небольшие камеры с арочным входом (после захоронения вход забивался). Внутренняя площадь камеры обычно 4—5 кв. м, но доходит до 10 кв. м. Вдоль стен — суфы, на которые ставились оссуарии²³⁰.

В процессе раскопок получен богатейший материал по строительному делу и архитектуре, искусству, различным сторонам ремесел²³¹.

Самарканд, Варахша и другие городские поселения

Столицей Согда был Самарканд. Город располагался на городище Афрасиаб²³². Территория этого городища — 219 га. Археологические раскопки на Афрасиабе проводили Н. И. Веселовский, В. В. Бартольд, В. Л. Вяткин. Основы современных знаний об Афрасиабе заложили раскопки А. И. Тереножкина. Широкие археологические исследования на Афрасиабе, проводящиеся с 1958 г. узбекскими археологами под руководством В. А. Шишкина и Я. Г. Гулямова, привели к первоклассным

²²⁹ *Большаков О. Г. и Негматов Н. Н., 1958; Воронина В. Л., 1958, стр. 203—209.*

²³⁰ *Воронина В. Л., 1957, стр. 133—135; Ставиский Б. Я. и др., 1953.*

²³¹ Детальное описание процесса раскопок и найденных материалов имеется в опубликованных трудах А. Ю. Якубовского, М. М. Дьяконова, А. М. Беленицкого и др.

²³² В. А. Лившиц полагает, что первоначальное согдийское название Афрасиаба было «Паршавал» (букв. «Над черной рекой»), которое затем стало произноситься по-таджикски «Парсиаб», а в последующие столетия было осмыслено как «Афрасиаб» — *Лившиц В. А., 1965 а, стр. 5.*

открытиям. Однако многие вопросы истории Самарканда VI—VIII вв. остаются еще неясными.

А. И. Тереножкин считает, что это было время расцвета Самарканда²³³. В северной части города находилась цитадель, южнее — шахристан. В этот период разросшийся город был обнесен на юге двухрядным кольцом стен (периметр стены шахристана около 2 км); на севере границей служат обрывы к р. Сиаб. Стены в значительной мере шли параллельно друг другу на расстоянии 8—10 м, причем внутренняя была гораздо более мощной, а башни располагались в шахматном порядке. Эта двухрядная стена (ее называют второй) включила в состав защищенной городской территории предместье предшествующего периода, т. е. IV—V вв. Но в VI—VII вв., уже после того как была построена двухрядная стена, городская территория вновь распространилась далеко за пределы городских укреплений, город разрастался на юг, по направлению магистрального канала.

Итак, Самарканд VI—VIII вв. был очень сильно укреплен. Без дополнительных доказательств ясно, что наличие двух рядов стен значительно повышало эффективность городских укреплений. Южные ворота двухрядной стены были устроены в месте наибольшего расстояния между двумя стенами. На этом участке обе линии соединены полукруглыми перемычками, так что противник, прорвавшийся через внешние ворота, попадал в полукруглый отсек, простреливавшийся со всех сторон. Еще сильнее были укреплены восточные ворота: здесь снаружи были две башни, а внутри — стена с замаскированным проходом²³⁴.

В 1965 г. примерно в середине городища Афрасиаб за пределами второй городской стены вскрыт большой архитектурный комплекс. В некоторых помещениях сохранились фрагменты росписей. В одном из залов — обгоревшие балки со следами резных украшений и фигуры плохо сохранившихся карнатид. Особенно интересными оказались два парадных зала с живописью²³⁵.

Одним из крупнейших центров бухарского Согда было городище Варахша. Его раскопки проводились В. А. Шишкиным в 1938—1939 гг. и 1949—1954 гг. Основная часть городища Варахша — это холм, в плане приближающийся к треугольнику. Его площадь — около 9 гектаров, высота примерно 10 м. Еще на 9,5 м возвышается массив цитадели (первоначально она возвышалась над окружающей местностью на 30 м!). Это было крупное сооружение (со сторонами 31 м), вознесенное на пах-

²³³ Тереножкин А. И., 1950 г., стр. 161. Ср.: Массон М. Е., 1950, стр. 160—161 (в Самарканде «отмечается достижение известного благосостояния»).

²³⁴ Пачос М. К., 1967; см. также 1966.

²³⁵ Шишкин В. А., 1966; Альбаум Л. И., 1971.

совый стилобат-основание. К западу от цитадели находился дворец бухар-худатов. Этот дворец состоял из целой серии помещений разного размера, замыкающихся с запада обширным открытым тронным залом. Парадные помещения располагались в ряд. Некоторые из них были очень крупными. Стены многих помещений дворца покрывал великолепный резной штукатурный орнамент и замечательные сюжетные росписи. Напротив дворца возвышались, очевидно, храмовые сооружения. В северной, восточной и западной частях Варахши были постройки горожан²³⁶.

Из других городов Бухарского оазиса следует упомянуть Пайкенд, площадь которого достигла 20 га. Он имел сильные городские укрепления, в том числе цитадель²³⁷. К городищам Самаркандского района относятся Кафыр-кала²³⁸ и верхний горизонт Тал-и Барзу²³⁹.

В долине верхнего Зеравшана благодаря многолетним раскопкам Б. Я. Ставиского изучено много поселений и замков. Так, в 12 км от замка на горе Муг, у селения Мадм, Б. Я. Ставиский и Ю. Якубов изучают городище Гардон-и Хисор — крупное сооружение дворцового типа, расположенное на горной вершине. Оно погибло от пожара. Основная дворцовая постройка включила более десятка различных помещений, в том числе крупный парадный зал, домашнее святилище и т. д. Здесь найдены прекрасные образцы резного дерева. Очень много памятников исследовано в долине Магиана. Всего же в районе верхнего Зеравшана выявлено свыше 50 раннесредневековых памятников²⁴⁰.

И, наконец, много крупных городских поселений в эпоху раннего средневековья было, как выявили работы С. К. Кабанова, в южном Согде — в бассейне р. Кашкадарья.

Строительное дело

В предыдущем разделе мы уже так или иначе касались многих вопросов, связанных со строительным делом. Основным стеновым материалом в раннесредневековом Согде, как и во всей Средней Азии, являлись пахса (глинобитные блоки) и крупноформатный прямоугольный сырцовый кирпич (часто 50—52×25—26×10—12 см). Жженный кирпич применялся редко, главным образом для выстилки полов и т. д. В несущих

²³⁶ Шишкин В. А., 1963; Нильсен В. А., 1966, стр. 35—36.

²³⁷ Якубовский А. Ю., 1940, стр. 51—64; Нильсен В. А., 1966, стр. 17.

²³⁸ Шишкина Г. В., 1961; Нильсен В. А., 1966, стр. 23—25.

²³⁹ Григорьев Г. В., 1940 а.

²⁴⁰ Ставиский Б. Я., 1957 а; 1961 в; 1961 г; 1964 а.

конструкциях в качестве стоек употреблялись деревянные столбы и колонны. Дерево находило также широкое применение в плоских перекрытиях.

Стены выкладывались столь толстыми, что практической нужды в фундаментах не было. Известно лишь несколько примеров фундаментов. В Варахше под колоннами тронного зала был устроен глубокий фундамент из жженого и сырцового кирпича (почти 2 м глубины), имелся фундамент и в пенджикентском святилище. Полы чаще всего были глино-саманные и состояли из плотной обмазки. В некоторых случаях пол делался из сырцового кирпича или даже жженого (например, в Пенджикенте, Варахше). В горных местностях для устройства полов употреблялся камень.

В постройках наблюдаются четыре типа стен: пахсовые, кирпичные, сочетание пахсы и кирпича и комбинированная кирпично-пахсовая кладка. Средняя толщина кирпичных стен — 1—1,6 м.

Помещения связывались друг с другом проходами, которые обычно перекрывались клинчатыми арками нескольких типов. Арки клались из сырцового кирпича. В проемах были деревянные двери, иногда двойные, причем устроены они были так же, как двери таджикских дореволюционных жилищ: на двух углах дверного полотнища были деревянные выступы-шипы, которые вращались в гнездах порога и верхней перемычки. Узкие и неширокие прямоугольные помещения с пролетом порядка 3 м перекрывались сводами из сырцового кирпича, обычно выполненного в применявшейся еще на древнем Востоке технике «наклонных отрезков». Маленькие квадратные помещения перекрывались куполами. Так, на Афрасиабе раскопано помещение 4,3×4,3 м, имеющее купольное перекрытие. Более крупные помещения имели деревянное перекрытие на столбах или колоннах. Так, в квадратных жилых залах пенджикентских комплексов устанавливались четыре центральные колонны. Они были связаны прогонами, и от них балочные прогоны были проложены на стены. Центральный же квадрат, очевидно, устраивался подобно тому, как это делается до сих пор в памирских жилищах «рузан» — из постепенно суживающихся деревянных венцов, положенных под углом 45° друг к другу. В центре был световой люк.

В помещениях, судя по обгоревшим остаткам, были, вероятно, просторные дощатые сидения, напоминающие этнографический таджикский «кат» и другие, более массивные, вроде «тахта»²⁴¹. Разные предметы мебели известны по изображениям настенной живописи.

²⁴¹ Воронина В. Л., 1964, стр. 78—87.

Памятники согдийской живописи выявлены в Пенджикенте, Варахше, Самарканде.

В Пенджикенте настенные росписи обнаружены в 60 помещениях. Это огромное число показывает, сколь широко было распространено монументальное искусство в быту согдийцев, ибо следует учитывать, что дошедшее до нас является жалкими крохами былого богатства.

Первые публикации находок пенджикентской живописи были сделаны А. Ю. Якубовским, М. М. Дьяконовым, А. М. Беленицким. А. Ю. Якубовский уделял основное внимание общеполитическому значению открытия росписей, М. М. Дьяконов — их стилистическим особенностям, а А. М. Беленицкий — истолкованию их сюжетов. Росписи, открытые за последние полтора десятилетия, опубликованы (пока далеко не полностью) А. М. Беленицким.

Многие парадные залы имели стены площадью до 100 кв. м и больше, которые в несколько ярусов были покрыты живописью. Сюжеты ее чрезвычайно разнообразны. Особенно часто изображения воспроизводят какие-то эллистические сказания. Так, в зале 41 объекта VI было открыто почти 40 кв. м живописи; причем она сохранилась на всю высоту стен. Стены делились на горизонтальные ярусы, отделенные друг от друга бордюрами. На одном из участков было четыре яруса, из которых лучше всего сохранился второй снизу. На синем фоне, переходя со стены на стену, тянется единая композиция — длина ее около 15 м (половина периметра стен). Вот как ее описывает А. М. Беленицкий: «Композиция состоит из шести отдельных эпизодов или сцен, главным действующим лицом которых является один и тот же воин-всадник на темно-красном (гнедом) коне. В первом эпизоде мы его видим во главе группы одетых в доспехи всадников, отправляющихся, как видно, в поход. Во втором эпизоде наш герой изображен бросающим на всем скаку лассо в сторону противника — также всадника. В третьем — герой показан в момент схватки со змеевидным чудовищем — драконом. Далее всадник снова едет во главе группы воинов, причем чудовище, с которым он боролся, лежит поверженным у ног лошадей его спутников. Пятый эпизод изображает героя сражающимся с противником — также всадником, в то время как его спутники ведут борьбу с большой группой демонов. Наконец, последний эпизод показывает нашего героя сражающимся с другим воином-всадником». Чудовище в третьем и четвертом эпизодах имеет длинное, свернутое в кольца змеиное туловище, завершающееся верхней частью тела женщины и головой львицы. Возможно, у него были и крылья. Стариками-таджики называли бы такое чудовище «аждахором». Из ран чудовища

вырывается пламя. Демоны-дэвы имеют человеческие туловища и головы, свирепые лица, козлиные и бычьи рога, козлиные ноги. Два демона сражаются на колеснице.

А. М. Беленицкому удалось отождествить изображение на этой композиции с конкретным эпическим сказанием, а именно со сказанием о Рустама. В «Шах-наме», в цикле сказаний о подвигах Рустама, повествуется, в частности, о борьбе Рустама с драконом, о единоборстве Рустама с витязем Авладом, которого Рустам при помощи аркана захватывает в плен, о победе героя над двумя дэвами. Более того, А. М. Беленицкий привлек для объяснения и согдийский текст, также повествующий о борьбе Рустама с дэвами²⁴².

В качестве эпических А. М. Беленицкий также рассматривает изображения батальных сцен, в которых участвуют женщины-богатыри. Среднеазиатские воительницы действительно принимали в древности участие в сражениях, и древние авторы сохранили отрывки об удивительных подвигах Томирис, Зарины и других женщин. Эти подвиги послужили основой восточно-иранских легенд и сказаний, которые затем были воспроизведены в памятниках искусства. Отголоски таких преданий сохранились и в «Шах-наме»²⁴³.

Много изображений, связанных с культом и различными культовыми церемониями. Здесь и сцена оплакивания умершего отрока, которого А. Ю. Якубовский предложил рассматривать как легендарного среднеазиатского героя Сиявуша (впрочем, предложено и несколько других толкований). Можно указать также на изображения четверорукого божества, в котором А. М. Беленицкий, а вслед за ним и другие исследователи, видят изображение Наны (Нанайи). Характерно, что на монетах пенджикентских правителей имеется ее имя: очевидно, правящий дом Пенджикента почитал это божество. Культ светил также нашел отражение в пенджикентской живописи.

Многие настенные росписи отражают различные сюжеты фольклора и басенного животного эпоса. Вот как рассказывает о них А. М. Беленицкий: «Примером может служить сцена освобождения героем девушки из дерева, в которое она была заключена, очевидно, чьими-то чарами. Таково же происхождение сюжета и до настоящего времени известного по популярной сказке о «птице счастья», ставшей, кстати, достоянием мирового фольклора. Особый интерес представляет небольшая картина, на которой изображен заяц, хитроумными речами заставивший прыгнуть в глубокий водоем льва и тем избавивший зверей от его тирании. Живописная картина эта является весь-

²⁴² Беленицкий А. М., Ставиский Б. Я., 1959, стр. 62—66; Беленицкий А. М., 1967, стр. 23.

²⁴³ Беленицкий А. М., 1960.

ма точной иллюстрацией к одной притче из индийского сборника «Панчатантра»²⁴⁴.

Еще больше, пожалуй, различных сцен и сюжетов, заимствованных художником из хорошо знакомой ему окружающей жизни. Батальные сцены поражают своей сложностью и разнообразием. Часто изображаются пиры знати. Имеются и бытовые сюжеты иного типа: игра в настольную игру типа нард, спортивная борьба и т. д.; встречается также архитектурный декор.

Исследователи различают в пенджикентской живописи несколько стилей, выявляют хронологические пласты²⁴⁵. Нельзя не почувствовать удивительной гармоничности пенджикентской живописи, чарующей прелести многих изображений. Вызывает восхищение грация и внутренняя собранность арфистки, задумчиво перебирающей струны своего инструмента. Или другая сцена: всадник и всадница. Мы не знаем, куда направляются и о чем беседуют знатный согдиец и его спутница, но эта пара также вводит нас в мир художественных образов, далеких и вместе с тем чем-то близких нам.

Чрезвычайно интересны и важны также настенные росписи Варахши. В Красном зале дворца Варахши над суфами — живописная панель. Она содержит единую композицию: на равном расстоянии размещены группы слонов с сидящими на них людьми. Чудовища (иногда это оранжевые львы) или белые крылатые грифоны нападают на слонов с разных сторон. В Восточном зале росписи совсем другие. На одной стене здесь изображена кавалькада коиных воинов. Центром другой композиции является огромная фигура царя на троне, ножки которого украшены изображениями крылатых верблюдов. Влево и вправо — изображения многих фигур, жертвенника. Остатки живописи найдены и в других помещениях дворца²⁴⁶.

На Афрасиабе было, как уже упоминалось, вскрыто здание с великолепной живописью. В одном зале на стене была изображена арка с сидящими в ней фигурами мужчины и женщины. Другой парадный зал (11×11 м) является одним из центральных помещений. На его восточной стене изображена сцена, связанная с водной стихией (синие волны и в них плавающие люди, птицы, рыбы и т. д.). На южной стене — изображение какой-то процессии, движущейся в сторону замка, на площадке которого стоят люди. Сама процессия — это большая художественная композиция, состоящая из всадников на слоне, верблюдах и конях. Впереди — белый слон, на котором в паланкине восседает какая-то важная персона: принцесса или

²⁴⁴ Белицкий А. М., 1967, стр. 24—25.

²⁴⁵ Помимо вышеуказанных, см. некоторые из основных работ: «Живопись древнего Пенджикента». Сб. статей. М., 1954; «Скульптура и живопись древнего Пенджикента». Сб. статей. М., 1959.

²⁴⁶ Шшикин В. А., 1963, стр. 150—165.

Роспись на стене дворца. Варахша

царица, а на крупе слона, за паланкином, сидит ее прислужница. За слоном следуют три женщины на конях. На руке первой — коротенькая надпись по-согдийски: «Близкая к госпоже». За ними двое вооруженных мужчин на верблюдах, с жезлами в руках; четыре белые птицы (гуси) в сопровождении двух мужчин с завязанными ртами и, наконец, огромная фигура всадника, в 2 раза крупнее, чем остальные. Возможно, это привоз невесты — посольство (фигура на слоне — невеста, крупная фигура всадника — глава посольства). На другой стене — сцена приема послов — мужчин разного этнического облика²⁴⁷. На одежде одной из фигур — согдийская надпись о чаганианском посольстве (текст ее см. на стр. 251—252). Эти афрасиабские росписи — творение столичных художников, первоклассные произведения искусства. Исполнены они великолепно, причем

²⁴⁷ Шашкин В. А., 1966, стр. 14—22; Альбаум Л. И., 1971.

в чрезвычайно яркой гамме (деталь этой росписи воспроизведена на суперобложке настоящей книги).

Настенные росписи раннесредневекового Согда важны, разумеется, не только как памятники искусства своей эпохи. Мы уже упоминали и о других аспектах их значения: по существу это настоящая, хотя и не исчерпывающая, энциклопедия жизни и идеологии согдийцев. Нельзя, разумеется, забывать, что язык этой энциклопедии — художественные образы, однозначное и бесспорное истолкование которых далеко не всегда возможно.

Сразу после первых находок пенджикентской живописи М. М. Дьяконов указал на то, что их значение далеко выходит за пределы культуры Согда и Средней Азии в целом. Он справедливо полагал, что теперь удастся проследить «среднеазиатскую струю» в искусстве Восточного Туркестана (его памятники были открыты еще в конце XIX — начале XX в. в результате работ русских, немецких, французских, английских и японских экспедиций), а также хронологически определить его отдельные группы, до сих пор датирующиеся в значительной мере неопределенно и суммарно²⁴⁸.

Сам М. М. Дьяконов указал на ряд согдийско-среднеазиатских элементов в искусстве Восточного Туркестана. Интересны и убедительны наблюдения итальянского ученого М. Буссалли, который пошел дальше в разработке вопроса о влиянии среднеазиатского искусства на восточнотуркестанское (шире — центральноазиатское)²⁴⁹. Однако следует признать, что к этой интереснейшей и благородной теме исследователи только лишь прикоснулись; здесь открывается огромное поле деятельности.

Скульптура.

Музыкальное и танцевальное искусство

В согдийском искусстве наряду с живописью значительное место занимала скульптура. Материалом для нее служили глина, алебастр (штук), дерево.

В Пенджикенте найдена монументальная глиняная скульптура. Ею был украшен айван второго храмового комплекса. Здесь вдоль стен тянулась панель общей длиной около 8 м. Это фантастический речной пейзаж. На рельефном фоне волнистой водной глади высоким рельефом изображены фантастические животные, рыбы, человекообразные фигуры. На одной из стен в центре — человекообразная фигура, выходящая из воды. К ней направляются рыбы и фантастические животные. В центре панели третьей стены — человекообразная фигура, туловище

²⁴⁸ Дьяконов М. М., 1954 а, стр. 89—90.

²⁴⁹ Bussagli M., 1963, S. 42—51.

которой имеет вид двух завитых хвостов. Здесь же имеется изображение чудовища с раскрытой пастью. Можно согласиться с А. М. Беленицким, что этот рельеф и изображенные на нем существа олицетворяли водную стихию, конкретно Зеравшан, греческое название которого «Политимет» означает «многотимый», а согдийское «Намик» было связано с понятием «прославлять».

В Пенджикенте имелась также великолепная деревянная скульптура. Это выполненные в $\frac{3}{4}$ натуральной величины фигуры танцовщиц. Обнаженные по пояс фигуры даны в сложном развороте. Левая рука опиралась на бедро, правая нога была согнута в колене и перекинута через прямую левую ногу. Ожерелья, шнуры с бубенцами, сложные покровы нижней половины тела — все это как нельзя больше гармонировало с вытянутой стройной фигурой²⁵⁰. Невольно приходят на ум стихи поэта, который в восторге от среднеазиатских танцовщиц восклицал:

Танцовщица, танцовщица!

Сердце созвучно струнам, руки покорны барабану!

Струны и барабан зовут, и оба рукава вздымаются вверх.

Словно кружащийся снег, в вихре несется, вертится, носится в танце.

Влево вертится, вправо кружится, не зная усталости,

Тысяча кругов, десять тысяч вращений и нет ему конца,

В мире людей или среди зверей не с кем ее сравнить,

Колеса мчащейся повозки медленны, вихрь от нее отстает²⁵¹.

Пенджикентские фигуры танцовщиц — зримый образ тех кудесниц танца, которых иностранцы называли «вихрем вращающиеся девушки». Славилась танцовщицы из Чача, Кумеда, Кеша, Маймурга и особенно Самарканда. В малиновых одеждах с парчевыми рукавами, зеленых узорчатых панталонах и туфлях из красной оленьей кожи, они были исключительно грациозны в своем стремительном танце, иногда исполнявшемся на мяче. Когда танец достигал кульминации, блуза сбрасывалась, и зрители видели полуобнаженное тело танцовщицы. Ритм танца был так высок, что поэту казалось: еще мгновение и танцовщица взлетит вверх как облачко и достигнет солнца²⁵². Именно в момент апогея танца, думается, изображены танцовщицы на пенджикентских скульптурах.

Жители Согды и соседних владений славились не только высокой культурой танца, но и музыкой. Известны названия десяти бухарских музыкальных инструментов. Существовали песенные и танцевальные мелодии. Отдельные танцы и песни исполнялись индивидуально, другие коллективно. Бухара также

²⁵⁰ Беленицкий А. М., 1959, стр. 78—86.

²⁵¹ Рифтин Б. Л., 1960, стр. 128.

²⁵² Schafer E. H., 1963, p. 55—56.

Раннесредневековые терракоты из Самарканда

славилась своими актерами. Театр марионеток попал в Китай в VII в. из Средней Азии.

Но вернемся к резным деревянным рельефам Пенджикента. Геометрические и растительные орнаментальные фризы украшали стены зданий, резьбой были покрыты колонны и балки перекрытия²⁵³. Многие фрагменты деревянных рельефов содержали сложные изображения, заключенные в ромбы или арки; например, человеческая фигура, сидящая на троне, или же человек на колеснице и т. д. В этих произведениях сильна традиция, восходящая к кушанскому искусству²⁵⁴.

Для дворца в Варахше характерно наличие больших стеновых поверхностей, покрытых алебастровым декором. На стены накладывался слой алебастра (от 1,5 до 20 см толщиной). Резьба превращала его затем в орнаментальное панно. Мотивы орнаментации были самыми разнообразными. Иногда это был простой геометрический узор — елочка, ряды простых треугольников, квадратиков и т. д., по-разному соединенные друг с другом. Квадраты с вписанными розетками, звездчатый узор, комбинация растительных и геометрических узоров — все эти ком-

²⁵³ Воронина В. Л., 1959. Резные деревянные панно открыты Б. Я. Стависким и Ю. Якубовым в Мадме.

²⁵⁴ Беленицкий А. М., 1962 г.

позиции включали в себя большие орнаментальные круги. Очень много развитых растительных элементов, особенно часто встречается виноградная лоза. В композициях, очевидно носивших пейзажный характер, включались двух-, трехметровые деревья с толстыми стволами, ветками и листьями, четко и детально моделированными, показаны даже сучки на стволах. В этих пейзажных композициях какое-то место занимали водоемы с плавающими в них рыбами. На фоне пейзажа разворачивались сцены с участием животных и людей, животных и птиц. Изображались также сцены охоты на круторогих архаров, кабанов, джейранов. Всадники восседали на конях, изображения которых почти достигали натуральной величины. Некоторые из коней были крылатыми. Много мифологических существ, особенно интересно изображение женщины-птицы. Кстати, образ женщины-птицы встречается на среднеазиатских изделиях и много позже — в средневековье и даже в наше время (изображение женщины-птицы еще недавно гравировали на самаркандских табакерках для жевательного табака). Многопланная резьба, смелость и сочность сочетаются здесь с некоторой эскизностью, обобщенностью, что как нельзя больше соответствует монументальному характеру всей декорации ²⁵⁵.

Согдийская письменность и литература

Как уже указывалось, согдийская письменность — арамейского происхождения. В рассматриваемое время согдийское письмо было курсивным. На практике использовались 18—19 знаков алфавита, а некоторые слова передавались идеограммами. В 1965 г. в цитадели Пенджикента археологом А. Исаковым была найдена впервые в истории согдийская азбука. На стенке хума были начертаны буквы и упражнения в написании слов. Азбука состоит из 23 букв — это полный комплект знаков арамейского алфавита, в том числе тех, которые уже не употреблялись на практике. Становится понятным, почему Сюаньцзан упомянул «двадцать с небольшим» число знаков ²⁵⁶, а не 18—19, которые фактически употреблялись: свою информацию он получил от какого-то грамотного согдийца, который назвал ему так сказать теоретическое число знаков, которым владели грамотные люди. В разных областях Средней Азии согдийское письмо было несколько различно; так, например, бухарская и самаркандская согдийская письменность отличалась от другой.

²⁵⁵ Шишкин В. А. 1963.

²⁵⁶ Точный перевод этого места см.: *...*, 1904, р. 48; ср.: *Beal S.*, 1906, р. 26—27 («тридцать или около ...»).

Памятники согдийской письменности раньше всего были найдены в Восточном Туркестане. Они были написаны сирийским, манихейским и третьим алфавитом, очень близким, хотя и не идентичным, уйгурскому. Все эти тексты были написаны на одном языке. В некоторых из них имелись календарные термины, совпадающие с теми, которые Бируни в своем труде «Памятники минувших поколений» называет согдийскими. Это позволило отождествить язык вышеуказанных памятников с согдийским, а третий алфавит оказался собственно согдийским²⁵⁷.

Расшифровке этих текстов способствовали материалы ягнобского языка²⁵⁸.

Впервые сведения о ягнобском языке были получены в 1870 г. во время поездки в Ягноб русского востоковеда А. Л. Куна и сопровождавшего его таджика Мирзы Муллы Абдурахмана. Позже сведения об этом языке собирали Ш. Акимбетов, Е. Ф. Каль, Н. Г. Маллицкий, К. Г. Залеман и др. Из советских ученых, изучавших на месте язык ягнобцев, должны быть названы М. С. Андреев и Е. М. Пещерева, С. И. Климчицкий и Л. А. Хетагуров, М. Н. Боголюбов, А. Л. Хромов. Посещали Ягноб и иностранные лингвисты — Р. Готье и Г. Юнкер. Следует упомянуть также имя немецкого ираниста В. Гейгера и французского ученого Э. Бенвениста. Был изучен грамматический строй ягнобского языка. Этот язык оказался восточно-иранским, развившимся на базе одного из диалектов согдийского языка. Значительная часть его словарного фонда восходит к согдийской лексике. Сохранение в труднодоступной горной долине Ягноба реликта новосогдийского языка оказало неоценимую помощь в изучении памятников согдийской письменности²⁵⁹.

Выше мы писали о согдийской азбуке из Пенджикента. Она, в частности, свидетельствует о наличии специальных упражнений для тех, кто обучался грамоте. Учебные упражнения на согдийском языке встречены в Средней Азии также в Мерве. В цитадели Мерва А. А. Марущенко обнаружил две арабские аз-

²⁵⁷ Gauthiot R., 1914—1923; Benveniste E., 1929; Лившиц В. А., 1966.

²⁵⁸ Ягнобцы — небольшой народ, живущий в горах Центрального Таджикистана преимущественно по одноименной р. Ягноб (приток Фандарья, в свою очередь впадающей в Зеравшан). Количество ягнобцев очень невелико. В последней четверти XIX — начале XX в. там проживало 1250—1400 человек. По более точным сведениям, относящимся к началу 30-х годов, число ягнобцев (в Ягнобе) достигало 2150 человек. В настоящее время насчитывается свыше 3 тыс. ягнобцев. Помимо Ягноба, они жили и в некоторых других местах, в частности в селениях верхнего Варзоба. Сейчас часть ягнобцев говорит по-таджикски, другие (примерно 2,5 тыс. человек) двуязычны.

²⁵⁹ О ягнобцах и их языке см., в частности: Залеман К. Г., 1888; Geiger W., 1901; Маллицкий Н. Г., 1924; Андреев М. С., 1928; Климчицкий С. И., 1940 б; 1940 а; Боголюбов М. Н., 1956; Андреев М. С. и Пещерева Е. М., 1957; Хромов А. Л., 1966 б; 1966 а; 1968.

буки, черепки с арабскими текстами, писцовые упражнения на среднеперсидском (пехлевийском) и согдийском языках.

По-видимому, это остатки дабиристана — школы иранских писцов VIII в., где учащиеся осваивали арабскую, среднеперсидскую и согдийскую письменность, все еще продолжавшую играть важную роль в международном общении²⁶⁰.

Как явствует из мугских документов, в Согде были писцы, профессионалы очень высокой квалификации, многие документы написаны превосходным курсивным почерком. Нередко в конце документа отмечалось: «Написал такой-то по приказу того-то». Известен, например, писец по имени Аспанак Девгон. Одним из лучших писцов в самаркандском Согде начала VIII в. был Рамтиш сын Вгашфарна — его каллиграфическим почерком написан «брачный контракт».

Мугские документы донесли до нас деловую прозу согдийцев: юридические документы, письма, хозяйственную переписку.

Сюань-цзан отмечал, что в Согде «имеется некоторая литература» (возможны варианты: «некоторые исторические летописи» или же «они имеют книги и исторические летописи»)²⁶¹.

Действительно, у согдийцев имелась обширная литература: духовная и светская. Так, собственно согдийской письменностью написаны произведения согдийской буддийской литературы. Наиболее важным является перевод на согдийский «Вессантара-джатаки». Наличие параллельных текстов этой джатаки на языках пали, тибетском и китайском позволило Э. Бенвенисту — одному из самых лучших знатоков согдийского языка, полностью разобрать согдийский текст этого буддийского произведения. Согдийский текст содержит 1513 строк (не сохранилось лишь несколько листов начала и несколько строк в конце).

Содержание джатаки сводится к следующему. У царя рождается долгожданный сын, которого называют Судахан. Когда он вырос, его женили на красавице, и у них было двое детей. За один проступок царевича отец отправляет его в изгнание на пустынную гору, где живут хищные звери и демоны-людоеды. Жена, взяв детей, присоединяется к нему, хотя царевич и не хочет этого. Изгнанные отправляются в путь. По дороге царевич, славившийся своей щедростью (из-за нее, собственно, все его беды) раздает все имущество, которое ему дали с собой. Он, жена и дети пешком плетутся через страшную пустыню. Верховное божество, сжалившись над ними, создает им сказочный дворец. Немного отдохнув, царевич отказывается там остаться, дабы не нарушить приказ отца, и вновь пускается с

²⁶⁰ Певзнер С. Б., 1954; Лившиц В. А., 1962 б, стр. 67—68.

²⁶¹ Beal S., 1906, p. 27.

семьей в путь. Он достигает места изгнания, строит из веток хижину и поселяется там. Судашан дарит одному пришельцу даже своих детей, а когда, чтобы испытать степень его доброжелательности к людям, божество посылает к нему старика, который просит отдать ему красавицу-жену,— он делает и это, но тот оставляет царевичу жену, говоря, что потом вернется за ней. Подаренные царевичем дети попали с пришельцем в столицу, и царь выкупил их. Они рассказывают деду о страданиях и благородстве отца. После настойчивых просьб царевич Судашан возвращается в столицу, и царь уступает ему свой трон. Концовка джатаки состоит из обращения Будды, который поясняет, что царевич Судашан — это он сам в одном из своих прежних рождений²⁶².

Известно, что цикл джатак — один из важнейших разделов индийско-буддийской литературы. Имелись буддийские сочинения и богословского характера. Как пишет Е. Э. Бертельс, «художественная ценность охарактеризованных согдийских текстов, конечно, невелика. Но не нужно забывать, что все они переводные. Особенно важно отметить, что эти тексты ставили перед согдийским переводчиком достаточно сложные задачи и помогали ему развивать свой собственный язык, поднимая его до уровня высокоразвитого литературного языка древней Индии — санскрита»²⁶³. Следует добавить, что перевод был не буквальный и кое-где отступал от оригинала. Согдиец-переводчик вносил в перевод некоторые детали, отсутствующие в оригинальном тексте и соответствующие мировоззрению и образу жизни согдийцев этого времени²⁶⁴.

Судя по рассказу Наршахи, в Бухаре существовал цикл легендарных преданий о мифическом царе — герое Сиявуше. Они существовали и в стихотворной форме, распевались и декламировались. Та их часть, которая повествовала о смерти Сиявуша, носила особые названия, в частности «Плач магов». Повидимому, Сиявуш почитался самаркандскими согдийцами, а также в других областях Средней Азии²⁶⁵.

Другой раздел эпоса, связанный с богатырем Рустамом и его конем Рахшем, дошел до нас в виде двух фрагментов, написанных по-согдийски. В них рассказывается о том, как Рустам преследовал дэвов, многих уничтожил, остальные спаслись, запершись в городе. Рустам, довольный победой, остановился на одном лугу, расседлал своего коня Рахша и пустил его пастись, а сам, сняв с себя боевое снаряжение, поел и лег от-

²⁶² Согдийский текст, французский перевод и словарь: *Benveniste E.*, 1946. Подробное русское изложение см.: *Бертельс Е. Э.*, 1960, стр. 69—71.

²⁶³ *Бертельс Е. Э.*, 1960, стр. 72.

²⁶⁴ *Лившиц В. А.*, 1962 г, стр. 42.

²⁶⁵ Об этом см. подробнее: *Дьяконов М. М.*, 1951 (там же ссылки на источники и литературу).

дыхать. Тем временем, оправившись от испуга, дэвы вышли из города и решили разыскать Рустама, чтобы погубить его. Далее описывается воинство дэвов, мчавшихся на колесницах, на слонах, верхом на разных животных и гадах, причем некоторые летели как коршуны, другие устремились, двигаясь головой вниз и ногами вверх. «Они подняли дождь, снег, град и сильный гром; они издавали вопли, испускали огонь, пламя и дым». А доблестный Рустам, ничего не ведая, тем временем спал. Героя спас его верный конь Рахш: он разбудил Рустама. Тот надел свой доспех из шкуры пантеры, схватил оружие и ринулся в бой. Когда дэвы приблизились, он сделал вид, что испугался, и повернул вспять. Дэвы кинулись его преследовать. И тогда «Рустам обернулся, он бросился на дэвов как яростный лев на добычу».

Самый конец не сохранился. Чрезвычайно интересны согдийские переложения басен «Калилы и Димны», в частности о купце и сверлильщике жемчуга и др. Существуют также многие другие согдийские литературные произведения²⁶⁶.

Религиозные верования

Сведения о религии населения Согда содержатся в различных источниках: согдийских, китайских, арабских, таджикско-персидских. Однако эти сведения трудно сопоставимы, и поэтому до сих пор в литературе нет развернутого изложения религиозной системы согдийцев. Обратимся к источникам.

В Согде «обожают» духа Дэси, которому поклоняются во всех владениях от западного (т. е. Каспийского.— Б. Г.) моря на восток. Он представлен в образе золотого истукана в 15 футов в объеме, с соразмерной вышиной. Ежедневно в жертву ему закалывают пять верблюдов, десять лошадей и сто баранов. Число жертвующих иногда простирается до 1000 человек...»²⁶⁷. В биографии Сюань-цзана указывается, что в Самарканде «царь и народ не верят в Будду, но поклоняются огню»²⁶⁸. Сообщается также о поклонении «злому земному духу»²⁶⁹, почитании «небесного божества». По Хой Чао, в Согде в первой половине VIII в. «во всеобщем почитании был дух неба»²⁷⁰. Во дворце согдийского правителя был «храм предков»²⁷¹.

В труде великого среднеазиатского ученого XI в. Бируни «Памятники минувших поколений» есть специальный раздел

²⁶⁶ Benveniste E., 1946; Henning W. B., 1940; 1945; 1946; Брагинский И. С. 1955, стр. 129—131, 207—215, 413—415.

²⁶⁷ Бицури, II, стр. 313.

²⁶⁸ «The Life of Hsuan-Tsang», 1959; Chavannes E., 1903, p. 133.

²⁶⁹ Бицури, II, стр. 310.

²⁷⁰ Fuchs W., 1938, S. 452.

²⁷¹ Бицури, II, стр. 281.

«Речь о праздниках в месяцах согдийцев». В 28-й день первого месяца — «праздник у магов Бухары», называемый Рамуш-Агам, когда люди собираются в храме огня в деревне Рамуш. Эти агама — самые почитаемые праздники, [их справляют] в каждой деревне, [причем] собираются у всякого раиса, едят и пьют. Это происходит у них по очереди». Это — празднество Нового года, связанное с представлениями об умирающей и воскресающей природе. В один из месяцев у согдийцев был пост: они воздерживались от кушаний и напитков, от всего, чего коснулся огонь, разрешалось есть лишь фрукты и овощи. В первый день другого месяца согдийцы собирались в храме огня и ели какое-то ритуальное блюдо, приготовленное из просяной муки, масла и сахара. Наконец, существовал обычай, когда раз в году «жители Согда плачут по своим древним покойникам. Они оплакивают их, царапают свои лица и ставят для умерших кушанья и напитки». Аналогичный обычай существовал и у хорезмийцев и персов. Из рассказа об этих народах вырисовываются дополнительные детали, в частности то, что пищу ставили в наусы²⁷².

Итак, из текста Бируни следует, что был распространен культ мертвых. Об этом же мы узнаем из рассказа Наршахи о Сиявуше — в Бухаре на рассвете первого дня Нового года каждый житель приносил в жертву Сиявушу петуха. Исследователи сопоставили с рассказом Наршахи сообщение Вэй-цзе о Самарканде. Суть его состоит в том, что жители верили в то, что божественный отрок умер в седьмом месяце и что кости его потеряны. Когда приходит этот месяц, верующие одевают черные одежды и идут босиком, ударяя себя в грудь и плача. Они расходятся по полям, ищут тело божественного отрока. Обряд заканчивается на седьмой день²⁷³. Однако образ Сиявуша был связан не только с культом мертвых, — в нем сохранялся более древний пласт верований, связанных с умирающим и воскресающим богом растительности²⁷⁴.

Выше уже говорилось о пенджикентских наусах. Наусы были также обнаружены на Кафыр-кале под Самаркандом. В самом Самарканде также найдено множество оссуариев. Замечательная коллекция оссуариев с высокохудожественными рельефами происходит из селения Бия-Найман (вблизи Катта-Кургана)²⁷⁵.

Впервые оссуарий был найден в 1871 г. при хозяйственных работах в Ташкенте. Во время раскопок Н. И. Веселовского на Афрасиабе в 1886 г. был найден еще один фрагментированный

²⁷² Бируни, 1958, стр. 258; см. также стр. 236, 255.

²⁷³ Дьяконов М. М., 1951, стр. 36—37 (со ссылками на источники).

²⁷⁴ Толстов С. П., 1948 а, стр. 202—204.

²⁷⁵ Кастальский Б. Е., 1909 (приложение); Борисов А. Я., 1940 а; Ставиский Б. Я., 1961 б; Рапопорт Ю. А., 1971.

Скульптурное изображение на крышке оссуария

оссуарий, который этот ученый считал «глиняным гробом до-мусульманского периода». В 1900 г. этот же ученый ввел в науку утвердившийся термин «оссуарий» (от латинского *ossuarius* — «костехранилище»). Исследованием оссуариев и оссуарного погребального обряда в дореволюционное время занимались такие ученые, как Н. И. Веселовский, В. В. Бартольд, К. А. Иностранцев и др.; в советское время — А. Я. Борисов, Ю. А. Рапопорт, Б. Я. Ставиский и др.

В свете исследований этих ученых о согдийском оссуарном обряде можно сказать следующее. В «Авесте» и поздних зороастрийских сочинениях говорится, что труп зороастрийца выносятся в место, которое называется *дахма*, где «всегда находятся поедающие трупы собаки и птицы» (об этом, в частности, говорится в «Видевдате»). Как известно, этот обычай до сих пор почти в неизменном виде существует в Индии у парсов, переселившихся в средние века из Ирана и сохраняющих зороастрийскую религию. Затем полагалось собрать кости и унести их в специальное сооружение, где они должны храниться, — это сооружение называется *астодан*. В арабских источниках, опи-

сывающих арабское завоевание, такие сооружения, встречавшиеся арабам в Средней Азии, обозначаются словом «наус»²⁷⁶.

Очень существенно (и на это уже указали дореволюционные исследователи), что мы располагаем прямым свидетельством письменных источников о наличии такого обряда в Согде. Китайский посол Вэй-цзе, побывавший в Согде в начале VII в., пишет: «Вне главного города живет отдельно более двухсот семейств, специально занимающихся погребением; они построили в уединенном месте особое сооружение, где воспитывают собак; когда кто-нибудь умирает, они берут тело и помещают в этом сооружении, где его и поедают собаки; затем они собирают кости и хоронят их в погребальной процессии, но не кладут в гроб»²⁷⁷. Из сообщений Табари и Наршахи следует, что мясо от костей трупа иногда очищали люди. По мнению К. А. Иностранцева, последнее не было обычным способом погребения, а применялось в особых случаях²⁷⁸. Однако в пенджикентских наусах кости не несли следов повреждений, части позвоночных столбов в момент погребения сохраняли связки — все это было бы невозможно, если бы трупы отдавались на съедение собакам. В пенджикентских наусах обычное число погребенных в среднем — 10 покойников в одном склепе. В наусы, помимо оссуариев с костями, помещались также керамические сосуды, медные монеты, личные украшения²⁷⁹.

Выше приводились сведения об обрядах оплакивания у согдийцев. В документе В-8 с горы Муг (договор о продаже земельного участка) говорится, что покупатель и их потомки на купленном участке могут положить труп и устроить оплакивание²⁸⁰. Оплакивание нашло отражение и в описаниях похоронного обряда в «Шах-наме»²⁸¹. Эти обряды также запечатлены в памятниках согдийского изобразительного искусства. Они противоречат предписаниям зороастрийских религиозных сочинений, содержащих прямое запрещение оплакивания покойника. Однако древние народные верования были сильнее, чем эти запреты, как в Средней Азии, так и, по-видимому, в Иране²⁸². Позже упорную и длительную борьбу с этими обрядами вел ислам — и везде, в Месопотамии, Иране и Средней Азии, вынужден был отступить. В той или иной форме эти обряды сохранялись до недавнего прошлого. Оплакивание покойника и даже ритуальные погребальные танцы дожили у таджиков почти до наших дней.

²⁷⁶ Бартольд В. В., 1966 а, 1966 б; Иностранцев К. А., 1907 б; 1907 а; 1909; Борисов А. Я., 1940 б; Ставиский Б. Я., 1952; Рапопорт Ю. А., 1971.

²⁷⁷ Chavannes E., 1903, p. 133, n.

²⁷⁸ Иностранцев К. А., 1909, стр. 115.

²⁷⁹ Ставиский Б. Я. и др., 1953.

²⁸⁰ Лившиц В. А., 1962 б, стр. 47—48, 52—53.

²⁸¹ Беленицкий А. М., 1954, стр. 82.

²⁸² Widengren G., 1965, S. 329—330, 339—340.

В источниках упоминаются «храмы огня» и «храмы идолов». Этот материал полностью собран и подробно проанализирован А. М. Беленицким. Помимо вышеупомянутых свидетельств, можно указать, что в «Шах-наме» есть упоминания о «храмах огня» в Бухаре и Пайкенде. Пехлевийское географическое сочинение IX в. «Шахристанхай-и Иран» сообщает об установлении в Самарканде «чудотворного огня» сыном Сиявуша, о помещении туда на хранение золотых (или позолоченных) пластинок с текстом «Авесты», о разрушениях Сакандара (Александра Македонского), после чего Тур Фраснак (Афрасиаб) «сделал местопребывание богов капищами дэвов». В Кушании, по сообщению китайских источников, имелся храм, на стенах которого были нарисованы древние цари различных соседних народов. Местный правитель ежедневно совершал в этом храме поклонение. Наршахи упоминает о «домах огня» в Рамитане и Бухаре, причем не в легендарном, а историческом контексте. В Самарканде, в момент завоевания арабами, были «дома идолов и огня», то же самое сообщается о селении Тававис (Табари, Белазури). Источники сообщают немало конкретных деталей об этих идолах — деревянных (украшенных золотыми накладками), серебряных и золотых. Когда были сожжены идола из главного самаркандского «дома огня» (бутхана), в пепле оказалось около 50 тыс. мискалей золота. Один из переплавленных самаркандских идолов дал 24 тыс. золотников серебра. Наршахи рассказывает о Пайкенде, что там в храме идолов арабы нашли серебряный идол весом в 4 тыс. драхм, но есть известие, что он был золотым и весил 50 тыс. мискалей. Переживания этого культа имели место в Бухаре и Самарканде даже после победы ислама. Храмы были очень богатыми, в них было много золотой и серебряной утвари, драгоценных камней, например, жемчужин величинной с куриное яйцо.

Детально изучив все эти сообщения, А. М. Беленицкий пришел к заключению, что «храмы идолов» существовали отдельно от «храмов огня»²⁸³. На наш взгляд, А. М. Беленицкий не доказал полностью этот тезис, хотя предложенное им решение представляется весьма вероятным. Другой основной тезис А. М. Беленицкого состоит в том, что в Средней Азии жрецы культа огня, которых он считает зороастрийскими, боролись против культа идолов, как враждебного зороастризму, причем перевес был на стороне последнего. Этот тезис кажется нам весьма сомнительным. А. М. Беленицкий исходит в своих определениях из норм «канонического» зороастризма, известного по сасанидскому Ирану. Но среднеазиатские верования не были тождественны иранским. Необходимо поэтому отнестись к решению этого

²⁸³ Беленицкий А. М., 1954, стр. 52—62. См. также: Смирнова О. И., 1971, стр. 103—106.

вопроса с большой осторожностью. Уже В. В. Бартольд полагал, что верования и обряды среднеазиатских зороастрийцев «существенно отличались от обрядов правоверных последователей Зороастра». Как писал А. Ю. Якубовский, «в основе как персидского зороастризма, так и религии согдийцев, бактрийцев и хорезмийцев лежали какие-то общие представления и культы. Ими и были дуалистические представления о борьбе мира доброй и злой воли, с одной стороны, и культ огня — с другой. В Персии зороастризм вырос в государственную религию со строго выработанной догматикой и сложной организацией жречества, имевшего огромное влияние на дела государства, и прежде всего по вопросам идеологии. В Средней Азии судьба зороастризма оказалась другой: он не выработал строгой догматики, не стал государственной религией, так как единого государства там не было, да и жречества как мощной организации не сложилось. Зороастризм проникся местными языческими культами, которые, по-видимому, прекрасно уживались с культом огня»²⁸⁴. Для согдийской религии рассматриваемого времени даже предложен специальный термин «маздеизм»²⁸⁵. Крупнейший иранист современности В. Б. Хеннинг считал возможным говорить о «воздействии учения Зороастра на природное язычество Согдианы»²⁸⁶.

Хотя уже В. В. Бартольд задавался вопросом об особенностях местной домусульманской религии, до сих пор сколько-нибудь обстоятельного решения не предложено, очень многое остается неясным или допускает полярно противоположные толкования. Например, два компетентных исследователя, А. М. Беленицкий и А. Ю. Якубовский, полностью расходятся в определении взаимоотношений местных культов и зороастризма. В работах историков культуры и археологов в недостаточной степени используется лингвистический материал; лингвисты слабо привлекают археологические и иконографические материалы, исследование которых, в свою очередь, имеет специфические, еще во многом непреодоленные сложности.

Много ценного дали последние работы лингвистов. В мугском брачном контракте содержится клятва именем божества Бага и Митры. Бага — бог, еще в «Ригведе» встречается вместе с Митрой как божество нижнего ранга. Но в мугском контракте оно, как предположил В. Б. Хеннинг, выступает не только как равноправный двойник Митры, но даже занимает более высокое положение. Что же касается Митры, то, как и Бага, в

²⁸⁴ Якубовский А. Ю., 1954, стр. 21—22.

²⁸⁵ Обоснование см.: Ставицкий Б. Я. и др., 1953, стр. 88, 82. Впрочем, пользоваться этим термином в таком смысле все же предпочтительнее с определением «среднеазиатский».

²⁸⁶ Henning W. B., 1965 a; p. 250 (...impact of Zoroaster's teachings in the native paganism of Sogdianes).

этом контексте он выступает в качестве божества, олицетворяющего договор²⁸⁷. Это заключение было — и весьма основательно — оспорено издателем контракта В. А. Лившицем. Анализ контекстов всех мугских документов (и других согдийских текстов) привел этого исследователя к выводу, что под этим именем выступает верховное божество, т. е. *Ахура-Мазда*, раскрытое имя которого (xwǝmzt'βy — «Бог Ахура-Мазда») согдийцы предпочитали не произносить и не писать (в письменной форме оно встречается очень редко).

Среди высших божеств согдийского пантеона следует упомянуть *Зарвана* — именно его имя эквивалентно высшему индийскому божеству (Брахме) в переводных согдийско-буддийских текстах, где он встречается с эпитетом «великий», «царь богов». Были известны *Вэрэтрагна* (wšyṇ — Вашэгн), *Нанайя*, *Хварэнах* (в форме rṅṅ — Фарн), *Тиштрида* (tyš — Тиш — звезда Сириус) и др. Этому сонму добрых божеств противостоят *Ахра Манью* — Ахриман, который имел специфически согдийское звуковое оформление — Шимну (šmny) со своими дивами (δuw). У согдийцев мы находим многие понятия и представления, запечатленные ранее в «Авесте».

Храм носит название вагн (βyṇ). Средневековые авторы X—XIII вв. и более поздние источники отметили в Согде много селений, в название которых входит слово «фагн» («багн», «вагн»), несомненно происходящее (первым это установил В. Б. Хеннинг) от слова «вагн». Таковы селения Мийанбагна (в Вабкенде), Вануфаг(н) около Тавависа (в окрестностях Бухары), Аставагна и Хурбагна (в Гиждуване), Рустфагн и Красвагн (в окрестностях Самарканда), Хушуфанг (около Катта-Кургана или Самарканда, возможно два селения), Кукшибагн (около Ургута) и др. «Хушуфагн» этимологизируется как «шесть храмов», Итак, в топонимике Согда сохранялось большое количество названий, связанных с согдийским обозначением храма. Однако было бы неверным представлять, как это делают некоторые современные авторы, что сетка сложных композитных топонимов с согдийским обозначением храма прямо соответствует схеме размещения на территории Согда зороастрийских святилищ. На самом деле закономерности образования этого топонимического ряда значительно сложнее. То же самое относится к топонимическим композитам с согдийским βy — «божество», «бог».

«Жрец», «глава храма» носил название *вагнат*; этот термин встречается со времени «старых согдийских писем». Он имеется также и в мугских документах. Жрец Курчи (документ I, 1) принимал участие в выполнении важного дипломатического по-

²⁸⁷ Henning W. B., 1965 а; р. 248—250 (о Митре см.: Gershevitsh I., 1959); Кляшторный С. Г., Лившиц В. А., 1971, стр. 133—134.

ручения. Кроме того, в одном мугском документе (А-5) упоминается магупат — «главный жрец».

Наряду с местной, как ее теперь иногда называют, маздеистской религией в Согде получили распространение и другие религии. Буддизм в это время не занимал серьезных позиций — он был вытеснен другими религиями. Количество его приверженцев было незначительно, однако все же роль буддизма и других индийских религий в жизни Согда была ощутимой. Христианство, судя по ряду сообщений, получило значительное распространение. В начале VI в. в Самарканде уже был христианский (несторианский) епископ, а в VIII в. — митрополит²⁸⁸. Значительно более глубокие корни пустила третья религия — манихейство.

Проблема роли манихейства в жизни домусульманского Согда послужила предметом обстоятельного разбора А. М. Беленицкого. Около 600 г. среди манихеев произошел раскол; в Средней Азии обосновалась секта динаварийцев, центр которых находился в Самарканде. По мнению А. М. Беленицкого, содержание настенных росписей Пенджикента можно объяснить, исходя из предположения, что они являются манихейскими²⁸⁹. Это объяснение нуждается в дополнительном изучении.

Хотелось бы подчеркнуть, что даже этот далеко не полный материал показывает, сколь сложна проблема жизни в Согде VI—VIII вв. Это многообразие существовавших в Согде религий приводило к созданию синкретических религиозных систем.

4. ДРУГИЕ ОБЛАСТИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Уструшана

В китайских источниках эта область носит название Цао (Восточное Цао) или Су-дуй-ша-на (Suo-tuâi-sa-nâ)²⁹⁰. Сведения источников об этой области предельно скупы. «Тан-шу» сообщает, что владетель пребывает на северной стороне гор Боси (или Поси, по-видимому, Туркестанский хребет. — Б. Г.). Это место в древности принадлежало городу Эрши, т. е. Фергане. Расстояние до Ши (Ташкента) и Кана (Самарканда) считалось одинаковым, а расстояние до Тухоло (Тохаристана) было больше. Есть город Йе-ча, в этом городе крепко запертая пещера, в которой ежегодно дважды приносят жертву. Люди подходят

²⁸⁸ Бартольд В. В., 1964, стр. 275.

²⁸⁹ Беленицкий А. М., 1954; стр. 39—52, 62—81; Беленицкий А. М., 1959, стр. 61—64.

²⁹⁰ Последнее название имеет несколько вариантов. О них см.: *Chavannes E.*, 1903, p. 138.

близко к пещере и становятся лицом к ней, вырывающийся из нее дым умерщвляет ближайшего. В период 618—626 гг. в Су-дуй-ша-не был молодой правитель. Вместе с Каном (Самаркандом) он отправил посольство в Китай²⁹¹. По мнению Э. Шаванна, к этой области принадлежал город Су-ду.

Сюань-цзан называет эту область Сутулисена, сообщает, что ее окружность — 1400 или 1500 ли (в 1,5 раза больше, чем у области Чача, и несколько меньше, чем у Самарканда. — Б. Г.). На востоке ее границей является река (приводится китайское название Сырдарья; здесь у Сюань-цзана ошибка — Сырдарья является границей Уструшаны на севере. — Б. Г.). Продукты и обычаи народа подобны тем, что в области Чача. С тех пор как в Сутулисене есть царь, она находится под властью тюрков. К северо-западу от этой области — большая песчаная пустыня, где нет ни воды, ни травы²⁹².

Таким образом, территория этой области в VI—VIII вв. рисуется довольно четко. Ядром ее являлась Уратюбинско-Шахристанская котловина. На юге она включала верховья Зеравшана, доходя, по-видимому, до северного склона Гиссарского хребта. На севере границей служила Сырдарья, на востоке (предположительно) — ходжентские владения, на северо-западе — самаркандские (в широком смысле) владения. Что касается названия области, то китайская транскрипция дает очень приблизительное представление о ее подлинном названии. Разнобой в написании названия наблюдается у средневековых арабско-персидских географов, что дало повод для неправильных заключений — некоторые современные авторы утверждали, что «более правильное» написание «Усрушана»²⁹³. При этом не учитывалась ни вышеотмеченная китайская традиция, где в названии присутствует звук «т», ни современная таджикская традиция Истравшан (или Устараушан), где также есть «т». Мугские документы окончательно доказали, что в раннем средневековье область называлась Уструшана²⁹⁴, но позже «т» выпало. Уструшанские правители носили титул «афшин»²⁹⁵.

На территории Уструшаны проводятся большие археологические раскопки. Резиденция уструшанских афшинов располагалась неподалеку от современного поселка Шахристан. Здесь, на западном берегу р. Шахристан-сай, на высокой террасе, располагается городище Кала-и Кахкаха с четко сохранившимися стенами. Площадь городища — около 5 га. Оно двухчастное: на западе на 8—10 м над площадью городища возвышается

²⁹¹ Бичурин, II, стр. 138; *Chavannes E.*, 1903, p. 37, 99, 138—139, 312.

²⁹² *Beal S.*, 1906, I, p. 31—32. В биографии Сюань-цзана («The Life of Hsuan-Tsang», 1959, p. 47) нет никаких дополнительных данных.

²⁹³ *Негматов Н.*, 1957, стр. 16.

²⁹⁴ *Лившиц В. А.*, 1962 б, стр. 87.

²⁹⁵ *Бартольд В. В.*, 1964 а, стр. 497.

холм цитадели. На территории шахристана раскопано здание караульно-казарменного типа. На цитадели проводится вскрытие дворца. Центром его являлся большой парадный зал (18×12 м) с царской тронной лоджией. Имеется и второй — «малый зал» — храм, а также другие помещения (жилые покои, хозяйственные помещения, арсенал). Здание было украшено настенной живописью, его деревянные колонны и потолки были резными. На стене центрального коридора имелась шестиметровая композиция, включавшая волчицу с двумя младенцами, припавшими к ее соскам.

По мнению Н. Н. Негматова, этот сюжет проник в Среднюю Азию в V—VII вв., причем он отмечает, что «в Средней Азии существовала определенная религиозная почва для усвоения мифологических традиций западного христианства»²⁹⁶. Действительно, у различных народов Средней (и шире — Центральной) Азии встречаются легенды, аналогичные знаменитому этрусско-римскому преданию. Факт появления этой сцены следует рассматривать в неразрывной связи с чрезвычайно древним распространением на Востоке мифа о царском отпрыске (отпрысках), вскормленном волчицей²⁹⁷.

Богато украшен живописью «малый зал». Здесь и группа всадников в боевых одеждах, скачущих с пиками — знаменами в руках на конях различных мастей, и трехголовое и четырехрукое божество, и трехглазый демон, и фрагменты животных. Живопись располагалась на стенах в несколько ярусов.

Богат и разнообразен набор деревянной скульптуры и рельефов. Обнаружено несколько круглых скульптур людей и птиц, различные композиции. Особенно интересен уникальный крупный резной деревянный тимпан, где имеются фигуры разного размера. Все они выполнены с исключительным мастерством. Этот тимпан, как и вообще памятники искусства Шахристана, представляет значительный интерес в плане изучения художественной культуры, мифологии и быта раннесредневековой Средней Азии.

Неподалеку от вышеописанного городища располагается другой холм — Кала-и Каххаха II. Его планировка совершенно иная. Квадратная плоская площадка (210×230 м) обведена стенами. В одном из углов находится небольшой холм. Оказалось, что он скрывает развалины трехъярусного помещения замкового типа. Здесь имелись парадные залы и жилые комнаты. Перекрытия были сводчатые (кирпичные) и плоские (деревян-

²⁹⁶ Негматов Н., 1968, стр. 33—34.

²⁹⁷ Детальное исследование этой проблемы см.: Binder G., 1964; см. также рецензию на эту книгу: Assmusen J., 1967; Bivar A. D. H., 1967, p. 512. Ценные указания также содержатся в справочнике: Thompson S., 1955. Важный материал дает фольклор таджиков и других народов Средней Азии, Казахстана и Сибири.

ные), покоящиеся на колоннах. Здание было укрепленным замком дворцового типа. Оно было украшено резным деревом и настенными росписями²⁹⁸.

Поразительна сохранность другого шахристанского памятника — Чильхуджры, расположенного близ слияния рек Кулукутан и Шахристан-сай. Эта двухэтажная постройка также замкового типа. Здание имеет длительную и сложную историю, много раз коренным образом перестраивалось. Тем не менее здания первого и частично второго этажа столь хорошо сохранились, что и сейчас дают полное представление об облике былой архитектуры²⁹⁹. Очень интересным является расположенный неподалеку от Чильхуджры замок Урта-Курган и др.

Мы уже упоминали о живописи и резном дереве из уструшанских сооружений. Они чрезвычайно интересны и как памятники художественной культуры, и как источник для суждения об идеологии уструшанцев, в том числе религиозной. Судя по имеющимся данным, в частности связанным с процессом афши-на Хайдара (IX в.), которому инкриминировалось тайное исповедование религии его предков, в Уструшане господствовала среднеазиатская форма зороастризма³⁰⁰, едва ли сколько-нибудь значительно отличающаяся от согдийской. Так, есть данные, что был распространен оссуарный погребальный обряд.

Язык уструшанцев являлся одним из диалектов согдийского. На Чильхуджре найдены документы, написанные тушью на деревянных дощечках. Один из них, сохранившийся полностью, прочитан В. А. Лившицем. Эта расписка такого же типа, что и согдийские. Содержание такого: «Попросил я, Чийус, на 31 день [начиная] от дня ват[22-й день согдийского месяца] месяца ваганич [8-й месяц согдийского года] ослов. Фарнарч прыгнал мне их из [селения] Атрепазмак, [причем] среди них — ни одного плохого». На обороте: «Написал Гушнаспич по приказу Фарнарча». Характер письменности очень близок документам с горы Муг³⁰¹. Характерно также, что в Уструшане, как и в Согде, были профессиональные писцы, имя одного из них мы теперь знаем. С другой стороны, имена эти носят зороастрийский характер.

Получены данные о развитии ремесла, сельского хозяйства и т. д. Все эти материалы свидетельствуют о высокой и достаточно своеобразной культуре раннесредневековой Уструшаны, в своих основных проявлениях вместе с тем очень близкой, а порой идентичной культуре Согда.

²⁹⁸ Негматов Н. Н. и Хмельницкий С. Г., 1966.

²⁹⁹ Пулатов У. П., 1968.

³⁰⁰ Henning W. B., 1965 а; р. 250, 253—254.

³⁰¹ Пулатов У. П., 1968, стр. 20—21.

Фергана VI—VIII вв. именовалась в зарубежных источниках Фейхань, Бохань, Паханна³⁰². Исходя из этих транскрипций и согдийского обозначения Ферганы, древнее звучание реконструируется как Фар[а]гана или Фрагана³⁰³.

Согласно Сюань-цзану, Фергана со всех сторон окружена горами³⁰⁴. Это показывает, что в VII в. под Ферганой понималась Ферганская долина. Почвы Ферганы, пишет далее путешественник, богаты и плодородны, земля производит много плодов, в изобилии цветы и фрукты. Знамениты ферганские кони и рогатый скот³⁰⁵. Хой Чао добавляет, что в Фергане есть верблюды, мулы, овцы. Возделывают хлопчатник. Жители едят много хлебных блюд. Одежду шьют из шкур (т. е. кожи или меха.— Б. Г.) и хлопчатобумажных тканей³⁰⁶.

Царская династия Ферганы в целом не прерывалась на протяжении нескольких столетий³⁰⁷. Впрочем, около 630 г. Фергана была около десятилетия лишена верховного правителя. Как сообщает источник, наиболее сильные правители стали очень могущественными и не подчинялись друг другу³⁰⁸. Около 720 г. в Фергане был весьма сильный царь, который в арабских источниках называется Алутар³⁰⁹. Ферганские правители носили местный титул «ихшид» или «ихшад». Несколько позже, в 726 г., в Фергане было уже два царя: царь владений к югу от реки подчинялся арабам, владения же к северу от реки находились под властью царя, зависевшего от тюрок³¹⁰. В 739 г. и позже Ферганой управлял тюрок Арслан Тархан³¹¹. Столицей Ферганы в то время, по одним источникам, был город Касан, по другим — Ахсикет³¹².

Судя по описаниям событий эпохи арабского завоевания, Фергана являлась могущественным владением, игравшим важную роль в политической жизни Средней Азии. Это обусловливалось ее военным потенциалом, который покоился на серьезном экономическом базисе. Выше уже отмечалось развитие сель-

³⁰² *Chavannes E.*, 1903, p. 148.

³⁰³ *Лившиц В. А.*, 1962 б, стр. 85.

³⁰⁴ *Beal S.*, 1906, I, p. 30.

³⁰⁵ *Ibid.*, p. 30—31.

³⁰⁶ *Fuchs W.*, 1938, S. 452.

³⁰⁷ *Бичурин*, II, стр. 319.

³⁰⁸ *Fuchs W.*, 1938, S. 452.

³⁰⁹ Раньше имя этого правителя читали (арабская графика это допускает) ат-Тар, а В. А. Лившиц даже предложил этимологию этого имени — «черный» (*Лившиц В. А.*, 1962 б, стр. 85). Чтение Алутар установлено О. И. Смирновой (1969, стр. 213—214).

³¹⁰ *Fuchs W.*, 1938, S. 452.

³¹¹ *Chavannes E.*, 1903, p. 149.

³¹² Анализ источников (их сведения не совпадают) о раннесредневековой столице Ферганы см.: *Баргольд В. В.*, 1965 в, стр. 529.

ского хозяйства — как земледелия, так и скотоводства. Очень больших успехов достигло и ферганское ремесло. Существенно также, что велась многообразная внешняя торговля, в соседние страны вывозились кони, лекарства, краски, изделия из цветного, отливающего индиго, стекла³¹³ и др.

Развалины Касана состоят из двух расположенных на берегу Касанская частей — города и замка. Город имеет форму трапеции со сторонами 160, 180 и 80 м. Его стены имеют ломаный контур и по углам укреплены башнями. На юго-западе города — укрепленная цитадель. Оборону усиливала дополнительная стена, отстоящая от основной на 15 м и прикрывающая вход в крепость. На некотором расстоянии от городища расположен замок, занимающий возвышенную позицию (эта ситуация в общем напоминает Кала-и Кахкана I и II в Шахристане). Замок представляет мощную ограду на скалистой площадке 90×70 м. Стена была укреплена шестью башнями. От площадки замка вниз, к городищу отходили две стены, возможно ограждавшие путь; они соединяли две части этого комплекса. Общий периметр всех развалин достигает 2 км. Небольшие раскопочные работы на Касане были проведены А. Н. Бернштамом в 1948 г. Выяснилось, что поселение возникло здесь еще в кушанское время. На этом поселении, как на платформе, возник раннесредневековый Касан с его многочисленными постройками и мощной фортификационной системой³¹⁴.

Другим городским центром раннесредневековой Ферганы являлась Кува, на которой проводятся раскопки узбекскими археологами³¹⁵.

Центром Исфаринского района — резиденцией правителя — являлся замок Кала-и Боло («Высокая крепость»). Он расположен в 4 км южнее районного центра Исфара, на берегу р. Исфары. Высота замка 11—12 м, его размеры 16×65 м. При раскопках замка, проведенных Е. А. Давидович, выяснилось, что в VI—VII вв. при сооружении высокой платформы в нее были замурованы стены более ранней постройки. В VI—VIII вв. крепость имела высокую платформу с наклонными фасадами и вертикальные крепостные стены с бойницами. Обычные в замково-крепостной архитектуре выступающие башни отсутствовали, вместо этого внешний контур был уступчатым, что создавало возможность для ведения флангового огня. Жилая часть верхней площадки комплекса состояла из открытого двора в северной части и жилых и хозяйственных построек в южной. В строительстве использовалась однородная пахса и прямоугольный сырцовый кирпич 52×26×10 м; кладки стен комбинируют

³¹³ Schafer E. H., 1963, p. 64—65, 212, 236.

³¹⁴ Бернштам А. Н., 1952, стр. 233—244.

³¹⁵ Булатова-Левина В. А., 1961, стр. 41—43.

ского хозяйства — как земледелия, так и скотоводства. Очень больших успехов достигло и ферганское ремесло. Существенно также, что велась многообразная внешняя торговля, в соседние страны вывозились кони, лекарства, краски, изделия из цветного, отливающего индиго, стекла³¹³ и др.

Развалины Касана состоят из двух расположенных на берегу Касанская частей — города и замка. Город имеет форму трапеции со сторонами 160, 180 и 80 м. Его стены имеют ломаный контур и по углам укреплены башнями. На юго-западе города — укрепленная цитадель. Оборону усиливала дополнительная стена, отстоящая от основной на 15 м и прикрывающая вход в крепость. На некотором расстоянии от городища расположен замок, занимающий возвышенную позицию (эта ситуация в общем напоминает Кала-и Кахкана I и II в Шахристане). Замок представляет мощную ограду на скалистой площадке 90×70 м. Стена была укреплена шестью башнями. От площадки замка вниз, к городищу отходили две стены, возможно ограждавшие путь; они соединяли две части этого комплекса. Общий периметр всех развалин достигает 2 км. Небольшие раскопные работы на Касане были проведены А. Н. Бернштамом в 1948 г. Выяснилось, что поселение возникло здесь еще в кушанское время. На этом поселении, как на платформе, возник раннесредневековый Касан с его многочисленными постройками и мощной фортификационной системой³¹⁴.

Другим городским центром раннесредневековой Ферганы являлась Кува, на которой проводятся раскопки узбекскими археологами³¹⁵.

Центром Исфаринского района — резиденцией правителя — являлся замок Кала-и Боло («Высокая крепость»). Он расположен в 4 км южнее районного центра Исфара, на берегу р. Исфары. Высота замка 11—12 м, его размеры 16×65 м. При раскопках замка, проведенных Е. А. Давидович, выяснилось, что в VI—VII вв. при сооружении высокой платформы в нее были замурованы стены более ранней постройки. В VI—VIII вв. крепость имела высокую платформу с наклонными фасадами и вертикальные крепостные стены с бойницами. Обычные в замково-крепостной архитектуре выступающие башни отсутствовали, вместо этого внешний контур был уступчатым, что создавало возможность для ведения флангового огня. Жилая часть верхней площадки комплекса состояла из открытого дворика в северной части и жилых и хозяйственных построек в южной. В строительстве использовалась однородная пахса и прямоугольный сырцовый кирпич 52×26×10 м; кладки стен комбинируют

³¹³ Schafer E. H., 1963, p. 64—65, 212, 236.

³¹⁴ Бернштам А. Н., 1952, стр. 233—244.

³¹⁵ Булатова-Левина В. А., 1961, стр. 41—43.

эти материалы, а также полученные при разборке строений более ранней постройки. Стены были оштукатурены, внутри окрашены в черный цвет, снаружи разделаны под рустовую кладку. Прямоугольные помещения перекрывались коробовыми сводами, выложенными наклонными отрезками³¹⁶.

Помимо равнинного замка Кала-и Боло в Исфаринском районе были и горные замки, «платформой» которым служили мощные останцы горных пород. Такова, например, Кала-и Кафыр на левом берегу р. Исфары. Здесь скальный останец круто, на 50—60 м, возвышается над берегом, нависая над рекой. Взобраться на него с этой стороны совершенно невозможно. Очень труден доступ и с других сторон. На верхней площадке останца (80×60 м) — остатки кладок находившейся здесь когда-то крепости. Ее стены, снабженные тремя башнями, имели неправильную конфигурацию, словно лентой обегая причудливые изгибы скалы. Эта трехбашенная крепость была совершенно неприступной твердыней. Такого рода крепости имелись близ кишлака Сурх, Ворух и т. д. Они образовывали фортификационный скелет Исфаринской долины, прочно закрывая в нее доступ врагам. Вместе с тем именно эти крепости являлись опорными пунктами для феодальных владык, создавали возможность командовать оросительной системой³¹⁷. Горные замки и равнинные укрепленные поселения имелись в то время и в Аштском районе. В Южной Фергане, в долине р. Ходжа-Бақырган (Лялякский район Киргизской ССР) располагалась богатая феодальная усадьба. В результате раскопок Г. А. Брыкина удалось вскрыть большой комплекс помещений, среди которых есть хозяйственные (например кладовая с 16 хумами для хранения продовольствия) и жилые. В домашней часовне, украшенной настенной росписью, возвышались постаменты. На одном из них находились скульптурные алебастровые идолы — изображения людей, выполненные в специфической манере. Здесь же найдены три курильницы. Г. А. Брыкина выдвинула весьма убедительную, на наш взгляд, гипотезу, что здесь совершалось поклонение семейно-родовым предкам³¹⁸.

Наряду с оседлым населением, в Ферганской долине было значительное полукочевое и кочевое население. С этим населением, в частности, и связаны погребальные памятники, расположенные в Кураминском хребте, в той части, что носит название Карамазарские горы (север Ленинабадской области). Здесь от поселка Курук-сай до Ашта и Пангаза имеется множество могильников, состоящих из наземных каменных сооружений, которые местное население называет курумы (что означает

³¹⁶ Давидович Е. А., 1958.

³¹⁷ Давидович Е. А. и Литвинский Б. А., 1955, стр. 144—147, 165—174.

³¹⁸ Брыкина Г. А., 1971 а; 1971 б.

«скопление камней») или мугхона («дома мугов»). При археологическом исследовании выявлено, что эти сооружения действительно имеют внутри камеру, в которую порой ведет вход. Однако эта камера не является жилой; в ней лежат один или несколько скелетов и погребальный инвентарь — посуда, оружие, украшения и т. д. В одном сооружении был также захоронен конь. Сделаны находки стремян — центральноазиатского изобретения, проникшего в Среднюю Азию в V—VI вв.³¹⁹

Некоторые из погребений, в том числе в мугхона, могут быть связаны с тюрками — не случайно на происходящем из мугхона бронзовом перстне имеется надпись, состоящая из четырех знаков древнетюркской рунической письменности — имени владельца³²⁰. Находок памятников среднетюркской рунической письменности в Фергане сейчас уже немало³²¹. Число их увеличивается. Имеются они и в таджикостанской части Ферганы, а именно в Карамазарских горах и в Исфаринской долине. Памятники рунической письменности, тюркские погребения вместе с сообщениями письменных источников свидетельствуют о большой роли тюрков не только в политической, но и в этнической истории Ферганы эпохи раннего средневековья. Не в меньшей, а, по-видимому, в большей степени это относится к соседней области Чача и тем более к Семиречью. На истории этих областей, как и Хорезма и Южного Туркменистана, на имеющихся там интереснейших памятниках мы, к сожалению, не имеем возможности останавливаться.

5. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ. СТАНОВЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Письменные источники содержат не так много реальных сведений о социально-экономическом строе раннесредневековой Средней Азии, чтобы можно было подробно рассмотреть, причем в динамике, социально-экономический строй Средней Азии V—VIII вв. Еще недавно историки были вынуждены ограничиваться извлечением скудных известий, буквально крох, из более поздних арабско-персидских источников. Даже в соответствующей весьма обстоятельной и глубокой главе II тома «Истории таджикского народа» (М., 1964) в части письменных источников имеется лишь изложение арабско-персидской традиции. Не останавливаясь на ней подробно, сосредоточим свое внимание на том, что дают синхронные эпохе согдийские документы с горы

³¹⁹ О мугхона (курумах) см.: Воронец М. Э., 1957; Спришевский В. И., 1956; Литвинский Б. А., 1959 и др.

³²⁰ Кляшторный С. Г., 1959.

³²¹ Заднепровский Ю. А., 1967.

Муг и другие согдоязычные, а также отчасти хорезмийские документы.

В одном из мугских документов, рассказывающем о событиях в Куче, все общество — народ (p'β p'βw) представляется состоящим из трех слоев: знать (''ztk'r), купцы (yw' kgy) и «работники» (k'guk'r), т. е. крестьяне и ремесленники. Кроме того, имелись рабы нескольких категорий. И. Гершевич и В. А. Лившиц на основании анализа терминологии мугских документов предполагают наличие в Согде VII — начала VIII в. нескольких категорий рабов и зависимых людей. Здесь и просто рабы (βntk и δ'yh), и рабы-заложники (pr'k), и рабы-военнопленные (wp''k'), и, наконец, «отдавшийся под покровительство» (yυrd). При этом домовладыка мог продать в рабство члена своей семьи³²². В хорезмийских надписях на оссуариях из Ток-калы отмечен термин *хунаник* (раб)³²³. В арабских источниках периода завоевания Средней Азии содержатся прямые указания, что в Согде в начале VIII в. имелись большие массы рабов³²⁴.

И все же не рабы, а разные категории городских и сельских работников составляли основную производительную силу. Крестьяне, посылаемые для выполнения своих работ, называются в документах p'β или mrgymkt («люди»). Кроме того, существует наименование 'rkr'kt, что может означать, как доказывают лингвисты, «работающий по принуждению». Существовала и категория mrg'z, куда включались работники, выполняющие свои обязанности за плату³²⁵. Среди земледельцев различались киштичкары (kst'ckr'k) и кишаварзы (ks'wrzy mry, kswrz'k), что, по И. Гершевичу, означает «земледельцы» (соответственно *farmer* и *ploughman*). Крестьяне-земледельцы носили название *кадиверы*. Большую роль играла сельская (агнатическая?) община, которая в документах обозначается p'β (этим термином также обозначались «народ» и «страна»).

В состав господствующего класса (*азаты* — «свободные», «благородные», «знать») входили *дихканы*³²⁶. В раннем (отчасти в развитом) средневековье *дихкан* — это крупный землевладелец, владеющий целой областью (например, Бухарой или Чачем), районом или крупной местностью. В источниках они называются соответственно «великими *дихканами*» и просто *дихканами*. Такого рода *дихканы* обладали большой властью прежде всего потому, что в их распоряжении имелись большие военные дружины, члены которых назывались *чакиры* (*шаки-*

³²² Лившиц В. А., 1962 б, стр. 34—37.

³²³ Гудкова А. В., Лившиц В. А., 1967, стр. 14.

³²⁴ Об этих материалах см.: Смирнова О. И., 1957; 1960.

³²⁵ Об этих терминах см. также: Боголюбов М. Н., Смирнова О. И., 1963, стр. 9.

³²⁶ Слово это пережило длительную эволюцию. В настоящее время в таджикском языке *дехканин* (*дехкон*) — это крестьянин-земледелец.

ры). Сюань-цзан говорит о Самарканде: «Их армия могущественна; она в большей части состоит из чжэ-гэ (чакиров). Природа людей чжэ-гэ свирепа и отважна. Они рассматривают смерть, как возвращение домой. Когда они атакуют, никакой враг не может противостоять им». Другой источник, описывая Ань (Бухару), сообщает о чжэ-гэ как о «смелых и мужественных людях»³²⁷.

Довольно много упоминаний о чакирах в арабско-персидских источниках. Суммируя все эти данные³²⁸, можно прийти к заключению, что правители и дикканы имели большие дружины, члены которых рекрутировались из свободных и носили названия чакир. Чакиры были профессиональными воинами, и именно они составляли ядро войска. Число чакиров у крупных правителей превышало несколько тысяч.

И из мугских документов, и из сообщений арабских источников вытекает наличие сложной иерархии в составе господствующего класса и отношений вассалитета. Высшую ступень в этой иерархии занимает *ихшид*. Уже в «старых согдийских письмах» (начало IV в.) упоминается *ихшид* селения Тamarхуша (в долине Исфары, известно и в IX—X вв.). В мугских документах термин «*ихшид*» передается идеограммой MLK' («царь»). Арабо-персоязычные средневековые авторы не без основания раскрывали значение этого термина как «царь царей»; реальное его значение в раннесредневековой Средней Азии соответствовало «верховному правителю».

Наршахи донес до нас сведения о том, что дикканы одевались в особую одежду и носили золотой пояс (это полностью подтверждают иконографические материалы не только из Согда, но и из Тохаристана). Он же пишет о том, что бухарская царица, правившая (точнее, бывшая регентшей) в период, предшествующий арабскому нашествию, обычно ежедневно выезжала из цитадели Бухары и, воссев на трон, занималась государственными делами: отдавала распоряжения, в том числе о наградах и наказаниях. Каждый день двести молодых дикканов являлись к ней для оказания почестей; они стояли в два ряда, а с заходом солнца возвращались обратно в свои селения. На следующий день на смену им к царице являлись другие дикканы. Это оказание почестей рассматривалось как служба, причем каждой группе приходилось являться на нее четыре раза в год³²⁹.

Благодаря мугским документам мы имеем некоторое представление об административной системе Согда.

³²⁷ *Beal S.*, 1906; *Pulleyblank E. G.*, 1952, p. 348—349.

³²⁸ *Мандельштам А. М.*, 1954.

³²⁹ Русский перевод: *Наршахи*, 1897, стр. 15—16. Простой подсчет показывает, что число обязанных являться на службу превышало 18 тыс., но, возможно, здесь есть элемент преувеличения.

В состав центральной администрации крупных среднеазиатских владений входили *тудун* — один из высших чинов, возможно начальник гражданской администрации, а также *тархан*. Одним из высших чинов был еще *p'tz'ryuw*, *p'tz'ry'uw* («ближний», «помощник»). Важную роль играл *br'yrpt* — *дапирпат* («главный писец», «начальник канцелярии»). (Управляющий дворцовым хозяйством — *фрамандар*, ведал поступлениями и расходом сельскохозяйственных и ремесленных продуктов и военного снаряжения; отдавал распоряжение о выдаче тех или иных предметов, составлял реестры и ведомости. В служебной иерархии он занимал очень высокое положение, подчиненные (а у него были специальные уполномоченные) величали его почти как правителя, обращаясь к нему как к «господину, государю, великому оплоту, фрамандару». Специальные функции выполнял «главный виночерпий», «главный лекарь», «начальник конюшни», «начальник парка». Существовала должность палача (документ А-5). Какие-то полицейские функции выполнял чиновник, обозначенный в документе В-4 термином *'wgnuk'tn*. Имелись сборщики налогов. Большое значение имело управление войском. В мугских документах упоминается «военачальник» (*s'ykn*).

Наряду с центральной, существовала и местная администрация. Она состояла из правителей селений и прилегающей округи (они именуются «государями»), из «сельского старосты», «арспана» и «главы»³³⁰.

Основная роль всей этой разветвленной административной системы состояла в выколачивании из трудового люда налогов, податей, повинностей. «Аппарат принуждения» раннесредневекового Согда работал как хорошо отрегулированный часовой механизм. Все поступления и перемещения материальных ценностей самым тщательным образом регистрировались, составлялись ведомости, реестры, расписки, все документы переписывались (часто в двух экземплярах), подписывались, к ним прилагались печати.

Существовали учреждения, осуществлявшие функции управления. Источники сообщают: «При определении наказания берут уложение, хранимое в храме, и решают дело»³³¹. В «брачном контракте», найденном на горе Муг, зафиксировано, что брачный договор был совершен в «месте законоположений», называется имя его «главы», возможно религиозного³³².

Нищете угнетенных классов противостояло богатство и роскошь аристократии. Классическим примером является рассказ Наршахи о бухар-худате, вернувшемся на родину после восста-

³³⁰ Лившиц В. А., 1962 б, стр. 62, 69, 134—135, 164, 176—178.

³³¹ Бичурин, II, стр. 281.

³³² Лившиц В. А., 1962 б, стр. 24, 26, 38—39.

ния Абруя: в руках этого бухар-худата были сосредоточены несметные богатства. Можно привести и другой пример: некий согдиец Махйан арендовал у Деваштича «3 мельницы со всеми каналами, строения и жернова». Арендатор должен был вносить в качестве арендной платы за год 460 кафчей, т. е. свыше 3,5 т муки³³³.

Археологические материалы (они отчасти приводились в предшествующих разделах) ясно свидетельствуют о наличии глубокой социальной и имущественной дифференциации. Внутри городов мы видим прекрасно отделанные просторные жилища знати, парадные дворцы правителей и рядом лачуги рядовых горожан.

Быт знати с его безграничной роскошью ярко отражен в памятниках искусства. Беззаботно пирующие аристократы, оставляющие мягкую лежанку или тахт лишь для того, чтобы схватиться в рыцарском поединке с такими же противниками, — и как фон этого безрадостные фигуры приниженных слуг.

Исследования Беркуткалинского оазиса в Хорезме, проведенные С. П. Толстовым и его сотрудниками Е. Е. Неразик и Б. В. Андриановым³³⁴, дали чрезвычайно важный материал для характеристики сельской жизни той эпохи. Благодаря специфическим условиям, памятники Беркуткалинского оазиса прекрасно сохранились до наших дней, причем не отдельные памятники, а вся система поселений и ирригационных сооружений. Оазис вытянут узкой полосой (длина — около 40 км, ширина — около 4—5 км) вдоль большого магистрального канала.

На расстоянии 200—300 м друг от друга расположились укрепленные усадьбы — основной тип сельских поселений раннесредневекового Беркуткалинского оазиса. В усадьбах имелись большие дома-массивы, иногда концентрировавшиеся вокруг дворика. Кроме того, имелись сильно укрепленные замки. Все поселения объединялись в 8—13 групп, причем внутри каждой имелся главенствующий над этой группой замок. Усадьбы довольно резко отличались по величине, лишь $\frac{1}{3}$ их были крупными, остальные — значительно более мелкими. Об имущественной (и социальной) дифференциации сельских общин косвенно свидетельствует и различие в площади возделывавшихся земель, которое в отдельных случаях удалось установить. Очень характерно также, что ряд замков был построен именно в это время. У подножья крупнейшего замка — Беркут-калы — возник даже небольшой городок, один из центров ремесленного производства оазиса. Процесс концентрации усадеб в группы протекал наиболее интенсивно в центральной части оазиса. В

³³³ Лившиц В. А., 1962 б, стр. 57, 60.

³³⁴ Толстов С. П., 1948; Неразик Е. Е., 1966; Андрианов Б. В., 1969.

VII—VIII вв. возникли замки, вокруг и вблизи них усадьбы, а старые центры пришли в упадок.

С. П. Толстов высказал идею, что топография Беркуткалинского оазиса отражает становление феодальных отношений. Эта идея была подтверждена и конкретизирована в процессе дальнейших археологических работ Е. Е. Неразик. По-видимому, на территории оазиса располагались несколько крупных сельских общин, включавших 7—8 тыс. человек. В усадьбах проживали агнатические группы разного размера — большие семьи, владевшие общим имуществом и выступавшие в качестве единого коллектива как в производственной, так и в общественной жизни, и обособленные малые семьи, вероятно игравшие менее существенную роль.

Судя по отдельным наблюдениям, такая же картина имела место и в других районах Средней Азии. Замки — резиденции дикханов — строго закономерно строились в головах оросительных систем, тем самым владельцы этих замков получали возможность распоряжаться водой, что в среднеазиатских условиях было равносильно праву распоряжаться жизнью и смертью сельского населения.

В нашей исторической литературе 40—50-х годов господствовало мнение, выдвинутое С. П. Толстовым, что в раннем средневековье городская жизнь приходит в упадок. Эта точка зрения сейчас пришла в полное противоречие с фактами. Даже приведенный в этой книге выборочный материал свидетельствует о значительном развитии городов и городской жизни. Города являются центрами ремесла и торговли (в Пенджикенте это очень наглядно прослежено при раскопках), высокоразвитой культуры. Для сельского ландшафта становятся характерными замки, которые иногда располагаются вплотную к городам. В этих замках, как и в шахристанах и цитаделях городов, обитали аристократы, та знать, о которой сообщают и письменные источники. Структура города и обилие замков, характер искусства и традиции «рыцарской жизни», наличие дружин у крупных аристократов, политическая раздробленность и признаки вассалитета — все это может свидетельствовать о глубочайших переменах в социально-экономической жизни. На смену рабовладельческой формации приходит другая — феодальная. В V—VIII вв. ее институты выступают еще в начальной, во многом незрелой форме, о многих из них мы можем лишь догадываться по косвенным данным, но все это не меняет основной сущности явления — оседлые области Средней Азии в V—VIII вв. вступают на путь феодального развития.

В тех исторических условиях возникновение феодального общества явилось важным прогрессивным явлением. Возникновение феодализма в Средней Азии (как и в других странах) стало возможно лишь на основе значительного развития про-

изводительных сил, которые уже не соответствовали рамкам рабовладельческой формации. Возникшая феодальная формация в Средней Азии характеризовалась многими существенными изменениями в жизни общества. Хотя деревня продолжает занимать доминирующее положение, уже на ранних этапах среднеазиатского феодализма развиваются феодальные города — важные очаги исторического прогресса. Все это развитие протекало в обстановке бурной классовой борьбы, восстаний угнетенных (вспомним, например, движение Абура). Ф. Энгельс писал о государстве: «Главной целью этой организации всегда было обеспечивать при помощи вооруженной силы экономическое угнетение трудящегося большинства особо привилегированным меньшинством»³³⁶. Эта замечательная характеристика полностью относится и к раннесредневековой Средней Азии.

---

³³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 359.